

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ
О ЯЗЫКЕ

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ
О ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЛЯ ДЕТЕЙ»

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В составлении книги принимали участие: *А. В. Лесницкий* (М. Ломоносов, В. Тредиаковский, А. Сумароков, Г. Державин, Н. Новиков, Д. Фонвизин, И. Крылов, Н. Карамзин, А. Радищев); *А. М. Докусов* (А. Грибоедов, В. Кюхельбекер, А. Бестужев-Марлинский, А. Пушкин, Н. Гоголь, И. Тургенев); *М. Л. Семанова* (В. Белинский, Н. Чернышевский, А. Чехов); *Г. Н. Ищик* (Н. Добролюбов); *О. В. Ломан* (Д. Писарев, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин); *В. К. Зажурило* (А. Герцен, И. Гончаров, А. Островский, Л. Толстой); *В. И. Каминский* (В. Короленко); *К. Д. Муратова* (М. Горький); *Т. Т. Веселовский* (А. Толстой) и *А. Н. Шишкина* (В. Маяковский, Д. Фурманов, Н. Островский, А. Фадеев, К. Федин).

Составители настоящего сборника имели перед собой цель: дать в руки учителя средней школы свод высказываний о языке передовых русских писателей и критиков XVIII, XIX веков и писателей советской эпохи.¹

Наши прогрессивные писатели и критики внесли ценнейший вклад в понимание языка как общественного явления, в познание особенностей и основных закономерностей его развития. Их суждения о родном (русском) языке, о его природе и развитии заслуживают самого пристального внимания и изучения.

Круг языковых проблем, затронутых в приводимых материалах, очень богат и многообразен. Так, учитель найдет здесь многочисленные высказывания по общим вопросам языка: о языке как средстве общения и орудии борьбы, об общенародном характере языка, об отношении классов к языку и влиянии их на язык, о судьбе языка при скрещивании с другим в ходе истории, о неразрывной связи языка и мышления, о значении грамматики и т. д. Перечисленный круг вопросов встает перед учителем в процессе его занятий русским языком с учащимися старших классов, встает он и в ходе изучения историко-литературного курса. В своих беседах с классом по этим вопросам учитель сможет привлечь целый ряд высказываний писателей — от Ломоносова до Горького.

Так, например, высказывания В. Г. Белинского о том, что «создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в системы, а писатели только творят на немсообразно с сими законами», или слова М. Горького о том, что в языке «сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека» — мысль, повторяющаяся Горьким неоднократно, — несомненно, помогут учителю сделать беседу по данному вопросу в высшей степени содержательной.

У Горького же учитель найдет великолепный материал для иллюстрации положений о медленном, постепенном ходе развития

---

* В сборнике приводятся только основные, прямые высказывания писателей и не дается мемуарный материал.

языка, о литературном языке как языке общенародном, «обработанным мастерами», а также о влиянии классов на язык, о засорении языка в прошлом господствовавшими классами. Говоря о порче языка паразитическими классами, Горький пишет в статье «О языке»: «В поволжских городах засорение языка дрянными выдумками было одной из любимых забав гостинодворских купцов...»

Сталкиваясь в ходе исторического развития с другими языками, русский язык всегда оказывался победителем. Проводя эту мысль в беседах с учащимися, учитель обратится к словам Пушкина: «Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблями и пожарами, но собственным обилием и превосходством». Не трудно убедиться, что эти слова как бы подтверждают известное положение марксистского языкознания о том, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает».*

Уясняя с учащимися вопросы грамматики, организующей словарный фонд языка и его грамматический строй, учитель найдет интереснейшие высказывания по данному вопросу у многих писателей и критиков, начиная с Ломоносова. Воспитывая интерес к грамматике и понимание ее роли, учитель процитирует Ломоносова: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики...»

О значении грамматики свидетельствуют многочисленные высказывания Пушкина, Белинского, Чернышевского.

По вопросу о связи языка и мышления богатый материал дают высказывания Белинского, Герцена, Некрасова, Горького. «Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно и слово», писал Белинский в обзоре русской литературы за 1840 год. «...нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого...», говорил Некрасов.

Мы не приводим примеров высказываний наших писателей и критиков по всем вопросам, перечисленным выше, однако, просматривая сборник, учитель буквально по каждому из этих вопросов найдет материал, помогающий ему сделать содержательной и интересной свою беседу с учащимися.

На протяжении курса истории литературы учащиеся получают представление об основных этапах развития русского литературного языка. Анализируя текст «Слова о полку Игореве», учащиеся не только вникают в язык «Слова» с точки зрения его

---

* И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 29—30.

идейно-эстетической функции, но и знакомятся с общим характером русского литературного языка XII века, причем опять-таки можно подчеркнуть медленный, постепенный ход развития языка, о чем говорил еще М. В. Ломоносов. Он утверждал, что «русский язык от владения Владимира до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было».

В истории национальной культуры все большую роль для развития литературного языка начинает играть художественная литература. Реформа Ломоносова, его учение о трех штилях явились важнейшим этапом в истории русского литературного языка. Целый ряд отрывков из трудов Ломоносова, помещенных в сборнике, поможет учителю построить беседу о роли великого русского ученого и поэта в развитии русского литературного языка. А подборка высказываний Пушкина по вопросам языка явится незаменимым пособием для интересной разработки важной темы: Пушкин — создатель современного русского литературного языка. Развивая названную тему, учитель по необходимости коснется вопросов борьбы Пушкина против «шишковистов» и против «карамзинистов» за создание литературного языка, основанного на богатстве языка общенародного, за слияние книжного и народного языка. Нет необходимости здесь приводить интересные высказывания декабристов, Пушкина и — далее Белинского и Чернышевского по данному вопросу. Учитель найдет их в соответствующих разделах сборника.

В сборнике широко представлены материалы, из которых видно, какую борьбу вели писатели и критики за создание и развитие точной, ясной, литературной речи, за уничтожение противоречий между книжным языком и языком живого общения, призывая к наиболее полному использованию богатств общенародного языка при условии бережного отношения к основным структурным особенностям его, как резко и непримиримо они выступали против бессодержательной, внешне «красивой» фразы, «жаргонности», неоправданного и тем самым ненужного, вредного употребления иностранных слов («языкового чужебесия») и как они в то же время решительно высказывались за новаторство, за словотворчество, оправданное природой родного языка. Умело обращаясь к этим материалам, учитель создаст у учащихся верное представление о том, что борьба по коренным проблемам языка была борьбой передовых писателей за национальную демократическую культуру.

Обращаясь в курсе X класса к произведениям советских писателей — наших современников, работая, например, над романом А. Фадеева «Молодая гвардия», учитель снова найдет время и возможности осветить вопросы исторического развития русского литературного языка и докажет, что язык советской литературы — это язык Пушкина, бесконечно богатый, ясный и чистый, обогащенный всем ходом истории русской культуры. Ряд

приводимых высказываний покажет учащимся, что передовые писатели в своей деятельности именно так понимают вопросы развития литературного языка в наше время. А. Фадеев писал: «Естественно, что революция колоссально обогатила язык. Было бы непозволительно писателю отвергнуть это огромное богатство, не стремиться вводить его в литературу. Но при этом необходимо печься о том, чтобы не засорять язык ненужными словообразованиями, терминами, диалектизмами, словами, которые имеют лишь временное значение. Обогащая словарный фонд, необходимо беречь основу русской речи, не нарушать ее грамматического строя».

С вопросами истории развития русского литературного языка тесно связана проблема отношения писателя к слову. В специальных разделах приводятся высказывания о работе писателя над языком художественных произведений, из которых видно их восторженное отношение к родному языку, как материалу словесности, постоянное подчеркивание ими неисчерпаемых возможностей и многообразия выразительных средств родного языка, исключительного его богатства. Отсюда настойчивое требование писателей и критиков учиться языку у народа, изучать народное творчество, так как оно раскрывает богатство русской речи, дает точное ощущение красоты и образности слов народа-языкотворца, служит источником расширения словарного запаса. И тут же одновременно указание: обязательно изучать, осваивать живую речь, гибкую и подвижную, ибо в ней, в живом словаре современности, ощущаются изменения и отклонения в языке.

Характеристика патриотизма Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького и других была бы неполной, если бы учитель не включил в нее высказываний, свидетельствующих о любви писателей к родному языку.

Материал сборника несомненно поможет привить любовь к нашему великому, могучему и прекрасному языку и тем самым явится хорошим средством патриотического воспитания советского юношества.

Изучая жизнь и творчество наших великих художников слова, знакомясь с отношением того или другого из них к языку, учащиеся увидят, что огромное чувство ответственности в работе над словом, серьезное и бережное обращение с ним — неперемное качество всех замечательных русских писателей.

Характеристика работы писателя как напряженного творческого труда, в который вложено много сил, энергии, а, главное, любви к своему делу, будет недостаточной, если обойти в ней свидетельства самих писателей и их современников о том, как работал писатель над словом.

В сборнике учитель найдет богатейшие материалы для того, чтобы, включив высказывания писателей по этому вопросу, воссоздать образ писателя полным и живым.

Примеры же бережного, вдумчивого, чуткого отношения лучших наших писателей и критиков к общенародному языку, их неустанное стремление овладеть «тайнами» живого слова, терпеливые и упорные поиски все новых смысловых оттенков в слове, примеры, как они, совершенствуя язык своих произведений, находили новые слова и выражения, оправданные духом языка народа, научат ценить и уважать слово, дадут почувствовать его красоту, богатство, силу, выразительность, энергию, нежность и гибкость. Все это несомненно будет способствовать выработке четкого представления о нормах литературной речи, повышению взыскательности и требовательности ученика к своей собственной речи, желанию в совершенстве овладеть родным языком.

Использование в беседах с классом высказываний ряда писателей даст верное понимание того, что не только непосредственно — любовное, ответственное отношение писателя к слову, но — у наиболее крупных представителей нашей литературы — и глубоко продуманная «языковая позиция» писателя (если можно так выразиться) проявляется в его высказываниях по вопросам языка и реализуется в его творческой деятельности. В этом отношении особенно ярким примером является подборка текстов из Пушкина. Здесь учитель обратится к совету величайшего представителя русской национальной культуры «вслушиваться в просторечие», и в то же время к словам о том, что язык художественного произведения не может быть «совершенно подобным разговорному». Учитель приведет и его высказывания против «жеманства и утонченности», портящих русский язык. Пушкин понимал, что значение работы над языком выходит далеко за пределы собственно-литературной деятельности. «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Центральное место в работе по литературе в классе занимает анализ художественного произведения. В нем следует значительную часть времени отводить наблюдениям над языком произведения. Материалы сборника и здесь окажут большую помощь учителю. Анализируя язык произведения, надо использовать не только высказывания самого автора данного произведения, но и оценку языка и стиля отдельных писателей другими писателями и критиками. В этих оценках, как и в суждениях по общим вопросам стилистики, учитель увидит отражение идейно-эстетической борьбы различных литературных направлений, почувствует и индивидуальную стилистическую манеру писателя или критика, которому принадлежит то или иное высказывание.

В работе над анализом языка художественных произведений важно пробудить и развить у учащихся способность чувствовать и понимать индивидуальную стилистическую манеру письма великих наших писателей, тот слог писателя, о котором говорил Белинский, что «...Слог это — сам талант, сама мысль... в слог»

весь человек, слог всегда оригинален, как личность, как характер. ...у всякого великого писателя свой слог». Чернышевский так же писал о слоге, как о «особенной манере каждого писателя».

Занимаясь, например, комментированным чтением глав «Евгения Онегина», раскрывая перед учащимися богатство и красоту языка романа, учитель сможет показать, как в нем проявляется принципиальная позиция Пушкина в вопросах языковой политики, выраженная им в ряде приведенных в сборнике высказываний. Отмечая в языке романа влияние языка устного народного творчества, учитель приведет известное возражение великого поэта критикам по поводу включения им в роман народного просторечия («людская молвь и конский топ»). Вместе с этим, учитель, характеризуя язык романа, как наиболее полное и многостороннее выражение языка Пушкина в целом, обратится для подтверждения своих положений к высказываниям Белинского, Чернышевского и Горького о языке Пушкина. Анализируя роман Гончарова «Обломов», учитель не только покажет, что в работе Гончарова над произведением отразилось его понимание языка как «великого дела», которое всего «ближе» ему «к сердцу», но и процитирует приведенную в сборнике выдержку из «Взгляда на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинского, где великий критик пишет о Гончарове: «К особенным его достоинствам принадлежит между прочим язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся».

Словом, можно сказать, что в работе над каждым почти из замечательных произведений нашей литературы, при анализе его языка учитель использует нужный и интересный материал высказываний писателей и критиков. Особое место здесь, естественно, займут отрывки из статей великих критиков — революционных демократов. В приведенных в систему высказываниях Белинского учитель найдет оценку языка Ломоносова, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, Крылова, Лермонтова, Гоголя, Гончарова. Высказывания Чернышевского помогут учителю в характеристике языка Пушкина, Гоголя и Некрасова. Добролюбов дал блестящую оценку языка пьес Островского и романов Гончарова. При характеристике языка Л. Н. Толстого и А. П. Чехова учитель обратится к высказываниям А. М. Горького.

Часто в определении роли и значения писателя в истории развития нашего литературного языка учитель может прямо опереться на данные суждения.

В курсе литературы VIII—X классов учащиеся имеют дело с самыми разнообразными литературными жанрами. Весьма показательны и во многом поучительны приводимые в сборнике высказывания, например, Чехова и Горького о языке драмы, языке персонажа.

Многие высказывания писателей и критиков, приведенные в сборнике, выходят за пределы вопросов языка. Это и понятно.

Выше отмечалось, что в реальной практике художественного творчества невозможно изолировать вопросы языка от вопросов композиции и содержания произведения. В частности, вопросы языка стихотворных произведений сливаются в высказываниях писателей и критиков с соображениями, касающимися вопросов стихосложения, стихотворных размеров, рифмы и т. д. Эта часть материалов сборника поможет учителю разъяснить учащимся систему стиха Ломоносова, Пушкина, Некрасова. Так, говоря о введении силлабо-тонического стихосложения в русский стих, учитель использует ряд высказываний Ломоносова из его «Письма о правилах российского стихотворства» и отрывок из работы Радищева «О разных стихах, российскому языку свойственных». Интереснейшие соображения о естественности для русского стихосложения трехсложных стоп найдет учитель в приведенных в сборнике отрывках из статьи Чернышевского «О необходимости соответствия системы стихосложения особенностям национального языка». Чернышевский высказывает «некоторые сомнения относительно удобства для русского языка... системы версификации, господствующей еще со времени Ломоносова», и, замечая, что «трехсложные стопы (дактиль, амфибрахий, анапест) и гораздо благозвучнее и допускают большее многообразие размеров», указывает на «одного из современных русских поэтов», у которого «трехсложные стопы очевидно пользуются предпочтительной любовью перед ямбом и хореем». Исследование Чернышевским этого вопроса поможет учителю при характеристике стиха Некрасова.

Известно, что в ряде случаев даже самым замечательным представителям передовой культуры прошлого, а иногда нашим советским писателям были свойственны не только противоречивые суждения, но и те или иные ошибки. Материалы сборника не обходят их. Так среди высказываний В. Г. Белинского находятся и такие, в которых проявляется еще непреодоленный великим критиком в начале своей деятельности идеалистический подход к явлениям языка. Среди высказываний А. Н. Толстого есть мысли, отражающие ошибочные представления о характере развития русского литературного языка (см. например, высказывания о языке древнерусской литературы и литературы XVIII века, в котором господствовал будто бы исключительно церковнославянский язык). Есть ошибочные утверждения и у В. В. Маяковского (например, его слова о будто бы господствующей в русской литературе привычке писать языком, выдуманным интеллигенцией). Комментарий, сопровождающий текст, поможет разобраться в этих ошибках и понять их причины.

Но отдельные ошибочные высказывания не разрушают общей картины. Когда просматриваешь в хронологическом порядке материалы сборника (отступления от хронологического принципа сделаны лишь в отдельных случаях, когда следование хронологии

сильно нарушило бы логическое развитие темы), то с необычайной четкостью, выпукло и ясно проявляется на конкретных примерах общее положение: история передовой русской литературы в прошлом и история молодой еще советской литературы есть история постоянной, неухающей борьбы деятелей демократической национальной культуры за создание и развитие великого, богатого, ясного, точного и прекрасного русского языка.

Нельзя переоценить, насколько понимание этого, обогащенное знанием конкретных фактов, поднимет уровень подлинно научной подготовки учителя. А теоретическая подготовка учителя — одно из основных условий, обеспечивающих высокую культуру и подлинную научность преподавания.

А. Докусов, К. Лахостский.

РАЗДЕЛ
ПЕРВЫЙ

М. В. Ломоносов

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянным народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля, и другие нужные, союзных сил требующие дела производить, как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу? Того ради всевышняя премудрость к дарованию разума присовокупила человеку и слова дарование, в котором остроумные люди уже в древние времена приметили, что оное искусством увеличено и тем с вяшшею пользою употреблено быть может, и для того многое старание и неусыпные труды полагали, чтобы слово свое учением возвысить и украсить, в чем они великие успехи имели и в обществе показывали знатные услуги. В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова, а особливо в судебных делах, каково было у древних греков и римлян, однако в предложении божия слова, в исправлении нравов человеческого, в описании славных дел великих героев и во многих политических поведениях коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают.

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 91—92. **

По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой-

---

* М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952. Кроме особо оговариваемых случаев, все ссылки по этому изданию.

либо махины приготовленные части лежат особливо, и некоторая определено себе действия другой взаимно не сообщает, тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням.

§ 2

Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было чрез разныя движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют, однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо дела рук наших, великим были бы помешательством такому разговору; не упоминаю других непристойностей.¹

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 394—395.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 92.*

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому рисовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Силь-

ное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на русском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, на языке нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море.²

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 391—392.

Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

1756. О нынешнем состоянии словесных наук в России. Соч., т. VII, стр. 582.

Русское бы слово от природы богатое, сильное, здоровое, прекрасное, ныне еще во младенчестве своего возраста, добродетелей твоих изображением растущее и укрепляющееся, превзошло б достоинство всех других языков.

1760. Слово благодарственное имп. Елизавете Петровне. Соч., т. V, стр. 95.*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗМЕНЯЕМОСТЬ ЯЗЫКА

Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оного, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Белоозера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч. А чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского,

---

* М. В. Ломоносов. Сочинения под редакцией акад. М. И. Сухомлинова. СПб, 1896.

ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленны оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождества христового.³

1750. *Замечания на диссертацию Миллера.*
Соч., т. VI, стр. 28—29.

Представим долготу времени, которою сии языки разделились... Так-то не вдруг переменяются языки! Так-то не постоянно! Так-то пропали еврейской, аларбейской, еллинской, латинской и прочие! Счастливы те, которые память по себе в книгах оставили. Польской и российской язык коль давно разделились! Подумай же когда курляндской! Подумай же когда латинской, греч. нем. росси. О глубокая древность! <...> Представим долготу времени, которою сии языки разделились...

1757. *Материалы к Российской грамматике.*
Соч., т. VII, стр. 658—659.

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова, коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители<...> Нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно:

< . . . . . >
Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности; так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю.*

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обетшальные отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых. Сим штилем составлять должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речение третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями,

в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплемненными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимира до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует: <...> старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским ствратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка; подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится <...>

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оногo без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. ⁴

1757. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Соч., т. VII, стр. 587—591.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

<...> хотя природное знание языка много может; однако грамматика показывает путь доброй натуре.

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 436.

<...> общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению.

Там же, стр. 420.

Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от всеобщего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она <...> привлекла российское юношество к своему наставлению, <...> да возрастет и российского слова исправность в богатстве, красоте и силе...

Там же, стр. 392—393.

О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА

§ 40

Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются именами, напр.: *небо, ветрѣ, очи*; изображения деяний — глаголы, напр.: *синеет, веет, видят*. Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости **знаменательные части слова** названы быть могут.

§ 41

Сии знаменательные части слова должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли. К сему служат особливые части, знаменующие первых друг к другу принадлежность, и называются **предлоги и союзы**. Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно...

§ 42

Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их общению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного

речения. Оные способы суть части слова знаменательные, кратко заключающие в себе несколько идей разных, и называются местоимение, наречие, междуиметие. Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междуиметие представляет движение духа человеческого кратко...

§ 43

Обращения мыслей человеческих, для которых взаимного сообщения служит слово, произвели в нем разные преношения, из которых главнейшее есть сие, что вещи в виде деяний и деяния в виде вещей представляются; и потому от имен глаголы, от глаголов имена происходят: *золочу от золота, ручаюсь от руки*; напротив того, *терпение от терплю, клятва от клянү, прохожий от прохожу*. Первые называем глаголами отыменными, другия именами отглагольными.

§ 44

К последним принадлежат причастия, обще за особливую часть слова почитаемые: *бьющий, битый, бывший и прочие*. Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу; *приведенный*, вместо *которого привели*. Они в переменах причастны имени: *приведенный, приведенного* и проч., также и глагола: *бывший, будущий*, потому имеют место не последнее меж прочими частями слова.

§ 45

Из сего всего явствует, что имя и глагол суть части человеческого слова, необходимо нужные в изображении самых наших главных понятий; местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междуиметие в сношении и в сокращении оных служат. Итак, по справедливости первые должно именовать главными, другие служебными частями слова.

§ 46

Посему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именованій; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междуиметие для краткого изъявления движений духа.

§ 48

Все вещи на свете совокупляются в некоторые общества, ради взаимного подобия, которое называется одним именем. Например, *орел, ястреб, лебедь, соловей* и прочие состоят под единым именем *птица*, что знаменует род, а *орел, ястреб, лебедь, соловей* и другие птицы суть виды. Подобным образом *человек* есть род, а *воин, судья, крестьянин* суть виды и различаются на верхние и нижние. Верхние виды могут быть сами родами и заключать в себе низшие виды, например: *судья* в рассуждении человека есть вид, а в рассуждении Якова, Федора, Ивана и прочих имен есть род, ибо судья может быть Иван, Яков, Федор, которые суть виды, и называются именами собственными, а прочие вышние виды и роды: *птица, орел, человек, купец* — суть имена нарицательные.

§ 49

Собрание многих видов вместе часто представляется уму нашему в одном понятии и имеет для того одно нарицательное имя, которое собирательным называется. Таковы суть *полк, сбор, лес, стадо*.

§ 50

Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещи самой быть не могут. Итак, имена, значащие вещь самую называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качества именуются прилагательные: *великой, светлой, быстрая, чистая*.

1755. *Российская грамматика*.⁵ Соч., т. VII, стр. 406—409.

ПРАВОПИСАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

В правописании наблюдать надлежит, 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов; которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений.

1755. *Российская грамматика*. Соч., т. VII, стр. 429—430.

Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее, но от того московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церковным книгам читать

учились, в правописании часто погрешают, пишучи *a* вместо *o*: *хачу* вместо *хочу*, *гавари* вместо *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно.

1755. *Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 430.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшия наша монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердных к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако, не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискуство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей труд купно со следующим о нашей версификации вообще рассуждением вашему предложить искуству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искуство имеющим правила давать, но искренное усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне стихи сочиняя, поступаю.

Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные (правила стихосложения. — *Ред.*) утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен, и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и

свойству славенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *e, o* за короткие, *a i, u* за общие, *и, ъ, ѡ* с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался...

[Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке,
И варварские слова построены нашим размером.
И, поздравь меня, я понравился,
И необразованные геты начали считать меня поэтом.]

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским или болгарским или сарматским языком стихи на латинскую статью писал, то откуда Славенския грамматики автору на ум пришло долготь и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев стопы и, сколько из сего гексаметра

[Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю.]

заклЮчить можно, двоеСложные и троеСложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь что так погрешил, чтобы ему долготь и краткость слогов латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древний оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, в прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры употребляя вместо спондеев для их малости хорей, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно,
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела,
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.

А не так, как Славенския грамматики автор.

Сорматски новораСтные музы стопу первую,
Тшашуюся Парнас во обитель вечно заяти,
Христе царю, прими и, благоволив тебе с отцем.

и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все одноСлбжные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать одноСлбжные союзы и многие во многих случаях предлоги?

Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют; например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Невозможно сердцу, ах! не иметь печали.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог, храм, свят*, иные кратки, например союзы: *же, да, и*, а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море, по году, на волю, по горе*.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, — такую волю дать, чтобы вместо хореев свободно было положить ямба, пиррихия и спандея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последую на рифмы кончающимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут, понеже надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Какое ученое и священное пьянство дает мне
Днесь закон? Чистые пермесские музы...

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрипиче Сатира танцует. Я не могу

довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье, чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю ямбическим, который из одних только ямбов состоит:

Белѣет, будто́ снегъ лицомъ.

Второй — анапестическим, в котором только одни анапесты находятся:

Начертан многократно в бегущихъ волнахъ.

Третий — из ямбов и анапестов смешанным, в котором по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пишу́ себе́ червей хватать.

Четвертый — хорейским, что одни хорей составляют:

Свет мой, знаю, что пылаёт.
Мне моя не служитъ доля.

Пятый — дактилическим, который из единых только дактилей состоит:

Вьётся кругами́ змия по травѣ, обновившись в расцвѣтнѣ.

Шестой — из хореев и дактилей смешанным, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно сто́пу.

Ежели́ бойт́ся, кто́ не́ сталъ бы́ силенъ безмерно́.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорей можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где весьма определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянецъ умножайте.

А здесь вместо хорей:

Солнцева́ сестра забыла́.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимая-нужды или великия скорости: понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитати не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные стихи, к изображению крепких и слабых аффектов скорых и тихих действий быть видятся.

Пример скорого и яркого действия:

Бревна катайте навверх, каменья и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставлю.

Третье: российские стихи красно и свойственно на мужские, женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы, подобные итальянским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одни женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойственен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше откуда пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими: понеже все польские слова, включая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать; без всякия причины самовольну нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только

в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было?

И чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужеских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.⁶

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одни женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипокланяемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбом сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспылчиво хищный восток.
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вид морских возбудителю.
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южный страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Мартилу, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи,
Всплескиваячи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятный запад веет:
Всю землю солнце греет;
В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные о российской версификации мнения нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинит. Не с иными коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить, чего несомненно надеюсь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов

*1739. Письмо о правилах российского стихотворства.
Соч., т. VII, стр. 9—18.*

РОЛЬ ПИСАТЕЛЯ В БОРЬБЕ ЗА ИЗУЧЕНИЕ СЛОВЕСНЫХ НАУК

Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы <...> Легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и, оуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправой путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно.

*1756. О нынешнем состоянии словесных наук в России.
Соч., т. VII, стр. 581—582.*

...в самые древнейшие времена за острыми мыслями авторы, как видно, не так гонялись, как в последовавшие потом и в нынешние веки, ибо ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно впрочем велико и сильно не было. И для того, последуя вкусу нынешнего времени, предлагаем здесь несколько правил о изобретении витиеватых речей, о чем древние учителя красноречия мало упоминают. Но сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италийским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются.⁷

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 205—205.*

§ 164

Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течи-нии слова, в великолепии и силе оногo.

§ 165

Первое зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором — выборание из книг хороших речений, пословий и пословиц, в третьем — старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают <...> Кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольство пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей.

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 236—237.*

О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ
В РУССКИЙ ЯЗЫК

- 1) Иностранные слова пришли к нам с первыми нашими тремя князми, как берлога, и проч.
- 2) С православною греческою верою: поп, панамарь, риза.
- 3) От владения татарского.
- 4) От купечества с пограничными персами, китайцами, англичанами.
- 5) Чрез собщество и частые войны с поляками.
- 6) От введения наук в Российское государство чрез г[осударя] и[мператора] П[етра] В[еликого].
- 7) Сверх того все пограничные россияне имеют много слов от пограничных народов...

С греческого языка имеем мы великое множество слов русских и славенских, которыя для переводу книг сперва за нужду были приняты, а после в такое пришли обыкновение что будто бы они сперва в российском языке родились.

1750 годы, [О переводах] Соч., т. VII, стр. 607, 608—609.

Всякую разность чисел и падежей <...> умеют различать искусные писатели и читатели по сочинению с принадлежащими

к ним речениями; для того не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий, ⁸ каковые в *истинных известиях*, и во многих подобных не без отвращения чувствительны.

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 433.

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Ныне принимать чужих не должно, чтобы не упасть в варварство, как латинскому. Прежде прием чужих полезен, после вреден.

1750 годы. [О переводах] Соч., т. VII, стр. 768.

В. К. Тредиаковский

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Суть в неких умы примрачностей таких,
Что зрится быть всегда за тучею мысль их:
Луч разума сквозь ту не может в век проникнуть.
То прежде, неж писать, вам мыслить долг навикнуть,
Коль будет наша мысль светла, или темна;
Изобразится толь и в чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать, уже удобно,
И сами все слова бегут на то способно.

1752. Наука о стихотворении и поэзии. Соч., т. I, стр. 35—36. *

РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЖИВОЙ РЕЧИ И РОЛЬ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I

Мне употреблению да будет всегда повиновение, сие ж как в мертвых языках, в которых я лучшего века в писателях нахожусь, так и в живых, где я всегда природу их наблюдаю и делаю, что те больше от всех похваляются, которые лучше прочих оную в них знают, и силу ее разумеют.

II

Власть моя над всеми языками есть превеликая, и, так сказать, не имеющая пределов; *ибо я токмо могу говорить, как хочу*, токмо сходно с природою языка; *я в том имею неоспоримое право*; *я токмо и правило*, по которому должно поступать в языке. Чего ради, меня надлежит предпочитать всеконечно всем правилам, от грамматистов положенным, которые уже не согласны со мною

---

* В. К. Тредиаковский. Сочинения, изд. А. Смирдина. СПб. 1849. Все ссылки по этому изданию.

употреблением: ибо не от правил я употребление, но от меня правила в живучих языках. Инако, тщетные б были правила, для того чтоб они то преднаписывали, чего или ни у кого нет на слове, или мне в видимую противность.

IV

Однако, не столько я всеобщим, и с собою согласным, чтоб во мне самых малых, и почитай нечувствительных языку, не было разностей. В таком случае, то я правым почитаю, что с разумом согласно, и им одобрено быть может: ибо я не нечто безрассудное, но разумное. Инако, как бы ни врали незнающий меня, всегда б на меня ссылаться могли с обидою и в предсуждениях мне.

VI

И понеже мужицкий и гражданский язык некоторые также мною одним употреблением неправо называют; то я объявляю, что то токмо употребление, которое у большия и искуснейшие части людей, есть точно мною рожденное; а подлое, которое не токмо меня, но и имени моего не разумеет, есть не употребление, но заблуждение, которому родный отец есть незнание.

1748. Разговор о правописании. ¹ Соч., т. III, стр. 217—221.

О ЛЮБВИ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Навыкновение разным языкам, и особливо так называемым ученым, и тем, кои где в большем ныне употреблении, коль есть нужно и полезно, ведают ведающие и умеющие говорить языками, однако, не желал бы я отнюдь, чтоб кто охотнее тщался о приобретении себя совершеннейшего искусства в чужих языках, нежели в своем природном, и еще с природном, и еще с презрением его. Стыд, срам, и бесчестие Римлянину не уметь по Латински, как то восклицает Римский Сатирик Ювенал! А равным образом сие каждый народ к себе приложить может, применяя Ювеналов Рим на свое Отечество.

*Слово о премудрости, благоразумии и добродетели.
Соч., т. I, стр. 500.*

От разности языков, которых различные народы, каждой между своими, на употребление согласились, сие происходит весьма не бесполезное, как мне кажется, вопрошение, то есть, к какому больше каждой народ должен прилежать языку? К общему ли некоторому, ежели он есть? Или о собственном и природном наилучшее радение потребно ему иметь, и оной всемерно предпочитать всем другим чужестранным языкам? <...>

Чтоб с самого начала мнение мое объявить, определяю, что о природном своем языке, больше нежели о всех прочих, каждому надлежит попечение иметь; но чего ради я так определяю причины, которые у меня наиважнейшими почитаются, здесь рассмотреть охотно потщусь. Из оных самая первая есть: *наичастейшее употребление, и почитай ежечасное*. Ибо куда бы кто, в самом порядочном городе, ни пошел, везде он природной свой язык услышать имеет. Ежели в большой колокол благовестят ему в церковь; в церкви природным его языком как молитвы проливаются, так божие проповедуется слово. Буде, или для должности, или для любопытства, впусится верховного самодержца в палаты; в палате все (выключая иностранных, где их обыкновенно много бывает, или с чужестранными разговаривающих) природным языком и взаимно себе поздравляют, и доброжелание свое объявляют, и друг друга приветствуют, и прочее разговаривают как искренно, так и лицемерно, а сей он язык услышав, и сам для чести не захочет другим говорить. Пускай предстанет в Сенате пред сенаторами: в Сенате также природным языком, и о нужде своей представит, и что они определят, тем же языком написано будет. Пускай войдет в судейскую пред судью; пред судьей равным образом, как дело свое оправданием, или уликою очистит, ежели оно справедливое, так и обвинен будет за оное, буде оно несправедливое, природным языком. Угодно ль ему будет выдти на площадь? На площади природным языком и сам говорить имеет, и от других тех же разговоры поймет. Пускай придет смотреть в праздник комедию; и на театре природным языком баснь представляется. Пускай придет к купцу; с купцом природным же языком за товар его в цене торговаться будет. Что больше? Величавному солдату потакать станет, природным языком; работника наймет, природным языком; приятелей поздравит, природным языком; на слуг закричит, природным языком; детям наставление преподает, природным языком; другую самого себя половину или ласково примолвит, или гневно с нею говорить станет, природным языком.

И так, всем одного и того ж общества должно необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить, и судей умиловать, и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать, и солдатам уступать, и работных людей нанимать, и приятелей поздравлять, и на слуг кричать, и детей обучать, и жену приговаривать, и письма писать, и хвалить, и хулить, и советовать, и отводить, и обвинять, и оправлять, и чего не должно? Но все сие токмо что природным языком.

Приступаю к другому доказательству. Оное есть: *способность и безопасность в сочинении*. Которые чужими языками или говорят, или что-нибудь пишут, воистину ж те прилежно наблюдать должныствуют, чтоб всё, что говорят и пишут, было и прямо, и по свойству того языка, и по употребительнейшим и лучшим посло-

виям, и по прочему премногому, а каждое по нитке. Но здесь трудность; но здесь труд. Ибо человек, которой не родился в том обществе, которого он язык употребляет, едва может когда не погрешить: а ежели есть некоторые, как и есть подлинно, которые прямо употребление имеют в том языке; по сие самое коль не способно? С коликими запинками? С коликим сомнением? Коль с великим трудом они изображают? То боятся, подлинно ль сие, или то изображение лучшего употребления? То сомневаются, отвечает ли глагол глаголу в наклонении и во времени? То заботливо рассматривают, которой слог сего, или того речения, так называемую силою, надобно возвысить, или ею не означить? То часто не знают, которой слог должно протянуть, или кратко выговорить по тому природному произношению? То по большей части наивожделеннейше ожидают самих слов, которыя им надлежит искать за Геркулесовыми столбами, * и которыя упрямо не любят другия природы людей, и потому устремительнее воздушного вихря улегают с их языка. Всегда такие исполнены затруднений, остановки, боязни, а иногда и стыда. Но что следует, то еще наитруднейшее, а именно, едва кому-нибудь во всей его жизни, трех или четырех случится услышать говорящих чужим языком, которые бы порочного не имели выговора в произношении, в рассуждении того, какова тот язык требует по своему свойству, и которые бы не портили слогов и речений, чрез движение гортани, языка и уст, привыкшие с младенчества к их природному изглашению.

Напротив того, в природном языке все само собою течет, и как бы на конце языка, или пера слова рождаются. Нет заботливого попечения о правоте изображения, нет сомнения в рассуждении слов, нет остановки, нет боязни. Чисто ли частицы взаимно себе соответствуют, и надлежащее ли место в речи занимают, без труда и тот кто пишет, и тот кто говорит, усматривает. Но об ударении силою, ниже помышляет, кто употребляет природной язык, равно как и о прямом выговоре; все ему тотчас употребление и доказывает и утверждает, также и до всего доброхотную природою и привычкою, от самых молодых лет, провождаем и веден бывает.

Что же и тот сам, кто природной язык употребляет, также выбирает краснейшие, учтивейшие и звончайшия слова; но сие самое делает ни с толикою заботою; с коликими тож бывает в чужих языках, а всегда с преизрядным успехом. Нет причины бояться природному писателю, или витию, так называемых Барбарисма ** или Солецисма ***; употребление, о котором уже я упомянул однажды, и еще теперь честно упоминаю, нечувствительно ему все пороки, которых должно опасаться, представляет,

* Сие значит самую дальнюю страну.

** Неприродное, или нечистое какова языка слово.

***. Природное и чистое какова языка слово, но не в той употребленное речи, и не в той силе.

и как бы на ухо шепчет. Поистине, чтоб кратко сказать, и всю силу доказательства сего заключить, не в Афинах кого-нибудь рожденного и воспитанного, но Теофраста в Лесбе родившегося. Афинейская она женщина обличила в погрешении Аттического речи, назвавши его в смех иноземцом, которой впрочем думал о себе, что он совершенно то наречие знал, для весьма долгого пребывания в том Цекропиевом городе.

Третие доказание есть: *Последняя причина или сила языков*. Всем известно, что наружное слово, есть знак внутреннего понятия, которое всем людям, всем народам, еще и всякому человеку есть наиболее общественнейшее; но наружные знаки, или наружное слово, инако потому что каждой народ на особливый согласился изображения, для названия именем той, или другой вещи. Посему, наружные знаки, иные в сем народе особливые, и ему только знаемые; другие другого народа собственные, и от него токмо ведомые. Сие тож, что и каждый народ имеет особливо свой язык, и что столько разных языков во всем свете, сколько в нем обитает разных народов. Все сие толь есть праведно, коль что наиболее справедливее быть может, как и в моем положении. От сего ясно, что язык которой одного народа собственной, есть ему только весьма знаемой; всякой другой неведомой.

Но, ежели бы кто каким языком стал говорить, который бы совершенно был тому неведом, с кем бы он говорил; в таком случае, не тож ли бы самое он делал, как будто бы ничего всеконечно не говорил? Того ради, последняя причина, для которых языки, состоит в том, **ЧТОБ ЯЗЫК РАЗУМЕТЬ**. Но тот без сомнения, разумеется, которой есть собственной одного народа, одного общества, одного города. Потому, в сем народе, в сем обществе, в сем городе надлежит употреблять его токмо всегда: сие должность, сие устав, сие самая последняя причина, или сила каждого языка, повелевает. Следовательно, к природному языку, к природному больше всех прочих, надлежит прилежание иметь, чтоб кому, по крайнему несчастью, неумеющему природного языка, и принужденному показывать перстом в рот для изъявления своего голода, насмешники никчему годные зуба, с превеликою его болезнию, не вырвали.

Примеры, наконец, прежде бывших народов, и которые ныне оным следуют, четвертый и последний моего мнения важный пункт. Понеже нет ничего в смертной сей жизни, которое бы могло быть толь изрядное, толь честное, толь похвальное, толь необходимое каждому Гражданину <...> как чтоб Отечество свое любить, к нему во всю свою жизнь усердие иметь, пользу его наблюдать, всякое зло и отвращать и отгонять, от неприятелей оборонять, еще и кровь свою за спасение его проливать, кратко, что бы ни было, которое бы или к превеликому, или к небольшому, или к посредственному прибытку Отечества служить могло, того отнюдь не отпускать, но самым действием производить, хотя и в всеконечным потерянием своей жизни; того ради, наиблагорас-

суднейше живщие прежде народы делали, которые все ничего святяе сограждан своих пользы не почитая, сочинения свои, или наставлению, или повествованию, или увеселению служащие, природным языком и написали и предали, и потомкам своим оставили.

*Слово о витийстве.*² Соч., т. III, стр. 570—578.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> в начале сего рассуждения от нас предложено знаменитого Целлария утверждение, «что Славяне из России, и от Циммерийского Босфора вышедши, сели частию между Дравною и Савою реками, а частию зашли в Польшу и в Богемию, да и положили начало трем Государствам, а именно, Славенскому, Польскому и Чешскому». Следовательно, всей Славонии и Славенскому языку, корень есть Россия и язык Славенороссийский. Сие Целлариево место, поистине достойнее и праведнее изобразить тиснением или резьбою на золотых досках, для всеобщего всем прочитания.

*Рассуждение о первоначалии россов.*³ Соч., т. III, стр. 443.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> Афиняне и Римляне, писавшие все остро, живо и прилично, помещали свои слова так, как хотели (а сие свойство и господствует свободно в нашем языке)...⁴

Из предисловия к «Телемахиде». Соч., т. II, стр. LXIV.

ПРАВОПИСАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

Не противлюсь и в сем, что этимология, или произведение слов, есть нечто не малое для ученых людей. Итак, кто из ученых знает что то или другое слово, есть греческое, или другого какова языка; тот ведает и орфографию его, то есть, из каких оно состоит букв, и потому, знает и знаменование его: буде ж не знает; то станет доискиваться.

Пускай же ученые люди произведения слов доискиваются. Но орфография не для одних токмо ученых, да и для всех без изьятия, которые вся сила в том состоит, чтоб знать, которую букву в котором складе, и где в нем, а склад, в котором месте всего слова поставить.

Пустая, г. м., мудрость, поистинне пустая, а действительная трудность, ежели в которой Азбуке больше букв, нежели сколько надобно. Начто без пользы мучиться, и терять время, для того

толко, чтоб знать, где должно писать (ө), и где (ф)? Не все у нас учились греческому, или латинскому, или какому другому языку, без знания которых невозможно знать различия в сих буквах; а однако орфографию нашу, не токмо ученым людям, но и всем тем, которые у нас писать умеют, всеконечно знать должно: ибо как бы они писали, ежели бы не знали который склад, и которое место склада, которые буквы требует, для написания целого слова? Но такое знание, еще несравненно легчайшее будет, когда, каждая буква свой токмо звон, или его способ, означать имеет: сие вам само собою вразумительно. Буде ж один и тот же звон, или его способ, означается двумя или тремя знаками; то как не быть сомнению, и следовательно затруднению в писателе, а особливо в неприкоснувшемся к таким наукам, которые рассуждают о силе и свойстве букв, какую из оных употребить должно в склад? <...> *Так писать надлежит, как звон требует: ибо должность писмен в том, чтобы им хранить голоса, и как заклад отдавать их читателям.*

1748. Разговор о правописании. Соч., т. III, стр. 123—125.

<...> московский выговор все неударяемые (о) произносит как (а). Сие показывает, что московский выговор, есть всех других наших провинциальных громогласнее и выше. В сем выговоре сие следующее примечания достойно, что он из последнего края за первую пропорциональную к (у), произносит из первого края первую пропорциональную к (е). Таков есть московский выговор. Но всего народа, а сей есть низкий и почитай могу сказать самый простой выговор, такое у нас свойство имеет, что едва не все, или по самой большей части (е), ударяемые произносит четвертою двугласною (ио). Например, *везиот*, вместо *везет*; *кладиот*, вместо *кладет*, *виодро*, вместо *ведро*, *спасионный*, вместо *спасенный*. Так что есть причина думать, что коренная природа нашего выговора требует во все те слова, в которыхы мы ныне ставим (ё) ударяемые произносимые как (ио), двугласныя (е) ударяемая-ж например: *благовольные*, *творьные*, *ведьные*, вместо *благоволение*, *творение*, *ведение*.

Там же, стр. 252—253.

ОБУЧЕНИЕ ЮНОШЕСТВА ГРАММАТИКЕ И РИТОРИКЕ

Все сии, и прочия следующие Учения, когда словами из себя изъясняют, без Грамматики говорят немой и неправо; и потом без Реторики вещают скудно, непристойно, и несладко. Чего ради, самая первая отроку наука, дабы ему после способну быть к понятию высочайших мудрости наук и знаний, есть Грамматика; а по ней столько ж, буде не больше нужная, Реторика.

*Слово о премудрости, благоразумии и добродетели.
Соч., т. I, стр. 500.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

БОРЬБА ЗА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ЧИСТОТУ РОДНОГО ЯЗЫКА

Излишнее в словах не вкусно есть и гадко:
Ум отвергает все, уж сытый, что не кратко.
Кто меры не познал, не знает тот писать!

Наука о стихотворении и поэзии. Соч., т. I, стр. 30.

Не помышляете ль вы, что наш язык не в состоянии быть украшаем? <...> Посмотрите, от Петра Великого лет, на многие прошедшие годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в бывшие прежде. А от Петровых лет толь отчасу приятнейшим во многих писателях становится онный, что нимало не сомневаюсь, чтоб, достаславная Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте <...>

Утвердят онный нам и собственное о нем рассуждение, и приятное употребление от всех разумных: не может общее, красное, и пишемое обыкновение не на разуме быть основано, хотя коль ни твердится употребление, без точных идеи об употреблении <...> Из основательных Грамматики и красных Реторики не трудно произойти восхищающему сердце и разум слову пиитическому, разве только одно сложение стихов неправильностию своею затрудить вас может; но и то, господи, преодолеть возможно, и привести в порядок: способов не нет; некоторый ж и я имею. Вся трудность состоит в Лексиконе.

Не противлюсь вам; великое и трудное дело есть Лексикон, и Лексикон такой, какому быть ему надлежит, а именно, полному и совершенному. Однако, не сие есть свойство Лексикона, как повествуется об истинном, или и ложном лучше Фениксе; что б единойды в пять сот лет был созерцаем: тысящи есть издавна разных Лексиконов, и на многих языках. Сие самое доказывает непреборимо, что и Лексикон не выше сил человеческих; а сего здесь и довольно. Излишно б упомянул я о Переводе: некоторый и из вас самих, и не без похвалы, пускают и пустили в свет свои переводы. Того ради, хотя и труден перевод, но бывает, и производится: хотя он и скучен? но к окончанию своему приходит. Труд, господа, труд прилежный все препобеждает.

Речь «О чистоте русского языка». Соч., т. I, стр. 265—267.

...коль ни полезно есть Российскому народу возможное дополнение языка, чистота, красота и желаемое потом его совершенство; но мне толь трудно быть кажется, что не нестрашит, уповаю, и вас, господа, трудностию и тягостию своею. Не об одном здесь чистом переводе степенных старых и новых авторов дело

идет; что и одно, и само собою, колико проливает пота, известно есть тем, которые прежде вас трудились в том, и вам самим, кон упражняетесь ныне; но и о Грамматике доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению, и основанной на том, в которой коль много потребности, толь немалая ж и трудность; но и о лексиконе полном и довольном, кой в вас еще больше силы потребует, нежели в баснословном Сизифе превеликий оный камень, который он на высокую гору один токмо хотя вскатить, с самого почитай верьха на низ его не хотя опускает; но и о Реторике и Стихотворной науке, а сие все безмерно утрудит вас может.

Там же, стр. 259—260.

<...> в чистом выговоре коликая есть важность, знают все кои часто в превеликий стыд приходят за странный свой выговор, так как и в Афинах Теофраст покраснелся пред жонкою назвавшею его за не аттический выговор иноземцем, того ради, надлежит его привести под некоторые общия, легкия, немногочисленные правила.

Разговор о правописании. Соч., т. III, стр. 285.

НЕИЩЕРПАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ

Вольность есть некоторое изменение слов, употреблением утвержденных <...>

Обыкновенно поступают Стихотворцы свободнее и смелее в избрании слогов и употребляют иногда в стих, для меры, такие слова, коих в прозе отнюдь стерпеть не можно. Имеют они сие право подтвержденное множеством веков: однако, должно и им быть в сем умеренным.

Вольности вообще такой быть надлежит, чтоб слово, употребленное по вольности, весьма распознать было можно, что оно прямое наше, и еще так, чтоб оно несколько и в употреблении находилось, а не нелепое какое, странное и дикое.

Способ к вложению стихов. Соч., т. I, стр. 165—166.

Что ж до нашего языка; то он столько ж благолепно воскриляется дактилем, сколько и сам еллинский и римский: и также преизящно употребляет пренесение речей с места на другое, не пригвождаясь к одному определенному, как и оный еллинский с латинским: природа ему даровала все изобилие и сладость языка того еллинского, а всю важность и сановность латинского.

На что ж нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французскую, имеющим всякородное богатство и пространство славенороссийское?

Из предисловия к «Тилемахиде». Соч., т. II, стр. LXIII.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Но, может кто-нибудь подумать, что я толь чрез сильное рание о природном языке, совершенно опровергаю всякое приложение охоты и труда к чужим языкам, от которых толь великие плоды получаютя. Не весьма я, поистине, толь грубого наставления, да будет принято не в самохвальство, чтоб я совершенно не разумел, что чужестранные языки не токмо наинужнейший союз взаимного между народами сообщения, превеликое украшение юнош, увеселение мужей, честь престарелых людей, наилучшее средство к получению просвещенного познания<...> Толико я, по сему, не только за бесполезное не признаваю учиться чужим языкам; но еще к тому наисильнейшим образом всех и возбуждаю: только притом первейшего и тщательнейшего старания о природном языке, нежели о всех других, как желаю, так оно и советую.

Слово о витийстве. Соч., т., III, стр. 582—583.

О ПЕРЕВОДАХ

Того ради, без всякого сомнения, уповаю, что и наш также, напоследок, сие самое собою накрепчайше подтвердить имеет, ежели сперва многие переводы с других языков и начнет и совершит, и сим образом послевия своего сочинения вычистит, а при всем том, многие и различныя вещи именами называя, богатое изобилие слов получит. И так да переводят, которые цветут-из наших искусством языков, все что презряднейшее, все что полезнейшее, все что достойнейшее в чужих языках, на наш Российский язык; да обогащают Россию выборнейшими книгами; да утешают жажду во многих, которую они имеют к чтению, к получению наставления, к наслаждению разума и сердца, к приобретению не токмо большего в разуме просвещения, но, что вящшее есть, и твердейшего исправления в добродетельном сердце...

Слово о витийстве. Соч., т. III, стр. 584—585.

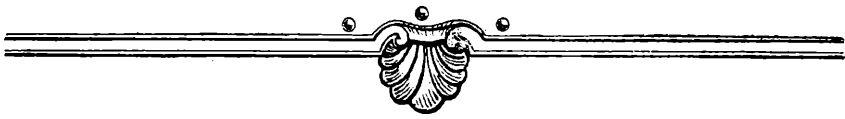
На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться; (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не-славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской, у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многия его наши читая не разумеют; а сия книга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми; но зато у всех я прошу прощения при которых я с глупо-

словием моим славенским особым речеточцем хотел себя показывать.

Ежели вам, доброжелательный читатель, покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому не допустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию.

Езда в остров Любви. Предисловие. Соч., т. III, стр. 649—650.

А. П. Сумароков

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они друг друга разумеем,
И помощью слов пространна языка,
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.

1747. *Эпистола о русском языке. Соч., т. I, стр. 329.* *

...язык есть ко снисканию исторической истины, вернейший
руководец.

О происхождении российского народа. Соч., т. X, стр. 121.

...Разумная грамота есть ясное изображение и начертание тончайших наших мыслей и тончайшего чувствия. А учения грамота хорошая всякому нужна...¹

О правописании. Соч., т. X, стр. 20.

<...>языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними рассудительными, но всякими...

1759. *К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 332.*

БОГАТСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА

Все хвально драма ли, еклога или ода:
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

1748. *Эпистола о стихотворстве. Соч., т. I, стр. 345.*

* А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений. Изд. Н. Новикова. М., 1781—1782. Все ссылки по этому изданию.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗМЕНЯЕМОСТЬ ЯЗЫКА²

Долгота времени и расстояние мест, безо всякой другой причины пременяет языки<...> Сколько различествует язык писем времени царя Ивана Васильевича, с языком времени царя Федора Алексеевича! Я не говорю с нашим; ибо мы язык свой немецкими и французскими шпикуем словами, чего по-большой части и современники наши не разумеют...

О происхождении российского народа. Соч., т. X, стр. 122.

Что Русской язык близок от своего происхождения, то от множества коренных слов ясно видно. Сие языкам оставляет естественную красоту и великолепие; ибо народы составляющие себе язык являют словами начертание естества, и в мыслию и чувствием сходство произношения.

О коренных словах русского языка. Соч., т. IX, стр. 279.

КОНСЕРВАТИЗМ СУМАРОВА В ВОПРОСЕ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Такия непристойности и в язык наш введены на прием: слова *обнародовать, преследовать, предмет, на какой конец* и проч. Не знаю только, будут ли наши потомки, сии странные изображения употреблять: будут ко порче языка, ежели безграмотныя писцы не перестанут марать бумаги; ибо древность и безобразныя речения благообразными делает, как например: слово *поборник*, не то знаменует каково оно, но совсем противное; *поборник* мой по естеству своему тот, который меня поборает, а по употреблению тот, который за меня другого поборает. Сим образом вошло сие: слышу запах, хотя запах обонянию, а не слуху свойственен; но *слышу* вместо *обоняю* никто еще в печати не издавал, хотя в простом складе то употребить и можно: *обнародовати* значит населить; *преследовать*: исследованное дело вновь исследовать; или огнать кого, а не гнать! а *предметом* могла бы назваться *цель*, а не *вид* моих устремления, если бы такое слово и существовало. Вошло было в моду слово *тесная дружба*, вместо, *великая дружба*; но в нашем языке тесная дружба знаменует принужденную дружбу, да и то не употребительно.

О правописании.³ Соч., т. X, стр. 13—14.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Имена прилагательныя кончаются у меня во множественном всех родов в именительном падеже на *я*. А потому что я по единому только собственному моему произволению ни каких себе

правил не предписываю, и не только другим, но и самому себе в грамматике законодателем быть не дерзаю, памятуя то, что Грамматика повинуется языку, а не язык Грамматике; так должен я объявить вам, ради чего я все прилагательныя так окончиваю. Ради того, что все так говорят. А для чего так говорить начали, о том спросите древних предков наших, ежели вы к тому случай имеете. А всенароднаго употребления невозможно опровергнуть, да и не для чего. Другой на сие довод столько ж важен: в Славенских наших книгах, прилагательныя имена, множественного числа в единственном, рода мужского кончаются на *и*. В женском и в среднем на *я*. Ежели нам следуя тому поступать, так мы Славенским мужеским окончанием введем нечто не свойственное в нынешний язык наш, к чему народ не только привыкать не может, но и не станет.

1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 327—328.

Грамматика во всех народах есть во естестве: и всегда писатели весьма хорошия предшествовали Грамматике; ибо люди говорят и пишут не Грамматике следуя, но разуму основанному на естестве вещи: а Грамматика устанавливается по народу и паче по авторам. Когда писал Гомер, тогда у еллин еще не было написанной Грамматики, но сей великий пиит и отец пиитов Грамматику знал.

О правописании. Соч., т. X, стр. 39.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ САМОБЫТНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Я люблю наш прекрасный язык, и стал бы радоваться, ежели бы познав оного красоту в нем русские люди больше нынешнего упражнялися и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли: но любя язык русской, могу ли я такие похвалити сочинения, которыя его безобразят? лучше не имети ни каких писателей, нежели имети дурных<...> Правописание наше подычя и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметры французских, предки наши татарских, педанты латинских, переводчики Священнаго писания греческих: опасно, чтобы кирейки не умножили в нем и польских слов. Немцы склад наш по немецкой учредили Грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худыя переводчики, худыя писатели; а паче всего худыя стихотворцы.

1759. К несмысленным рифмоторцам. Соч., т. IX, стр. 309, 310—311.

Когда вы набираете литеры для моих писем, я прошу вас наблюдать следующее. Сил не ставить ни где; ни в каком слове русским людям они не надобны; мы пишем по-русски не для

чужестранцев, но для себя, а чужестранцы могут темже образом и без сил научиться нашему языку, как мы их языку научаемся. Они знаков на слогах ударения не ставят; однако мы без трудности ударению слов их научаемся<...> Где должно сказать, сёрдца и где сердца́, то всякой русской человек и без сего ему типографскаго предварения поймет, а по складу и чужестранец не ошибется, ежели знает по Русски<...> Собственныя имена так же сил не требуют; ибо ударение в собственных именах на Русском языке от ударения чужестранных языков отменяется по нашему свойству<...> Лучше ставить силу над словами чужестранными, в которых нам нет нужды, и которыя присвоены быть не могут, и для того их силою почтить, что они силою въехали в язык наш, и которыя трудно выжить, потому что десять человек их вытаскивают, а многия их тысячи ввозят. Это мне смешно, что мы втаскиваем чужия слова, а то еще и смешнее, что тому не многия смеются, хотя язык народа и не последнее дело в народе.

1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 326—329.

Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого, ничего;
Но собственной своей красою украшайся.

Порча языка. Соч., т. VII, стр. 163.

Довольно наш язык в себе имеет слов;
Но нет довольного числа на нем писцов.
Один последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу,
И мян что тем он ей приятства придаду,
Природну красоту с лица ея берет.
Другой не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь,
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог Русской переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам,
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает писцам в законы. <...>
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед,
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многия писцы о том не рассуждают,
Довольны только тем, что речи составляют.
Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им, и мянт что будго тайна тут,
И разум свой покрыв читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красою.

Нет тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет:
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто ненаучен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить,
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышнее сложены,
И риторски красы в них были включены,
Которые в простых словах хоть необычны;
Но к важности речей потребны и приличны,
Для изъяснения разсудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца, и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.

. . . . .

Язык наш сладок, чист и пышен и богат;
Но скупно вносим мы в него хороший склад;
Так чтоб незнанием его нам не бесславно;
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.
Не нужно, что бы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но лезя ли требовать от нас исправна слога;
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра златы ключи.
Подьячий говорит: писанье тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно.
И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать во век.
Хоть лучшим почерком с подьяческа совета,
Четыре литеры сплетай ты в слово лета,
И вычурно писать научишься, конец;
Поверь что никогда не будешь ты писец.
Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщанье искусству ревновало,
И показало им, коль мысль сия дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
Когда книг Русских нет, за кем идти в степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что он не выучил тебя,

А если б юность ты не прожил своевольно;
 Ты б мог в писании искусен быть довольно.
 Трудлюбивая пчела себе берет,
 Отвсюду, то, что ей потребно в сладкий мед,
 И посещающа благоуханну розу,
 Берет в свои соты, частицы и с навозу,
 Имеем сверх того духовных много книг:
 Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг,
 И бегучи по ней, как в быстром море судно,
 С конца в конец раз сто промчался безразсудно:
Коль, аще, точию, обычай истребил;
 Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
 А что из старины поныне неотменно,
 То может быть тобой повсюду положенно.
 Не мни, что наш язык, не тот, что в книгах чтем,
 Которы мы с тобой, не Русскими зовем.
 Он тотже, а когда б он был иной, как мыслишь,
 Лишь только от того, что ты его не смыслишь;
 Так чтож осталось бы при Русском языке?
 От правды мысль твоя гораздо в далеке.

1747. Эпистола о русском языке. 4 Соч., т. I, стр. 329—333.

ЗА КРАТКОСТЬ — ПРОТИВ «КРАСИВОЙ», ПУСТОЙ ФРАЗЫ

<...>Острота разума обширных изъяснений не терпит: да и
 на что обширность, ежели без нея изъясниться удобно. Многогоре-
 чие свойственно человеческому скудоумию. Все те речи и письма,
 в которых больше слов, нежели мыслей, показывают человека ту-
 пова. Быстрота разума, слов берет по размеру мыслей, и не имеет
 в словах ни излишества ни недостатка. Сие толкование, сколько
 до разговоров, столько и до письменных сочинений касается.

Письмо об остроумном слове. Соч., т. VI, стр. 370.

Витийство лишнее природе злейший враг;

< . . . . . >

Коль нет во чьих стихах приличной простоты,

Ни ясности, ни чистоты;

Так те стихи лишены красоты

И полны пустоты.

Когда булавочка в пузырь надутый резнет,

Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет.

Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,

И только кожа останется одна.

Ответ на оду Василья Ивановича Майкова. Соч., т. IX, стр. 225.

Взошло невежество на самый Геликон,⁵

И полномочие и тамо изливает:

Храм мудрых Муз оно безумством покрывает.

Благополучен там несмысленный творец,
Языка своего и разума борец;
За Ипокренскую болотну пьющий воду,
Не чтущий ни какой разумной книги с роду.
Пиитов сих ума ни что не помутит:
Безмозгла саранча без разума летит.

Такой пиит не мыслит,
Лишь только слоги числит.

Когда погибла мысль, другую он возмет:
Вить разума и в сей как во погибшей нет;

И все ему равно прелестно,
Колико б ни была мысль она ни плоха,
Все гадина равна: вошь, клоп, или блоха.
Кто кроме таковых стихов во век не видел,
Возможно ли чтоб он стихов не ненавидел?
И не сказал ли б он: словами нас дарят,
Какими никогда нигде не говорят.
О вы! которые сыскать хотите тайну
В словах, услышав речь со всем необычайну,
Надугу пухлостью, пущенну к небесам,
Так знайте что творец того не знает сам;
А если к нежности он рифмой прилепился,
Конечно за любовь безмозглой зацепился,
И рифмотворцем быть во всю стремится мочь.

Поэзия любовной страсти дочь,
И ею во сердцах горячих укрепилась;
Но ежели осел когда в любви горит,
Горит, то на стихах о том не говорит.
Такому автору на что спокойства боле?
Пригодно все ему Парнасс и град и поле;
Ни что не трогает стремление его,
Причина та, что он не мыслит ничего.

*Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну...
Соч., т. IX, стр. 232—233.*

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Взрощен дитя твое и стал уже детина:
Учился, научен, учился, стал скотина:
К чему что твой сынок, чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книги?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют:
Но больше ничего они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет:
Солому пальею, обжектором вид зовет.
И речи русские ему лишь те прелестны,
Которы на Руси врялям одним известны.

Коль должно молвити о чем или о ком?
 На основании со всем не на таком:
 Он бредит безо сна, и без стыда и смело:
 Не на такой ноге я вижу это дело.
 И есть родители желающи того,
 По-русски б дети их не знали ничего.
 Французски авторы почтенье заслужили,
 Честь веку принеся, они в котором жили.
 Язык их вычищен; но всяк ли Мольер,
 Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
 Во всех землях умы великия родятся;
 А глупости всегда ж и более плодятся:
 И мода стран чужих России не закон;
 Мне мнится все равно, присядка и поклон.
 <...>Безмозглым кажется язык российский туп:
 Похлебка ли вкуснай, или вкусняе суп?
 <...>Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни челма,
 Не могут умножать нам данного ума.
 Темноволосая равно и белокура,
 Когда умна, умна, когда глупа, так дура.
 Не в форме истинна на свете состоит;
 Нас красит вещество,*а не по моде вид:
 По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы;
 Однако люди те, ткачи, не философы:
 А истинна ни где еще не знала мод<...>
 Языки чужды нам потребны для того,
 Чтоб мы читали в них, на русском нет чего;
 Известно что еще книг русских очень мало...

О французском языке. Соч., т. VII, стр. 364—365.

Там язык отцовской не в презренье;
 Только в презренье те невежи,
 Кои свой язык уничтожают,
 Кои долго странствуя по свету,
 Чужестранным воздухом не к стати,
 Головы пустья набивая,
 Пузыри надутыя вывозят.

Хор ко превратному свету. Соч., т. VIII, стр. 360.

Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка.² Тако долговременно портился притяжением Латинских слов немецкой, испортился польской <...> как портится немецкими и французскими словами русской. Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно <...> Какая нужда говорить вместо *плоды, фрукты?* вм. *столовый прибор, столовый сервиз?* вм. *передняя комната, антишамбера?* вм. *комната, камера?* вм. *опало, веер?* вм. *епанечка, мантилья?* вм. *верхнее платье, сюртук?*

в. *похлебка, суп?* в. *мамка, гувернантка?* в картах в. *козырь, король, краля, хлап, атут, роа, дама, валет?* в. *насмехаться, мокероваться?* в. *похвала, еложь?* в. *кошелек, бурса?* в. *уборной стол, нахтиш и туалет?* в. *переписка, корреспонденция, и еще чуднее, карришпанденция? начальный повар, кихенмейстер, и чудняе кухмистр, не от поварни, да от пирога, и мистр, вместо мейстер?* в. *бритовщик, изломанно, фершел?* в. *часть книги, том?* в. *издание книги, едиция?* в. *остроумие, жени?* в. *рассуждение, бонсан?* в. *воспитание, едюкация?* в. *великоленно, манифик?* в. *нежно, деликатно?* в. *страсть, пассия?* Но кто все то перечесть может! <...> это смешно! Я в *дистракции и дезеспере; Аманта моя сделала мне инфиделите; а я á ку сюр против риваля своево буду реванжироваться.* Странны чужия слова в разговорах, в письме еще страннее, а в печати и того страннее. Что скажет потомство! Предки наши несколько Татарских слов присвоили нашему языку, из которых мы уже некоторых не в силах выгнать, напр. *Казань, кафтан* и пр., а в гораздо прежние времена вместо *конь*, присвоено слово *лошадь*, от *алаша* и *ат, мерин*, и хотя *мерин* по-немецки от древняго скифскаго языка называется *Wallach*; однако мы не от древних скифов, но от новых татар прияв слово *Лошадь*, *Коня* в нее преобразили; ибо в славенских наших книгах *Конь* *Лошадью* нигде не называется <...> От немецких и французских слов русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческия слова введены в наш язык по необходимости, и делают ему украшение, а немецкие и французские нам ненадобны, кроме названия таких животных и плодов, и протчаго, какия Россия не имеет, напр. *рыба карп*. По сей необходимости и *стерлядь* наша на немецком и французском языках *стерлядью*, а *соболь* *сободем* называются. *Сарделли, каперсы, оливки, цитрон, апельсин, померанец* и пр. А *кулик бекасом* и протчее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческия слова, как напр. *Порфира, скипетр, диадема*, имена наук, болезней и протчия надобныя слова для изъяснения точности потребны нашему языку. Они ж в латинский и во все европейские языки войти право имели; ибо старание греков в нужных именованях на верь совершенства взшло, и получило почтение восприято быть римлянами, а потом и всею Европою для избежания великия трудности в изыскании новых нужных именованей, а некоторыя их слова с необходимыми и без нужды в чужие вошли языки, и с необходимыми ради единыя красоты их утвердился, как на нашем языке *трон*; ибо и *престол* то же знаменует; а притом и великоленно слышится. Таковым образом вошло слово *корона* в русский язык, и знаменует то же, что и *венец*. Ради необходимости многия греческия слова стали быть словами всем языкам общими. И тако восприятыя греческия слова присвоены нашему языку достохвально, а немецкие и французские язык наш обезображивают.

О истреблении чужих слов из русского языка.
 Соч., т. IX, стр. 274—277.

Великая и премудрая богиня!

Бьет челом тебе Российская Мельпомена и все с нею Российския музы, а о чем мое прошение, тому следуют Пункты.

< . . . . . >

2

Прекрасный из всех Европейских языков, ко исполнению нашей должности, способнейший язык Российский, от инакоплеменнических наречий, и от иноплеменнического склада, час от часу в худшее приходит состояние, а они о том только пекутся, чтоб мы Российския музы, в нашем искусстве ни какова не имели успеха; чтоб они учеными, а сыны Российския невежами почитались; хотя они сами о словесных науках, на которых зиждется вся премудрость, и понятия не имеют.

5

О заведении ученаго во Словесных науках собрания, в котором бы старались искусныя Писатели о чистоте Российского языка, и о возрождении Российского Красноречия, иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество, и вражду к Российскому Парнаусу, никогда и не думывали, хотя такая собрания необходимо нужны; ибо без того Науки ни в котором государстве совершенного процветания не имели, и иметь не могут: да и под игом иноплеменников Науки успехов имети не могут <...>

Челобитная российской Мельпомены. 7 Соч., т. IX, стр. 316—319.

Начто ж нам чужия слова вводить, когда мы по естеству и по примеру предков наших, своих из первоначальных слов довольно произвести можем? Чужия слова всегда странны будут, и знаменования их не так изъяснительны, и следственно введут слабость и безобразие в сильный и прекрасный язык наш. А то еще и страннее, когда мы то называем, или еще и пишем чужестранными словами, чему у нас есть точныя свои названия, и имея древний и несмешанный язык, портя его, слова из новых и смешанных языков вводим... Еще страннее производить из Русского языка новыя слова, давая им непристойныя предлоги, несвойственныя окончания, переменять ударения, и производить слова или несвойственное имущия знаменование, или против естества сложенныя и в новом образе, никакого знаменования не имущия, кроме тени своего первоначалія. Таковыя слова бесполезно на будущее употребление уповают. Они у потомков будут в презрении, или попортят язык, а такая искра, ежели искусными писателями не истребится, может погубить весь наш язык, чему видно довольно примеров. От чужих и не к стати невосделанных слов погибли еллинской и латинской языки <...> А мы прекрасный свой, по естеству и древности, язык, вместо того, чтоб его вести к совершенству, сами портить начинаем. Французской язык всею

своею красотою остроумным писателям должен, а наш сам собою прекрасен; и ежели умножатся у нас стихотворцы и риторы, а притом по времени такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание, счастливы будут писатели потомков наших.

О коренных словах русского языка. Соч., т. IX, стр. 284—286.

<...>мы свой выговор и язык портить намерены, и во всяких обстоятельствах Немецкой и Французской язык прекрасному своему языку предпочитаем, которого красоты многия и не знают, а не зная красоты природного языка, можно ли красоты познать чужих языков, это предаю рассуждению всех людей, кроме самых невеж, которых как велико число, я не ведаю.

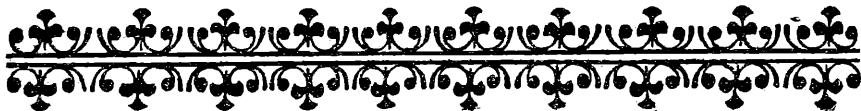
1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 333.

О ПЕРЕВОДАХ

Посему скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слогѣ всяк различіе народ.
Что очень хорошо на языкѣ Французском,
То может в точности быть скаредно на Русском.
Не мни переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль; но не дарует слов.
В спряженіе речей его ты не вдавайся,
И свойственно себе словами украшайся.
На что степенъ в степенъ последовать ему?
Ступай лишь тем путем, и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него, и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда Лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка:
И будет перевод твой некая загадка,
Которую ни кто не отгадает в век;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь безпорочно;
Не то, творцов мне дух яви и силу точно.

1747. Эпистола о русском языке. Соч., т. I, стр. 331.

Н. И. Новиков¹

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА РОДНОЙ ЯЗЫК, КАК ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело провождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом стретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностью употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре. Но чтобы рассуждение сие какую-нибудь принесло пользу, то согласились мы сделать между собою таковое учреждение, по силе которого всякой из нас, тогда бывших, за каждое иностранное в российском разговоре, без крайния нужды, вымолвленное слово повинен заплатить двадцать пять копеек, а казна сия по прошествии каждого месяца должна быть собрана и отслана в *Воспитательный дом* в подаяние. Но по прошествии несколького времени усмотрели мы, что таковая пеня для некоторых из нас (кои по привычке иностранные слова часто употребляют) будет отяготительна, то желая облегчить оных, а учреждение сие оставить в его силе, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копеек; а к тому прибавили, чтобы коренные российские слова, вновь отысканные или сочиненные, сообщать для напечатания к пользе любителей российского слова.

Сие, хотя, впрочем, шуточное, но, однако ж, отчасти и полезное учреждение несколькоим особам уже понравилось, ибо неоспоримая есть истина, что доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, дотоле и в письменах не

может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажут некоторые, что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства приводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денноночно о том пекутся, или, по малой мере, печися должныствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более к собранию ученых, как единица к тысяче: что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком: несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приготавливать вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: но что таковое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: *«Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала»*.

Таковым я отвечаю, что я не с тем упомянул о сем издевочном учреждении, чтобы сим способом советовал приводить язык наш к совершенству, а еще менее отвечаю за успех оных выдумки, но ручаюсь за сие, что сия выдумка государству не будет убыточна и что если понравится она многим, то сим способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присовокупится казна *Воспитательного дома*. Ибо смело можно сказать, что во времена Петра Великого во всей пространной России больше было людей, употреблявших в российском разговоре иностранные слова, нежели ныне в одном Петербурге не употребляющих оных. Наконец, противоречущему мне отвечающую русскую же пословицу: *«Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки»*.

1774. «Кошелек». Лист первый,² стр. 478—480. *

«Г. Живописец!..

Недавно был я в одном доме<...> Начали дамы зевать, а кавалеры посвистывая, кобениться в креслах, как вдруг сказанным, *а пропо*, один из них возбудил в соседе внимание и спросил, кто читал «Живописца»?<...> До сего времени я и гласу не имеющие мои товарищи, коих было четверо, безмолвствовали, но один

* Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступит. статья и комментарии П. Н. Беркова. Изд. АН СССР, 1951. Все ссылки по этому изданию.

из них осмелился, в похвалу вам сказать, что всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся. Слова сии, показавшиеся мне справедливыми, возымели совсем иное действие, нежели как я чаял, и, вместо того, чтоб снискать вам достойную похвалу, заставили раскаиваться после вымолвившего оные, ибо он ими сделал неучтивство даме, не согласуясь с ея мнением, и вооружил против себя стихотворца и молодых господ. Как скоро он сие выговаривал, то все собрание громко захохотало, дама посмотрела на него с презрением, рифмач клялся снова, а господа, как будто сговорясь, в одно время вскричали, что листки ваши негодны. Ах, бог мой! сказал один из них: осмелиться писать, не зная по-французски! Сакристи! вскричал другой, это быть не может! Сим не кончилось, они продолжали язвить насмешками своими вас и бедного человека, осмелившегося не у места сказать слово, чего нам, беднякам, и в подлинну в таких случаях делать не надобно, но француз, торгующий парижскими безделками на наши весьма действительные деньги, входом своим избавил вас от ругательства и подал время убраться домой пристыженному и осмеянному моему товарищу. Я вышел скоро за ним и, идучи, думал о прошедшем, наконец, вознамерился уведомить вас тем паче, что сие и до вас касается.

Ваш доброжелатель . . . . .

1772. «Живописец». Лист. 22,³ стр. 454—456.

БОРЬБА ЗА ГРАМОТНОСТЬ, ЗА ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

По моде нашего времени писать не трудно; благодаря бога, правая моя рука здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества. Я говорю чертить для того, что российской грамоте учился я у дьячка, которой и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал, следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны, но это, разумеется, только о российском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся попами! Некоторые ненавистники письмен нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения, оставьте ваше заблужденне, посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было, или что вышло уже из моды; кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой вере, мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием, да это и похвально; для чего без нужды

трудиться? На что разум, когда и без него писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете, а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические, вы только пустое делаете затруднение. А учение. — О! эта ненужная тягость совсем брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотя делать опровержение моим правилам: я пропал! — Но стойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответственать вам будут. — Благородные невежды, ветренные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду, вы держитесь моих правил, защищайте их, острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно, науки да книги переводят только деньги, какая от них прибыль, одно разоренье!». Детям своим вы говорите: «рости только велик, да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное нравоучение, неоспоримые доводы, новая истина открывается свету!

1772. «Живописец». Лист 3, ⁴ стр. 288—289.

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

1769. «Трутень», ⁵ стр. 68.

ПРОТИВ ЯЗЫКОВОГО «ЧУЖЕБЕСИЯ»

Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славной *Выдумщик*. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста выдумок, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. *Г. Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить к чтению русских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость российского языка. Сей великой человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

1772. «Живописец». Лист 6, стр. 300.

Ты, радость, *беспримерной* автор — *по чести* говорю, *ужесть*, как ты *славен*, читая твои листы, я *бесподобно* *утешаюсь*, как все у тебя *славно*: *слог* *растеган*, мысли *прыгающи* — *по чести* скажу, что твои листы *вечно* *меня* *прельщают*, *клянусь*, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции*. Да и нельзя не так, ты не *грустен*, *шутишь* *славно* и твое перо *по бумаге* *бегает* *бесподобно*. *Ужесть*, *ужесть*, как прекрасны твои листы! <...> ты всегда стараешься оказывать нам учтивости, не так как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих *вытащил* на театр — куда как он много *выиграл*? Я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*, а право никто из наших сестер и учтивых мужчин и не улыбнулся, а смеялись только... Он хотел нас *одурачить* да не удалось. <...> В первой его комедии я сама *до смерти* *захохотала*, *ужесть* как *славно* *шпетил* он наших бабушек, а эта комедия такую сделала *дистракцию* и такую *грусть*, что я поклялась *никак* на именины не ездить. Правда, ты и сам *зацепился*, но это шуткою, а за шутки мы *никак* не сердимся, напротив того ты бранишь одних только деревенских дураков да и *беспримерно ужесть* как *славно* ты их *развернул* в 5 листе твоего Живописца. — Ты *уморил* меня, точь в точь *выказал* ты *дражайшего* моего *Папахина*. — Какой это несносный человек! *Ужесть*, *радость*, как он не *ловко* *выделан*, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне <...> Я приехала в Петербург, *подвинулась* в свет, *разняла* глаза и *выкинула* *весь* тот *из головы* *вздор*, которой *посадили* мне мои родители, *поправила* *опрокинутое* мое *понятие*, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я *никак* не ушла от беды: муж мой *в уме* *очень* *развязен*, да это бы и ничего, чем глупее муж, тем лучше для жены, но вот что меня *терзает до невозможности*: он *влюблен* в меня *до дурачества*, а к тому ж еще и ревнив. Фуй! как это не *ловко*, муж *растрепан* от жены, это *радость*, *гадко!* О если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я *протянулась*. Сказать ли чем я *отвязываюсь* от этого несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со *свсими декларасьенами* и клятвами, что он от любви ко мне *сходит* с ума; то я сперва говорю ему *отцепись*, но он *никак* не отстает, после этого *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену, но он *никак* не верит, и так остается мне одно средство упасть в обморок. Тогда суется он по всем углам, старается помогать мне, а я тихонько смеюсь, *ужасно*, как *беспримерно* много помогают мне обмороки: *божусь!* тем только и живу, а то бы он меня *залюбил до смерти*, *бесподобной* человек! *Подари*, *радость*, хорошеньким советом, что мне с ним *делать*. <...>

Р. С. *Услуги, радость*, мне, собери все наши модные слова и напечатай их особливую книжкою, под именем *Модного женского словаря*, ты многих одолжишь; и мы твой журнал за это будем превозносить.

1772. «Живописец». Лист 9, ⁶ стр. 311—313.

Опыт модного словаря Щегольского наречия

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты не важен!

Ах, мужчина, как ты забавен! ужесть, ужесть, твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен, бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю; так ведь бы я пропала с тобою. — По чести, ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ах монкьор, ты уморил меня: он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань, душенька, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор. — Ах, как это славно! ха, ха, ха, необретаемые болванчики! — Ах, как он славен, с чужою женою и помахатья не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань шутить, по чести, у меня от этого делается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. — Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня<...>

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем неловко, он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Перевод сего примера

Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем незнающ в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами, он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечной в голове беспорядок.

1772. «Живописец». Лист 10, стр. 317—319.

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толикня благости и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим по внегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыхоком, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзно-

венно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судяй. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, а где исправляются? Не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающи. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако... Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моя, пожещи бо вся, елико же восхощещи. Исповедую бо под всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду пройти сквозе иглыны уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нещии, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навъчен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя недостойный Живописец.

1772. «Живописец». Лист 21,¹ стр. 357.

Сие мудренное слово («Вивлиофика» — Ред.) (которого выговорить я не могу, да и написать едва мог с великою трудностью) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности, и не знаю кем-то вытасчено на свет: но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франции и в России слова *Библиотека*. Библиотеку все знают, а Вивлиофики никто не понимает. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелася между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. <...> Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что она русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению, ибо по чести могу вас уверить, что я русских книг от роду не читывал и не имею, кроме сей: *Les oeuvres de Mr. Lomonosoff*. Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски.

1774. «Кошелек». Лист 4,⁸ стр. 491—492.

ПРОТИВ ЯЗЫКОВОГО «ЛЖЕНОВАТОРСТВА»

Как ли ни: новопроявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне *как ли ни*, вместо *как ни*, гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали, несмотря на то, что остроумные сочинения с *как ни* устроивают наше сердце и питают разум, а издания

с как ли ни смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель как ли ни достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики, ибо сие слово весьма много способствует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет, следовательно вдвое и дороже продана быть может.

1769. «Трутенъ». Лист V, стр. 60.

НОВИКОВ О СЛОГЕ ЛОМОНОСОВА ⁹

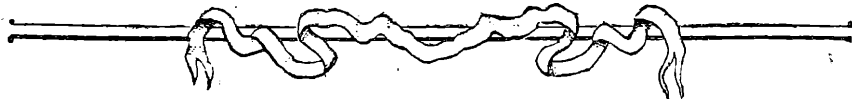
Бодрость и твердость его духа оказывалась во всех его предприятиях; начав учиться иностранным языкам в таких уже годах, в коих многие за невозможность почитают в них упражняться, достиг он до великого совершенства. На немецком языке писал и говорил как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; и в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых. Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. Предприимчивость столь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобретала похвалу. Он упражнялся во всех философических и словесных науках, в химии, с ее разными частями; а особливо прилежал к физике экспериментальной, которую и перевел на российский язык; в механике и в истории нашего отечества. Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды; надписи, поэма «Петр Великий» и похвальные слова принесли ему бессмертную славу. Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и ободрял их...

. 1772. Опыт исторического словаря о российских писателях. *

---

* Н. И. Новиков. Избранные сочинения, М.—Л., ГИХЛ, 1951, стр. 322—323.

Г. Р. Державин

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

<...> человек чрез слово всемогущ:
Язык всем знаниям и всей природе ключ;
Во слове всех существ содержится картина,
Сообществ слово всех и действий пружина.
От бессловесных мы отличны тварей им,
А пеньем не равны ль и Ангелам самим?
Не даром басенна языческая древность,
Вняв гласа лирного могущественну мерность,
Мечтала быть по ней и бегу всех миров,
Языком нарекла поэзию богов.

Послание к великой княгине Екатерине Павловне о покровительстве отечественного слова. Соч., т. III, стр. 529.*

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

<...> славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейския: итальянский, французский и испанский, колыми паче немецкий, хотя некоторые из новейших их писателей и в сладкозвучии нарочитые успехи показали.

1812. Рассуждение о лирической поэзии. Древняя и новая поэзия. Соч., т. VII, стр. 596—597.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковыя в других языках едва ли

---

* Г. Р. Державин. Собрание сочинений с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд. АН, 1864. Все ссылки по этому изданию.

находятся. Между прочим, для любопытных в доказательство его изобилия и мягкости послужат песни <Соловей во сне, Желания, Тишина, Шуточное желание, Свобода, Весна, Кузнецик>, в которых буквы Р совсем не употреблено.

К читателям. ² Соч., т. II, стр. 126.

<...> чтобы представить с одной стороны обилие и силу, а с другой гибкость и способность российского языка к изображению ясно и сладкозвучно всех чувств сердца человеческого, привел в примеры несколько в переводах из древних, а более из подлинных произведений отечественных лириков, избегая притом елико возможно собственных. В необходимых же только случаях, когда не знал в чужеземных и не находил в русских, или думал, что они вполне не объясняют его мыслей, употребил свои.

1811. *Рассуждение о лирической поэзии. Соч., т. VII, стр. 517.*

ЗА КРАТКОСТЬ — ПРОТИВ «КРАСИВОЙ», ПУСТОЙ ФРАЗЫ ³

Краткость. Известно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно <...>

Повторение одних и тех же мыслей, одетых только другими словами без чувств, не токмо бывает ненужно, но и неприятно. В том великая тайна, чтоб проникательную, быструю душу уметь занимать всегда новым любопытством <...> Впрочем краткость не в том одном состоит, чтоб сочинение было недлинно, но в тесном совмещении мыслей, чтобы в немногом было сказано много и пустых слов не было.

1811. *Рассуждение о лирической поэзии. Краткость в оде. Соч., т. VII, стр. 544—545.*

Всякий набор пустых, гремучих слов, скропанный по школьным одним правилам, или нанизанность надутых неодоушевленных подобий, всякий, говорю, длинный рассказ, холодное поучение, газетная подробность, неточная оболочка речениями мыслей, принужденное бесстрастное восклицание, нагроможденная выскочка, или тяжело ползущее парение, никому непонятное высокомыслие, или лучше сказать, бессмыслица и слух раздражающая музыка, стыдят и унижают лиру. Звуки ея тогда как стрелы тупые от стен отскакивают и как стук в свинцовый тимпан до сердца не доходят.

Там же. *Священные гимны, стр. 576.*

О ЯЗЫКЕ ГИМНА, ОДЫ, КОМИЧЕСКИХ ОПЕР, ПЕСЕН

Слог имеют твердый, громкий, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда с предметом; в противном случае теряют свою изящность <...> Гимн и ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от воспеваемого ими предмета; но

никогда площадных или простонародных слов себе не дозволяют, разве в таком роде будут писаны; но здесь таковыя не имеют места.

1811. *Рассуждение о лирической поэзии. Вдохновение. Соч., т. VII, стр. 522.*

Комический оперист⁴<...> заимствует содержания свои из романов, из общежития, шутит благородно, более мыслями нежели словами, избегая площадных, а паче перековеркивания их по выговору иностранцев.

1815. *Там же. Опера, стр. 604.*

Песня вообще убегает важных славянских слов, смелых оборотов и всяких лирических украшений, довольствуется одною только ясностью и искусственною простотою; а ода без славянского языка, извитий и глубокомыслия почти обойтись не может. Наконец в песне все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, без всякого умничества и натяжек.

1815. *Там же. Различие песни и оды⁵, стр. 610.*

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ СТАРИННЫХ НАРОДНЫХ РУССКИХ ПЕСЕН

Здесь скажем нечто о их стихотворении: оно просто, ближе к природе, нежели к искусству; отличается большею частью в началах песен, едва ли не от всех иностранных, отрицательными сравнениями и сокращенными прилагательными именами, как-то: *не ясен скол по поднебесью, черн ворон*, вместо черный, что придает ему некоторую особенную загадку, важность и силу...

1815. *Рассуждение о лирической поэзии. Песня⁶ Соч., т. VII, стр. 605.*

РАБОТА ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ

Новость, или необыкновенность чувств и выражений, заключается в том, что когда поэт несслыханными прежде на его языке изречениями, подобиями, чувствами или картинами поражает и восхищает слушателей, излагая мысли свои в прямом или переносном смысле, так чтобы они по сходству с употребительными, известными картинами, или самою природою, по тем или другим качествам, не взирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум.

1811. *Рассуждение о лирической поэзии. Правдоподобие и новость. Соч., т. VII, стр. 547.*

Знарок в том и другом искусстве тотчас приметит, согласна ли поэзия с музыкаю в своих понятиях, в своих чувствах, в своих картинах и, наконец, в подражании природе. Например: свистит ли выговор стиха и тон музыки при изображении свистящего или

шипящаго змя, подобно ему; грохочет ли гром, журчит ли источник, бушует ли лес, смеется ли роца — при описании раздающегося гула первого, тихобормочущего течения второго, мрачно-унылого завывания третьего и веселых отголосков четвертой; словом: одета ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово им приличным тоном; поражается ли ими сердце; узнается ли в них действие или образ естества. В разсуждении чего, сколь нужно поэту пе щиться о чистом и гладкотекущем слоге, чтоб он легок был к выговору, удобен к положению на музыку и к изображению всех вышеписанных прелестей. Малая шероховатость, малая темнота досаждают вниманию и рассевают мысли. Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть <...> Но до чего не доможится истинный дар и неутомимое прилежание? 7

1811. Там же. Сладкогласие, стр. 571.

<...> весьма похвально, когда сочинитель или переводчик не торопясь под пресс отдает, а несколько раз пересматривает за собою. Пылкость и скорость нужна в первых чертах, а для отделки надобны друзья и время.

Из письма к А. М. Бакунину 28 февраля 1805 г.
Соч., т. IX, стр. 324.

<...> советую по-дружески не торопиться, вычищать хорошенько слог, тем паче, когда он в свободных стихах заключается.

Из письма к В. И. Панаеву 20 ноября 1814 г.
Там же, стр. 326.

О ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мне кажется, напрасно и тщетно прилагать усилие переводить в точности Горация и прилагать для вернейшаго соображения подлинник в печати с переводом. Видим из иностранных, например из Фосса, каков его перевод: когда он прилагал усилие сохранить и меру и род стихов и мысли автора, вышло ничто иное как изуродованное творение; а всего лучше, держался издали плана и мыслей, подражать только духу творца, приноравливая чувства свои к нему. Вот вам мой совет, дабы труд ваш не пропал напрасно, ибо поэзию на другой язык с такую же красотою перелить не можно, а особливо Горация.

Из письма к В. В. Капнисту и его жене 5 сентября 1815 г.
Соч., т. VI, стр. 326—327.

Д. И. Фонвизин

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ОБ ОБОГАЩЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> установление Российской Академии <...> много спешествовать будет к образованию и обогащению русского слова. Слышу я, что Академия упражняется в составлении русского лексикона и грамматики. Без сомнения, сей труд будет весьма полезен; но кажется мне, что между тем, как Академия сим занимается; может она, <...> дать упражнение и тем российским писателям, кои не суть члены Академии. Она может <...> задавать ежегодно материи к витийственным сочинениям, награждая победителя в красноречии и возбуждая тем соревнование между писателями. Россия имела между государями своими великих благодетелей, кои достойны благодарности. Имела она также и между сынами своими истинных отечестволюбцев, которых дела достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и материи нравоучительные, словом: упражнять писателей во всех родах сочинений и тем возвращать русского слова богатство, красоту и силу.

Письмо от Стародума. Соч., стр. 838. *

«Синоними изобретены на тот же конец, чтоб попеременно употреблять в пространных сочинениях одно и тоже значущие слова, а не для превращения оных в другой смысл».

Сие рассуждение г-на критика жалко слышать. Уже давно решено философами, что одних и то же значущих слов нет на свете; как же быть им изобретенными на тот конец, чтоб в пространных сочинениях употреблять их попеременно? Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего странства и всей силы знаменования другого; сходство между ними состоит только в главной идеи. Неужели многословие составляет изобилие языка?

* Д. И. Фонвизин. Полное собрание сочинений. СПб., 1888. Все ссылки по этому изданию.

И какое было бы его дурацкое богатство, если б десять или больше слов изображали в нем одну только идею? Тут память бы лишь тщетно обременилась; тут один слух чувствовал бы разность в звуке слов, но разум не внушал бы никакого удовольствия, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковые могут иметь человеческие мысли. Судя по такой критике, я думаю, что если б г-н критик был повар, то бы конечно в большой обед поставил он с одним кушаньем блюд тридцать:

*Из примечаний на критику Опыта российского Сословника.
Соч., стр. 810.*

Далее в *примечаниях* нашел я следующее, совсем излишнее рассуждение: «Провинциальные слова, неизвестные или неупотребляемые в столицах, напрасно изгонять из словаря, ибо некоторые из них послужат к обогащению языка, каковы суть: *луда, тундра* и проч.» Правда, что если б в *начертании* таковое изгнание предписано было, может быть в словаре нашем не было б ни *луды*, ни *тундры*. Воля Господня! и тут беда была б не велика:

*Письмо к О. П. Козодавлеву о плане российского словаря.
Соч., стр. 920.*

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ В РОССИИ

<...> отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться <...> Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны <...> Разные мнения и голоса Елагина, составленные по долгу звания его, довольно доказывают, какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о законе и податях, и где судить поведение министров, государственным рулем управляющих.

Письмо от Стародума. Соч., стр. 837.

ПРОТИВ ПЫШНЫХ ФРАЗ

Риторика хотя имеет основание и гораздо слабее, нежели прочие науки, но пред несколькими временем переменяла нрав свой и начала гордиться, а чтобы прибавить себе более почтения и славы, нежели чему она достойна, то сделала себе ходули и вы-

ступила в них в собрание многих наук. По несчастью ее, был тогда превеликий ветер, который так сильно в первый раз дунул, что у риторики юбка поднялась до колена. Сей случай огорчил ее весьма, а особливо тем, что шел тогда мимо ее молодой кавалер, который из всей силы тому смеялся; она рассердилась так за то на ветер, что начала его ругать, для чего не делает он почтения дамам, а особливо в присутствии кавалеров. Не прогневайся, пожалуй, отвечал ей ветер: я исполняю свою должность, и когда вам сделалась через то обида, то причиною тому не я, а ваши ходули. Напрасно хотелось вам быть на аршин выше, нежели каковы в самой вещи; а когда-б ходили вы на своих ногах, то-б ни малого беспокойства я вам не сделал.

Риторика и ветер. Соч., стр. 218.

Бобр стихотворческими своими сочинениями такую приобрел в лесу славу, что был у зверей и птиц так, как Гомер у людей. Он сочинял такие стихи, которые почитались в лесу беспримерными... Бобр в состоянии был самые сухие материи описывать громко и великолепно. Стихов его никто не мог разуметь; столь пышны и громки они были! В описании таких приключений, которые никогда не бывали, или и совсем в натуре быть не могут, был он столь искусен, что превосходил греческих и латинских стихотворцев. Сие было причиною, что обыкновенно называли его великим стихотворцем. Неизвестно, в которой стране леса он родился. Четыре провинции ссорились за то так, как известные города о рождении Гомеровом; ибо всякая приписывала себе честь, что она произвела в свет великого стихотворца. Словом, бобр приобрел себе от всех славу и почтение. Но как честолюбие пределов не имеет, то и бобр тем не совсем был доволен. Он желал также, чтоб имя его известно было и в других странах. А как услышал он о некоем острове, отдаленном миль на десять от леса, то велел себя перенести туда птице струсу. Жители того острова, которые состояли из разных зверей и птиц, одарены были натуральным разумом. Они старались только об одних полезных науках, а особливо хранили правду и не имели понятия о поэзии. Напротив того, тот был у них в почтении, кто говорил ясно и разумно. Бобр принят был от них сперва довольно ласково; но как слышали они, в чем состоят великие его свойства, то-есть: лишать слов натурального порядка, речь делать темною и непонятною, описывать приключения, которых совсем никогда не бывало, и призывать богов и богинь в помощь, когда начнет зализываться; то стали они бобра презирать и за такую бесполезную тварь считать, которая недостойна жить у них на острове. Наконец дошло уже и до того, что некоторые вздумали о бобре, что он сошел с ума, и приняли-было намерение связать его. Но потом большая часть голосов приговорили выгнать его из острова, что совершено было попрежнему птицею струсом.

Великий стихотворец. Соч., стр. 243.

САТИРА НА ДВОРЯН, КОТОРЫЕ «ГОВОРЯ ПО-РУССКИ,
ЗАЙКАЮТСЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ»

Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастье мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой *defaut*, которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что-ж мне делать?

Сын. Дай мне в себе волю. Я ненамерен в России умереть. Я сыщу *occasion favorable* увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, *les restes de nos jours*, будем иметь утешение проводить с французами; там увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь *société*.

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Сын. А я думаю, что я его увезу туда с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то поручую, что он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю и Пари. Словом, он мне делает свой кур.

Сын. Как! Он мой риваль?

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

Сын. Да знает-ли он право честных людей? Да ведает-ли он, что за это дерутся?

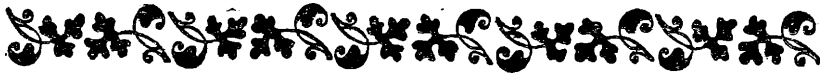
Советница. Как, душа моя! ты и с отцом подраться хочешь?

Сын. *Et pourquoi non?* Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... *le nom m'est échappé* да... в книге *les sottises du temps*, что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон... такие дураки... ах, как он легок на помине-то... вот он и идет.

Бригадир. Соч., стр. 78—79.

И. А. Крылов

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНОЕ СЛОВО — МЕТКОЕ, ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

А н д р е й. Я говорю, ваше сиятельство, что вы, желая показаться прекраснейшим госпоже Новомодовой, вложили себе в голову четыре банки французской помады.

Г р а ф. Ха! ха! ха! вот прекрасно сказано: вложить в голову французской помады! это новый термин и совершенно щегольской. Знаешь ли ты, мой друг, что я его введу в употребление? Как это остро! и эти низкие твари так счастливы на выдумки! ей-ей, и я лучше этого ничего не выдумывал! Как же это прекрасно, когда, вместо чтоб сказать: у него намазана голова французскою помадою, будут говорить: у него в голову наложена французская помада, — бесподобно! Обойми меня, мой друг! Ты не поверишь, Дарья, как мне хочется ввести в наш язык свои модные слова; и для того-то я с месяц думаю, как переначить слово пудра.

Д а р ь я. Это, сударь, не так-то тяжело — например: каково бы это было, если бы я вам сказала: граф, у тебя ужесть как голова набита пылью?

1786. Сочинитель в прихожей. Соч., т. II, стр. 117—178.*

БОРЬБА ЗА «НИЗКИЙ» СЛОГ

В с п ы ш к и н. Поддай-ко письмо. — Что это? Не подписано, не запечатано! Грубиян! (*Развертывает.*) И карандашом! Хорошо, зятюшка! Когда еще в женихах не наблюдает ко мне почтения... Да где ж начало?

В а н ь к а. Тут, сударь!

В с п ы ш к и н. «Извините, что я не могу» ...Видано ли это? Эдак можно начинать к своему портному или сапожнику! «Извините, что я не могу!...» Где ж «милостивый государь» или «милостивый государь мой»? Уж бы хоть: «государь мой» изволил

* И. А. Крылов. Полное собрание сочинений. ГИЗ, 1945—1946. Все ссылки по этому изданию.

поставить. «Извините, что я не могу!» Как это глупо сказано! Какой глупый слог! — Читай жена! Чего он не может?

У ж и м а. «Извините, что я не могу разесть с вами пирога»... Разесть пирога! — Какие низкие выражения!..

1801. Пирог. Соч., т. II, стр. 401—402.

О ЯЗЫКЕ СЦЕНИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

«...Я еще хочу сочинять, и желал бы знать, какие здесь нужны к тому правила». — «Самые простые, — сказал он: — во-первых, смысл и остроты не надобно; <...> берегитесь также вмещать острых шуток в ваше сочинение; ибо здесь говорить умно на театре почитается противным благопристойности, а надобно, чтоб ваши действующие лица говорили так просто и не остро, как говорят пьяные или сумасшедшие».

1789. Почта духов. Соч., т. I, стр. 251.

Рассматривая комедию со стороны языка и прозы, я должен сказать, что и то, и другое очень хорошо, что ж до суждения, то уже сказал я, что она не может быть подвержена строгому. Со всем тем сделаю одно примечание.

Разговоры все в сей комедии очень остро ведены, но по большей части отдалены они от содержания комедии и наполнены эпизодами, которые ничуть не служат к исправлению Вскипятина, что бы, кажется, в виду должен был иметь автор — комедия же вообще наполнена остроты и соли.

1793. Из рецензии на комедию А. Клушина «Алхимист». Соч., т. I, стр. 407.

ПРОТИВ «КРАСИВОЙ», БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ФРАЗЫ

Ритор хотя и хвалит, однако ж весьма слабо философию: по его мнению, наивеличайшее превосходство человеческого разума состоит в даровании уверять людей силою красноречия и трогать сердца благороднейшими выражениями. Философ, напротив того, почитает ритора пустословом, коего все речи ничего в себе не заключают, кроме пустого звука, по воздуху разносящегося, и никакой не приносит пользы тем слушателям, которым более потребен здравый рассудок, нежели блистательные выражения <...>

Некто из знаменитых скептических философов, говоря о риторах, сказал: «Те, которые вымыслили намазывать лицо женщин разными притираниями и делать из него маску, не столько причинили зла в свете, как высокопарные витии, которые стараются обольщать не глаза наши, но наш рассудок, и тем переменяют, ослабляют и повреждают самую сущность вещей».

1789. Почта духов. Соч., т. I, стр. 185.

ПРОТИВ ЯЗЫКОВОГО «ЧУЖЕБЕСИЯ»

Трише: (к Сумбурову). Каспадин, гаварьи на франсуски?
Сумбуров. Я, мусье? — Когда я соберусь ехать во Францию жить, то, верно, наперед выучусь по-французски; а кто сюда на житье едет, тому бы не худо уметь с нами говорить по-нашему; впрочем, я не готовился для такого дорогого гостя, — грубиян!

1807. *Модная лавка. Соч., т. II, стр. 443.*

Каре. Ваш не кавари на франсуски?

Сумбурова. Виновата, жизнь моя, не умею! — Вот, батюшка, как я у твоей-то роденьки была воспитана, что стыдно в порядочные люди глаза показать; а ты и дочку-то свою так воспитал!

Сумбуров. Я воспитал ее быть доброю женою, доброю хозяйкою и доброю матерью, а не по-сорочью щекотать. Успел я здесь увидеть много твоих приятельниц, — хороши! Стыдно не учиться музыке, стыдно не уметь танцевать, стыдно очень не лепетать по-французски; а не стыдно, сударыня... сорвалось было у меня с языка, да полно, я скромн.

Там же, стр. 455—456.

Велькаров. А вы, сударыня, я вам научу грубить добрым людям, я выгоню из вас желание сделаться маркизшами! Два гсда, три года, десять лет останусь здесь, в деревне, пока не бросите вы все вздоры, которыми набила вам голову ваша любезная мадам Григри; пока не отвыкните восхищаться всем, что только носит нерусское имя, пока не научитесь скромности, вежливости и кротости, о которых, видно, мадам Григри вам совсем не толковала, и пока в глупом своем чванстве не перестанете морщиться от русского языка!

1807. *Урок дочкам. Соч., т. II, стр. 599—600.*

Н. М. Карамзин

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Кто описывая дикаго или естественнаго человека, представляет его невнимательным, нелюбопытным, живущим всегда в одной сфере чувственных впечатлений, без всяких отвлеченных идей — думающим только об утолении голода и жажды, и проводящим большую часть времени во сне и безчувствии — одним словом, зверем: тот сочиняет роман, и описывает человека, который совсем не есть человек. Ни в Африке, ни в Америке не найдем мы таких бессмысленных людей. Нет! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножить свои понятия; и Караибы имеют отвлеченные идеи, ибо у них есть уже язык, следствие многих умствований и соображений.

*Нечто о науках, искусствах и просвещении.
Соч., т. 7, стр. 24—25.**

Вы знаете, Милостивые Государи, что язык и Словесность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения; что богатство языка есть богатство мыслей; что он служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленныя науки; что сии науки занимают только особенный, весьма немногочисленный класс людей; а Словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу; что успехи Наук свидетельствуют вообще о превосходстве разума человеческого, успехи же языка и Словесности свидетельствуют о превосходстве народа, являя степень его образования, ум и чувствительность к изящному.

1818. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорской Российской Академии наук 5 декабря 1818 года. Соч., т. 9, стр. 305—306.

---

* Н. М. Карамзин. Сочинения. СПб., 1820 г. Ссылки даны, в основном, по этому изданию.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹

Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного. Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славой: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русскому нужно по крайней мере внимание русских.

...я осмелюсь попенять многим из наших любителей чтения, которые, зная лучше парижских жителей все произведения французской литературы, не хотят и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желают, чтобы иностранцы уведомляли их о Русских талантах? Пусть же читают французские и немецкие критические журналы, которые отдают справедливость нашим дарованиям, судя по некоторым переводам *. Кому не будет обидно походить на Даланбертову мамку, которая, живучи с ним, к изумлению своему услышала от других, что он умный человек? Некоторые извиняются худым знанием Русского языка: это извинение хуже самой вины <...> Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной Поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французской; способнее для изливания души в тонах; представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено-ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре? Один иностранный министр сказал при мне, что «язык наш должен быть весьма темен, ибо Русские, говоря им, по его замечанию не разумеют друг друга, и тотчас должны прибегать к французскому». Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям? — Язык важен для Патриота <...> Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!

До сего времени Россия беспрепятственно вывышалась как в политическом, так и в нравственном смысле. Можно сказать, что Еврспа год от году нас более уважает — и мы еще в середине нашего славного течения!

*О любви к отечеству и народной гордости.
Соч., т. 7, стр. 136—139.*

Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет

---

* Таким образом самый худой французский перевод Ломоносова Од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов.

как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, естли надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!

Письма русского путешественника. Соч., т. 5, стр. 238.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

О СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ И ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА²

Изданием Словаря и Грамматики заслужив нашу благодарность, Академия заслужит конечно и благодарность потомства ревностным, неутомимым исправлением сих двух главных для языка книг, всегда богатых, так сказать, белыми листами для дополнения; для перемены необходимых по естественному, беспрепятственному движению живого слова к дальнейшему совершенству: движению, которое пресекается только в языке мертвом. Сколько еще трудов ожидает Вас, милостивые государи!..

Главным делом вашим было и будет систематическое образование языка: непосредственное же его обогащение зависит от успехов общежития и Словесности, от дарования писателей — а дарования единственно от судьбы и природы. Слова не изобретаются Академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новыя, мыслию одушевленные слова, входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оныя.

1818. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорской Российской Академии наук 5 декабря 1818 года. Соч., т. 9, стр. 308—309.

...я пользуюсь дружбою одного, крайне ученого мужа, который живет единственно для *склонения* и *спряжения*, божится *родами*, видит во сне *наречия*; и естли, марая бумагу, ошибаюсь менее других — естли умею иногда задуматься над словами, умею быть осторожным — то конечно ему обязан сею выгодою. Всякой месяц хожу к нему раза два, и всякой раз возвращаюсь домой с новым почтением к Грамматике <...> В доме видите везде живописные аллегии и эмблемы Грамматики <...> На дверях его кабинета написано крупными буквами: *Человек всего более отличается от других животных словом или языком; следственно наука языка есть истинно человеческая и важнейшая.* В самом кабинете изображена Грамматика в виде Египетской богини Изиды, закутанной в пелены, и надпись говорит: *никто из смертных не умел снять их; ибо хозяин думает,*

что мы еще не имеем совершенной Грамматики — и когда я принес ему новейшую, он побледнел, увидев в ней роспись глаголов: *кальвать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колебливать, трепливать*, и воскликнул голосом сокрушенного сердца: «О Небо! когда в сем наклонении бывали такие глаголы в языке Русском? Можно ли *изъявительное* так своевольно обратить в *неокончателное* и глаголы *недостаточные* в *полные*? Можно ли забыть, что некоторые из них употребляются только с *предлогами*, как-то: *накальвать, ожидать, прилыгать?*» — Слезы текли ручьями по лицу чувствительного старца. Я не мог видеть его печали, ушел, и через две недели снова явился в кабинет ученого мужа.

Он казался уже гораздо спокойнее, сам начал говорить о новой Грамматике, хвалил в ней многия полезные замечания, но осуждал разделение глаголов по их *неокончательному наклонению*, доказывая его неверность и сбивчивость. «Мой друг! сказал он: нам дают правила; но всякое из них рождает исключение. Я могу вытвердить их наизусть и безпрестанно ошибаться: следственно правила неосновательны. На пример: Авторы говорят, что глаголы, которые в *неопределенном наклонении* оканчиваются на *ать*, переменяют сии буквы в *изъявительном наклонении первого лица настоящего времени* на *ю*; но они должны тотчас при молвить, что глаголы *плакать, кликать* и многие другие уклоняются от сего закона! Не будем клеветать на язык: он имеет верные законы для изменения букв в разных случаях глагола; но мы только еще не открыли их <...> *Спряжения* во всех коренных языках составляют главную трудность: кто приведет их у нас в ясную систему, того ожидает венец безсмертия; но сей великий мудрец, сей блаженный смертный, еще не родился. Я поседел над *глаголами* и не дерзаю думать о системе!

Однакож небо награждает усердие друзей истины, и естьли не совсем, то хотя сколько-нибудь озаряет их светом ея. Таким образом и мне удалось открыть в разсуждении *глаголов* истинное правило — *истинное*, говорю: ибо оно не имеет ни одного исключения. <...> Все глаголы, которые в настоящем времени, в третьем лице единственного числа кончаются на *ит*, должны во множественном числе того же лица и времени оканчиваться на *ят* или *ат* (*мчит, мчат; славит, славят*); другое же окончание единственного числа, с буквою *е* вместо *и*, переменяется во множественном всегда на *ут* или *ют* (*владеет, владеют; лжет, лгут*): Теперь найдите, любезный друг, хотя один *глагол*, который уклонялся бы от сего правила! Даю вам час, годы, век на размышление! <...> Через несколько минут глубокого молчания я смиренно объявил ему, что в самом деле не умею придумать ни одного исключения, но что не вижу также и большой пользы сего правила. «Пользы!» возразил он с живостию: «а разве авторы наши не пишут *надеяться* вместо *надеются*, *сеят* вместо *сеют* и *стоят* вместо *стоят?*» <...> Мы в другое свидание говорили с ним об *именах* числительных: он доказывал, что наши

Грамматики не дают верного правила для сочинения их с другими именами, и сказал: «Вы найдете в Грамматике, что надобно говорить: *два человека, семь рублей*: важное наставление! Кто из Русских ошибается в этом случае? Но где же узнаете, как должно писать: *с двумястами Гранадер* или *Гранадерами, с двумя тысячами рублей* или *рублями*? Вот камень преткновения! вот узел Гордиев!» <...>

Я желал свести правило <...> «Вот оно», отвечал великодушный Грамматик <...> «если имя числительное не имеет рода (как-то: *два, пять, десять, семьдесят*), то существительное должно быть с ним в одном падеже, и мы говорим: *в шестидесяти рублях*, а не *рублей*; когда же число имеет род (например: *пяток, десяток, сотня, тысяча, миллион*) то имя, за ним следующее, должно быть всегда в родительном падеже, и надобно говорить: *тысячами рублей, в миллионе душ*, а не *тысячами рублями, не в миллионе душах*. Когда же за тысячами или за миллионом следует число безродное, то существительное принимает его падеж, и надобно писать: *с двумя тысячами двадцать Гранадерами*, а не *Гранадер*» — Хорошо, сказал я: но число сто имеет ли род по сему правилу, и как надобно сочинять его с именами? — «Браво, браво, любезный друг!» отвечивал ученый муж: «этот вопрос доказывает, что Гений Грамматики, пролетая вселенную, махнул крылом над твоею головою! Так, число сто приводило меня в сомнение; но я уверился наконец, что оно имеет род, когда мы говорим: *первое сто, второе сто*, и когда оно употребляется во множественном числе: *пять сот, шесть сот*, и проч. Это решительно — и в следствие моего правила должно говорить: *с тремястами Руских, а не Рускими*. — Таким образом любовь к великой науке от времени до времени производит открытия; но (говорю и повторяю), что Российская Грамматика есть донныне богиня Изида в пеленах: никто еще не обнажил всех ее тайностей. Мой друг! гораздо легче иметь полную, ясную, мудрую систему гражданского законодательства, нежели языка; гораздо легче сделаться всем судьям правосудными, нежели всем писателям грамотными» <...> Мы счастливы и тем, что можем надеяться — и я задал уже первому живописцу нашей Академии представить на картине Минерву, выходящую в блестящих доспехах из Юпитерова мозга: она будет для меня образом Грамматики, которая со временем выдет из головы мудрецов Российских, вооруженная верными правилами на все возможные случаи языка. В последнюю минуту жизни моей взгляну на эту картину, и спокойно закрою глаза навеки!»

Но сей огненный любовник правил не может терпеть излишно строгих. Он разсердился до крайности на сочинителей упомянутой новейшей Грамматики, которые говорят решительно, что предлог *между* требует всегда падежа творительного, и что родительный есть в таком случае ошибка. «Мой

друг! сказал он: *употребление* есть избалованное дитя народов, с котрым нельзя обходиться сурово; надобно во многом щадить его. Давно уже Руские говорят: *между полями и между полей*, *соображаясь* иногда с приятностию слуха. Сохрани нас бог от тиранства! Грамматик должен быть добродушным и жалостливым, особенно к стихотворцам. Ах! они и так не редко стенают от упругости длинных слов в языке Руском: начто их обременять лишними слогами? Нет, у нас не каменные сердца; нет! Грамматик чувствительной, и даже справедливой, с обыкновенною искренностию скажет им: пишите смело *между ясинов и лилей*, вы, невинные дети Аполлоновы! Пишите, как вам угодно — как вам угодно, друзья мои!»...

Великий муж русской грамматики. Соч., т. 8, стр. 134—135.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ³

Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам Руским еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтеня, Паскаля, 5 или 6 авторов века Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля*, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только матерьяльное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных Писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли. Русской *Кандидат Авторства*, недвольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски <...> Чтож остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения! Мудрено ли, что сочинители некоторых Русских комедий и романов не победили сей великой трудности, и что светския женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? <...> Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как

* Как сочинителя единственных сказок.

в живописных картинах), а Русской только отчасти: французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом.

Отчего в России мало авторских талантов.
Соч., т. 7, стр. 217—219.

С величайшим вниманием читал я снова ваше Созерцание Природы, и могу сказать без тщеславия, что надеюсь перевести его с довольною точностию; надеюсь, что не совсем ослаблю слог ваш. Но для того, чтобы сохранить всю свежесть красот, находящихся в подлиннике, мне надлежало бы иметь Боннетов дух. Сверх того язык наш хотя и богат, однакож не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма немногия философическая и физическая книги переведены на Руской. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее.

Письма русского путешественника. Соч., т. 3, стр. 203—204.

Жаворонок очень хорош. Я хотел бы, чтобы стих: *и любви не помышляла*, был глаже, и чтобы вместо *встрепенясь* поставил ты другое слово; надобно сказать *встрепенувшись*. *Пичужечки* не переменяй — ради бога не переменяй. Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезныя идеи: *о свободе* и *сельской простоте*. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следственно неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о струсе или колибри.

То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*; первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красной летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку, и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *вот гнездо! вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! — И так, любезной мой, нельзя ли вместо *парня* употребить другое слово?

Из письма к И. И. Дмитриеву от 22 июня 1793 г.,
СПб., 1866, стр. 39.

Все хорошо воспитанные англичане знают французский язык, но не хотят говорить им, и я теперь крайне жалею, что так худо знаю английский. Какая розница с нами! У нас всякой, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous?*⁴ без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом *хорошем обществе* без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других; надобно только, чтобы наши умные светские люди, особливо же красавицы, поискали в нем выражений для своих мыслей. Всего же смешнее для меня наши *остроумцы*, которые хотят быть французскими авторами. Бедные! они щастливы тем, что француз скажет об них: *roug un étranger, Monsieur, n'écrit pas mal!*⁵

Письма русского путешественника, Соч. т. 5, стр. 159.

Француз, который жил долго в России и возвратился в свое отечество, публикует оттуда в Московских газетах*, что он близ Парижа завел пансион для русских молодых дворян, и приглашает родителей отправить к нему из России детей своих на воспитание, обещая учить их всему нужному, особливо же языку русскому! Живучи в уединении, я не знаю, что другие подумали о таком объявлении. Мне кажется оно более смешным, нежели досадным: ибо я уверен, что наши дворяне не захотят воспользоваться благосклонным предложением господина NN <...>

<...> Природный язык для нас важнее французского; а господин NN, не смотря на свое милостивое обещание, не выучит детей наших в Париже говорить так хорошо по-русски, как они здесь выучатся. Питомцы его, через 6 или 7 лет возвратясь в Россию, стали бы терзать слух наш варварскими своими фразами; они сказали бы нам «мы говорим язык свой; мы знаем *Математики*; мы представляем наши почтения согражданам»** — а сограждане назвали бы их глупцами, невеждами, дурно-воспитанными людьми; ибо кто не знает природного языка, тот конечно дурно воспитан, хотя бы знал наизусть и все книги браминов; они сказали бы сим полу-галлам: «за чем вы к нам приехали? за чем не остались во Франции? Мы не признаем вас земляками своими; вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого. Вы не имеете отечества: ибо и самые французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать немое *e*, не признают вас французами!» ...И добродушные родители, лишь

* В первых номерах Декабря месяца 1801.

** Такие фразы слышали мы от русских французов. Некоторые из них утверждают даже, что наш язык не имеет правил. Нещастные!

себя неизъяснимого удовольствия видеть на лице и в душе милых детей расцветание красоты физической и нравственной, вместо благовоспитанных людей увидели бы в них французских обезьян или попугаев, которые наименовали бы им всех парижских актеров, а не умели бы с чувством произнести священного имени России, отца, матери и сограждан!

Странность. Соч., т. 9, стр. 135, 139—140.

О ПЕРЕВОДАХ С ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ

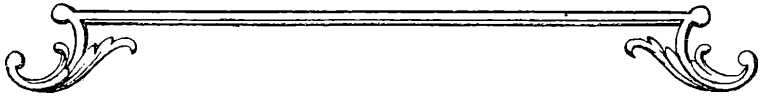
Перевод ваш, любезнейший князь, читал я с живейшим участием: он хорош; со временем будет у вас более легкости в слоге. *Libéralité* принадлежит к неологизму нашего времени: я не мастер переводить таких слов. Знаю *свободу*: из нее можно сделать *свободность*, если угодно. *Libéral* в нынешнем смысле *свободный*; *законно-свободный* есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободою живут как кошка с собакою. Всякой закон (гражданский) есть неволя. Но это глубоко и заведет нас далеко. Радуюсь всему хорошему, что быть может, и говорю: дай бог!

Из письма к П. А. Вяземскому от 8 апреля 1818 г.

Смело переводите *régence*, *régent* *правление* и *правитель*, а *gouvernement* *правительство*, *administratif* *управительный*; но *attribution* лучше *принадлежность*, нежели *присвоение*, которое значит другое. *Foncière* не *поземельная*, а *недвижимая*. Не ска- зал бы я ни *узакониться*, ни *укорениться*: лучше *вступить в подданство*, *сделаться гражданином* и проч. *Туземец* хорошо.

Из письма к П. А. Вяземскому от 30 мая 1818 г.

А. Н. Радищев

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностью столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? <...> И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, — и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действие <...> ты речешь себе: иди, — и шествуешь. О, человек! В округе своей ты всемогущ; ты еси сын мысли!

*О человеке, о его смертности и бессмертии.
Соч., т. 2, стр. 118—119.**

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, как язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучных речи было томно и пресмыкающееся!

Там же, стр. 52.

РОЛЬ ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования

---

* А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, 1938—1952. Все ссылки по этому изданию.

рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная <...>

Но, кажется, нелишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к совершенствованию нашему способствует: ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъясняющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, — то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все <...> преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхвованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внимлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дебрей, в них бы скитались, аки звери дубровни, и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока и добродетель сотворил любезную? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недеятельности, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоющемуся сень, и согреет охладившего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности мертвует, ничтожествует. Но едва всесильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертошное лепетание, — как будто окрест вращающегося среди густейших мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, как предста-

вляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило.

*О человеке, о его смертности и бессмертии.*¹
Соч., т. 2, стр. 130—131.

О БОГАТСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

...на Российском языке толико же можно писать сладостно, как и на Италианском...

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Тверь». Соч., т. 1, стр. 354.

ПРЕПОДАВАНИЕ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ ОБОГАЩАЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ.

Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения <...> Одно сведение Латинского языка не может удовлетворить разума алчущаго науки <...> Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих Латинской язык токмо отверстия, но преподаются на языке народном! — Но для чего <...> не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке Российском? ² Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже, за одного латинщика, нашлось бы двести человек просвещенных <...> Как не потушить, повторил он, что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Подберезье». Соч., т. 1, стр. 258—259

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

Упражнялся в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения стихотворства <...> Беседуя с Горацием, Виргилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение Российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее Российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их. И так он вознамерился сделать опыт сочинения, новообразными стихами, поставив сперва Российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанныя. Сие исполнил он написав оду, на победу одержанную Российскими войсками над Турками и Татарами и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения,

изображения едва не дышущие; изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящагося воображения по непроложенному пути, в доказательство, с другими купно послужило, что когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет, не одной тропинкою, но многими стезями вдруг. ³

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 385.

О РАЗНЫХ СТИХАХ РОССИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СВОЙСТВЕННЫХ

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе Французской язык будет в России, больше других языков в употреблении <...>

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах Российскому языку свойственных. Что такое Ямб, Хорей, Дактиль, или Анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было неизлишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что Российское стихотворство, да и сам Российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епической поеме свойственнее было, если бы перевод Генриады небыл в Ямбах, а Ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ, одним духом и с толикою поворотливостью языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой чего имел на защищение, Ямбов и всех тех, которые ими писали. ⁴

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Тверь». Соч., т. I, стр. 353.

О НОВОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВ

Нередко бывает, что чужестранцы, а особливо фабриканты, дают произведениям своим имена употребительныя, но кои, переходя в наш язык, другое получили значение и другую представляют мысль...

1782. Проект нового генерального таможенного тарифа. Соч., т. III, стр. 101.

О ЗНАЧЕНИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В наши времена великое сообщение между народов, знание иностранных языков, многие и частные путешествия, а паче всего книгопечатание, сделали то, что каждый народ европейский, по крайней мере, известен в многих своих чертах...

1801—1802. Труды по законодательству. Соч., т. III, стр. 162.

Преддверие учености, есть познание языков; но представляется, яко поле тернием насажденное, и яко гора строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющего убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из неё воздуха утомляется, и язык новообразно извивается принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, рассудок без действия ослабевает, воображение теряет свое крылие; единая память бдит и остритя, и все излучины и отверстия свои, наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы неподкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков, и усвоив чуждыя произношения, неоткроются потом приятнейшия предметы, то неуповательно восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но превзошедши трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами тоя области, где он употребляется, собеседуем с жившими за многия тысячи веков, усвоаем их понятия; и всех народов и всех веков изобретений и мысли, сочетаваем и приводим в единую связь<...>

Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною глазобращателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живее обычных всегда во зрении очей чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивший сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяслять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явился в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога, какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». ⁵ Соч., т. I, стр. 381—382.

Сила воображения и живое чувствование не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая однакоже что обычай первой всегда подает в сочетании слов пример, и речения из правила исходящие, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи, и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила Российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще, яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: Слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; и так слово есть, изображение наших мыслей, посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательнаго различия голоса, различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь или ее деяние. Изображение словесной вещи, называется и м я; изображение деяния г л а г о л. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи, служат другия части слова. Но первые суть необходимы и называться могут главными частями слова, и прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени; оттуда и глаголы расположены по временам, для изображения деяния в какое время оное происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав такое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телеснаго нашего сложения основаном, Ломоносов преподает правила Российскаго слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум, водим был в грамматических терниях светильником остроумия? не гнушайся великой муж сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о Российском слове суть многообразны; и ты считаешься в малопритязательном сем своем труде, яко первым основателем истинных правил языка нашего, и яко разыскателем естественнаго расположения всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоя риторика, а та и другая руководительницы, для осяза-

ния красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим, в стезях тернистых Гелликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 385—387.

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

...Ломоносов надежнейшие любящим российское слово, оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы, растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, почто не могу сказать при каждой букве, слышен стройный и согласный звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Привя от природы право нецененное действовать на своих современников, привя от нее силу творения, поверженный в среду народные толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою присну везде соделывают, — тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познания. Повлекши его за собою вослед, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при томцем безмыслией источнике словесности. Воображению вешал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. <...> Позавидует не могущий вослед тебе итти писатель оды, позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но доселе не удалось еще никому.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 387—389.

О ЗНАЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

...действие его благогласия и звонкого препинания бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 389.

Мы желаем показать, что в отношении Российской словесности, тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первой виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог <...> В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно неллицемерно.

Там же, стр. 391—392.

Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово русского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества: но доколе слово русское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умрети,

Там же, стр. 380.

РАЗДЕЛ
ВТОРОЙ

А. С. Грибоедов

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЗА САМОБЫТНУЮ
НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ¹

Чацкий.

...Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?

Софья.

Смесь языков?

Чацкий.

Да, двух, без этого нельзя ж.
«Горе от ума», действ. 1-е, явл. 7-е. Соч., т. II, стр. 20.*

Софья (Чацкому).

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий.

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями,
Своя провинция! Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;

* А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. АН, СПб., 1913.
Все ссылки по этому изданию.

Такой же толк у дам, такие же наряды...

Он рад, но мы не рады.

Умолк, и тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон:

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» —

Решили две княжны, сестрицы, повторяя

Урок, который им из детства натвержен.

Куда деваться от княжен!

Я одадь воссылал желанья,

Смиренные, однако вслух,

Чтоб истребил господь нечистый этот дух

Пустого, рабского, слепого подражанья;

Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,

Кто мог бы словом и примером

Нас удержать, как крепкую возжой,

От жалкой тошноты по стороне чужой.

Пускай меня отъявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат

С тех пор, как отдал все в обмен, на новый лад —

И нравы, и язык, и старину святую,

И величавую одежду на другую,

По шутовскому образцу:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;

Движенья связаны и не краса лицу;

Смешные, бритые, седые подбородки!..

Как платья, волосы, так и умы коротки!..

Ах! если рождены мы все перенимать,

Хоть у китайцев бы нам несколько занять

Премудрого у них незнанья иноземцев.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев.

«Как европейское поставить в параллель

С национальным — странно что-то!

«Ну, как перевести мадам и мадмуазель?

«Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то.

Вообразите, тут у всех

На мой же счет поднялся смех.

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!!»

Я, рассердясь и жизнь кляня,

Готовил им ответ громовый;

Но все оставили меня...

«Горе от ума», действ. 3-е, явл. 22-е. Соч.; т. II, стр. 77—78.

Я читал в Сыне Отечества балладу: «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, — это очень важно, есть ли только справедливо; сомневаюсь, подлинно-ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии! <...>

Грамматика у г. рецензента своя, новая и с родни его логике; она, напр., никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город *под* звон колоколов, плясать *под* музыку. — Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением; но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно. <...>

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее.*

Также ему не по-сердцу восклицание *ах!* когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

На сраженьи пали Шведы,
Турк без брани побежден,
И желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песнями, с бубнами, с трубами,
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Слово: *Турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова и в простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: *с песнями*. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее: и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется. —

* Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пиитическою простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

Далее он изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь* — «подумаешь, замечает он, что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и верно не один, что мать просто хочет говорить с дочерью. —

Еще не нравятся г. рецензенту стихи

..В Украине дальней,
Есть ли клятв не чтя своих,
Обшел налой венчальной
Уж с другою твой жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть неверной
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно, между тем, почему это хорошо, а Русские стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налой, при котором венчаются, назывался наложным венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет: *слезный* ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен: поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романтическим.

* * *

— Где живешь? скажи неместно.
Что твой дом? велик? высок?
«Дом землянка». — Как в ней? — «Тесно».
— А кровать нам? — «Шесть досок».
— В ней уляжется-ль невеста? —
«Нам двоим довольно места».

Стих: «в ней уляжется-ль невеста?» заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? — Что-ж ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? — Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос.

...Потом г. рецензент, от нечего делать, предлагает несколько вопросов для решения, от нечего делать, говорю я, потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, напр., в стихах:

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор.
С двери вдруг, хлыста ударом
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое *наскакал на забор*? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что *наскакал на забор* значит примчался во всю прыть к забору. <...>

Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю — провалился
И на веки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? — Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. <...>

...Я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен между прочим хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в Русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel.

т. е. «пустился во весь опор на железные решатчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. рецензент: «*быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду*. Так точно французское: *ventre à terre* можно перевести *брюхом по земле*».

У Бюргера Ленера говорит:

Verloren ist verboren.

А Ольга в русской балладе:

Нет надежды, нет, как нет!

Рецензент кричит: *нет! не то! не то! не то!* Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. <...>

Но нет! г. рецензент не мог отговориться: судить криво, бранить какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении — подвиг немноготрудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия в роде той, которая сделана на Ольгу. — Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт — лучшее доказательство.

Переношусь в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, но мне, будто незвначай попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманит *отдаленье*.

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то .
слишком фигурно, а отдаленье просто значит, что предмет уда-
ляется: есть-ли принять, что пыль туманит отдаленье, можно
будет сказать: что она туманит *удаленье и приближенье*. Но за
сим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для рифмы.
О, рифма!.. Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости *надежда-сладость*.

Надежда-сладость. — Опять-таки для рифмы! Одно существи-
тельное сливают с другим, для того чтоб придать ему понятие,
которое не заключается в нем необходимо. Напр. девица-краса,
любовник-воин, но надежда — всегда сладость. Далее мать гово-
рит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

Не призвать минувших дней
Что прошло, не возвратимо.
Возвращу-ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта
заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчая-
ние. <...>

И зёрцало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны.

Облеченны вместо *облечены* нельзя сказать; это маленькая
ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов!
Но чу! бьет полночь... К Людмиле крадется мертвец на цыпочках,
конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шопотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милой говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
«Помнит друга, иль забыла?» и т. далее.

Этот мертвец слишком мил: живому человеку нельзя быть
любезнее.

После он спохватился и перестает говорить человеческим языком, но все-таки говорит много лишнего, особенно когда подумаешь, что ему дан *краткий, краткий срок* и *миг страшен замедленья*.

Мы коней своих *седлаем*,
Темны кельи *покидаем*.

Такие стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно *пемного плоски*.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь,
Ты моя — моею будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтобы уговорить Людмилу за собой следовать, очень оригинален:

Чу! совы пустынной крики!
.....
Едем, едем...

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив, и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это *чу!* слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
Чу! полночной час звучит
Чу! в лесу потрясся лист!
Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в Людмиле есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзой конь заржал.
.....
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь! колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы например после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукою и помчалась с ним:

Скоком, летом по долинам. —

Дорогой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвой и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила верно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем дорогой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

Легким светлым хороводом,
В цепь воздушную свились.

И вокруг ее:

Поют воздушны лики,
Будто в листьях повелики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон Аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую ранний ветерок.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

1816. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора».² Соч., т. III, стр. 14—25.

В. К. Кюхельбекер

ЯЗЫК — СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

...язык есть мысль, переходящая в явление; что же значит мысль, не имеющая ни порядка, ни связи? Мысль без мысли!

1820. «Отрывок из путешествия», письмо XIX.
«Мнемозина», М., 1824, ч. I, стр. 66.

...тсчное изложение мыслей есть... ряд правильных умозаключений, подчиненных одному высшему.

Там же, стр. 67.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

...Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку (и это для писателя не последнее), коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, может быть, опадет, не принесши никакого плода в нравственном мире.¹

Восстание декабристов, т. II. ГИЗ, 1926, стр. 166.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана.

История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и

деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма. Русский московский язык, не считая кое-каких изменений, является языком новгородских республиканцев; Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый; когда он был военным вождем Великого города, а затем удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым ныне пользуются дотоле в великом княжестве и от которого ныне происходит малороссийский язык более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился в русский в свободной стране; в городе торговом, демократическом, богатом, любимом, грозном для своих соседей, этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые без подлинного чуда не могли бы никогда развиться в порабощенной стране. И никогда этот язык не терял и не потерял память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем. Дотоле слово *вольность* действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце.

Но чтобы иметь возможность представить вам данные, с помощью которых вы бы могли систематически рассмотреть рождение и, если смею употребить это выражение, воспитание нашего языка, позвольте мне... набросать картину его нынешнего состояния. Русский язык так мало известен и по своему духу настолько отличается от других языков, что я считаю совершенно необходимым предварить мои беседы о нашей литературе некоторыми подробностями по его лексике, его грамматике, его просодии... Он, как вы, конечно, знаете, произошел от славянского языка, различные ветви которого теперь распространяются от берегов Адриатического моря до Ледовитого океана, от Дуная и Эльбы до Тихоокеанских островов. Никогда еще ни один язык не занимал такого обширного пространства. В русском языке преобладают славянские слова. Но, так же как и в других языках, славянский язык соединился с иностранными элементами: десятая часть нашего языка состоит из слов, которые ему были чужды в самом его начале. Это слова греческие или татарские, кроме того латинские, немецкие или французские. Такое различие необходимо, потому что мы не теряем надежды очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I у трех последних языков. Что до греческих слов, проникших в славянский язык со времени перевода библии, то они удержатся дотоле, пока в русских церквях будут служить и проповедовать на церковном языке. Некоторые из них, испытав легкие изменения, стали совершенно русскими и их невозможно отбросить. Однако число их очень мало... Иностранцы, которые не занимаются специально филологической наукой, думают обыкновенно, что наш язык очень близок к греческому. Я рад вас заверить, ... что хотя русский язык и заимство-

вал многие греческие грамматические формы, он унаследовал от этого языка лишь весьма немногие слова.

Татарские или монгольские слова употребляются в русском языке в обыкновенном разговоре и для обозначения вещей повседневного употребления, например — одежды. Они встречаются еще в меньшем количестве и их легко распознать по жесткости их согласных; например: *халат, колпак, шапка, собака*. Я скажу то же о немецких словах, которые совсем недавно вкрались в наш язык и которые представляют собою совершенно невыносимые варваризмы. Русское ухо никогда не будет в состоянии привыкнуть к этим тевтонским звукам. Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы не оскорблять народного чувства *шлагбаумами, ордонас-гаузами, обергофмаршалами* и т. п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские выражения. Однако некоторые технические термины, как *конституция, генерал, офицер*, скорее всего французские или латинские, о которых можно сказать, что они принадлежат всей Европе, — должны, вероятно, явиться исключением, потому что будет трудно присвоить новым выражениям то значение, которое привыкли соединять с этими звуками, впрочем, совершенно уже привычными для народа.

Подведем итог: наш язык по своей лексике в основном славянский; примесь иностранных слов, входящих в его состав, менее значительна, чем в любом другом языке Европы и уменьшается с каждым днем.

Рассмотрим же сперва его славянские элементы, чтобы иметь возможность дать оценку языку, в котором славянские слова составляют основную массу. Славянский язык имеет в польском и в чешском (богемском) языках несколько звуков, которых недостает в русском; таковы *Н* носовое, *ДЗ* и другие. Однако из сопоставления языков явствует, что мы превосходим по своему богатству и разнообразию звуков не только все наречия латинского и германского происхождения, но и указанные славянские наречия, так как число звуков, ими утраченных и сохранившихся только у нас, значительно больше. Русский язык так же богат гласными и дифтонгами, как и французский язык, — один из наиболее богатых в этом отношении, и я не знаю никакого другого языка, который бы ему был равен по удивительному разнообразию согласных.

В свою очередь, русская грамматика — одна из самых богатых по своим формам и знаменательным окончаниям <...> избобиле грамматических форм и знаменательных окончаний имеет своим естественным следствием большую свободу в порядке слов и в построении предложений и периодов нашего языка. По-русски вовсе нет нужды строго следовать аналитической конструкции и

можно употреблять самые смелые инверсии. Однако, существует определенное правило расположения слов, основанное на духе языка, и этим правилом нельзя пренебрегать, если хотят писать на чистом и правильном русском языке, а именно: сближать, поскольку, возможно члены предложения теснейшим образом связаны между собой. Это правило меняется в зависимости от числа дополнений к подлежащему и сказуемому, и если оно несколько видоизменяется, то не знает исключений по крайней мере в прозе. Этому правилу мы обязаны ясностью, которая господствует в произведениях наших хороших прозаиков. <...>

Во французском языке многосложные слова имеют всегда и неизменно ударение на последнем слоге за исключением немого *e*, которое можно и не считать за слог. В итальянском и польском языках ударение почти всегда ставится на предпоследнем слоге. Вот причина, почему на этих трех языках бесконечно трудно подражать стихосложению древнему. Наоборот, русский язык свободен в своих ударениях, и, следовательно, все греческие и латинские стихотворные размеры ему доступны. Однако, ввиду того, что в нем больше кратких, чем долгих слогов, ритмы, в построение которых входят спондей, молосс и разного вида эпитриты ему менее свойственны. Стопы, которые встречаются часто в русских многосложных словах, — анапест, кретик, дактиль, разные пеоны. В словах двухсложных преобладает ямба над хореем. Ритмические русские стихи могут обойтись и без рифмы, но для ямба и хорea и многих пеонических и дактилических размеров употребляют их весьма охотно. У нас есть четыре вида рифм: односложные, двухсложные, трехсложные и четырехсложные. В трех видах многосложных рифм ударение должно находиться на первом слоге. Гекзаметр занимает основное место среди русских размеров, никогда не пользующихся рифмой. Он отличается от латинского гексаметра предпочтением дактиля перед спондеем, который при том часто заменяется хореем. Элегический размер, позднее введенный также вполне привился в нашем языке. Скажу то же о софических стихах и о многих других подражаниях древним или создаваемым по их примеру согласно с духом нашего языка... Однако народ, который обладал неизмеримо лучшим слухом и вкус которого не был испорчен, создал для своих песен и сказок ритм, который при совершенном своеобразии, тем не менее весьма приятен и быть может более соответствует духу языка — по крайней мере народной поэзии, чем упомянутые нами различные греческие и латинские размеры. Взглянем на теорию народного стиха. Можно сказать, что этот стих эпичен, в наших сказках и балладах и элегичен или лиричен в наших романсах и песнях. В нем считаются только долгие слоги.

В эпическом стихе требуется три слога, в элегическом — два и в лирическом — только один. Число кратких слогов может меняться от стиха к стиху. В этих размерах рифма не является совершенной необходимостью, но она в них приятна и применяется

чаще трех- или четырехсложная, чем односложная или двусложная. Таково... современное состояние русского языка: он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве, в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время, как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингисхана и Тамерлана. На вешевой площади и на кораблях, в стенах и в летописях великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе. Здесь он был залогом искупления Москвы, Киева, Суздаля и других княжеств, где жители, угнетенные татарами, понемногу очнулись от своего панического ужаса и начинали надеяться, ибо говорили они, «в наших жилах течет кровь сынов великой республики и мы говорили на языке питомцев свободы». Наконец, тирания варваров была сокрушена, и Россия стала огромным государством. В результате этих событий Новгородская республика пала в слишком неравной борьбе с честолюбием Иванов, русских князей. Но судьба без сомнения допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный... Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа-захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены.

*Из лекции о русской литературе и русском языке,
прочитанной в Париже в июне 1821 года*.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА РАЗВИТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ

Из слова же русского, богатого и мощного, силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный *для немногих* язык, un petit jargon de coterie.² Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами, колоннами, баронами, траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами. В самой прозе стараются заменить причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами. О мыслях и говорить нечего.

1824. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. «Мнемозина», М., 1824, ч. 2, стр. 38.

---

* Литературное наследие. Декабристы-литераторы, т. I, АН СССР, 1954, стр. 374—380.

Слог — только часть исполнения. Конечно, не принимая слова слог в таком тесном значении, в каком у нас многие его принимают; так например: иные называют хорошим слогом тот, который грамматически правилен, свободен от слов обветшалых и не шероховат; но забывают, что этот хороший слог может быть водян, сух, вял, запутан, беден, — словом, несносно дурен. И так, хороший слог состоит не в одной правильности, а хорошее исполнение имеет еще обширнейшее значение.

Дневник. Запись 10 сентября 1832 г., стр. 76. *

...Греч с своим грамматически правильным слогом сух и в самом слогe <...> ничего не видит и не хочет видеть далее того, что затвердил еще в школе, или чего нахватался кое-как из иностранных журналов самого пошлого разряда.

Дневник. Запись 20 июня 1832 г., стр. 61.

Но что такое неправильности слога Грибоедова? (кроме некоторых и то очень редких исключений). С одной стороны опущения союзов, сокращения, подразумевания, с другой плеоназмы, — словом, именно то, чем разговорный язык отличается от книжного. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмельницкому (за их хорошо написанные сцены), но автору первой главы «Онегина», Грибоедов мог бы сказать то же, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не афинянину, — сказала афинская торговка: «вы иностранцы». — «А почему?» — «Вы говорите *слишком* правильно; у вас нет мнимых неправильностей, тех оборотов и выражений, без которых живой разговорный язык не может обойтись, но о которых молчат ваши *грамматики и риторики*». ³

Дневник. Запись 8 февраля 1833 г., стр. 92—93.

Наш язык — необыкновенно богатый — в некоторых, — хотя и в немногих, случаях — и необыкновенно беден. Так например кроме *и* и *но* у нас почти нет союзов, годных в поэзии; самые *а* и *же* редко употребляются. Союз *ибо* чуть-ли не первый я осмелился употреблять в стихах, и то в драматических белых.

Дневник. Запись 6 июля 1833 г., 114.

Я не слишком большой любитель русских, очень часто не русских, слов новейшей фабрики. Но глагол *опламенить*, употребленный Ф. Глинкою, хорош и мог бы, по моему мнению, войти в состав языка: если говорят *воспламенить*, почему же не сказать при случае и *опламенить*, т. е. *озарить пламенем*?

Дневник. Запись 21 июля 1833 г., стр. 118—119.

* В. К. Кюхельбекер. Дневник. «Прибой», 1929. Все ссылки по этому изданию.

От доброго сердца хохотал я над экзаметром маленького Глинки; * в его сказке: «Бедность и Труд», этот стих у него ку-дахчет курицей, гогочет гусем, свищет и чиркает чижом и пр. и все это *звукоподражание*. ** Но звукоподражание и *Виргилия* и Гомера, кажется, не то: у них оно не насильственный набор слов, нанизанных единственно для того, чтобы произвести нечто, похожее на звуки природы; а нечаянный подарок, данный языком вдохновению, подарок, которого, быть может, вдохновение и не заметило... *насильственное звукоподражание*, по моему мнению, столько же смешно и нелепо в поэзии, сколь оно по *единогласному приговору* всех людей со вкусом нелепо и смешно в музыке.

Дневник. Запись 15 августа 1833 г., стр. 126—128.

Страсть у Николая Михайловича наряжать наших древних славян во фраки! Доказательств, что эта страсть у него неисцелима, в 3-м томе довольно, например Мстислав Храбрый в летописи говорит: «*аще ныне умрем за Христианы, то очистимся грехов и бог вменит кровь нашу с мученики*» etc. Но Николаю Михайловичу показалось *неблагоприятным* говорить о грехах, о мучениках и, перефразируя только конец речи старославянского витязя, он его из христианина грековосточной церкви 12 столетия жалует в философы 18-го и заставляет произнести следующую великолепную тираду: «за нас бог и правда; умрем ныне или завтра; умрем же с честью».

Дневник. Запись 27 сентября 1833 г., стр. 139—140.

Доброго нашего И. К. Кайданова исторический слог ни на что не похож. Из его всемирной истории помещен в «Сыне Отечества» отрывок, в котором он описывает войну 1812 года: тут при имени каждого русского генерала несколько риторических эпитетов и прилагательных, — тот наш Деций, тот Фабий, а тот Эпаминонд, другой бестрепетный герой, готовый всем жертвовать славе, третий мудрый, прозорливый вождь; словом ни один не пропущен без п о д о б а ю щ е й ему чести. Не так пишут историю.

Дневник. Запись 28 октября 1833 г., стр. 146.

---

* Федора Николаевича.

** Говоря о звукоподражании, Кюхельбекер имеет в виду следующие стихи этой сказки:

«Утки трюшком, ковыльком, шепелявые плещутся в лужах;
Говорных гордых гусей долговыйна ватага гагачет,
Сипло шипят на прохожих... Вдруг клекчут, мурлычат индейки...
Каркает черный вран, грохает грач и сорока стрекочет...
Свищет и чиркает чиж...»

А. А. Бестужев-Марлинский

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Напрасно г. К-ъ сомневается в существовании собственно русского языка. Когда и как составилась он и отделился от славянского, того никто определить не может, но что это было и было гораздо прежде XII века, доказывается «Русскою Правдою» и «Словом о полку Игоря». «Нелепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестей», — говорит сочинитель «Слова», а следовательно, язык, которым пел он, был уже в его время старинным, но все-таки не славянским.

Сам преподобный Нестор часто удаляется от языка церковного или, лучше сказать смешивает оный с народным. Например, он пишет вместо славянских: *просяще, хотяще, спяще, владеет, недовлеет* и проч. *просяче, хотяче, спяче, владеет, ненадобе*, и тому подобное...»

...О песнях сказать нечего: большая часть оных моложе 350 лет: но возможно ли чтоб древнейшие из них, изменяясь преданием изустным, не оставили на себе никакого признака родимого языка? Стихи труднее переделывать, чем прозу, а мы не находим в них и следа выражений славянских: поэтому я, со всем уважением к почтенному критику, не отступлюсь от языка предков моих, на котором они радовались и горевали, пели и совещались.

Замечание на критику, помещенную в № 13 «Сына Отечества».¹ — «Сын Отечества», 1822, № 20, стр. 254—258.

Почему, в периоде русской литературы до татар, вы определенно сказали, что «язык церковный был долгое время исключительно книжным языком?» «Русская правда» издана Ярославом около 1019 года, но она написана не по-славянски. «Песнь о полку Игоря» принадлежит к XII веку, но весьма далека от языка церковного. Многие грамоты переходят отличительно в собственно русский язык, следовательно нельзя сказать будто «книжный язык летописей, повестей и проч. был тот же богослужбный...»

Почему вы сказали, что «Слово о полку Игоря» писано тогдашним народным языком русским, близко подходящим к слогу Нестора и переводу библии.

Во-первых, говоря о языке, вы сбиваетесь на слог, а это две вещи одна от другой независимые. Потом, соглашаясь с мнением, что «Слово» сие писано по-русски, не сознаюсь, чтобы народный язык был когда-либо книжным, еще менее библейским ибо все доказывает противное. Следовательно, близкого между ними сходства существовать не могло... в «Слове о полку Игоря» язык и слог совершенно отличны от церковного и скорее походят на язык и слог новгородской летописи издавека, а ближе «Русской правде» судя по особенному их словосочинению, особому выражению.

*Письма к издателю «Сына Отечества» «Почему».*² — «Сын Отечества», 1822, № 18, стр. 159—160.

... Г. возражаетель, говоря в окончании письма своего о каком-то способе достигать (нам, русским) до той цели, чтобы иметь свои собственные названия (т. е. номенклатуру) не думает ли, что это достигается методически? На сие отвечаю мнением знаменитого нашего историсографа: «Слова не изобретаются Академиями, они рождаются вместе с смыслами и в употреблении языка или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслью одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого законодательства с нашей стороны; мы не даем, а принимаем оные».

*Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения».*³ — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 219.

Гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов, не был чужд и предкам нашим. Чувства и страсти свойственны каждому; но страсть к славе в народе воинственном необходимо требует одушевляющих песней, и славяне, на берегах Дуная, Днепра и Волхова, оглашали дебри гимнами псебдными. До XII века, однако же, мы не находим письменных памятников русской поэзии: все прочее сокрывается в тумане преданий и гаданий. Бытописания нашего языка еще невиннее народных. <...> С Библиею (в X веке), написанною на болгаро-сербском наречии, славянизм наследовал от греков крассты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение эллинские. Переводчики священных книг и последующие летописцы, люди духовного звания, желая возвыситься слогом, писали или думали писать языком церковным — и оттого испестрили славянский отечественными и местными выражениями и формами, вовсе ему несвойственными. Между тем язык русский обживался в обществе и постепенно терял свою первобытную дикость, хотя редко был письменным и никогда книжным. Владычество татар впечатлело в нем едва заметные следы, но духовные писатели

XVI и XVII столетий, воспитанные в пределах Польши немало исказили русское слово испорченными славенопольскими выражениями. От времен Петра Великого с учеными терминами вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Ве́к галлицизмов настал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чужих ему наречий.

1823. *Взгляд на старую и новую словесность в России.*⁴
Соч., т. XI, стр. 207—209.*

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык имеет свои краски, т. е. звуки. Он ими воображению нашему может весьма часто рисовать или живописать предметы... Этой живописью или обрисовкою язык наш богат, но он не только удачно может придавать краски предметам, совершенно лишенным чувственности: он не только живописен, но и... звучен... Чтобы увериться в звучности русского языка... стоит только прочитать лучшие сочинения Державина.

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». —
«Соревнователь просвещения и благотворения», 1821,
ч. 14, стр. 212—214.

Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его. Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но дает большую твердость колосьям, и обещает богатую жатву.

1823. *Взгляд на старую и новую словесность в России.*
Соч., т. XI, стр. 248.

...Русский язык подобно германскому в XVIII веке возвышается ныне, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Теперь ученики пишут таким слогом, которого самые гении сперва редко добывали, и теряя в числительности творений, мы выигрываем в чистоте слога. Один недостаток — у нас мало творческих мыслей. Язык наш можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: он лепечет сквозь сон гармонические звуки, или стонет о чем-то; — но луч мысли редко блуждает по его лицу. Это младенец, говорю я, но младенец — Алкид, который в колыбели еще удушал змей! — И вечно ли спать ему?

1823. *Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.*
Соч., т. XI, стр. 179.

---

* Высказывания А. А. Бестужева-Марлинского, кроме особо оговоренных, приводятся по Собранию сочинений в 12 томах, СПб., 1838.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Как не пожалеть, что некоторые... по незнанию ли отечественного языка или тщеславия быть известными в чужих краях пишут на языке французском! Это в первом случае не извинительно, а во втором — слишком для русского униженно: Державин не имел надобности писать по-китайски, но ода «Бог» переведена на китайский язык.

Опыт о происхождении зла, сочинение русского офицера. — «Сын Отечества», 1819, № 21, стр. 68.

В одном месте он⁵ обвиняет меня за слово «религиозный». Я был бы ему очень благодарен, если бы он... заменил чужестранное сие слово «религиозный» русским, равносильным.

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 217.

Просвещение не вдруг проникло в умы предков наших, но по природе вещей, мало помалу развило новые идеи, которые требовали новых знаков для выражения, ибо нельзя ни назвать, ни пожелать того, в чем не имеем ни малейшего понятия. Науки изобрели знаки свои (или имена), а утонченные системы наук раздробили лестницу номенклатуры на мелкие ступени, ведущие разумом к совершенству. Русские, подобно всем, переходили через поле невежества к рубежу образованности, и язык наш, всегда верный истолкователь понятий и нравов народа щел всегда наравне с нами... Но можно ли найти в летописи Несторовой термины физические или философские? ...Нет у нас языка философского, нет номенклатуры ученой.⁶

Торжественное заседание императорской Российской Академии. — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 13, стр. 307.

...не ум языка порождает слова, а ум превосходных писателей, которых у нас не очень много. Доколе мы не будем обгащены оригинальными сочинениями, в которых бы выражены были понятно и чисто все мысли, встречающиеся в отвлеченных науках, до тех пор, кажется, можно говорить, что в «логическом и метафизическом выражениях язык наш... не превосходит языков классических».⁷

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 216—217.

Язык славянский служит теперь для нас арсеналом: берем отсюда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих

бычачьей кожей, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, напр., *вертоград*, *ланиты*, *десница*, но оставляем червям старины *само* и *овамо*, *говяда* и тому подобное.⁸

Замечания на критику, помещенную в № 13 «Сына Отечества». — «Сын Отечества», 1822, № 20, стр. 262—263.

Для трагедии ни один из живых европейских языков не может быть склоннее русского: отсутствие членов и умолчание глаголов вспомогательных творят его плавным разнообразным и вместе сжатым. Высокость речений славянских, важность и богатство звуков придают ему все мужество, необходимое для выражения страстей нежных или суровых.

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 237.

...слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразия в падении, в округлении периодов, и не терпит повторений. От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю: поэтов) и почти вовсе нет прозаиков, и как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних — погрешностями противу языка. К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото оного на блестящие заморские безделки.

Там же.

В отношении к писателям я замечу, что многие из них сотворили себе школы, коих упрямство препятствует усовершенствованию слова, другие не дорожат общим мнением и на похвалах своих приятелей засыпают беспробудным сном золотой посредственности. Наконец, главнейшая причина есть изгнание родного языка из общества...⁹

Там же, стр. 242.

Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? Бог весть!

1825. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Соч., т. XI, стр. 191.

РОЛЬ ПИСАТЕЛЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В летописях, до нас дошедших, первое место занимает Несторова. Они писаны хронически, слогом простым, не кудрявым, но более или менее означенным славянизмом.

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 210.

Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры. Одно имя соловья Бояна отгрянуло в погостстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев<...> Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странностию привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славлюбивый дух народа дышит в каждой строке.

Там же, стр. 211—212.

...новая эпоха в красноречии настает от *Феофана*, в стихотворстве от *Кантемира*<...> но язык Феофана неправилен, издоман, испещрен польским и славянским. Остроумный Кантемир хотя unsuccessfully ввел французский, вялый силлабический размер, хотя писал слогом неровным, жестким, хотя дружил нас с европейскими мыслями на языке народном, еще необработанном, но как философ, как верный живописец нравов и обычаев века, будет жить славою в дальнем потомстве!

Подобно северному сиянию с берегов Ледовитого моря, гений *Ломоносова* (род. 1711, ум. 1765) озарил полночь. Он пробился сквозь препоны обстоятельств, учился и научал, собирал, отыскивал в прахе старины материалы для русского слова, созидал, творил — и целым веком двинул вперед словесность нашу. — Русский язык обязан ему правилами, стихотворство и красноречие — формами, тот и другие — образцами. Дряхлевший слог наш юнел под пером Ломоносова.

Там же, стр. 212—213.

Наконец, к славе народа и века, явился *Державин*, поэт вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни после него не достигаемая<...> Его слог неуловим, как молния, роскошен, — как природа. Но часто восторг его упреждал в полете правила языка, и с красотою вырывались ошибки.

Там же, стр. 217.

...Блеснул *Карамзин* на горизонте прозы, подобно радуге после потопа. Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчалый в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков. Он двинул счастливою новизною ржавые колеса его механизма, отбросил чуждую пестроту в словах, в словосочинении и дал ему народное лицо. Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переесрот в русском языке, на лучшее.

Там же, стр. 219.

Н. И. Карамзин выдал в свет X и XI томы Истории Государства Российского <...> смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там, видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукой истинного дарования.

Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Соч., т. XI, стр. 192.

*Востоков*¹⁰ первый показал опыт над гибкостью русского языка для всех стихотворных размеров. <...>

И. А. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравовучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. <...> Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы — и это-то есть верх искусства. <...>

Александр Пушкин <...> еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога, и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии. <...>

Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов — это музыка; не упоминаю о плавности их — по русскому выражению, они катятся по бархату жемчугом!

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 221, 224, 227.

А. С. Пушкин

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как материал словесности, язык славяно-русской имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отсюда заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.

*1825. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен
И. А. Крылова. Соч., т. XI, стр. 31.**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сегования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Изд. АН СССР, 1937. Все ссылки, кроме одной, особо оговоренной, по этому изданию.

порабощенный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов<...>

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия;<...> и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка<...>

Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему<...>

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают.

*О предисловии г. Лемонте к переводу басен И. А. Крылова.
Соч., т. XI, стр. 32—33.*

О СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

Если все уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого — неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов.¹

*1827. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Соч., т. XI, стр. 59.*

...разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности.

1836. «Об обязанностях человека». Сочинения Сильвио Пеллико. Соч., т. XII, стр. 100.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

1827. Отрывки из писем, мысли и замечания. Соч., т. XI, стр. 52.

Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

1828. Письмо к издателю «Московского Вестника». Соч., т. XI, стр. 66.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*; *татары*, а не *татары*. Почему? потому что все им<ена> сущ<ествительные>, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин* и *ярин*, имеют свой род<ительный> во множ<ественном> на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*; а им<енительный> множ<ественного> на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же сущ<ествительные>, конч<ающиеся> на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множ<ественном> им<енительный> <на> *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а род<ительный> на *анов*, *янов*, *аров*, *яров*. Единственное исключение: имена собственные. <...>

Иностранные собств<енные> им<ена>, кончающиеся на *e*, *и*, *о* *у*, не склоняются. Кончающиеся на *a*, *ъ* и *ь* склоняются в мужском роде, а в женск<ом> нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем и проч.

Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлил взор на *отдаленные громады*
2. на *теме гор* (темени)
3. *воил* вместо *выл*
4. *был отказан* вместо *ему отказали*
5. *игумену* вместо *игумну*

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г. ***.

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

Пишут: тѣлега, телѣга. Не правильнее ли: телега (от слова телец — телеги запряжены волами)?

1830. *Опровержение на критики. Соч., т. XI, стр. 147—148.*

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.²

1833. *Заметки и афоризмы разных годов. Соч., т. XII, стр. 180.*

Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого.

1836. *Русская Академия. Соч., т. XII, стр. 43.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА И ИСТОЧНИК ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО

Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! — обычай, история, песни, сказки — и проч.

1822(?). *Из чернового плана статьи «О французской словесности».*
Соч., т. XII, стр. 192.

⚡ Людская молвь и конский топ

Выражение сказочное (Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать <роп вм. ропот, топ вм. топот> и проч.> На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдинами во многих рус<ских> губерниях. NB мне случилось также слышать стукот вместо стук.³

1828(?). *Из черновой статьи «Возражение на статью Атеней».*
Соч., т. XI, стр. 72.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винит<ельный>, а не родительный падеж; *времен* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *времен*.)

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую молвь и конский топ!

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» — Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «В<естнике> Евр<опы>». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение* * (следств<енно> и *хлоп* вместо *хлопанье* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: «И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь». Бова К<оролевич>.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

1830. Опровержение на критики. Соч., т. XI, стр. 146—147.

Разговорный язык простого народа (не читающего иностр<анн>ых книг и, слава богу, не выражающ<его>, как мы, своих мыслей на фр<анцузском> языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Там же, стр. 148—149.

СООТНОШЕНИЕ РАЗГОВОРНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКОВ

Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оний* **, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета скачущая по мосту, слуга метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

1836. Письмо к издателю. Соч., т. XII, стр. 96.

* Он шип пустил по зменному. Др<евние> русск<ие> стихотв<орен>ня>.

** Впрочем мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч.

ЗА САМОБЫТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются — 1) общее употребление фр<анцузского> языка и пренебрежение русского — все наши писатели на то жаловались, — но кто же виноват, как не они сами. Исключая тем, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен — у нас еще нет ни словесности, ни книг, * все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных; мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гарм<онии>, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились — метафизического языка ⁴ у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны.

1824. Из чернового наброска заметки «О причинах замедливших ход нашей словесности». Соч., т. XI, стр. 21.

...Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

...Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

1824. Евгений Онегин, глава третья, строфы XXVI, XXVII.
Соч., т. VI, стр. 63.

Сейчас прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона — чудо-хорошо! Твой слог, живой и оригинальный, тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо сделал, что засту-

* ...в стране моей родной
журналов <тысячи, а книги ни одной>

Согласен с последним полустишием.

пился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы, т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в *Онег<ине>*.

*Из письма к П. А. Вяземскому*⁵ 13 июля 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 187.

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

1823. Евгений Онегин, глава первая, строфа XXXI.
Соч., т. VI, стр. 16.

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному<...>

У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов <так> еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Попыты Жук<овского> и Катен<ина> были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность Убийцы, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния

Гляди, гляди, плешивый —

стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в Гамлете вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

1828. Из чернового наброска статьи «О поэтическом слоге».
Соч., т. XI, стр. 73.

...Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, т. е. перефразировать; это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку.⁶

*Из письма И. В. Киреевскому от 4 февраля 1832 г.
Соч., т. XV, стр. 9.*

Только революционная голова, подобная Мир<або> и Пет<ру>? может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке.
1823. Заметки и афоризмы разных годов. Соч., т. XII, стр. 178.

О ТВОРЧЕСКОЙ СМЕЛОСТИ И НОВАТОРСТВЕ ХУДОЖНИКА

Разбойников я сжег — и по делу. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц Пол<ярной> Зв<езды>, то напечатай его.⁷

*Из письма к А. А. Бестужеву, 13 июня 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 64.*

Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали.

*Из письма к П. А. Вяземскому, декабрь 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 80.*

Есть различная смелость: Державин написал: «орел на высоте паря», когда счастье «тебе хребет свой с грозным <смехом> повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вокруг тебя загнуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
С высот и проч.

Жуковский говорит о божестве:

Он в дым Москвы себя облек

Крылов говорит о храбрости муравья, что

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы донныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *равé*, помост. <...>

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache*. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и свое нравной критике. — Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в «Фаусте», Молиера в «Тартюфе».

1827. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». Соч., т. XI, стр. 60—61.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кал<ьдерона>, Шекспира или нашего Державина. Что скажут они о Потемкине сего последнего,

который взвесить <смел>
Дух Россов, мощь Екатерины,
И опершись на них хотел
Воз<несть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал>?

Или о войне, который

Поникнул лавровой главою.

Люди, выдающие <себя> за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней <мере> иметь школьные сведения о грамматиках и риториках — и иметь хоть малое <понятие> о свойствах русского языка.

1828(?). Из черновой статьи «Возражение на статью „Атеня“». Соч., т. XI, стр. 72.

...Без грамматической ошибки⁸
Я русской речи не люблю.
< . . . . . >
Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговср речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей

1824. Евгений Онегин, глава третья, строфы XXVIII, XXIX. Соч., т. VI, стр. 64.

Если б Недоросль, сей единственный памятник народной сарыры, Нед<оросль>, которым некогда восхищалась Ек<атери-а> и весь ее блестящий двор, если б Н<едоросль> явился

в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Ф. Визина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с *сукою* (!) «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа, сии с дамами! Где бы, как бы послушать!

В «В<естнике> Евр<опы>» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда во всем Графе Нулине этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

Слова *усы*, *визжать*, *вставай*, *рассветает*, *ого*, *пора* казались критикам *низкими*, *булацкими*; [низкими словами я, как В<ильгельм>К<юхельбекер>, почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, нализаться вместо выпиться пьяным и т. п.] но никогда не пожертвую искренностью и точноию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и т. п.

1830. *Опровержение на критики. Соч., т. XI, стр. 155, 157, 159.*

В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипение*:

Он шип пустил по зменному,

(*Древние русские стихотворения*)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

1830. *Из примечаний к роману «Евгений Онегин».*
Соч., т., VI, стр. 193—194.

...Прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет я все-таки при том же мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новым-городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность.⁹

Из письма к М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г.
Соч., т. XIV, стр. 128.

БОРЬБА ПРОТИВ «САЛОННОГО ЯЗЫКА» КАРАМЗИНИСТОВ,
ПРОТИВ «СЛАВЯНЩИНЫ» ШИШКОВИСТОВ¹⁰

Сперва хочу с тобою побораться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина...

*Из письма к Л. С. Пушкину 24 января 1822 г.
Соч., т. XIII, стр. 35.*

...Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба* — не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо; разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра — сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь — эта молодая, хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоиц, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью... боже мой, зачем просто не сказать *лошадь*; не короче ли — г-н издатель такого-то журнала <...>

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

*1822. Из чернового наброска статьи «О прозе».
Соч., т. XI, стр. 18—19.*

На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он *Бахчис* <арайский> *фонтан* из уважения к святыне Академического словаря и неблажно составленному слову *водомерт*?

*Из письма к Л. С. Пушкину 13 июня 1824 г.
Соч., т. XIII, стр. 98.*

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острились насчет славенизмов. *

*1825. Из черновика записей «Старинные пословицы и поговорки».
Соч., т. VII, стр. 533.*

Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не

* Ссылка дается по VII тому, стр. 533 десятипятого издания Собрания сочинений А. С. Пушкина в издании АН СССР. М.—Л., 1950. А. Д.

можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *цалуй меня* етс...

1833—1834. • Путешествие из Москвы в Петербург, вариант к главе «Ломоносов». Соч., т. XI, стр. 226.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Руслан напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но *свежий сон* тут смысла не имеет. К<авказский> Пленник иное дело.

Остановляя он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. *Живи — и путник оживает* — Живи — и пленник оживает. Пещеры *темная* прохлада — *влажная*. И вдруг на *домы* дождь и град — *долы*. В чужой аул *ценою злата* — за много злата (впрочем как хочешь).

Не много радостных ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала*. То ли дело. *Ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малой, уговори его или я слягу.

На *смертном поле* свой бивак

У меня прежде было *У стен Парижа*. Не лучше ли, как думаешь? *верил я надежде И уповательным мечтам*. Это что? *Уповательным* мечтам. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде Антикритики. 1) *Под влажной буркой*. Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно можно спать под нею, когда нечем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) *На берегу заветных вод*. Кубань — граница. На ней карантин, и строго запрещается казакам переезжать *об' он' пол*¹¹.

Из письма к П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 69.

Конечно ты прав, и вот тебе перемены.

Язвительные лобзания напоминают тебе твои...? поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике...

...Но верой матери моей
Была твоя...

если найдешь удачную перемену, то подари меня ею; если ж нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою, но инка кр...* а слово Грузинка тут необходимо — впрочем делай, что хочешь<...>

Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный*, а стих все-таки калмыцкий.

*Из письма к П. А. Вяземскому 1—8 декабря 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 80—81.*

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии<...>

Существует еще такая замашка: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, все носит отпечаток данного характера (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне пить*, как заговорщик — это просто смешно. Вспомните Озлобленного у Байрона (*ha pagato*) * — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве все это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните Ш<експира>. Идите Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык соответствующий его характеру.

*Из чернового письма Н. Н. Раевскому-сыну (после 19 июля) 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 541.*

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, то кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василысы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за Водопад. Давай мутить его сейчас же.

...с гневом

Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать молнии *властительница небесного огня?* Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяя его: каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное.

2 <строфа> прелесть! — Дождь брызжет от (такой-то) шибки

Твоих междуусобных волн

* он заплатил.

Междуусобный значит *mutuel*, но не включает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы — прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc. Точность требовала бы *не отражаешь*. Но твое повторение *ты*, тут нужно.

Под грозным знаменьем etc. *Хранишь* etc, но вся строфа сбивчива. Зародыщ непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. *Как средь пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь* и *пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится.

etc, а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто.¹²

Из письма к П. А. Вяземскому 14 и 15 августа 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 209—210.

...прочел Духов, сперва про себя, а потом и вслух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? все равно; критикую:

...*Сир* слово старое. Прочтут иные *сыр* etc — очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать. — Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем везде, где поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье*, речь Ариеля и последняя тирада, — прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно-русские — например, слушать *в оба уха*, брось вид угрюмый, *взгляд унылый*, молодец ретивый, сдернет чепец *на старухе* etc.¹³

Из письма к В. К. Кюхельбекеру 1—6 декабря 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 247—248.

Ты напрасно не поправил в Олеге *герба России*. Древний герб, с <вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во времена Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы.¹⁴

Из письма к К. Ф. Рылееву. Вторая половина мая 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 175—176.

В 4 к<ниге> «Аф<енея>» напечатан разбор 4-й и 5-й главы «Онег<ина>» <...> критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян, след<ственно> Державин ошибся сказав: «Глагол времен».

Но Б<атюшков>, который, впрочем, ошибался почти столь же часто, как и Д<ержавин> сказал:

То древнюю <Русь> и нравы
Владимира времен.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук. — В поле етс. Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет [его].

1828. Из черновой статьи «Возражение на статью „Атенея“».
Соч., т. XI, стр. 70—71.

Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Например, новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту, пользоваться* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе*, значило в старину: *быть в посылстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив склада; сказка — дело другое.

1830. Из заметки-рецензии на роман М. Загоскина
«Юрий Милославский или русские в 1612 г.»
Соч., т. IX, стр. 93.

ТЕКСТ «ОПЫТОВ»

Надежда (стр. 9—10)

Все дар его: и краше всех
Даров, Надежда лучшей жизни!

На развалинах замка
в Швеции (стр. 11—18)

...Ах, юноша! спешу к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер во след твоим судам,
Герой, победою избранный...

ЗАМЕТКИ ПУШКИНА

Точнее бы *Вера*

Неудачный перенос

вяло.

Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

Вот стихи прелестные, собственно Батюшкова — вся строфа прекрасна.

Где вы, отважные толпы богатырей
Вы, дикие сыны и брани и свободы...

живо, прекрасно.

Элегия из Тибулла
(стр. 19—20)

*О вы, которые умеете любить,
Страшитесь любовь разлукой прогневить!*

Вяло.

Воспоминание (стр. 27—29)

*...На смерть летя против врагов
...Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту...*

слабо

Неудачный оборот и дурные стихи.

Воспоминания (стр. 30—32)

Средь бурей жизни и недуг

бурь, недугов

Выздоровление (стр. 33—34)

Как ландыш под серпом убийственным
жнеца

Склоняет голову и вянет

Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных.

Мщение. Из Парни (стр. 35—38)

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери своей.

И у Парни это место дурно, у Батюшкова хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями.

Таврида (стр. 68—70)

Весна ли красная блистает среди полей,
Иль лето знойное палит, иссохши злаки,
Иль урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и
мраки...

Любимые стихи Батюшкова самого.

Приписка под стихотворением:

По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова.

П л е н н ы й (стр. 86—90)

...Покрытый в зиму ярким снегом!..

...Где ждет меня краса

...И под окном, в часы вечерни...

Гезиод и Омир — соперники
(стр. 93—100)

Народы, как волны, в Колхиду текли.

И что ж? В юдоли сей страдалец искони...

К другу (стр. 101—105)
(строфа 9)

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной из важных Муз
И прелесть — девственной Хариты

(строфа 11)

...Цветок (увы!) исчез, как сладкая мечта.
Она в страданиях почилла...

(строфа 14)

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали

Мечта
(стр. 106—118)

...Или в полночный час
Он слышит скальдов глас
Прерывистый и томный.

...Волшебница моя! Дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный

Изглоданный сухарь, мышей тюремных
пепелища,
пища,

Сосуды глиняны с водой,
Все, все украшено тобой!

было прежде: белым
снегом.

вместо: красавица.
Неудачно.

Невежество не-
простительное!
Библеизм не-
уместный.

звуки итальянские!
Что за чудотворец
этот Батюшков.

прекрасно!

Клио, как депо,
не склоняется. Но
это правило было бы
затруднительно.

Скальд и бард
одно и то же, по
крайней мере — для
нашего воображения.

какая дрянь

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках. <...>

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол ссорить управляем не частицей не, а глаголом хочу. Ergo — правильно сюда нейдет. Возьмем например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... стихи, а уж конечно не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю. <...>

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ю главу, заметил однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицей Уж, что и называл он ужами, а что в риторике зовется *единначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и вероятно чиновных называл *девчонками* (что конечно неучтиво), между тем как простую деревенскую девушку назвал *девою*:

В избушке, распевая, дева
Прядет...

1830. Опровержение на критику. Соч., т. XI,
стр. 145—147, 149.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка — (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется,

читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь.

Из письма к А. А. Дельвигу. Первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Соч., т. XIII, стр. 181—182.

Но ты слишком бережешь меня в отношении к Ж<уковскому>. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода.

Из письма к П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину 25 мая и около середины июня 1825 г. Соч., т. XIII, стр. 183.

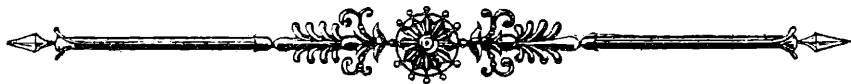
В слоге г. Павлова, чистом и свободном, *изредко* отзывается *манерность*; в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов.

Из черновой рецензии на ст. Н. Павлова «Три повести».
Соч., т. XII, стр. 9.

...Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова.¹⁵

1833—1834. Путешествие из Москвы в Петербург.
Соч., т. XI, стр. 249.

Н. В. Гоголь

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Выражается сильно русский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

1842. *Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 103—109.* *

* Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, 1951. Все ссылки по этому изданию.

Я рад, что наконец начались у нас публичные чтения произведений наших писателей <...> Я думал всегда, что публичное чтение у нас необходимо <...> Искусные чтецы должны создаваться у нас <...>

К образованию чтецов способствует и язык наш, который как бы создан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи.

*1843. Чтение русских поэтов перед публикой.
Соч., т. VIII, стр. 233.*

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное названье еще драгоценнее самой вещи.

*1844. Предметы для лирического поэта в нынешнее время.
Соч., т. VIII, стр. 279.*

Пред вами громада — русский язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю низмеримость его и изловить чудные законы его <...> Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидеть какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечанье ваше. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая. Не думайте о том, как записывать лучше и не обдeldывайте ни фразу, ни мысли, бросайте все как материал. Прочтите внимательно, слишком внимательно академический словарь. На всякое слово сделайте замечание тут же на бумаге. В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь... только тогда, когда исследуете все уклонения, исключения, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности.

*Из письма С. Т. Аксакову, декабрь 1844.
Соч., т. XII, стр. 125—126.*

...сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обгащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека, — язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом; нужно было, чтобы выболтали мы на

чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названия вещей, — дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, — не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего <языка> и возвратились бы к нему, уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным. Все это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь.

1845. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности. Соч., т. VIII, стр. 408—409.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ В ОБРАЩЕНИИ СО СЛОВОМ

...Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. <...>

Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на ранвременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. <...>

Обращаться со словом нужно честно. <...>

Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст наших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово, и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах.

1844. О том, что такое слово. Соч., т. VIII, стр. 229—232.

...Уже давно было сказано на свете, что слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет.

Из письма С. Т. Аксакову, декабрь 1844. Соч., т. XII, стр. 408.

ЗА САМОБЫТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

...Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело слово, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного

русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотя непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его.

1842. *Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 164—165.*

...«Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапелъ истоар», говорила гостя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму.

Там же, стр. 182—183.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков, потому что многое нужно переправить, особливо в «*Театральном разезде*» после представления новой пьесы. <...>

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом пред казнь Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить

попрежнему, т. е.: *Батько, где ты? Слышишь ли ты это? Слышу.* Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и поэтому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше.

Из письма Н. Я. Прокоповичу, ноябрь 1842.
Соч., т. XII, стр. 84—85.

...В «Женитьбе», я вспомнил, вкралась важная ошибка, сделанная отчасти писцом: Кочкарев говорит, что ему плевали несколько раз, тогда как он это говорит о другом. Эта безделица может дать ему совершенно другой характер. Монолог этот должен начинаться вот как:

Да что же за беда! Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егзил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес: плюнул в самое лицо, ей-богу. «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать... Также в «Игроках» пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку». После этих слов следует прибавить: *Руте, решительно руте! просто картафоска!*

Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства.

Из письма Н. Я. Прокоповичу, 1842. Соч., т. XII, стр. 119.

ПРОТИВ «ЯЗЫКОВОГО ЖАРГОНА»

...Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан не хорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых.

1842. Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 158—159.

...Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо: откуда и кто принес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велили сказывать от кого. Письмо начиналось очень решительно,

именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти пол строки; потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что считаем почти необходимым их выписать: «Что жизнь наша? Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует». Затем писавшая упомянула, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете; приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом; окончание письма отзывалось даже решительным отчаянием и заключалось такими стихами:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя томно скажут,
Что она умерла во слезах.

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа. В *postscriptum* было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал.

1842. Мертвые души. Соч., т. VI, стр. 160—161.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. <...> В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. <...>

Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание, кисть его летает.

1832. Несколько слов о Пушкине. Соч., т. VIII, стр. 50, 52.

Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собою, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности и того и другого.

...поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный <...>

Ни один итальянский поэт не отделял так сонетов своих, как обрабатывал он эти легкие, повидимому, мгновенные создания. Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выражения! Как все округлено, окончено и замкнуто!

1845. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности. Соч., т. VIII, стр. 380, 382—383.

Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ошутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоено крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза. Стиха его также не схватишь. Никак не определишь его свойства: звучен ли он? легок ли? тяжел ли? Звучит он там, где предмет у него звучит, движется, где предмет движется; крепчает, где крепнет мысль, и становится вдруг легким, где уступает легковесной болтовне дурака. Его речь покорна и послушна мысли и летает как муха, то являясь вдруг в длинном, шестистопном стихе, то в быстром, одностопном; рассчитанным числом слогов выдает она ошутительно самую невыразимую ее духовность.

Там же, стр. 394—395.

...поэты берутся не откуда женибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это — огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его. Сверх того поэты наши сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое. Не знаю, в какой другой литературе показали стихотворцы такое бесконечное разнообразие оттенков звука, чему отчасти, разумеется, способствовал сам поэтический язык наш. У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук эоловой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый под час едкою, шемящею русскою грустью — все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле.

Там же, стр. 407.

А. И. Герцен

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

...главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

1860. Былое и думы. Соч., т. XIII, стр. 13.*

В продолжение XVIII века ново-русская литература вырабатывала тот звучный богатый язык, которым мы обладаем теперь; язык гибкий и могучий, способный выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французского остроумия.

1851. Русский народ и социализм. Соч., т. VI, стр. 455.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ТОЧНОСТЬ И ЯСНОСТЬ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Нет мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно в ее диалектическом развитии.¹

1842. Дилетанты и цех ученых. Соч., т. III, стр. 210.

Высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределенных полузакрытых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается. Напротив, она стремится вперед высказать, как понимает и предупреждает не истинное толкование.

1844, август. Дневник. Соч., т. III, стр. 346.

---

* А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке (т. 1—22). П., 1919—1925. Все ссылки по этому изданию.

Мы утратили возможность бесхитростно и просто выражать события мира физического <...> принимая метафору за самое дело, разделяя словами то, что соединено действительностью. Этот ложный язык приняла сама наука: оттого так трудно и запутано все, что она рассказывает. Но науке язык этот не так вреден — весь вред достается обществу.

1845. *Публичные чтения г-на профессора Рубле.*
Соч., т. IV, стр. 379.

Наука, выросшая вдали от жизни, за стенами аудиторий, держалась большею частию в отвлечениях, говорила свысока, языком трудным и в то же время неопределенным, которым она столько же высказывалась, сколько скрывалась...

...Скажем смело: хвала дерзкому языку, которым с некоторого времени заговорила наука нашего века: это кончит поскорее все недоразумения. Ей не нужно скрываться, у нее совесть чиста; пора говорить просто, ясно, пора все говорить насколько это возможно...

1847. *Капризы и раздумье.* Соч., т. V, стр. 15—16.

Ничто на свете не поддерживает так сильно людей в искаженном понимании, как наш условный и до крайности неверный язык <...> мы словами своими мешаем понимать просто и ясно свою же мысль...

Там же, стр. 22.

В этом-то и состоит вся задача педагогики — сделать науку до того понятной и усвоенной, чтоб заставить ее говорить простым, *обыкновенным* языком.

Трудных наук нет, есть только трудные изложения, т. е. непереваримые. Ученый язык — язык условный, под титлами, язык стенографированный, временной, пригодный ученикам;... доктринеры до того привыкают к уродливому языку, что другого не употребляют, им он кажется понятен, — в старые годы им этот язык был даже дорог, как трудовая копейка, как отличие от языка вульгарного. По мере того, как мы из учеников переходим к действительному знанию, стропила и подмости становятся противны, — мы ищем простоты.

1860. *Былое и думы.* Соч., т. XIII, стр. 435.

В моих письмах рядом с истинным чувством ломаные выражения, изысканные, эффектные слова, явное влияние школы Гюго и новых французских романистов...²

Тогда я все еще старался писать свысока и писал дурно, потому что это не был мой язык...

1860. *Былое и думы.* Соч., т. XII, стр. 443.

О ЯЗЫКЕ НАРОДА

Крестьянин <...> вовсе не лакей. Его жестокий язык, демократический и патриархальный, не получил образования передних <...> Он говорит хорошо и много.

*1851. О развитии революционных идей в России.
Соч., т. VI, стр. 299.*

ОБ «ЭЗОПОВОМ» ЯЗЫКЕ

Я перенесся в те времена, когда я, студент, отдавался также увлечению свободной смелой речью <...> хитрить, исказить мысль, заставить догадаться <...> Конечно, «это ирония der brutalen Macht (грубой силы)», но громкая открытая речь одна может вполне удовлетворить человека. Упрекают мои статьи в темноте, несправедливо, они намеренно затемнены. — Грустно!

1844. Дневник. Соч., т. III, стр. 361.

Говорить языком откровенным может всякий благородный язык, имеющий право говорить, но говорить языком совершенно простым, бывает, не скажу — невозможно, но трудно при известных обстоятельствах.

1847. Капризы и раздумье. Соч., т. V, стр. 16.

Цензура сильно способствует развитию искусства слога и умению обуздывать свою речь. Человек, раздраженный оскорбляющим его препятствием, стремится его победить и почти всегда в этом успевает <...> Подразумеваемое слово сильно под своим флером и всегда прозрачно для того, кто хочет понимать. Обузданная мысль заключает в себе больше смысла, — в ней видно раздражение; говорить так, чтоб мысль была ясна, но чтобы слова сами приходили к читателю, это — лучший способ убеждать.

Подразумеваемые слова увеличивают силу речи, нагота же обуздывает воображение <...> Под «красными чернилами» погибают личности, намеки; энергичные же мысли, истинная поэзия с презрением проходят через это чистилище...

*1851. О развитии революционных идей в России.
Соч., т. VI, стр. 366—367.*

В. Г. Белинский

ЯЗЫК КАК ОРУДИЕ МЫШЛЕНИЯ

...Мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах, и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа?.. Язык был дан человеку как *откровение*, а не найден им, как *изобретение*. Если человек явился в мире существом разумным, то необходимо и словесным, потому что слово есть разум в явлении. Человек владел словом еще прежде, нежели узнал, что он владеет словом; точно также дитя говорит правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, следовательно еще не зная, что оно говорит правильно, грамматически...¹

1839. *Очерки Бородинского сражения... Соч., т. IV, стр. 402.* *

Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно и слово...

1840. *Русская литература в 1840 году. Соч., т. V, стр. 492.*

...Что прочувствует и поймет человек, то он выразит; слов недостает у людей только тогда, когда они выражают то, чего сами не понимают хорошенько. Человек ясно выражается, когда им владеет мысль, но еще яснее, когда он владеет мыслию.

1842. *Русская литература в 1842 году. Соч., т. VIII, стр. 12.*

Знание точного значения слов и их различия между собою, хотя бы и самого легкого, есть необходимое условие всякого истинного мышления, ибо слова суть выражения понятий, а можно ли мыслить, не умея отличать, во всей тонкости, одного понятия от другого?²

Серед. 40-х гг. Общее значение литературы. Соч., т. VI, стр. 545—546.

---

* Высказывания В. Г. Белинского извлечены из следующих изданий: Полное собрание сочинений В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова (тт. I—XII, 1900—1926) и В. С. Спиридонова (тт. XII—XIII, ГИЗ, М.—Л., 1926—1943); Белинский «Письма». Ред. Е. А. Ляцкого. Тт. 1—3. С.-Петербург, 1914; «Литературное наследство», тт. 55—57. Изд. АН СССР, 1948.

О ЯЗЫКЕ — НАЦИОНАЛЬНОМ, ОБЩЕНАРОДНОМ ДОСТОЯНИИ

В чем же состоит <...> самобытность каждого народа? В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке <...> Невозможно представить себе народа, не имеющего одного общего для всех сословий языка...

1834. Литературные мечтания. Соч., т. I, стр. 324.

Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами.

Там же, стр. 333.

Все согласились в том, что в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность, а в народных песнях и даже сказках — своя жизнь и поэзия, и что не только не должно их презирать, но еще и должно их собирать, как живые факты истории языка, характера народа.

*1844. Старинная сказка об Иванушке дурачке, рассказанная...
Николаем Полевым. Соч., т. VIII, стр. 534.*

Но вот самый страшный запрос: где рецензент «Отечественных Записок» изучал русский язык — в пословицах, в песнях, в исторических актах? Потом именно где и в чем изучал он — в своем кабинете, в бархатных сапогах, или в других каких-нибудь местах, и в других сапогах? На это рецензент «Отечественных Записок» имеет честь ответить рецензенту «Москвитянина», что бархатных сапогов он не носит, что русский язык изучал он больше всего в сочинениях русских писателей и в образованном обществе; с пословицами знаком; сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии; к русскому народу прислушивался...³

*1846. Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка».
Соч., т. X, стр. 168.*

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

...Перевод Гнедича «Илиады» <...> при всех его недостатках, один из лучших и едва ли не самый лучший на всех европейских языках, чему причиною, кроме таланта переводчика, и удивительное богатство и гибкость русского языка.

1838. Новое издание «Илиады» Гнедича. Соч., т. III, стр. 335.

...Русский язык необыкновенно богат для выражения явлений природы <...> В самом деле, какое богатство для изображения явлений естественной действительности заключается только в глаголах русских, имеющих *виды!* *Плывать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыть, приплыть, уплывать, уплыть, наплывать, наплыть, подплывать, подплыть, поплавать, поплыть, расплываться, расплыться, наплываться, заплываться:* это все один глагол для выражения *двадцати* оттенков одного и того же действия!

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилагется!
Ах, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

На каком другом языке передали бы вы поэтическую прелесть этих выражений покойного Кольцова о степи: *расстилагется, пораскинулась, понадвинулась?*..

1845. *Грамматические разыскания В. А. Васильева.*
Соч., т. IX, стр. 477—478.

...Русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий <...> В русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов <...>

Что русский язык — один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения.

1846. *Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка».*
Соч., т. X, стр. 166—167.

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

...Никакой язык ни в какую эпоху не может быть до того удовлетворительным, чтобы от него нечего было больше желать и ожидать.

1846. *Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка».*
Соч., т. X, стр. 171.

Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа...

Язык русский вообще дороже русского языка одного какого-нибудь писателя; успехи его в будущем выше прошедшего или проходящего его состояния. ⁴

1846. Ответ на ответ г-на Д... «Литературное наследство», т. 55, стр. 388—390.

Баснописец Крылов<...> так сказать, приготовил язык и стих для бессмертной комедии Грибоедова. Стало быть, в нашей литературе всюду живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим, и ничто не является случайно.

1846. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Соч., т. X, стр. 392—393.

РОЛЬ ЛОМОНОСОВА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

⁴ С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Все это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это еще несомненнее<...>

...Нельзя довольно удивиться гению Ломоносова: у него есть строфы и целые стихотворения, которые по чистоте и правильности языка весьма приближаются к нынешнему времени.

1834. Литературные мечтания. Соч., т. 1, стр. 331, 333.

Ломоносов<...> все должен был сам сделать, всему положить начало: строя дом, должен был делать и подмости, обжигать кирпичи и растворять известь. До него существовала только русская азбука, но не было русского языка, и только после него стал возможен в России раздел ученых и литературных трудов. И вот он пишет грамматику, которая уж не годится для нашего времени, но лучше которой еще не являлось у нас; дает законы языку и утверждает их образцами<...> Введенное им стихосложение осталось навсегда в русском стихотворстве, и стихи его, по гармонии, гладкости, правильности языка, гораздо выше его прозы, в которой он старался подделаться под склад и конструкцию латинской прозы. ⁵

1836. Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. Соч., т. III, стр. 11.

Ломоносов положил начало первому периоду русской литературы, — и школы утвердили за ним титул ее отца<...> Он первый установил фактуру стиха, ввел в русское стихосложение

метры, свойственные духу языка; язык его стихотворений, несмотря на свою напыщенность и изобилие *поэтических вольностей*, естественнее, лучше языка его прозы...

1840. *Русская литература в 1840 году. Соч., т. V, стр. 468.*

Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси <...> Хотя Сумароков и Херасков ценились современниками не ниже его, но им до него —

Как до звезды небесной далеко!

Сравнительно с ним, язык его чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения.

1843. *Сочинения Александра Пушкина. Статья первая. Соч., т. XI, стр. 196.*

О ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОК ЛОМОНОСОВА

Кантемир писал так называемыми силлабическими стихами, — размером, который совершенно несвойствен русскому языку <...> Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе.

1845. *Портретная галерея русских писателей. Кантемир. Соч., т. IX, стр. 183.*

Басни Кантемира интересны, как первые опыты в этом роде — не самого автора, а русского языка.

Там же, стр. 198.

По языку, неточному, неопределенному, по конструкции часто запутанной, не говоря уже о страшной устарелости в наше время того и другого, по стихосложению, столь несвойственному русской просодии, сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения, тем более нельзя их читать много и долго.

Там же, стр. 201.

РОЛЬ КАРАМЗИНА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ломоносовский период русской литературы был сменен *карамзинским* <...> Это было шагом вперед: язык приблизился к языку живому, общественному...

1840. *Русская литература в 1840 году. Соч., т. V, стр. 470.*

...Посмотрим, как выполнил Карамзин свою высокую миссию.

Он видел, как мало было у нас сделано, как дурно понимали его собратья по ремеслу, что должно было делать, видел, что

высшее сословие имело причину презирать родным языком, ибо язык письменный был в раздоре с языком разговорным. Тогда был век *фразеологии*, гнались за словами, и мысли подбирали к словам только для смысла. Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью объясняться плавно и красно, следовательно, ему не трудно было преобразовать язык. Говорят, что он сделал наш язык сколком с французского<...> Это справедливо только отчасти. Вероятно, Карамзин старался писать как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников.

1834. Литературные мечтания. Соч., т. I, стр. 347.

...Сочинения Карамзина теряют в наше время много достоинства еще и оттого, что он редко был в них *искренен* и *естествен*. Век *фразеологии* для нас проходит; по нашим понятиям, фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приписывались для звонкой фразы. Знаю, что мы еще и теперь не безгрешны в этом отношении<...>

О стихах его нечего много говорить: это те же фразы, только с рифмами. В них Карамзин, как и везде, является преобразователем языка, а отнюдь не поэтом.⁶

Там же, стр. 348—350.

Карамзин явился преобразователем языка и стилистики. В обществе бродили уже новые идеи, для выражения которых недоставало в русском языке ни слов, ни оборотов. Карамзин улегитимировал своим талантом употребление вошедших и входивших в русский язык слов, и ввел совершенно новые не только иностранные, но и русские слова, как, напр., «промышленность».

Карамзина обвиняют в растлении чужестранными словами и оборотами, преимущественно, галлицизмами, девственности русского языка<...>

Карамзин начал писать языком общества, тем самым, которым все говорили; но, разумеется, идеализировал его, потому что письменный язык — искусственный, как бы ни был он естествен, прост, жив и свободен. Карамзин явился в самое время с своею реформою: тогда все чувствовали ее необходимость...

1841. Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 17.

...Литературная деятельность Карамзина, явившаяся оппозициею схоластическому направлению,<...> восстановила против себя славянофилов и пуристов русского языка. Время и разум решили дело в пользу реформы Карамзина, и Карамзин сделался патриархом русской литературы; под страхом анафемы и отлучения от литературного православия, не позволялось усомниться ни в одной строке, ни в одной букве его сочинений<...> Но

прошло и это время: теперь все понимают, что Карамзин виноват, если его поклонники приписали ему больше, чем он сделал, видели в нем что-то большее, нежели то, чем он был в самом деле, что вопрос не в том, чего не сделал Карамзин, а он в том, что сделал...

1842. Речь о критике... А. Никитенко. Соч., т. VII, стр. 413—414.

‡

...Для всех мыслящих людей ясно, как день божий, что творения Карамзина могут теперь составлять только более или менее любопытный предмет изучения в истории русского языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имеют, для настоящего времени, того интереса, который заставляет читать и перечитывать великих и самобытных писателей. В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени — и чувства, и мысли, и слог, и самый язык. Во всем этом ничего нет нашего, и все это навсегда умерло для нас.

1843. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая. Соч., т. XI, стр. 222.

Журналисты часто упрекают друг друга в грамматических нововведениях, называя их произвольными и искажающими русский язык; некоторые из них указывают на язык Карамзина и его орфографию, как на *норму*, которой обязаны все держаться. Жалкое ослепление, смешное заблуждение! Эти люди не понимают, что русский язык после Карамзина шел не назад, а вперед, и шел быстро, а потому и ушел далеко. Заслуги, оказанные русскому языку Карамзиным, огромны — чему лучшим доказательством служит то, что только с легкой руки Карамзина русский язык получил свойство быстрой усовершенваемости. Сравните язык Карамзина с языком Крылова, Жуковского, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова и Гоголя — и вы увидите, что в сравнении с языком этих писателей язык карамзинский кажется более как будто нерусским, нежели сколько язык ломоносовский кажется совсем нерусским в сравнении с языком карамзинским. Неисторический язык Карамзина озаменован печатью какой-то бесцветной общности, вследствие которой он очень удобен для переводов на какой угодно язык, подобно тем легоньким пескам, которыми наполняются хрестоматии для начинающих учиться переводить. Этот язык совершенно лишен национального колорита и чужд собственно русским оборотам, которые можно было бы назвать «руссизмами»; как французские обороты называют «галлицизмами».

1844. Русская грамматика Александра Востокова. Соч., т. XIII, стр. 160.

Карамзин из торной, ухабистой и каменистой дороги латино-немецкой конструкции, славяно-церковных речений и оборотов,

и схоластической надутости выражения, вывел русский язык на настоящий и естественный ему путь, заговорил с обществом языком общества... заслуга великая и бессмертная! ⁷

*1846. Мысли и заметки о русской литературе.
Соч., т. X, стр. 145.*

Карамзин, разрушив дело Ломоносова, тем самым только продолжал его. Великий реформатор приходит не с тем, чтобы разрушить, а с тем, чтобы создать, разрушая...

Но точно ли Карамзин возвратил свободу нашему языку, и обратил его к живым источникам народного слова? Известно, что его прозаический слог делится на две эпохи — до историческую и историческую, т. е., что слог его Истории Государства Российского резко отличается от слога всех его сочинений, предшествовавших ей. Доисторический слог Карамзина был великим шагом вперед со стороны и языка литературы русской: в этом нет никакого сомнения. Но не менее несомненно и то, что это слог далеко еще не русский, хотя и несравненно более свойственный духу русского языка, нежели слог Ломоносова. Скажем более: не без причины восхитавший современников, доисторический слог Карамзина теперь бледен и бесцветен. Он относится к настоящему русскому слогу, как язык новейших латинистов к языку Горация и Тацита. В нем и для иностранца, учащегося по-русски, будет все просто и легко, потому это иностранец не встретит в нем того, что называется идиотизмами, т. е. чисто-русских оборотов, или руссизмов. Исторический же слог Карамзина слишком отзывается искусственною подделкою под язык летописей, и слишком не лишен риторического оттенка. Впрочем, все это мы говорим не для унижения великого подвига Карамзина, а как бы в ответ на слова Пушкина, чтобы показать, что и Карамзин не сделал всего, как не сделал всего Ломоносов; и что, относительно, потомство вправе обвинять и Карамзина в тех же недостатках, в каких обвиняет Пушкин Ломоносова, но что тот и другой — и Ломоносов и Карамзин — оба сделали именно то, что нужно было сделать в их время и, следовательно, обоим им равно принадлежит вечная честь великого подвига.

1846. Николай Алексеевич Полевой. Соч., т. X, стр. 314.

О ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОКОВ КАРАМЗИНА

...Что у Пушкина является апофеозом, то у Державина есть только элемент, начало чего-то, зерно еще неразвившееся в растение и цвет. Великую приносит Державину честь, что он в оде, где говорится об осаде Очакова и Потемкине, дерзнул, вопреки всем понятиям того времени о благородной и украшенной природе в искусстве, говорить о зайцах, о голодных волках, о медведях, о русском мужике и его добрых щах и пиве, дерзнул на-

звать зиму седою чародейкой, которая машет *косматым* рукавом: это показывает, что он одарен был сильными и самостоятельными элементами поэзии, которым однако же, нельзя было развиваться во что-нибудь определенное и суждено было остаться только элементами, по отсутствию содержания, еще не выработанного общественною жизнью, по неимению литературного, поэтического, разговорного и всякого языка<...>

1841. *Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 13.*

...Так как он начал писать очень поздно, то и не мог овладеть ни языком, ни стихом, обладание которыми и величайшим поэтам достается не без тяжкого труда<...> Что касается до неточности в выражении, — от того времени и требовать невозможно точности, а страшное насильствие языку, т. е. произвольные усечения, ударения, часто искажение слова, должно приписать тому, что Державин в молодости не имел возможности приобрести по части языка ни познаний, ни навыка.

1843. *Сочинения Державина. Соч., т. VIII, стр. 87.*

Ода «Фелица» — одно из лучших созданий Державина. В ней полнота чувства счастливо сочеталась с оригинальностью формы, в которой виден русский ум и слышится русская речь. Несмотря на значительную величину, эта ода проникнута внутренним единством мысли, от начала до конца выдержана в тоне.⁸

Там же, стр. 158.

Появление Жуковского изумило Россию<...> Он совершенно преобразовал стихотворный язык, а в прозе шагнул далее Карамзина: вот главные заслуги. Собственных его сочинений немного: труды его или переводы, или переделки, или подражание иностранным. Язык смелый, энергический, хотя и не всегда согласный с чувством, односторонняя мечтательность... вот характеристика сочинений Жуковского.

1834. *Литературные мечтания. Соч., т. I, стр. 352.*

Стих Жуковского неизмеримо выше стиха всех предшествовавших ему поэтов: он исполнен мелодии и вместе с тем какой-то сжатой крепости и энергии. Такого стиха требовали содержание и дух поэзии Жуковского. И несмотря на то, еще многого не доставало этому стиху: он еще далеко не совсем свободен, не совсем глубок. Содержание поэзии Жуковского было так односторонне, что стих его не мог отразить в себе все свойства и богатство русского языка<...>

Пушкин имел сильное влияние на Жуковского: все стихотворения, написанные им уже по истечении второго десятилетия текущего века, отличаются несравненно лучшим языком и стихом.

1843. *Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая. Соч., т. XI, стр. 291—292.*

...Жуковский далеко подвинул вперед и русский язык, придав ему много гибкости и поэтического выражения.

1843. *Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая.*
Соч., т. XI, стр. 333.

Батюшков вместе с Жуковским был преобразователем стихотворного языка, то есть писал чистым, гармоническим языком; проза его тоже лучше прозы мелких сочинений Карамзина.

1834. *Литературные мечтания.* Соч., т. I, стр. 353.

...Правильный и чистый язык, звучный и легкий стих, пластичизм форм, какое-то жеманство и кокетство в отделке, словом, какая-то классическая щеголеватость — вот, что пленяло современников в произведениях Батюшкова<...> Была и другая важная причина, почему современники особенно полюбили и отличили Батюшкова. Надобно заметить, что у нас классицизм имел одно резкое отличие от французского классицизма; как французские классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми, стихами и вычурно-обточенными фразами, так наши классики старались отличаться варварским языком, истинною амальгамой славянщины и искаженного русского языка, обрубали слова для меры, выламывали дубовые фразы и называли это *пиштической вольностью*, которой во всех эстетиках посвящалась особая глава.

Батюшков первый из русских поэтов был чужд этой *пиштической вольности* — и современники его разъехались<...> Итак, Батюшкова провозгласили образцовым поэтом и прозаиком и советовали молодым людям, *упражняющимся* (в часы досугов, от нечего делать) *словесностию, подражать* ему. Мы, с своей стороны, никому не посоветуем подражать Батюшкову, хотя и признаем в нем большое поэтическое дарование, а многие из его стихотворений, несмотря на их щеголеватость, почитаем драгоценными перлами нашей литературы. Батюшков был вполне сын своего времени.

1835. *Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова.*
Соч., т. II, стр. 86.

Жуковский и Батюшков — оба поэты и оба прозаики; оба они двинули вперед и версификацию и прозу русскую. Проза их богаче содержанием прозы Карамзина, а от того кажется лучше и по форме своей, которая, в сущности, не более, как усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразного, национального колорита, и больше искусственная и щеголеватая, чем живая и сросшаяся со своим содержанием, как, например, проза Пушкина и других даровитых писателей последнего времени. Ученики победили учителя: проза Жуковского и Батюшкова единодушно была признана «образцовою», и все силились подражать ей... В наше время, уже никому не придет в голову

потратить столько труда, хлопот, времени, искусства и прекрасной прозы на повести в роде «Марьиной рощи», или «Предславы и Добрыни», и если бы кто написал их в наше время, никто бы не стал читать... Это от того, что в наше время не дорожат одним языком, а требуют «слога», разумея под этим словом живую, органическую ответственность формы с содержанием, и наоборот, умение выразить мысль тем словом, тем оборотом, какие требуются сущностию самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборот были бы неопределенны и неясны<...>.

Наша литература была до Пушкина ученицею, особенно в прозе: вот причина исключительного владычества стилистики, убитой Пушкиным и уступившей место «слогу».

1841. Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 23.

РОЛЬ ПУШКИНА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

...Является Пушкин, поэт и художник по преимуществу, окончательно преобразовывает язык русокой поэзии, возведя его на высочайшую степень художественности, — и с ним первым является в русской литературе искусство, как искусство, поэзия — как художественное творчество.⁹

*Серед. 40-х гг. Общее значение слова литература.
Соч., т. VI, стр. 542.*

Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкиным в поэзии, литературе, версификации и языке русском. Между стихом Пушкина и стихом Батюшкова больше расстояния, чем между стихом Батюшкова и стихом Державина. Достоинство пушкинского стиха<...> заключается в его художественности, в этой органической живой ответственности между содержанием и формой, и наоборот. В этом отношении стих Пушкина можно сравнить с красотой человеческих глаз, оживленных чувством и мыслию: отнимите у них оживляющее их чувство и мысль — они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами. Теперь многие пишут стихи и гладкие, гармонические, и легкие; но пушкинский стих напомнила нам только муза Лермонтова<...> Поэзия Пушкина полна, насквозь проникнута содержанием, как граненый хрусталь лучем солнечным<...>

Художническая добросовестность Пушкина была до него беспримерным явлением в нашей литературе: он высылал из мира души своей только выношенные, вызревшие поэтические фантазии, которые сами рвались наружу. Этим он совершенно избежал реторики, декламации и общих мест<...> Следствием глубокого-истинного содержания, всегда скрывающегося в произведениях Пушкина, была их строго-художественная форма<...>

Как верна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущение, так верен у него и всякий оборот, каждая фраза, каждое слово. Все на своем месте, все полно, ничего недоконченного, темного, неточного, неопределенного. Определенность есть свойство великих поэтов, и Пушкин вполне обладал этим свойством<...> Из русского языка Пушкин сделал чудо. Справедливо сказал Гоголь, что «в Пушкине, будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка». Он ввел в употребление новые слова, старым дал новую жизнь; его эпитет столько же смел, оригинален, как и резко-точен, математически-определен<...> Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и так национально, так русски проявившейся<...> Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния. Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдо-классицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русскою жизнью и русскою современностью, обогатил идеями, пересоздал язык до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотели писать.

1841. Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 33—35.

...Пушкин, имея решительное влияние на поэтов, вместе с ним или после него явившихся, имел также сильное влияние и на некоторых поэтов предшествовавшего, т. е. *карамзинского* периода литературы, уже приобретших определенную известность. К таким относим мы князя Вяземского, Ф. Глинку и в особенности Дениса Давыдова; сличите стихотворения этих поэтов, написанные ими до появления Пушкина с их же стихотворениями, написанными ими по появлении Пушкина, — и вы увидите, какая бесконечная разница не только в языке, или фактуре стиха, но и в колорите, оборотах фраз и мыслей! Таково влияние гения на современную ему литературу: его деятельность есть водоворот, все увлекающий в своем непреодолимом стремлении!

1840. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. Соч., т. VII, стр. 518—519.

...Стих Пушкина<...> был представителем новой, дотоле небывалой поэзии. И что же это за стих! Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельной игрою романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явились в нем в удивительной полноте; он нежен, сладостен, мягок, как ропот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря. В нем и обольстительная, невыразимая прелесть и грация, в нем ослепительный блеск и кроткая важность, в нем все богатство

мелодии и гармонии языка и рифма, в нем вся нега, все упоение творческой мечты, поэтического выражения. Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистический* стих, — и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина...

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая.
Соч., т. XI, стр. 376.

В «Руслане и Людмиле» русская поэзия действительно сделала огромный шаг вперед, особенно со стороны технической. Все восхищались ее прекрасным языком, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно поэтическими, грациозною шуткою, рассказом плавным, увлекательным, живым и быстрым.

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая.
Соч., т. XII, стр. 13.

О ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОКОВ ПУШКИНА

...Басни Крылова, кроме поэзии, имеют еще другое достоинство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о народности его басен. Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущаяся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, острою и добродушно-саркастическою насмешливостью; с его природною верностию взгляда на предметы, и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить. Язык басен Крылова есть прототип языка «Горя от ума» Грибоедова<...> Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского.

1840. Басни Крылова. Соч., т. V, стр. 265—266.

Высочайшее достоинство басен Крылова заключается в том, что они и по содержанию и по изложению, и по языку, в высшей степени русские басни.

1847. Полное собрание сочинений И. Крылова.
Соч., т. X, стр. 462.

...«Горе от ума» есть явление необыкновенное, произведение талапта сильного, могучего<...>

Комедия Грибоедова, во-первых, была написана не шестиногими ямбами с пиитическими вольностями, а вольными стихами, как до того писались одни басни; во-вторых, она была написана не книжным языком, которым никто не говорил, которого не знал ни один народ в мире, а русские особенно слыхом не слыхали, видом не видали, но живым, легким разговорным русским языком; в-третьих, каждое слово комедии Грибоедова дышало комическою жизнью, поражало быстротою ума, оригинальностью оборотов, поэзиею образов, так что почти каждый стих в ней обратился в поговорку или поговорку и годится для применения то к тому, то к другому обстоятельству жизни...¹⁰

1839. *Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова.*
Соч., т. V, стр. 75—76.

Язык, стих, слог — все оригинально в «Горе от ума»<...> Какая убийственная сила сарказма, какая едкость иронии, какой пафос в лирических излияниях раздраженного чувства; сколько сторон так тонко подмеченных в обществе; какие типические характеры; какой язык, какой стих — энергический, сжатый, молниеносный, чисто русский! Удивительно ли, что стихи Грибоедова обратились в поговорки и пословицы, и разнеслись между образованными людьми, по всем концам земли русской! Удивительно ли, что «Горе от ума» еще в рукописи было выучено наизусть целою Россиею!

1841. *Русская литература в 1841 году.* Соч., т. VII, стр. 39.

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ ПУШКИНА

...Пушкин является полным реформатором языка, увлекает за собою Крылова, писателя, опередившего его целою четвертью века, увлекает Жуковского. Вместе с Пушкиным является Грибоедов и создает язык русской стихотворной комедии, как Крылов создал язык русской басни. Сам Пушкин не стоял на одном месте: с Полтавы, вышедшей в 1829 году, началась для его поэтической деятельности новая эпоха в отношении и к творчеству и к языку<...> Однако ж и Пушкиным не кончилось развитие русского языка<...>

Каждый вновь появившийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы созерцания<...> В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестанет подвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси появляться великие писатели.

1845. *Грамматические разыскания В. А. Васильева.*
Соч., т. IX, стр. 477—478.

После Пушкина ни у кого из русских поэтов не было такого стиха, как у Лермонтова, и, конечно, Лермонтов обязан им Пушкину; но тем не менее у Лермонтова свой стих<...> Он отличается какою-то стальной прозаичностью и простотою выражения.

1843. Библиографические и журнальные известия.
Соч., т. VIII, стр. 200.

Гоголь дал направление прозаической литературе нашего времени, как Лермонтов дал направление всей стихотворной литературе последнего времени. И направление, данное Гоголем, особенно плодотворно для литературы и для языка, которые по этому учатся и научатся хорошо говорить о простых вещах, и уже не поучать как прежде, торжественно и важно публику, а беседовать с нею.

1845. Грамматические разыскания В. А. Васильева.
Соч., т. IX, стр. 482.

Сравните басни Крылова, комедию Грибоедова, произведения Пушкина, Лермонтова и, в особенности, Гоголя, — сравните их с произведениями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общего<...>

Между писателями, которых мы поименовали выше, и между Ломоносовым и его школою, действительно нет ничего общего, никакой связи, если сравнить их как две крайности; но между ними сейчас же явится перед вами живая кровная связь, как скоро вы будете изучать, в хронологическом порядке, всех русских писателей, от Ломоносова до Гоголя.

1846. Взгляд на русскую литературу 1846 года.
Соч., т. X, стр. 390—391.

О ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

О ЕДИНСТВЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Всякое произведение искусства только потому художественно, что создано по закону необходимости, что в нем нет ничего произвольного, что в нем ни одно слово, ни один звук, ни одна черта не может замениться другим словом, другим звуком, другою чертою. Да не подумают, что мы уничтожаем этим свободу творчества: нет, этим-то именно мы и утверждаем ее, потому что свобода есть высшая необходимость, и где нет необходимости, там не свобода, а произвол, в котором нет ни разума, ни смысла, ни жизни. Художник может переменить не только слово, звук, черту, но всякую форму, даже целую часть своего произведения, но с этой переменою изменяется и форма, и идея, и это будет уже не та же идея, не та же форма, только улучшенная, но новая

идея, новая форма. Итак, в истинно художественных произведениях, как вышедших из законов необходимости, нет ничего случайного, ничего лишнего, ничего недостаточного, но все необходимо <...>

Не таковы мнимо художественные произведения, эти батарды искусства, эти красавицы по милости белил, румян, сурьмы и накладных форм; эти недосозданные Икары с восковыми крыльями, эти жалкие недоноски воображения: в них все произвольно, и потому все несвободно; все условно, и потому все бессмысленно.

1838. «Уголино». *Драматическое представление. Сочинение Николая Полевого. Соч., т. III, стр. 351—352.*

Точность и определенность — одни из главнейших и необходимейших качеств и условий истинной поэзии; но эти качества зависят от одного содержания: чем содержание существеннее, <...> тем и форма точнее и определеннее, образы яснее, живее и полнее.

1841. *Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. Соч., т. VI, стр. 443.*

Форма и выражение — не всегда одно и то же: первая относится к расположению, к композиции поэтического произведения; под вторым должно разуметь только склад речи, слог, короче — форму слова.

Серед. 40-х гг. Общее значение слова литература. Соч., т. VI, стр. 516—517.

Одно из главнейших условий всякого художественного произведения есть гармоническая ответственность идеи с формой и формы с идеею, и органическая целостность его создания. Поэтому всякое художественное произведение прежде всего должно отличаться строгим единством лежащего в его основании чувства или мысли.

1843. *Сочинения Державина. Соч., т. VIII, стр. 70.*

...Особенная принадлежность поэзии Пушкина и одно из главнейших преимуществ его перед поэтами прежних школ, — полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданий <...> В поэзии художественной соразмерность, стройность, полнота и ровность бывают уже естественным следствием творческой концепции, художественной мысли, лежащей в основании поэтического произведения. У Пушкина никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего, но все в меру, все на своем месте, конец гармонирует с началом, и прочитав его пьесу, чувствуешь, что от нее нечего убавить и к ней нечего прибавить.¹¹

1844. *Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая. Соч., т. XI, стр. 387.*

Роман г. Лермонтова проникнут единством мысли<...> Тут нет ни страницы, ни слова, ни черты, которые были бы наброшены случайно; тут все выходит из одной главной идеи и всё в нее возвращается<...> Глубокое чувство, действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества, широкость и смелость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазия, неисчерпаемое обилие эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вот качества этого произведения, представляющего собою совершенно новый мир искусства.

1840. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Соч., т. V, стр. 261.

В 1838 году, в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» была напечатана его поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»<...>

Как ни пристально будете вы вглядываться в поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишнего или недостающего слова, черты, стиха, образа, ни одного слабого места: все в ней необходимо, полно, сильно!<...> Поэма Лермонтова — создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное<...> Колорит ее весь в русско-народном языке.¹²

1840. Стихотворения М. Лермонтова. Соч., т. IV, стр. 23—24, 35.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ

Как все великие таланты, Лермонтов в высшей степени обладал тем, что называется «слогом». Слог отнюдь не есть простое умение писать грамматически правильно, гладко и складно, — умение, которое часто дается и бесталанности. Под «слогом» мы разумеем непосредственное, данное природою умение писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодовитым в краткости, тесно сливать идею с формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловие Лермонтова ко второму изданию «Героя нашего времени» может служить лучшим примером того, что значит «иметь слог»... Какая точность и определенность в каждом слове, как на месте и как незаменимо другим каждое слово! Какая сжатость, краткость и вместе с тем, многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым. Как образны и оригинальны его фразы: каждая из них годится быть эпиграфом к большому сочинению. Конечно, это «слог», или мы не знаем, что такое «слог».

1841. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Соч., т. VI, стр. 314—316.

...Со времени выхода в свет «Миргорода» и «Ревизора» русская литература приняла совершенно-новое направление. Можно сказать без преувеличения, что Гоголь сделал в русской романтической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии. Тут дело идет не о стилистике, и мы первые признаем охотно справедливость многих нападок литературных противников Гоголя на его язык, часто небрежный и неправильный. Нет, здесь дело идет о двух более важных вопросах: *о слоге и о создании*. К достоинствам языка принадлежит только правильность, чистота, плавность, чего достигает даже самая пошлая бездарность путем рутины и труда. Но слог, это — сам талант, сама мысль. Слог, это — рельефность, осязаемость мысли; в слоге весь человек; слог всегда оригинален как личность, как характер. Поэтому, у всякого великого писателя свой слог: слога нельзя разделить на три рода — высокий, средний и низкий: слог делится на столько родов, сколько есть на свете великих или по-крайней мере сильно-даровитых писателей. По почерку узнают руку человека, и на почерке основывают достоверность собственноручной подписи человека: по слогу узнают великого писателя, как по кисти — картину великого живописца. Тайна слога заключается в умении до того ярко и выпукло изливать мысли, что они кажутся как будто нарисованными, изваянными из мрамора. Если у писателя нет никакого *слога*, он может писать самым превосходным *языком*, и все-таки неопределенность и — ее необходимое следствие — многословие будут придавать его сочинению характер болтовни, которая утомляет при чтении и забывается тотчас по прочтении. Если у писателя есть слог, его эпитет резко-определителен, всякое слово стоит на своем месте, и в немногих словах схватывается мысль, по объему своему требующая многих слов <...>

Гоголь вполне владеет слогом. Он не пишет, а рисует; фраза, как живая картина, мечется в глаза читателю, поражая его своею яркою верностью природе и действительности. Сам Пушкин в своих повестях далеко уступает Гоголю, имея свой слог и будучи, сверх того, превосходнейшим стилистом, т. е. владея в совершенстве языком.

1843. Русская литература в 1843 году.¹³
Соч., т. VIII, стр. 396—397.

Б. Однако ж, согласитесь, что язык у Гоголя часто грешит против грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же «Б. для чт.»¹⁴ упрекать его в этом. Я далек от того, чтобы ставить Гоголю в защиту неправильность языка, которая тем досаднее, что у него она явно происходит не от незнания, а от небрежности, от нерасположения потрудиться лишнюю четверть часа над написанной страницей. Но у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка, — есть *слог*. Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми

красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово, или другую фразу для выражения этой мысли. Это значит иметь *слог*, который имеют только великие писатели, и о котором рассуждать так же не дело «Б. для чт.», как и рассуждать о русском языке, которого она не знает, что можно доказать из каждой ее страницы, наполненной всяческими обмолвками против духа языка, ошибок против его грамматики, барбаризмов, солецизмов¹⁵ и, в особенности, полонизмов.

1842. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. Соч., т. VII, стр. 329.

Теперь едва ли поверят тому, что стихи Пушкина классическим колпакам казались вычурными, бессмысленными, искажающими русский язык, нарушающими заветные правила грамматики; а это было действительно так, и между тем колпакам верили многие; но когда расходились на просторе «романтики», то все догадались, что стих Пушкина благороден, изящно прост, национально верен духу языка.

1842. Русская литература в 1842 году. Соч., т. VIII, стр. 10.

Нападки за незнание грамматики и искажение языка — характеристическая черта истории русской литературы: славянофилы утверждали, что Карамзин не знал духа и правил русского языка и ужасно искажал его в своих сочинениях; классики в том же самом обвиняли Пушкина; теперь очередь за Гоголем <...> Господа! не пора ли бросить эту старую замашку?.. У какого писателя нет ошибок против грамматики — да только чьей? — вот вопрос! Карамзин сам был грамматик, перед которой все ваши грамматики ничего не значат; Пушкин тоже стоит любой из ваших грамматик.¹⁶

Там же, стр. 16—17.

...Недостаток романов г. Лажечникова <...> это неровный, как будто неправильный и тяжелый язык. Многие, по этому случаю, упрекали г. Лажечникова в неумении писать по-русски и незнании русского языка: обвинение смешное и нелепое, достойное грамматистов-рутинеров!

Нет, не от незнания языка, не от неспособности владеть им, г. Лажечников пишет неровным слогом; даже не от того, что будто бы он не занимается его отделкою, а разве от того, что он слишком занимается отделкою, и еще от ложной манеры, которую многие наши писатели, волею или неволею, сознательно или бессознательно, больше или меньше, заняли у Марлинского, и которая заставила их пещись больше об эффектной красоте, чем о благородной простоте, строгой точности и ясной определенности выражения.

1843. Русская литература в 1843 году. Соч., т. VIII, стр. 376.

ПРОТИВ ЛЖЕНАРОДНОСТИ И «САЛОННОГО» ЖАРГОНА

...Ложно понимаемая народность разлилась огромным болотом, тщанием и усердием пишущей братии низшего разряда<...> Удачное подражание языку черни, слогу площадей и харчевень сделалось признаком народности<...>

Но теперь уже начинают чувствовать цену такой народности; теперь уже называют ее простонародностью и площадностью.

1841. *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, Соч., т. VI, стр. 302.*

Мы<...> не можем восхищаться многими из произведений г. Основьяненка за то только, что в них мужики говорят чистым мужицким языком, и никак не выходят из ограниченной сферы своих понятий. Напротив, нам приятнее было бы в подобных произведениях встречать таких мужиков, которые, благодаря своей натуре, или случайным обстоятельствам, несколько возвышаются над ограниченной сферою мужицкой жизни.

Там же, стр. 307.

Казак Луганский утверждает, что не должно говорить так: «Казак оседлал лошадь свою как можно поспешнее, посадил товарища своего, у которого не было коня, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его постоянно в виду, чтоб при благоприятных обстоятельствах на него кинуться», а должно вместо того говорить: «Казак седлал *уторопь*, посадил бесконного товарища на *зібездры*, следил неприятеля в *назерку*, чтоб при *спопутности* на него ударить». Воля его казацкой удали, а мы, люди письменные, равно не понимаем ни *уторопи*, ни *назерки*, ни *набедр*, ни *спопутности*. Переменять же нам Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Грибоедова, Пушкина на гувернеров из простонародья в овчинных тулупах и смурых кафтанах — уж поздно.

1842. *Сказка за сказкой. Соч., т. VIII, стр. 43.*

Избегая книжного языка, не должно слишком гоняться и за мужицким наречием: простолюдины обыкновенно недоверчивы к собственному способу выражения, и думают, что бары смеются над ними, говоря *по-печатному* их глупым языком. Простота языка должна, в этом случае, быть только выражением простоты и ясности в понятиях и в мыслях.

1843. *Сельское чтение. Соч., т. VIII, стр. 110.*

...Важный шаг вперед со стороны таланта Гоголя видим мы и в том, что в «Мертвых душах» он совершенно отрешился от малороссийского элемента и стал русским национальным поэтом во всем пространстве этого слова. При каждом слове его поэмы читатель может говорить:

Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!<...>

Мы знаем наперед, что наши сочинители и критиканы не пропустят воспользоваться расположением многих читателей к чопорности и их склонностию находить в себе образованность большого света, выказывая при этом собственное знание приличий высшего общества. Нападая на автора «Мертвых душ» за сальности его поэмы, они с сокрушенным сердцем воскликнут, что и порядочный лакей не станет выражаться, как выражаются у Гоголя благонамеренные и почтенные чиновники... Но мимо их, этих столь посвященных в таинства высшего общества критиканов и сочинителей...¹⁷

1842. *Похождения Чичикова, или Мертвые души.*
Соч., т. VII, стр. 254—255.

Б. Но воля ваша, а такие слова, как *свинтус, скотовод, подлец, фетюк, чорт знает, нагадить* и тому подобные — такие слова видеть в печати как-то странно.

А. А слышать или самому говорить не странно?.. Но автор «Мертвых душ» нигде не говорит сам, он только заставляет говорить своих героев, сообразно с их характерами. Чувствительный Манилов у него выражается языком образованного в мещанском вкусе человека; а Ноздрев — языком *исторического человека*, героя ярмарок, трактиров, попоек, драк и картежных проделок. Не заставить же их было говорить языком людей высшего общества! Что же касается до слова «подлец», автор употребляет его и от своего лица, как люди порядочного тона употребляют, кроме этого слова, слова: *вор, разбойник, плут, взяточник, казнокрад, завистник, лжец, клеветник* и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличного в слове *подлец*, и чем оно непристойнее, например, слов *предатель, низкопоклонник* и проч. Дело не в слове, а в тоне, в каком это слово произносится. Иной любезник чиновнического или гостинодворского кружка говорит все вежливости, одна другой тоньше и деликатнее, а все кажется, будто он отпускает такие выражения, за которые выводят под руки из собраний; а порядочный человек выражается резко, называет вещи их настоящими словами — *вонь вонью, подлеца подлецом*, и между тем разговор его все-таки исполнен благородства и достоинства, приличия и хорошего тона.

1842. *Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке.*
Соч., т. VII, стр. 334—335.

Светскость решительно сделалась маннею некоторых сочинителей <...> К какому же кругу общества принадлежат эти «светские сочинители»? — К тому самому, который так превосходно выведен Гоголем в IX главе «Мертвых душ», где так гениально изображены «приятная во всех отношениях дама» и «просто-приятная дама». Впрочем, в IX главе это общество представлено в действии, а общая характеристика его находится в VIII главе, из которой, кстати, выпишем здесь несколько строк: «Дамы

города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка. Ни в каком случае нельзя было сказать: этот стакан, или эта тарелка воняет. И даже нельзя было сказать ничего такого, чтоб подало намек на это, и говорили вместо того: этот стакан нехорошо ведет себя, или что-нибудь вроде этого». Трудно было бы и вообразить, что говорят дамы города N о «Мертвых душах» Гоголя, но некоторые «светские сочинители» своими рецензиями удачно и удовлетворительно решили эту задачу <...> наши «светские сочинители» так и врываются от негодования на произведение Гоголя за грязность его картин и выражений.

1842. Литературные и журнальные заметки. Соч., т. VII, стр. 350—351.

Забавнее всего нападки рецензента «Библиотеки» на грязные картины в сочинениях Гоголя: подумаешь, дело идет о повестях барона Брамбеуса!.. Особенно возмущает нашего благовоспитанного рецензента то, что герои Гоголя *сморкаются, чихают и падают*, и что они ругаются *канальями, подлецами, мошенниками, свиньями, свинтусами и фетюками*. Все это кажется ему особенно несовместным с идеею поэмы: видно, что эту идею он вычитал из пиитики г. Толмачева или г. Георгиевского, где поэмы прописано сочинять непременно стихами и непременно «высоким слогом». Должно быть, ученому рецензенту неизвестно, как в поэме поэм — «Илиаде» не только люди, но и боги ругаются друг с другом не лучше героев повестей Гоголя: так, напр., в XXI песне, Арей называет Палладу «наглою мухою», а Гера-богиня Артемиду-богиню — «бесстыдную псицею», или, говоря проще, — «сукою». Скажут, это недостатки поэзии грубых времен: старые песни! не недостатки, а верное изображение современной действительности, с ее бытом и ее понятиями!

1843. Литературные и журнальные заметки. Соч., т. VIII, стр. 204.

За исключением Державина, поэтической натуре которого никакой предмет не казался низким, из поэтов прежнего времени никто не решился бы говорить в стихах о *пивной кружке*, и самый *пушшевой кубок* каждому из них показался бы прозаическим: в стихах тогда говорилось не о *кружках*, а о *фиалах*, не о *пиве*, а об *амброзии* и других благородных, но не существующих на белом свете напитках. Затеяв писать какую-то новгородскую повесть «Вадим», Пушкин, в отрывке из нее, употребил стих: «*Но тын оброс крапивой дикой*». Слово *тын*, взятое прямо из мира славянской и новгородской жизни, поражает сколько своей смелостью, столько и поэтическим инстинктом поэта. Из прежних поэтов едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности

этого слова <...> Теперь странно видеть какую-то смелость в употреблении слова *тын*; но мы говорим не о теперешнем, а о прошлом времени: что легко теперь, то было трудно прежде. Теперь всякий рифмач смело употребляет в стихах всякое русское слово, но тогда слова, как и слог, разделялись на высокие и низкие, и фальшивый вкус строго запрещал употребление последних. Нужен был талант могучий и смелый, чтоб уничтожить эти австрийские *табу* в русской литературе. Теперь смешно читать нападки тогдашних аристархов на Пушкина — так они мелки, ничтожны и жалки; но аристархи упрямо считали себя хранителями чистоты русского языка и здравого вкуса, а Пушкина — искажителем русского языка и вводителем всяческого литературного и поэтического безвкусыя...¹⁸

1843. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая.
Соч., т. XI, стр. 352.

Кто из образованных русских (если он только действительно русский) не знает превосходной пьесы, носящей скромное и, по видимому, незначительное название «Стансов»? <...>

Какое величие и какая простота выражения! Как глубоко знаменательны, как возвышенно благородны эти простые житейские слова — *плотник* и *работник*...

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая.
Соч., т. XI, стр. 402—403.

Что бутырский критик нашел пошлыми не только выражения: *удавить бороδοю, стать перед носом, щекотать ноздри копием и еду, не свищу, а наеду, не спущу, но и умирающий луч солнца* — это опять происходило от привычки к облизанным прозаическим общим местам предшествовавшей Пушкину поэзии и от не-привычки к благородной простоте и близости к натуре. Все привычка! Один бутырский критик до того ожесточился против «Руслана и Людмилы», что рифмы *языком* и *копием* назвал мужицкими...

Видите ли: строго придирались даже к версификации Пушкина они, эти безусловные поклонники всех русских поэтов до Пушкина, которые изо всех сил и со всевозможным усердием уродовали русский язык незаконными усечениями, насилием грамматики и разными «пиитическими вольностями».¹⁹

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая.
Соч., т. XII, стр. 7.

Разговор Татьяны с нянею — чудо художественного совершенства! Это целая драма, проникнутая глубокою истиною...

Вот как пишет истинно-народный, истинно-национальный поэт! В словах няни, простых и народных, без тривияльности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взгляд на отношения полов, на любовь, на

брак... И это сделано великим поэтом одною чертою, вскользь, мимоходом брошенною!.. Как хороши эти добродушные и простодушные стихи:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не знали про любовь;²⁰
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь!

Как жаль, что именно такая народность не дается многим нашим поэтам, которые так хлопчут о народности — и добиваются одной площадной тривиальности.

1845. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. Соч., т. XII, стр. 132—133.

Говоря о чистоте языка, г. Греч называет слова: *треснуть*, *сварганить*, *бахвалить* и некоторые другие — *низкими* и *подлыми*... За что такая немилость?.. Не довольно ли было бы назвать их тривиальными, а эпитеты «низкие» и «подлые» оставить как вовсе не идущие к делу? И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить*, *подличать*, *изгибаться*, *пресмыкаться* и тому подобных? Все это, по-нашему мнению, гораздо *ниже*, чем *треснуть*, *сварганить* и проч.

1844. Учебная книга русской словесности. «Литературное наследство», т. 55, стр. 371.

...Фельетонист не мог удержаться, чтоб не приписать нам кое-чего такого, чего мы вовсе не говорили, или не делали. Ему почему-то очень не понравилась напечатанная в «Отечественных Записках» басня «Хавронья». О вкусах спорить нечего! Он нашел крайне неприличными слова: *грязная щетина*, *запах и вонь*. И об этом не спорим. Кому неизвестно, что и басня Крылова *Свинья*, в блаженной памяти старое время, показалась неприличною, и что в провинциальном обществе даже теперь, по свидетельству Гоголя, дамы, вместо того, чтоб сказать: *стакан воняет*, говорят: *стакан дурно ведет себя*; вместо *высморгаться*, говорят: *обойтись посредством платка?*.. И потому, не будем об этом спорить с чопорным и жеманным вкусом некоторых людей.²¹

1845. Несколько слов о фельетонисте «Северной пчелы» и «Хавронье». Соч., т. IX, стр. 399.

ЗА ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Подобное явление не ново<...> Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень

трудно, и вообще этот труд редко удается. Поэтому, с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие <...> Что за дело, какое и чье слово, лишь бы оно верно передавало заключенное в нем понятие! Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие <...> Все народы меняются словами и занимают их друг у друга. В Западной Европе, по ее географическому положению, нет предмета, который дал бы понятие о степи, следовательно, нет и слова степь, и оттого во французский язык вошло русское слово *stéppe*. Хорошо, когда иностранное понятие само собою переводится русским словом, и это слово так сказать, само собою *принимается*: тогда нелепо было бы вводить иностранное слово. Но создатель и властелин языка — народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо: грамотеи должны безусловно покоряться их решению; общество не примет, например, *побудки* вместо *инстинкта*, и *сверкальцев* вместо *алмазов* и *брильянтов*. Что такое *алмаз* или *брильянт*, — это знает всякий стекольщик, почти всякий мужик; но что такое *сверкальцы*, — этого не знает ни один русский человек... Нет ничего смешнее и нелепее книжных слов, столь любимых педантами. Пуристы боятся ненужного наводнения иностранных слов: опасение больше чем неосновательное! Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление. Книжники старой допетровской России употребляли слово *аер*; но оно и осталось в книгах, потому что в устах народа русское слово *воздух* было ничем не хуже какого-нибудь *аера*. Галломаны писывали: *воздух ондируется, имажинация*, и эти нелепости не удержались. Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, не грамотеи, а дух народа...²²

1845. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. Соч., т. IX, стр. 375—376.

В русском языке находятся в обороте два слова, выражающие одинаковое значение: одно коренное русское — *народность*, другое латинское, взятое нами из французского — *национальность*. Но мы крепко убеждены, что ни в одном языке не может существовать двух слов, до того тождественных в значении, чтобы одно другое могло совершенно заменять и, следовательно, одно другое делать совершенно лишним. Тем менее возможно, чтобы в языке удержалось иностранное слово, когда есть свое, совершенно выражающее то же самое понятие: в их значении непременно должен быть оттенок, если не разница большая. Так и слова *народность* и *национальность* только сходственны по своему значению, но отнюдь не тождественны и между ними есть не только оттенок, но и большое различие.

1841. Деяния Петра Великого. Сочинение И. И. Голицына. Соч., т. XII, стр. 260.

Конечно, теперь смешны слова: *виктория, сенсация, ондироваться* (волноваться), и тому подобные; смешно писать *аддация* вместо *сложение*, *субстрация* вместо *вычитание*, *мультипликация* вместо *умножение*, *дивизия* вместо *деление*, но ведь эти слова начали употребляться вместе с словами — *гений, энтузиазм, фанатизм, фантазия, поэзия, ода, лирика, эпопея, фигура, фраза, капитель, фронтон, линия, пункт, монотония, меланхолия*, и с бесчисленным множеством других иностранных слов, теперь получивших в русском языке полное право гражданства, и потому ни мало не смешных, не странных, не непонятных. Люди без разбора вводили новые слова, а время решило — которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке, и которым исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. Шишков не понимал, что кроме духа, постоянных правил, у языка есть еще и прихоти, которым смешно противиться; он не понимал, что употребление имеет права совершенно равные с грамматикой и нередко побеждает ее, вопреки всякой разумной очевидности. У нас есть слово *торговля*, вполне выражающее свою идею; но найдите хоть одного торговца, который бы не знал и не употреблял слова *коммерция*, хотя это слово во всей очевидности совершенно лишнее? Таким же точно образом можно найти много коренных русских слов, прекрасно выражающих свою идею, но совершенно забытых и диких для употребления. Например, что может быть лучше слова *иже* — оно и коротко и выразительно; а между тем мы заменили его длинным и неуклюжим словом *который*. Почему так? — Нет ответа на этот вопрос! Почему можно сказать: *говоря речь, делая вещь*, а нельзя сказать *вия шнурок, пия* или *пья воду, тяня веревку*? Первоначальная причина введения новых, взятых из своего или чужих языков, слов есть всегда знакомство с новыми понятиями; а, разумеется, что нет понятия — нет и слова для его выражения; явилось понятие, — нужно и слово, в котором бы оно выразилось <...> Что же делать, если писатель познакомился с идеею чрез иностранное слово? — Приискать в своем языке, или составить соответствующее слово? — Так многие и пытались делать, но немногие успевали в этом. Слово *круг* вошло и в геометрию, как термин, но для *квадрата* не нашлось русского слова, ибо хотя каждый квадрат есть четырехугольник, но не всякий четырехугольник есть квадрат; а заменить *хорду веревкою* никому, кажется, и в голову не входило. Слово *мокроступы* очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом *галoши*; но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галoши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет! Для русского мужика слово *кучер* — прерусское слово; а *возница* такое же иностранное, как и *автомедон*. Для идеи *солдата, квартиры* и *квитанции*, даже и у мужиков нет более понятных и более русских слов, как *солдат, квартира* и *квитанция*. Что с этим делать? Да и следует ли жалеть об этом? Какое бы

ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама. У нас не было поэзии, как не только непосредственно, но и в сознании народа существующего понятия, — и потому, когда это понятие должно было ввести в сознание народа, то должно было ввести в русский язык и греческое слово *поэзия*; но как живопись существовала у нас, если не непосредственно, то в сознании народа, имевшего в ней нужду для изображения религиозных предметов, то в наш язык и не вошло иностранного слова для этого искусства, но осталось свое, даже с некоторыми терминами, как-то: *черта, чертить, образ, изображение, кисть, краски, подмалевка, тени* и пр. Хотя по-гречески *ода* значит и *песнь*, но тем не менее между *одою* и *песнею* есть разница, и потому слово *ода* необходимо должно было войти в наш язык.

Каждый народ <...> владеет известным количеством слов, терминов, даже оборотов, которых нет и не может быть ни у какого другого народа. Но как все народы суть члены одного великого семейства — человечества, <...> то и необходим между народами размен понятий, а следовательно, и слов. Вот почему греческие слова: *поэзия, поэт, фантазия, эпос, лира, драма, трагедия, комедия, сатира, ода, элегия, метафора, троп, логика, риторика, идея, философия, история, геометрия, физика, математика, герой, аристократия, демократия, олигархия, анархия*, и бесчисленное множество других слов вошли во все европейские языки, точно так же, как арабские *алгебра, альманах*, и вообще восточные, означающие названия драгоценных камней; латинские: *республика, юриспруденция, штат (status), цивилизация, армия, корпус, легион, рота, император, диктатор, цензор, цензура, консул, префект, префектура*, и вообще все термины науки, права и судопроизводства. Поэтому же самому и русское слово *степь*, означающее ровное, безводное и пустое пространство земли, вошло в европейские языки. Мысль Шишкова была та, что, если уж нельзя обойтись без нового слова (а он питал сильную антипатию к новым словам), то должно не брать его из чужого языка, но составить свое, сообразно с духом языка, или отыскать старинное, обветшалое, близкое по значению к тому иностранному, в котором предстоит нужда. Мысль прекрасная, но решительно невыполнимая и потому никуда не годная! Правда, иные слова удобно переводятся или заменяются своими, как то было и у нас; но большею частию, переведенные или составленные слова уступают место оригинальным, как *землемерие* уступило место *геометрии, любомудрие — философии*; или остаются вместе с оригинальными, как слова: *стихосложение и версификация, мореплавание и навигация, летосчисление и хронология*; или, удерживаясь вместе с оригинальными, заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность и национальность, личность и индивидуальность, природа и*

натура, * *нрав* и *характер* и пр. Вообще идея как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается *слитным*, *сросшимся*, становится непереводаемым. Переведите слово *катехизис* — *оглашением*, *монополию* — *единоторжеством*, *фигуру* — *извитием*, *период* — *кругом*, *акцию* — *действием* — и выйдет нелепость.²³

1841. *Сто русских литераторов. Издание А. Смирдина. Соч., т. VI, стр. 213—215.*

Статья «О истреблении чужих слов из русского языка» может быть отнесена к любопытнейшим фактам истории русской литературы: она доказывает, что вторжение в наш язык французских слов и оборотов отнюдь не было следствием реформы Карамзина, ибо еще до него было в самом сильном разливе. Сумароков смеется над словами: *фрукты*, *сервиз*, *антишамбера*, *камера*, *спортук*, *сун*, *гувернантка*, *аманта*, *дама*, *валет*, *атут* (kozyрь), *роа* (король), *мокероваться*, *элож* (похвала), *принц*, *бурса*, *тоалет*, *пансив* (задумчив), *корреспонденция*, *кухмистр*, *том*, *эдиция*, *жени* (т. е. гений; под жени Сумароков понимал *остроумие*), *бон-сан* (здравый смысл; Сумароков переводит *рассуждение*), *эджакация*, *манифик*, *деликатно*, *пассия*. Однако ж если многие из этих слов вывелись из употребления, зато многие и остались; гений языка умнее писателей, и знает, что принять и что исключить.²⁴

1842. *Речь о критике, произнесенная... А. Никитенко. Соч., т. VII, стр. 382.*

Многие придают совершенно одинаковое значение словам: «словесность», «письменность», «литература» и употребляют их без разбору. Другие, по принципу пуризма, вовсе не хотят употреблять иностранного слова *литература*, думая, что его значение вполне выражается русскими словами: *словесность* и *письменность*. Пуристы хотели бы совершенно изгнать из употребления слово: «литература», как иностранное и притом лишнее в русском языке. Но их усилия остаются бесплодными. Слово существует, стало быть, оно необходимо, и его не может заменить собою никакое другое слово, потому что в языке не может существовать двух слов, совершенно равносильных и тождественных в выражении одного и того же понятия. Если «словесностью» можно заменить «литературу», то книжное и несколько тяжелое слово *словесник* не может заменить собою слова *литератор*. Все говорят и пишут «литературный журнал», «литературная газета», но никто, под опасением быть или непонятым, или смешным, не скажет «словесный журнал», «словесная газета». Равным образом,

* Хотя *природа* и *натура* значат одно и то же, но в употреблении иногда не могут заменить друг друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно*; нельзя сказать: *такова природа этого человека*, но говорится: *такова натура этого человека*.

можно сказать: «человек есть словесное (в смысле одаренного словом) животное», но нельзя сказать: «человек есть литературное животное». Из этого видно, что ни «словесность» не может совершенно заменить собою «литературы», ни «литература» — «словесности»: оба эти слова равно необходимы, потому что, несмотря на их родственность, есть резкий оттенок в сущности выражаемых ими понятий.

Впрочем, требовать, чтобы три эти слова: «словесность», «письменность» и «литература» никогда не употреблялись одно вместо другого, значило бы впасть в педантизм, тем более, что эти слова иногда действительно сходятся между собою в значении. Но как, с другой стороны, они часто расходятся в оттенках общего им всем значения, то и странно было бы не определить этой разницы и не воспользоваться ею, как средством к большей определительности и ясности в понятиях. Во всех европейских языках употребляется только одно слово — «литература» для выражения понятия, выражаемого по-русски тремя словами: «словесность», «письменность» и «литература»: тем лучше для нас! Значит: в этом отношении, наш язык богаче других. Надобно же пользоваться этим богатством.

*Серед. 40-х гг. Общее значение слова литература.
Соч., т. VI, стр. 515—516.*

Слово «прогресс» естественно должно было встретить особенную неприязнь к нему со стороны пуристов русского языка, которые возмущаются всяким иностранным словом, как ересью или расклом в ортодоксии родного языка. Подобный пуризм имеет свое законное и дельное основание; но тем не менее он — односторонность, доведенная до последней крайности... Если бы употребление в русском языке иностранных слов и было злом, оно зло необходимое, корень которого глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившей нас со множеством до того совершенно чуждых нам понятий, для выражения которых у нас не было своих слов. Поэтому необходимо было чужие понятия и выражать чужими готовыми словами. Некоторые из этих слов так и остались непереведенными и незамененными, и потому получили право гражданства в русском словаре. Все к ним привыкли, все их понимают: за что же знать их? Конечно, простолюдин не поймет слов: *инстинкт*, *эгоизм*, но не потому, что они иностранные, а потому, что его уму чужды выражаемые им понятия, и слова: *побудка*, *ячество* не будут для него нисколько яснее *инстинкта* и *эгоизма*. Простолюдины не понимают многих чисторусских слов, которых смысл вне тесного круга их обычных житейских понятий, например: *событие*, *современность*, *возникновение* и т. п., и хорошо понимают иностранные слова, выражающие относящиеся к их быту или не чуждые его понятия, например: *пашпорт*, *билет*, *ассигнация*, *квитанция* и т. п. Что же касается до людей образованных, то *инстинкт* для них — воля ваша — яснее

и понятнее *побудки, эгоизм — ячества, факты — бытей*. Но если одни иностранные слова удержались и получили в русском языке право гражданства, зато другие, с течением времени, были удачно заменены русскими, большею частью вновь составленными. Так, Третьяковский, говорят, ввел слово «предмет», а Карамзин — «промышленность». Таких русских слов, удачно заменивших собою иностранные, множество. И мы первые скажем, что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус. Так, например, ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова «утрировать» вместо «преувеличивать»...

Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, т. е. неумеренный пуризм, производит те же следствия, потому что крайности сходятся. Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица. У языка есть хранитель надежный и верный: это — его же собственный дух, гений. Вот почему из множества вводимых иностранных слов удерживаются только немногие, а остальные сами собою исчезают. Тому же самому закону подлежат и новосоставляемые русские слова: одни из них удерживаются, другие исчезают. Неудачно придуманное русское слово для выражения чуждого понятия не только не лучше, но решительно хуже иностранного слова. Говорят, для слова «прогресс» не нужно и выдумывать нового слова, потому что оно удовлетворительно выражается словами: *успех, поступательное движение* и т. д. С этим нельзя согласиться... Слово «прогресс» отличается всею определенностью и точностью научного термина, и в последнее время оно сделалось ходячим словом, его употребляют все — даже те, которые нападают на его употребление. И потому пока не явится русского слова, которое бы вполне заменило его собою, мы будем употреблять слово «прогресс». ²⁵

1847. Взгляд на русскую литературу 1847 года.
Соч., т. XI, стр. 77—79.

ОБ АРХАИЗМАХ И АРХАИЧЕСКОМ СЛОГЕ

...Теперь некоторые «светские» журналы горою стоят и отчаянно отстаивают *подьяцизм в языке* и не хуже какого-нибудь Сумарскова кланяются большими буквами ²⁶ не только князьям и графам, но и литераторам, и гениям, и поэзии, и читателям...

1835. Русская литературная старина. Соч., т. III, стр. 28.

...Г. Греч переходит к гонению, воздвигнутому г. Сенковским на *сии* и *оные*, говоря мимоходом, что это гонение отнюдь не новое, что оно уже было предпринимаемо слепыми поклонниками

Карамзина, и до такой степени, что лет за сорок назад употреблять *сии* и *онье* — значило объявить себя человеком без вкуса. За тем следуют доказательства в пользу *сих* и *оних*.

Остановимся на этом и выскажем, со всею искренностью, со всем беспристрастием к обеим спорящим сторонам, с которыми с обеими мы несогласны, наше мнение <...> Г. Сенковский... увлекся односторонностью и вдался в крайность. Изгнавши... из языка разговорного, общественного, так сказать, комнатного, *сии* и *онье*, он хочет совсем изгнать их из языка русского, ровно, как и слова: *объемлющий, злато, младой, очи, ланиты, уста, чело, рамена, стопы* и пр. Увлечшись своею мыслию, он не хочет видеть, что слог в самом деле не один, что самый драматический язык, выражая потрясенное состояние души, разнится от простого разговорного языка, ровно как драматический язык необходимо разнится от языка проповеди. Не говорим уже о различии стихотворного языка от прозаического <...>

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стоявший слабо над могилой.

или:

Сей остальной из стан славной
Екатерининских орлов!

Здесь слово *сей* незаменимо, и *этот*, если бы оно и подошло под меру стиха, только бы все испортило. Но вот и еще пример:

И знойный остров заточенья
Полночный парус посетит,
И путник слово примиренья
На *оном* камне начертит, и пр.

В последнем стихе слово «этом» подошло бы даже и под метр; но тысячи *этих* не заменили бы здесь одного *оного*... Есть вещи, о которых трудно спорить, которые не поддаются мысли, когда чувство молчит. И на *сии* и *онье* в стихах могут решаться только истинные поэты: их поэтический инстинкт всегда и безошибочно покажет им не возможность, но необходимость употребления этих слов там, где есть эта необходимость. Но *сии* и *онье*, употребляемые в прозе, хотя бы то было и прозе самого Пушкина, — доказывают или предубеждение и желание делать вопреки не истине, а человеку, который сказал истину, или неумение управиться с языком. Конечно, отрадно и умилительно для души прочесть на воротах дома: «Сей дом отдается в наймы, с сараями и без *оних*», но ведь это слог дворников. Мы никак не можем понять, почему *сей*, которым начинается история Карамзина, не может быть заменено словом *этот*, как утверждает г. Греч <...> Нельзя отринуть важного и сильного влияния «Библиотеки» на русский язык <...> Она права, доказывая, что в романе, повести, журнальной статье, *сии* и *онье* никуда не годятся, и что изгнание их из общественного языка должно служить к его гибкости, заставив

искать новых оборотов, которые помогут обойтись без книжных слов. Вы сами говорите, что этим словам не может быть места в комедиях, в повестях, подражающих изустному рассказу, в разговорах, в дружеских письмах и т. п. ...Вы говорите, что слово *сей* должно быть терпимо в книгах исторического и дидактического содержания, в деловых бумагах: а почему? Разве дуж такого рода сочинений требует этого; разве в них живое слово *этот* слабее, сбивчивее, темнее выражает мысль, и разве оно в них *страннее, диче*, нежели книжное слово *сей*? Нам кажется, что в этом случае простое непосредственное чувство лучше всего решает вопрос... Фанатизм в чем бы то ни было сам себе вредит.²⁷

1838. *Литературные пояснения. Соч., т. III, стр. 485—491.*

Русский язык один из счастливейших языков по своей способности передавать произведения древности. Невежды смеются над славянскими словами и оборотами в переводе Гнедича; но это именно и составляет одно из его существеннейших достоинств. Всякий коренной, самобытный язык, в период младенчества народа, в созерцании которого жизнь еще не распалась на поэзию и прозу, но и самая проза жизни опоэтизирована, — такой язык в своем начале бывает полон слов и оборотов, дышащих какою-то младенческою простотою и высокою поэзиею; со временем, эти слова и обороты заменяются другими, более прозаическими, а старые остаются богатым сокровищем для разумного употребления, и наоборот, если их некстати употребляют. Так у нас остались древние поэтические слова: *ланины, очи, уста, перси, рамена, храм, храмина, праг* и т. п.; заменившиеся прозаическими словами: *щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порог* и т. п. Конечно, нет ничего смешнее, пошлее и надутее, как употребление педантами и безвкусными рифмотворцами старинных слов там, где это не требуется сущностию дела, напр., в переводе тассова «Освобожденного Иерусалима» и т. п. Но в переводе «Илиады» наши слова, под пером вдохновенного переводчика, исполненного поэтического такта — истинное и бесценное сокровище! Замените выражения: «ему *покорилась* лилейно-раменная Гера-богиня»; «и *осклабился* Зевс-громовержец» выражениями: «его послушалась жена»; «*рассмеялся* Зевес», — тогда из высокой поэзии выйдет пошлая проза...

1841. *Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 31.*

Г. Григорьев любит употреблять слово *зане*, и это выходит у него крайне неловко. Это слово ввел Пушкин, но он употребил его только раз в «Борисе Годунове», очень ловко, кстати и на месте. Потом употребил его Баратынский в прекрасном стихотворении своем «На смерть Гете», где оно вышло тоже не совсем не на месте. Больше никто не употреблял этого слова... Чего не мог ввести Пушкин, того не введет г. Григорьев.

1846. *Стихотворения Аполлона Григорьева. Соч., т. X, стр. 300.*

...Употребление новых слов без расчетливой осторожности точно может повредить их успеху, и мы решились употреблять их не иначе, как с объяснением, и — пока они не утвердились, — как можно меньше. Но беда не велика, если вначале было поступлено не так: все ложные, т. е. ненужные, слова уничтожаются сами собою, а удачно составленные и придуманные удержатся, несмотря на все остроумие ожесточенных гонителей всего нового, оригинального, всего выходящего из рутины посредственности, всего, носящего на себе характер самобытности и силы. Когда М. Г. Павлов, начавший свое литературное поприще в «Мнемозине» и первый заговоривший в ней о *мысли* и *логике* — предметах, о которых до «Мнемозины» русские журналы не говорили ни слова — когда М. Г. Павлов начал употреблять слово *проявление*, то это слово сделалось предметом общих насмешек, так что антагонисты почтенного профессора называли его в насмешку, *господином, который употребляет слово «проявление»*; а теперь всем кажется, что будто это слово всегда существовало в русском языке.

1838. Журнальная заметка. Соч., т. III, стр. 376.

Иные слова, по особенным обстоятельствам, получают впоследствии совсем другое значение, нежели какое имели в начале и какое назначила им выражать этимология языка. Так, например, русское слово «чувствительный» сперва означало человека с чувством, с душою; следовательно, оно имело похвальное значение... Но сентиментальность, овладевшая нашею литературою и нашим обществом в конце прошлого и начале текущего столетия, дала слову «чувствительный» ироническое значение, так что теперь говорят «человек с чувством» и уже не говорят «чувствительный человек», ибо последнее означает слезливого воздыхателя, аркадского пастушка в соломенной шляпе, с розовыми лентами на груди — лицо, некогда известное в русской литературе под именем Эраста Чертополохова. Таким же точно образом у немцев выражение «прекрасная душа» (*schöne Seele*) и произошедшее от него неловкое в русском переводе слово «прекраснодушие» (*Schöneseelichkeit*), получили, в последнее время, совершенно противоположное значение. Слово «прекрасная душа» у немцев выражает собою понятие о тех слабых и поверхностных характерах, которые исполнены энтузиазма ко всему высокому и прекрасному, но которые никогда не могут понять хорошенько, в чем состоит и что такое это «высокое» и «прекрасное», от которого они всегда в таком восторге <...> Мы думаем, что слова «романтик» и «мечтатель» довольно близко подходят под значение немецкого выражения «прекрасная душа» (*schöne Seele*).

1843. Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Соч., т. VIII, стр. 100—101.

Вопрос о том, есть ли новые слова у наших современных писателей, или нет, — в настоящем случае лишний. Каждый из нас знает, что русский язык чрезвычайно способен к составлению новых слов.

1846. Ответ на ответ г-на Д... «Литературное наследство», т. 55, стр. 394.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Как в романе или драме невыдержанность характеров, неестественность положений, неправдоподобность событий обличают работу, а не творчество; так в лиризме неправильный язык, яркая фигура, цветистая фраза, неточность выражения, изысканность слога обличают ту же самую работу. Простота языка не может служить исключительным и необманчивым признаком поэзии; но изысканность выражения всегда может служить верным признаком отсутствия поэзии.

1835. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Соч., т. II, стр. 279.

Простота есть необходимое условие художественного произведения, по своей сущности отрицающее всякое внешнее украшение, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — и художественные произведения сильны ею, тогда как мнимохудожественные часто гибнут от нее, и потому по необходимости прибегают к изысканности, запутанности и необыкновенности.

1840. Полное собрание сочинений А. Марлинского. Соч., т. V, стр. 142.

Первое и главное достоинство всякого стиха составляет строгая точность выражения, требующая, чтоб всякое слово необходимо попадало в стих и стояло на своем месте, так чтоб его никаким другим заменить было невозможно, чтоб эпитет был верен и определен. Только точность выражения делает истинным представляемый поэтом предмет, так что мы как будто видим перед собою этот предмет.

1844. Русская литература в 1844 году Соч., т. IX, стр. 104.

Скажите, бога ради: читая драму, увидели ль бы вы особенное и глубокое значение в подобных выражениях: «Он был угрюм? — И бледен?» — «Увы, отец мой! — О, небо!» Потрясли ли б вашу душу до основания эти выражения? Еще более: не пропустили ль бы вы без всякого внимания подобное выражение, как «о, небо!» — Это выражение, столь обыкновенное, столь часто встречающееся в самых пошлых романах? Но Мочалов показал нам, что у Шекспира нет слов без значения, но что в каждом его слове заключается гармонический, потрясающий звук страсти или чувства человеческого...

1838. Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета. Соч., т. III, стр. 268.

...Первые детские опыты его²⁸ являют в нем стихотворца первых годов текущего столетия, хотя он родился только в последний год прошлого. Особенно любопытны и поучительны те из его лицейских пьес, которые он потом переделал: какое искусство иногда одним словом, одним эпитетом переделать их так, что его не узнаешь! Какой тонкий художественный такт в знании того, что можно оставить без перемены, что надо переправить, и из чего нельзя ничего сделать! Удивительно ли, что этот человек как будто перестроил вновь и язык, и версификацию <...> Стих Пушкина — это вековечный образец, неумирающий тип русского стиха: не было и не будет лучшего.

1842. Речь о критике... А. Никитенко. Соч., т. VII, стр. 362—363.

Пушкин не любил щеголять эпитетами, не бросался ни в сентиментальность, ни в таинственность, ни в надутость, ни в пустословие; он жив и стремителен в рассказе, употребляет слова в надлежащем их смысле, наблюдает умную соразмерность в разделении мыслей: все это действительно составляло неотъемлемые качества пушкинской поэзии, и качества великие.

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая. Соч., т. XII, стр. 11.

Сколько мысли в выражении: «быть жертвою *простодушной* клеветы!» Ведь клевета не всегда бывает действием злобы: чаще всего она бывает плодом невинного желанья рассеяться *занимательным* разговором, а иногда и плодом доброжелательства и участия столь же искреннего, сколько и неловкого. И все это поэт умел выразить одним смелым эпитетом! Таких эпитетов у Пушкина много, и только у него одного впервые начали являться такие эпитеты.²⁹

Там же, стр. 22.

В «Цыганах» есть даже погрешности в слого. Так, например, в стихе: «Тогда старик, приближась, *рек*», слово *рек* отзывает тяжелою книжностью, равно как и эпитет «под *издранными* шатрами» вместо *изодранными*. Но два стиха —

Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра, —

можно назвать *ультра-романтическими*, потому что все неточное, неопределенное, сбивчивое, неясное, бедное положительным смыслом при богатстве кажущегося смысла, — все такое должно называться романтическим... Что такое *беглец родной берлоги*? Не значит ли это, что медведь бежал без позволения и без паспорта из своей берлоги? Хорошо бегство для того, кто взят насильно, при помощи дубины и рогатины! Этот медведь — *похищенец*, если можно так выразиться, но отнюдь не беглец. Что

такое *косматый гость шатра*? Что медведь добровольно поселился в шатре Алеко? Хорош гость, которого ласковый хозяин держит у себя на цепи, а при случае угощает дубиною! Этот медведь скорее пленник, чем гость.

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая.
Соч., т. XII, стр. 43.

Мы увидим, что свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка, алмазная крепость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — суть родовые приметы поэзии Лермонтова и залог ее будущего, великого развития.

1840. Стихотворения Лермонтова. Соч., т. VI, стр. 22.

Говоря вообще о поэзии Лермонтова, мы должны заметить в ней один недостаток: это иногда неясность образов и неточность в выражении. Так, напр., в «Дарах Терека», где *сердитый поток* описывает Каспию красоту убитой казачки, очень неопределенно намекнуто и на причину ее смерти, и на ее отношение к гребенскому казаку:

По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою.

Здесь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или, что Чеченец убил казачку, а казак обрек себя мщению за смерть своей любезной; или что сам казак убил ее из ревности и ищет себе смерти, или что он еще не знает о гибели своей возлюбленной, и потому не тужит о ней, готовясь в бой. Такая неопределенность вредит художественности, которая именно в том и состоит, что говорит образами определенными, выпуклыми, рельефными, вполне выражающими заключенную в них мысль. Можно найти в книжке Лермонтова пять-шесть неточных выражений, подобных тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса «Поэт»:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Ржавчина презренья — выражение неточное и слишком сбивающееся на аллеорию. Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию

целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его. Пушкин и в этом отношении величайший образец: во всех томах его произведений едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выражение, даже слово... Но мы говорим не больше, как о пяти или шести пятнышках в книге Лермонтова: все остальное в ней удивляет силою и тонкостью художественного такта, повластным обладанием совершенно покоренного языка, истинно пушкинскою точностию выражения.

Там же, стр. 60—61.

Стихи Языкова блестят всею роскошью внешней поэзии, — и если есть внешняя поэзия, то Языков необыкновенно даровитый поэт <...> Смелыми и резкими словами и оборотами своими Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии.

1841. Русская литература в 1841 году. Соч., т. VII, стр. 37.

Стихи г. Языкова очень слабы со стороны точности выражения. Это можно доказать множеством примеров.

Вот несколько:

Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры брызжащие стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

Что такое *яркий звук разгульных песен*? Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь образность в этом выражении? И как могли *звучать дни*? И неужели искры только тогда пленительны, когда брызжут на роковом поединке? И какое отношение имеют эти *страшные* искры к веселой жизни поэта. Разберите все это строго, переведите все эти фразы на простой язык здравого смысла, — и вы увидите один набор слов, замаскированный *кажуцимся* вдохновением, *кажущеюся* красотою стиха <...>

Муза г. Языкова не понимает простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любит во всем одну яркую и шумную, одну эффектную сторону.

1844. Русская литература в 1844 году. Соч., т. IX, стр. 104—107.

...Г. Критик³⁰ хвалит слог автора «Трех повестей», его слог, в самом деле, цветок благоухающий и прекрасный; мы вполне согласны в этом с г. критиком, но нам кажется странным, что он называет его период *округленным*, его фразу *обточенною*: по

нашему мнению, эта похвала хуже брани <...> Мы уважаем благородство в литературе, но не терпим паркетности, высоко ценим изящество, но ненавидим щегольство.

1836. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». Соч., т. II, стр. 469—470.

...Вторичное прочтение «Стихотворений г. Бенедиктова» не только не заставило нас переменить уже высказанного мнения, но еще более утвердило в нем. Да почему бы мы и переменяли его? У г. Бенедиктова попрежнему «сверкают веселья; любовь гнездится в ущельях сердец; дева вносится на горящей ладони в вихрь кружения; любовь блестит цветными огнями сердечного неба; чудная дева влечет магнитными прелестями железные сердца»... и пр. и пр. Да, все эти выражения у г. Бенедиктова стоят попрежнему, а мы попрежнему думаем, что тот совсем не поэт, кто прибегает, в своих стихах, к подобным украшениям <...>

<...> Поэт должен быть упрям и стоек, будучи уверен, что каждый его стих есть плод вдохновения, которое никогда не обманывается, которое всегда творит верно, должен походить на Пушкина, который в ответ одному критику, осуждавшему его стих из «Цыган»

И с камня на траву свалился,

сказал: «Я должен был так выразиться, я не мог иначе выразиться».

1836. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Соч., т. III, стр. 32—34.

Но и те, которые поневоле должны видеть в Марлинском высшую творческую силу <...> даже и они начинают упрекать его в излишней игривости и пенистой шипучести языка, которые породили неудачных подражателей, искажающих русский язык <...> Подражатели Марлинского доходят до последней крайности, изображая диким и надутым языком разные сильные ощущения, и тем самым, уясняют вопрос совсем не в пользу своего образца.

1840. Полное собрание сочинений А. Марлинского. Соч., т. V, стр. 134.

Странное дело! в антологических стихотворениях г. Майкова стих — просто пушкинский, нет неточных эпитетов, лишних слов, натянутых или изысканных выражений, нет полутона фальшивого: в них он — истинный, глубокий и при том опытный, искусный художник, в руке которого не дрожит резец и не дает произвольных штрихов; но в не-антологических стихотворениях, по крайней мере, в большей части их, есть и неточные эпитеты, и неопределенность в идее, и изысканные фразы, и чуждые всякого внутреннего значения слова.

1842. Стихотворения Аполлона Майкова. Соч., т. VII, стр. 100.

Очевидно, что автор «Двойника» еще не приобрел себе такта меры и гармонии, и оттого не совсем бесосновательно многие упрекают в растянутости даже и «Бедных людей», хотя этот упрек и идет к ним меньше, нежели к «Двойнику»...

Если что можно счесть в «Двойнике» растянутостью, так это частое и, местами, вовсе ненужное повторение одних и тех же фраз, как, например: «*Дожил я до беды, дожил я вот таким-то образом до беды... Эка беда ведь какая!.. Эка ведь беда одолела какая!..*» Напечатанные курсивом фразы совершенно лишние, а таких фраз в романе найдется довольно. Существенный недостаток в этом романе... почти все лица в нем, как ни мастерски, впрочем, очерчены их характеры, говорят почти одинаковым языком.

1846. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. Соч., т. X, стр. 216—218.

...Мы должны сказать еще несколько слов о «Хозяйке», повести г. Достоевского <...> Во всей этой повести нет ни одного простого и живого слова или выражения: все изысканно, натянуто, на ходулях, поддельно и фальшиво. Что за фразы: Ордынов *бичуется* каким-то неведомо сладостным и упорным чувством; проходит мимо *остроумной* мастерской гробовщика; называет свою возлюбленную голубицею и спрашивает, из какого неба она залетела в его небеса; но довольно, боимся увлечься выписками диковинных фраз этой повести — конца им не было бы. Что это такое? Странная вещь! непонятная вещь!

1847. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Соч., т. XI, стр. 141—142.

Страсть к блеску, к эффекту была ахиллесовскою пяткою натуры Марлинского, лишила его талант развития, способности идти вперед и наложила на него характер легкости и хрупкости <...> Сущность предмета, его глубина, его истина никогда не занимают его; он весь во внешней его стороне, которая бросается в глаза. Треск и блеск — это были его вдохновители, и он был их искренним певцом <...> Он вечно вертелся около одних и тех же характеров, одних и тех же мотивов. Оттого все герои его повестей как две капли воды похожи друг на друга и разнятся только именами. Однообразие его повестей невыносимо скучно. Желание блеснуть заставляло его усиливать и природное свое остроумие, становить на дыбы страсть и чувство, делать вычурным и натянутым и без того ярко-пестрый слог, — словом, вдаваться во все крайности фразерства. Но Марлинский никогда не был холодным и сухим фразером, исключая разве немногих и неудачных его произведений. Напротив, везде виден в нем фразер живой, страстный, пламенный, искренний, который писал не по-тея, не ходил в карман за словом, не ломал головы над фразою, но едва успевал писать их на бумагу, по которой перо его

скользило с быстротою паровоза. Только в его увлечении, в его страстности, в его блестящих, эффектных картинах видно больше какого-то опьянения, как будто от приема опиума, нежели истинного вдохновения. Отсюда происходит внутренняя напряженность, натянутость его слога, несмотря на видимую его текучесть и лёгкость...

Явление Гоголя нанесло страшный удар всему риторическому, блестящему снаружи, эффектному, — риторическое, и многое, что до того времени казалось верхом натуральности, вдруг сделалось ненатуральным.

1847. Второе полное собрание сочинений Марлинского. Соч., т. XI, стр. 150—152.

О РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ, О ЯЗЫКЕ РАССКАЗЧИКА, О ЯЗЫКЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

Великий национальный поэт равно умеет заставить говорить и барина, и мужика их языком.

1844. Сочинения Александра Пушкина. Соч., т. XII, стр. 81.

Теперь роман и повесть изображают не пороки и добродетели, а людей, как членов общества, и потому, изображая людей, изображают общество. Вот почему теперь требуется, чтоб каждое лицо в романе, повести, драме, говорило языком своего сословия и чтобы его чувства, понятия, манеры, способ действия, словом, все оправдывалось его воспитанием и обстоятельствами его жизни.

1845. Букеты. Соч. гр. В. А. Соллогуба. Соч., т. X, стр. 71.

Вот этим-то умением чисто по-русски смотреть на вещи и схватывать их смешную сторону в меткой иронии владел Крылов с такою полнотою и свободою. О языке его нечего и говорить: это неисчерпаемый источник руссизмов... Множество стихов Крылова обратилось в поговорки и пословицы, которыми часто можно окончить спор и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими доводами. Не как предположение, но как истину, в которой мы убеждены, можем сказать, что для Грибоедова были в баснях Крылова не только элементы его комического стиха, но и элементы комического представления русского общества. В приведенной нами басне «Крестьянин и овца» эти элементы очевидны: в ней нет никакой морали, никакого нравоучения, никакой сентенции; это просто — поэтическая картина одной из сторон общества, маленькая комедийка, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц, и действующие лица говорят каждое сообразно с своим характером и своим званием.

1845. Иван Андреевич Крылов. Соч., т. XII, стр. 494.

Но нигде личность Марии не возвышается в поэме Пушкина до такой апофеозы, как в сцене ее объяснения с Мазепой — сцене, написанной истинно шекспировскою кистью <...>

Вникните во всю эту сцену, разберите в ней всякую подробность, взвесьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, вместе с тем, какая простота! Этот ответ Марии: «Я! люблю ли?» — это желание уклониться от ответа на вопрос, уже решенный ее сердцем, но все еще страшный для нее — кто ей дороже: любовник или отец, и кого из них принесла бы она в жертву для спасения другого, — и потом решительный ответ при виде гнева любовника <...>

Сколько простоты и энергии в его стихе! Какая живая ответственность между содержанием и колоритом языка, которым оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское в тоне рассказа, в духе и обороте выражений!

1844. Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая. Соч., т. XII, стр. 65—68.

...Спросим всех сколько-нибудь знакомых с русскою литературою: до пушкинского «Бориса Годунова» из русских читателей или русских поэтов и литераторов имел ли кто-нибудь какое-нибудь понятие о языке, которым должен говорить в драме русский человек до-петровской эпохи? Не только прежде, даже после «Бориса Годунова» явилась ли на русском языке хотя одна драма, содержание которой взято из русской истории и в которой русские люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски?.. Словно гигант между пигмеями, до сих пор высится между множеством quasi-русских трагедий пушкинский «Борис Годунов», в гордом и суровом уединении, в недоступном величии строгого художественного стиля, благородной классической простоты <...> Довольно уже расточено было критикою похвал и удивления на сцену в келье Чудова монастыря между отцом Пименом и Григорьем... В самом деле, эта сцена <...> в художественном отношении по строгости стиля, по неподдельной и неподражаемой простоте выше всех похвал <...>

Длинный монолог Пимена о суете света и преимуществе заворнической жизни — верх совершенства! Тут русский дух, тут Русью пахнет! Ничья, никакая история России не даст такого ясного, живого созерцания духа русской жизни, как это просто-душное, бесхитростное рассуждение отшельника. Картина Иоанна Грозного, искавшего успокоения «в подобии монашеских трудов»: характеристика Феодора и рассказ о его смерти, — все это чудо искусства, неподражаемые образы русской жизни до-петровской эпохи! Вообще вся эта превосходная сцена сама по себе есть великое художественное произведение, полное и оконченное. Она показала, как, каким языком должны писаться драматические сцены из русской истории...

1845. Сочинения Александра Пушкина. Соч., т. XII, стр. 167—171.

И вот Максим Максимыч весь перед вами, с своим взглядом на вещи, с своим оригинальным способом выражения! Вы еще так мало видели его, так мало познакомились с ним, а уже перед вами не призрак, волею или неволею принужденный автором служить связью или вертеть колесо его рассказа, а типическое лицо, оригинальный характер, живой человек! <...>

Вот начало поэтической истории «Белы». Максим Максимыч рассказал ее по-своему, своим языком; но от этого она не только ничего не потеряла, но бесконечно много выиграла. Добрый Максим Максимыч, сам того не зная, сделался поэтом, так что в каждом его слове, в каждом выражении заключается бесконечный мир поэзии. Не знаем, чему здесь более удивляться: тому ли, что поэт, заставив Максима Максимыча быть только свидетелем рассказываемого им события, так тесно слил его личность с этим событием, как будто бы сам Максим Максимыч был его героем; или тому, что он сумел так поэтически, так глубоко взглянуть на событие глазами Максима Максимыча и рассказать это событие языком грубым, но всегда живописным, всегда трогательным и потрясающим даже в самом комизме своем?..

Нам так и хотелось бы выписать от слова до слова весь рассказ автора, в котором каждое слово так бесконечно значительно, так глубоко знаменательно, дышит такою поэтической жизнью, блестит таким роскошным богатством красок.

1840. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Соч., т. V, стр. 304—311.

Что же до «Бородина», — это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью; в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительною основную мысль поэта.

1840. Стихотворения М. Лермонтова. Соч., т. VI, стр. 23.

Комизм или гумор г. Гоголя имеет свой, особенный характер: это гумор чисто русский, гумор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается протачком. Г. Гоголь с важностию говорит о бекеше Ивана Ивановича, и иной протак не шутя подумает, что автор и в самом деле в отчаянии оттого, что у него нет такой прекрасной бекешки. Да, г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишком глупым, чтобы не понять его иронии, но эта ирония чрезвычайно как идет к нему. Впрочем, это только манера, а истинный-то гумор. Гоголя все-таки состоит в верном взгляде на жизнь <...>

«Тарас Бульба» эта дивная эпопея, написанная кистью смело и широкою... эпизод из великой эпопеи жизни целого народа <...> Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здесь огромный пульс всей этой жизни? Этот богатырь Бульба

со своими могучими сыновьями; эта толпа запорожцев <...> этот кошевой, поневоле говорящий красноречивую, витиеватую речь о необходимости войны с бусурманами <...> А казнь Остапа, его воззвание к отцу и «слышу» * Бульбы и, наконец, героическая гибель старого фанатика.

1835. *О русской повести и повестях г. Гоголя.*
Соч., т. II, стр. 226—234.

Художественность в том и состоит, что одною чертою, одним словом, живо и полно представляет то, чего, без нее, никогда не выразишь и в десяти томах <...>

Помните ли вы, как майор Ковалев ехал на извозчике в газетную экспедицию и, не переставая тузить его кулаком в спину, приговаривал: «Скорей, подлец! скорей, мошенник!» И помните ли вы короткий ответ и возражение извозчика на эти понукания — «Эх, барин!», слова, которые приговаривал он, потряхивая головой и стегая возжей свою лошадь?.. Этими понуканиями и этими словами «Эх, барин!» вполне выражены отношения извозчиков к майорам Ковалевым. Потом, помните ли вы еще одну сцену в газетной экспедиции? — «Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола с запискою в руках, и почел за нужное показать свою общительность: «Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен, т. е. я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-богу, любит; — и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей. Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем несовместны: уж когда охотник, то держи лягавую собаку, или пуделя; не пожалей пяти-сот, тысячу дай, но зато уж, чтоб была собака хорошая».

В этих немногих словах характеризовано целое сословие, весь лакейский люд, с его образом мыслей и его образом выражения; и кроме того, в этих немногих словах выражено одно лицо, которое, будучи похоже на множество лиц этого разряда, в то же время похоже только на само себя, и больше ни на кого.

1839. «Современник». ³¹ Соч., т. IV, стр. 73—74.

В художественном произведении нет ничего произвольного и случайного, но все необходимо и логически вытекает из его идеи. Каждое лицо в нем, способствуя развитию главной идеи, в то же время есть и само себе цель <...>

Входит наивный почтмейстер, который любит распечатывать чужие письма, в надежде найти в них «разные этакie пассажи... назидательные даже»... Городничий дает ему плутовские советы

---

* Впрочем, я не ставлю в слишком большую заслугу г. Гоголю этого «слышу» и не думаю, подобно некоторым, что, если бы г. Гоголь и не избрал ничего другого, кроме этого славного «слышу», то одним им мог бы заставить молчать злонамеренность критики... Это славное «слышу» не имело бы никакого смысла, без отношения к целой повести и без связи с нею.

«немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать — не содержится ли в нем какого-нибудь донесения *или просто переписки*». Какая глубина в изображении! Вы думаете, что фраза «или просто переписки» бессмыслица или фарс со стороны поэта: нет, это неумение городничего выражаться, как скоро он хоть немного выходит из родных сфер своей жизни. И таков язык всех действующих лиц в комедии! Наивный почтмейстер, не понимая, в чем дело, говорит, что он и так это делает. «Я рад, что вы это делаете, — отвечает плут-городничий протракти-почтмейстеру, — это в жизни хорошо», и видя, что с ним обиняками немного возьмешь, напрямки просит его — всякое известие доставлять к нему, а жалобу или донесение просто задерживать...

Да, в этой комедии нет ни одного слова, строгой и непреложной необходимости которого нельзя было бы доказать из самой сущности идеи и действительности характеров... Посмотрите, как робко и какими косвенными вопросами хочет он ³² узнать от Осипа, есть ли у них табак: о, он боится его нравучений и его грубости! Посмотрите, как он подличает перед трактирным прислужником, справляясь о его здоровьи и о числе приезжающих в их трактир, и как ласково просит его поторопиться принести ему обедать! Какая сцена, какие положения, какой язык!

Где подсмотрел, где подслушал поэт эти сцены и этот язык? И почему только один он *так* подсмотрел и *так* подслушал? Может быть, потому, что он подсматривал и подслушивал как и все, то есть не подсматривая и не подслушивая, да в фантазии-то его это отразилось не так, как у всех. А ведь эти *все* — тоже поэты и художники и как блины пекут и трагедии, и драмы, и оперы, и комедии, и водевили...

Третье действие, а Анна Андреевна все еще у окна со своею дочерью — в высшей степени комическая черта!.. Какая сложность элементов выражена в этой сцене: уездная барыня, устарелая кокетка, смешная мать! Сколько оттенков в каждом ее слове, как значительно, необходимо каждое ее слово!..

Сцена явления Хлестакова в доме городничего в сопровождении свиты из городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановского; представление Анны Андреевны и Марии Антоновны, любезничанье и вранье Хлестакова — каждое слово, каждая черта во всем этом, общность и характер всего этого — торжество искусства, чудная картина, написанная великим мастером...

Сцена с купцами, в которой вы видите, как на ладони, это купечество уездного городка, которое выучилось кое-как зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы от его бороды не пахло капустою; которое плохо знает грамоту и живет на «авось», то есть где выторговал, а где надул, и с которым, по всему этому, городничий обходится без чинов: «схватит за бороду, говорит, ах ты татарин»; которое, наконец, любит, коли давать, так давать — возьми и подносик и головку сахара, и кулечек

с винами, и не триста, — что триста! — пятьсот, только дело сделай. Язык неподражаемо верен...

В «Ревизоре» каждое действующее лицо высказывает себя каждым своим словом, но совсем не с целью высказываться, а принимая необходимое участие в ходе пьесы. Каждое слово, сказанное каждым лицом, там относится или к ожиданию ревизора, или к его присутствию в городе. Лицо ревизора есть источник, из которого все выходит и в который все возвращается. И потому-то там каждое слово на своем месте, каждое слово необходимо и не может быть ни изменено, ни заменено другим. Оттого-то и комедия Гоголя представляет собою целое художественное произведение.

1839. Горе от ума А. С. Грибоедова. Соч., т. V, стр. 53—80.

Лицо *Свахи* в «Женитьбе» — есть одно из самых живых и типических созданий Гоголя. Бойкость, яркость движений, трещоточный разговор, должны быть прежде всего схвачены актрисой, выполняющею эту роль; малейшая вялость, тяжеловатость сейчас напортят дело. Это баба, наметавшаяся в своем ремесле; ее не расстроит никакое обстоятельство, не смутит никакое возражение; у нее готов ответ на всякий вопрос.

Невеста спрашивает сваху про одного из женихов, не пьет ли он. «А пьет, не прекословлю, пьет! Что же делать? Уж он титулярный советник, зато такой тихий, как шолк», — отвечает сваха и, в утешение, прибавляет: «Впрочем, что ж такое, что иной раз выпьет лишнее? Ведь не всю же неделю бывает пьян — иной день выберется и трезвый». Про другого она говорит: «Немножко заикается, зато уж такой скромный».

Сколько юмора, какой язык, какие характеры, какая типическая верность натуре!

1842. Русский театр в Петербурге. Соч., т. VIII, стр. 55—56.

«Петербургские углы» г. Некрасова отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновенным мастерством изложения.

1845. Физиология Петербурга, под редакцією Н. Некрасова. Соч., т. IX, стр. 365.

Повесть Гончарова произвела в Питере фурор — успех неслыханный!.. У Гончарова нет и признаков труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказ.

Письмо В. П. Боткину 17 марта 1847 г. Письма, т. 3, стр. 198—199.

Главная сила таланта г. Гончарова — всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелочных и посторонних

обстоятельств, как, например, в поэтическом описании процесса горения в камине сочинений Адуева...

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный эпилог, роман г. Гончарова остается одним из замечательных произведений русской литературы. К особенным его достоинствам принадлежит между прочим язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся. Рассказ г. Гончарова в этом отношении не печатная книга, а живая импровизация. Некоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа. В них нет ничего отвлеченного, неидущего к делу; это — не диспуты, а живые, страстные драматические споры, где каждое действующее лицо высказывает себя, как человека и характер, отстаивает, так сказать, свое нравственное существование. Правда, в такого рода разговорах, особенно при легком, дидактическом колорите, наброшенном на роман, всего легче было споткнуться хоть какому таланту, но тем больше чести г. Гончарову, что он так счастливо решил трудную самую по себе задачу и остался поэтом там, где так легко было сбиться на тон резонера.

*1847. Взгляд на русскую литературу 1847 года.
Соч., т. XI, стр. 135—136.*

На безлюдьи истинных талантов в нашей литературе, талант Марлинского, конечно, явление очень примечательное <...> Но <...> в его созданиях нет никакой глубины, никакой философии, никакого драматизма <...> все герои его повестей сбиты на одну колодку и отличаются друг от друга только именами; ...у него более фраз, чем мыслей, более риторических возгласов, чем выражений чувства <...>

Ни одно из действующих лиц его повестей не скажет ни слова просто, но вечно с ужимкой, вечно с эпиграммой или с каламбуром <...>; словом, у г. Марлинского каждая копейка ребром, каждое слово завитком.

1834. Литературные мечтания. Соч., т. I, стр. 375—376.

...Русские персонажи повестей г. Марлинского говорят и действуют, как немецкие рыцари; их язык, риторический, вроде монологов классической трагедии, и посмотрите с этой стороны на «Бориса Годунова» — то ли это?

*1835. О русской повести и повестях г. Гоголя.
Соч., т. II, стр. 202.*

Боже мой, сколько в его словах претензий на остроумие, которое от этого самого, так натянуто! ³³ И это ли язык чувства, весь склеенный из азбучных афоризмов, ходячих сентенций и острот, вычитанных из плохих романов! Какая в разговоре Греммина бессердечность холодность! Какое отсутствие всякой есте-

ственности! И что похожего на истину в самом поручении! Оно гораздо приличнее школьникам, недавно вышедшим из пансиона, чем удалым и храбрым гусарам. Когда вы прочитываете этот разговор, западет ли вам в душу хотя одно слово из него? Останется ли в вашей памяти одна черта этих двух безличных лиц и бесхарактерных характеров? <...>

Не знаю, как для вас, — у всякого свой вкус, — но для меня нет ничего в мире несноснее, как читать в повести или драме вместо *разговора* — *речи*, из которых сшивались *поэтическими уродами* классические трагедии. Поэт берется изображать мне людей не на трибуне, не на кафедре, а в домашнем быту их частной жизни, передает мне разговоры, подслушанные им у них в комнате, разговоры, часто оживляемые страстию, которая может изменять и самый разговорный язык, но которая ни на минуту не должна лишать его разговорности и делать тирадами из книг, — и я, вместо этого, читаю речи, составленные по правилам старинных риторик. Согласитесь, что это просто невыносимо <...>

Перейдем от «Испытания» к «Фрегату Надежде» <...> Княгиня Вера пишет письма к своей родственнице в Москву, письма совершенно пансионские, беспрестанно блестящие фразами вроде следующих: «Я так пышно скучала, так рассеянно грустила, так *неистово* радовалась, что ты бы сочла меня за Отаитянку на парижском бале», «вздутъ сравнение до гиперболы», «вплетать в гирлянду рассказа кой-какие вопросы» и пр... Княгиня Вера ни больше, ни меньше, как пансионёрка, рано начитавшаяся романов и потому фразерка в поступках и словах своих <...>

Если вы зажмурите глаза, слушая «речи» действующих лиц во всех повестях Марлинского, то, право, никак не разгадаете, кто говорит — морской офицер, дикий черкес, ливонский рыцарь, русский князь времен междоусобия, русский боярин XV или XVI века, мужчина или женщина, старик или юноша, Аммалат-Бек или будочник-оратор <...>

Внешний талант скоро высказывается весь, истощает бедный запас своего внутреннего содержания и скоро доходит до необходимости переливаться собственными крохами, собственно вешью, обновляя их белилами и румянами изысканной фразеологии дикого языка.

1840. Полное собрание сочинений А. Марлинского.
Соч., т. V, стр. 146—158.

Автор очевидно не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, и между тем употребляет слова *фантазия*, *тени умерших* и тому подобное.

1836. Святочные вечера, или рассказы моей тетушки.
Соч., т. III, стр. 50.

«Уголино» есть лучшее доказательство той непреложной истины, что нельзя писать драм, не будучи поэтом <...> Ни одного поэтического стиха, ни одного поэтического слова! Фраза на фразе! И это сцена любви, где все должно быть проникнуто чувством, душою, жаром! И какой конфетный взгляд на любовь! Во всем этом нет ни тени даже того, что мы называли *красноречием в поэзии* <...> Сцена любви! Да знаете ли вы, что такое должна быть сцена любви? Все, что ни говорит Нино Веронике, и она ему, все это произвольно, все это может быть изменено и переименовано, как вам угодно и сколько вам угодно. И потому-то они, сами чувствуя затруднительность своего положения, прибегают к благостельному в таких случаях междометию «ах» и к восклицательному повторению своих имен «Нино!», «Вероника!» Прочтите сцену свидания (тоже в саду) Ромео с Юлией; есть ли там хоть одно лишнее или незначачее слово, не обрисовывает ли там каждая фраза, каждое слово и характер, и положения, и чувства того, из чьих уст выходит! Вы скажете — что за сравнение: то Шекспир, а то Полевой! Очень хорошо, перечтите все, что говорит черкешенка Пушкина пленнику, Зарема — Марии, Алеко — Земфире, Мария — Мазепе, что пишет Татьяна Онегину, и что писал Онегин Татьяне, и что говорила она ему: вот язык любви, бесконечно глубокий, бесконечно разнообразный, как разнообразны люди, которые говорят им. Вы опять скажете, — что за сравнение: то Пушкин, а то Полевой! Знаем, что и тут тоже пространство, что между землею и небом. Но с кем же сравнить? Неужели с Сумароковым <...>

Многие, увлекаясь фразами, привыкают почитать их за поэзию и делаются неспособными понимать истинную поэзию.

1838. «Уголино». *Драматическое представление. Сочинение Николая Полевого. Соч., т. III, стр. 356—361.*

О, риторика! о, набор слов, взятых и сведенных наудачу из словаря! О, герой без образа и лица, без характера и силы, без величия и смысла! О, драма, в которой все говорят — говорят много, длинно, водяно, сентиментально, растянута, вяло, плохую рубленною прозою, и никто ничего не делает! О, драма, в которой нет ни характеров, ни действия, ни народности, ни стихов, ни языка, ни правдоподобия; но в которой много русских слов, ошибок против грамматики и языка, в которой бездна скуки, скуки, скуки!..³⁴

1842. *Русский театр в Петербурге. Соч., т. VII, стр. 152.*

Этот альманах состоит из четырех драматических пьес в прозе... Все в этих пьесах неестественно, сентиментально, пошло, надуту — и чувства и выражение! А язык — это верх неестественности: ни одной простой фразы, все по-книжному. Вот несколько примеров: «Не угодно ли вам прогуляться со мною по саду в *ожидании возвращения наших детей*». Помилуйте! Кто же так гово-

рит? Всякий скажет: *пока воротятся наши дети*. Простой, невоспитанный мальчик, поднятый рыбаком с улицы, на которой он лежал замертво от стужи, говорит о своем отце, утонувшем в море: «Волна, которая его потопила, поглотила также и все средства к моему дальнейшему существованию». Благовоспитанные девицы, в разговоре, беспрестанно употребляют слова: *ибо, кой и оные!!*. Это разговорный слог!

1847. *Альманах для детей, составленный П. Фурманом.*
Соч., т. X, стр. 508.

О ЯЗЫКЕ КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ

Наша критика должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины.

1836. *О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя».* Соч., т. II, стр. 480.

Критика у нас считается самым легким ремеслом; за нее берутся все с особенной охотой, и редко кому входит в голову, что для критики нужно иметь талант, вкус, познания, начитанность, нужно уметь владеть языком.

1843. *Русская литература в 1843 году.* Соч., т. VIII, стр. 391.

...Его мыслию³⁵ управляют слова, а не мысли словами. Слова же его — это образец пухлого бессмыслия, изысканных фраз. Если он давно пишет (особенно если еще чему-нибудь учился, знает языки и много читал), он набивает руку и приобретает способность много и скоро писать обо всем, и притом так, что в его писании есть какая-то оригинальность, какой-то блеск выражения. Но это оригинальность искусственная, это блеск фольги. Прочтете — и не помните, что и о чем вы прочли. Особенно поражает вас в его слоге искусство парафразирования: одна и та же мысль, и притом простая и пустая, как напр., то, что деревянные столы делаются из дерева, одна и та же мысль тянется у него длинною вереницею предложений, периодов, тропов, фигур; он переворачивает ее с боку — на-бок, плодит ее на целых страницах, и пересыпает многоточиями. Все у него так кудряво, во все такое изобилие эпитетов, амплификаций,³⁶ что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этим разноцветным и блестящим переливам слога, — и его очарование только тогда исчезнет, когда он задаст себе вопрос о содержании бойко и затейливо написанной статьи: ибо, вместо всякого содержания, он замечает, к удивлению своему, только одно пухлое самолюбие и одни пухлые слова и фразы. Это особенно часто является на Западе, особенно с тех пор, как Запад начал гнить.

1842. *Речь о критике...* А. Никитенко. Соч., т. VII, стр. 420.

О ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДА С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Правило для перевода художественных произведений одно: передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским. Чтоб так передавать художественные произведения, надо родиться художником.

В художественном переводе не позволяется ни выпусков, ни прибавок, ни изменений.

Если в произведении есть недостатки — и их должно передать верно. Цель таких переводов есть — заменить по возможности подлинник для тех, которым он недоступен по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нем <...>

Так как переводы делаются не для нескольких человек, а для всей читающей публики, и так как сцена должна действовать не на один партер и первые ряды лож, а на весь амфитеатр, то переводчик должен строго сообразоваться со вкусом, образованностью, характером и требованиями публики. Вследствие этого, переводя Шекспира для чтения публики, он не только имеет право, но еще и должен выкидывать все, что непонятно без комментариев, что принадлежит собственно веку писателя <...>

Близость к подлиннику состоит в придании не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить. Соответствующий образ так же, как и соответствующая фраза состоят не всегда в видимой ответственности слов: надо чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального <...>

Признано всеми за непреложную истину, что драматический язык, как язык разговорный, должен быть в высшей степени естествен, т. е. отрывист, чужд вводных предложений, чист, прост, короток, ясен, понятен без напряжения. Не менее того согласны все и в том, что стихотворный язык точно так же, как и прозаический, должен быть правилен грамматически, верен своему духу, свободен, развязен, чужд вычурных книжных оборотов.

1838. Гамлет... Сочинение Виллиама Шекспира. Перевод с английского Николая Полевого. Соч., т. III, стр. 338—342.

Но обратимся к переводам Шекспира <...> Каково читать, не только слышать со сцены, такие стихи, как вот следующие: —

И замыслов отважные порывы,
От сей препоны уклоняя бег свой,
Имен деяний не стяжают...

Что за слово *препона*? Кто употребляет его в разговоре? Зачем, скажите ради бога, должно *помыслить*, а не *подумать*? Разве по-

тому, что в трагедии требуется *высокий*, а не *средний* и не *низкий* слог? Но <...> Шекспир <...> не читал русских риторик и не верил разделению слога на *высокий*, *средний* и *низкий*. Для него существовал *один* слог — слог души человеческой на всех ступенях ее развития и во всех моментах ее жизни. Шекспир не гнушался никакими словами: для чистого все чисто; резонерство, чопорность и щепетильность нужны только для тартюфов <...>

Конечно, Полоний хотел говорить *ученым* слогом и потому мог употреблять *ибо*, но *сии*, *действия* и *бездействия* — это уж верх учености в языке.

...Сядь, Горацио!

Мы вновь на слух твой нападем столь сильно,

Против рассказов наших о виденьи

Две ночи здесь ходившем укрепленный.

Понятно ли? — Нет, чтобы понять, надо перестроить конструкцию, отыскать подлежащее и сказуемое, а когда — скажите — делать это в театре?

Ну, что, Горацио? Ты дрожишь? Ты бледен?

Не больше ль, чем мечта, сие виденье?

Что *мыслишь* ты?

Этих выписок довольно для показания недостатков перевода г. Вронченки и пояснения причины его неуспеха <...> Перейдем к переводу г. Полевого.

Наше суждение о нем будет очень коротко <...> Язык правильный, в высшей степени разговорный, сообразно с каждым действующим лицом, сверх того язык живой, согретый, проникнутый огнем поэзии: вот главное достоинство этого перевода. В отношении к простоте, естественности, разговорности и поэтической безыскусственности, этот перевод есть совершенная противоположность переводу г. Вронченки. Перечтите сцену с матерью: сколько огня, силы, энергии, сжатости и какая отрывистость, простота! <...> Скажите, — не тот ли это язык, который вы ежедневно слышите около себя и которым вы ежедневно сами говорите? — А между тем это язык высокой поэзии, поэтическое выражение одного из самых поэтических моментов духа глубокого человека! Да, актеру можно вполне одушевиться от *такой* роли и *так* переданной; он будет чувствовать, что говорит не фразы, а слова страсти, и не запнется ни на одном слове, которое бы могло охладить его своєю изысканностью или неловкостью <...>

Страшно,

За человека страшно мне!

Так оканчивается <...> дивный монолог, и это окончание принадлежит самому переводчику; но его и сам Шекспир принял бы, забывшись, за свое: так оно идет тут, так оно в духе его. Да, оно вполне выражает это состояние души человека, *вникающего в себя*, вышедшего из органического полного самоощущения жизни,

разбирающего, анализирующего всякое чувство, всякое свое ощущение, всякую свою мысль! И это очень понятно; переводчик вошел в дух Шекспира, освоился, свыкся душою с жизнью лиц его драмы, и у него сорвалось Шекспировское выражение <...>

В переводе г. Полевого везде видна свобода, видно, что он старался передать дух, а не букву. Поэтому иногда, отдаляясь от подлинника, он этим самым верно выражает его: в этом и заключается тайна переводов.

Но мы слишком далеки от того, чтобы почитать перевод г. Полевого совершенным: нет, в нем много недостатков и очень важных. Вообще г. Полевой более *перевел* «Гамлета» для сцены, нежели передал его: передать значит заменить подлинник, сколько это возможно. Он торопился, переводил его наскоро, между множеством других дел, а Шекспир требует глубочайшего изучения, всей любви, всего внимания, совершенного погружения в себя. От этого в переводе г. Полевого ослаблено много этих оттенков, этих черт, которые неважны только для поверхностного взгляда, но составляют всю сущность поэтического создания.

1838. Гамлет... Сочинение Виллиама Шекспира, Перевод с английского Николая Полевого. Соч., т. III, стр. 341—346.

Очень миленькая детская книжка! Содержание ее весьма просто и поучительно без сентенций. Но перевод убил достоинство оригинала: во-первых, детские книжки должны быть написаны самым легким и разговорным языком, а конструкция периодов г. переводчика отзывается книжным языком. Сверх того, он употребляет такие слова, которые в разговорах не употребляются и взрослыми, не только детьми. Например: «Ну уж этого никак не будет, *ибо* я очень рад *сему* происшествию». А *сие* происшествие состоит в том, что собака испугала кошку, *ибо* *оную* не успели от *сей* спрятать.

1838. Восемь дней вакансии.... Перевод с французского. Соч., т. III, стр. 456.

Перевод книги Араго хорош и мог бы еще быть лучше, если б издатели исправили его, заменив *сии, кои, многоостровия* — *этими, которыми, архипелагами*, и вовсе исключив *оние*.

1844. Воспоминания слепого. Путешествие вокруг света Жака Араго. Перевод П. А. Корсакова и др. Соч., т. IX, стр. 147.

О ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И О ПРИНЦИПАХ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ И СТИЛИСТИКЕ

...Несмотря на бесчисленное множество «российских» и русских грамматик — русская грамматика до сих пор находится в состоянии младенчества. Скажем более: до сих пор нет еще русской грамматики, и до сих пор русская грамматика существует предположительно. Это доказывается и тем, что нет двух русских

грамматик, которые были бы согласны между собою в признании главных законов русского языка, — тем еще, что для учащихся грамматика русская есть наука трудная, тяжелая, скучная, внушающая страх и отвращение, и наконец тем, что для русского мальчика легче выучиться грамматике какого угодно иностранного языка, чем грамматике своего родного...

Что у нас нет еще грамматики, лучшее доказательство в том, что русская грамматика есть истинный бич для бедных детей. Между тем, должно бы быть совсем наоборот, потому что изучение грамматики как науки, в приложении к родному языку, естественно, очень легко. Но наши русские грамматики преисполнены произвольных правил, которых или вовсе чужд русский язык, или которые почерпнуты не из его общего построения, а из каких-нибудь частных наблюдений над отдельными словами, и потому естественно, что на одно правило русская грамматика предобродушно представляет тысячу одно исключение из этого правила. Каково же заучить и запомнить все эти многочисленные правила с бесчисленными исключениями? Обратите внимание на то, как трудно у нас выучить ученика правописанию. Отчего это? Оттого, что все наше правописание есть произвол привычки, предания, педантизма, а не выражение духа русского языка. Самая азбука наша отличается произволом...

1844. Русская грамматика Востокова. Соч., т. XIII, стр. 159—161.

«Грамматика есть наука и искусство говорить правильно». Новая новость! *Говорить* есть дар природы; знание же — *говорит правильно*, а искусство — *говорит красно*. В следствие такого прекрасного определения Грамматики, подмосковный крестьянин, который, вероятно, говорит гораздо правильнее многих Чухломских господ, есть *грамотей и оратор*. Поздравляем!

«Грамматика разделяется на четыре части: Познание Слов, Составление Речи, Произношение и Правописание». Как все это ново и затейливо! Как далеко подвинут вперед Русскую Грамматику подобные перемены в терминологии, и какие бесчисленные выгоды произойдут от них для Русского языка! Нечего сказать: г. Калайдович не скупится на новые термины. Но к чему такая неуместная щедрость? Разве это главное? Правил языка, а не новых терминов нужно нам. Не спорю, перемены в терминологии важны и полезны, но только в таком случае, когда ведут к чему-нибудь. А разве *словопроизведение* и *словосочинение*, даже *этимология* и *синтаксис* термины общие для всех Европейских Грамматик, не хорошо выражают сущность дела?..

Вся беда от странного упрямства и неуместного чванства гг. грамматистов. Ибо, во-первых, они хотят сочинять, выдумывать законы языка, а не открывать их, не выводить из духа ононого; во-вторых, они не хотят пользоваться трудами своих предшественников, как будто бы почитая это унижительным для своего

авторского достоинства. Удивительно ли после этого, что у нас по сю пору нет Грамматики, которую бы можно было принять за руководство при обучении детей? Для людей, занимающихся преподаванием отечественного языка, всего более ощутителен недостаток в подобных руководствах... Удовлетворить ум ребенка еще может быть труднее, чем ум взрослого человека; ему мало сказать, сколько частей речи и как они называются: объясните ему, что такое эти части речи, для чего они и почему их столько, а не столько, — или обвиняйте самих себя в его тупоумии и непонятливости!

1834. *Грамматика языка русского... Калайдовича.*
Соч., т. II, стр. 34—37.

...У нас многие нападают на то, что в учебных заведениях, в числе наук, не только находится русская словесность, но и еще считается одним из главнейших предметов изучения. Мы никак не оправдываем этих нападков³⁷. Оставляя в стороне теорию красноречия и поэзии, и вообще всякую теорию в низших учебных заведениях, после основательного и строгого изучения грамматики, полагаем даже полезным занимать учеников *практикою* языка, чтобы они умели ясно, вразумительно, кругло, приятно и *прилично* написать записку о присылке книги, приглашение на вечер, письмо к отцу, матери или другу о своих нуждах, чувствах, препровождении времени и прочих предметах, не выходящих из сферы их понятий и их жизни. Тут главное дело, чтобы приучить их к естественному, простому, но живому и правильному слогу, к легкости изложения мыслей и — главное — к сообразности с предметом сочинения. У нас, напротив, или приучали рассуждать детей о высоких или отвлеченных предметах, чуждых сферы их понятий, и тем заранее настроивали их к напыщенности, высокопарности, вычурности, к книжному, педантическому языку, — или приучали их писать на пошлые темы, состоящие из общих мест, не заключающих в себе никакой мысли <...> Должно учить детей писать; но только в основу этого учения должно полагать грамматику, в ее *общем* значении, и тесное знакомство с духом родного языка, знакомство, приобретенное теориею и еще больше *практикою*. Что проще — то и истиннее и труднее <...>

1839. *Способ к распространению шелководства Я. Юзицкого.*
Соч., т. IV, стр. 358—359.

Многие смеются над определением грамматики, что она учит *правильно говорить и писать*. Определение очень умное и очень верное! Всеобщая грамматика есть философия языка, философия человеческого слова: она раскрывает систему общих законов человеческой речи, равно свойственных каждому языку. Частная грамматика учит не чему иному, как правильно говорить и писать на том или другом языке: она учит не ошибаться в согласовании слов, в этимологических и синтаксических формах. Но грамматика не учит *хорошо* говорить, потому что говорить правильно и

говорить хорошо — совсем не одно и то же. Случается даже так, что говорить и писать слишком правильно значит говорить и писать дурно. Иной семинарист говорит и пишет как олицетворенная грамматика, его нельзя ни слушать, ни читать; а иной простолюдin говорит неправильно, ошибается и в склонениях и в спряжениях, а его заслушаешься. Из этого не следует, чтоб грамматике не должно было учиться, и чтоб грамматика была вздорная наука: совсем напротив! Неправильная речь одаренного способностью хорошо говорить простолюдина была бы еще лучше, если б он знал грамматику. Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, которого правила объясняет: тогда она научит *правильно* и писать и читать; но все-таки только *правильно*, не больше: учить же говорить и писать *хорошо* — совсем не ее дело. Сколько мы догадываемся, на это претендует реторика. Нелепость, сушая нелепость! <...> Скажут: в искусстве говорить, особенно в искусстве писать, есть своя техническая сторона, изучение которой очень важно? Согласны; но эта сторона несколько не подлежит ведению реторики. Ее можно назвать *стилистикою*, и она должна составить собою дополнительную, окончательную часть грамматики, высший синтаксис... Этот высший синтаксис должен заключать в себе главы: 1) о предложениях и периодах; 2) о тропах; и 3) об общих качествах слога — чистоте, ясности, определенности, простоте и проч. в отношении к выражению. В главе о предложениях и периодах должны быть объяснены общие, на логическом строении мысли основанные формы речи; в периоде должно показать* силлогизм; надобно обратить особенное внимание на то, чтоб отделить внешнюю форму от внутренней, и научить по возможности избегать школьной формы выражения. Так, наприм., всякий школьник, особенно учившийся по «Реторике» г. Кошанского, необходимою принадлежностью *условного* периода почитает союзы: *если, то*: надо внушить ему, что условность может заключаться и в периоде без *если* и *то*, как, наприм.: *скажешь правду, потеряешь дружбу*, и что эта последняя форма проще, легче и лучше первой. В главе о *тропах* не должно гоняться за пошлыми примерами, или искать их непременно в сочинениях известных писателей, но брать их преимущественно в обыкновенном, разговорном языке, в пословицах и поговорках <...> Лучшие примеры тропов должны быть в таком роде: *острый ум, тупая память, следы преступления, иметь кусок хлеба*, и т. п. Что касается до фигур, которые, как известно, разделяются риториками на *фигуры слов* и *фигуры мыслей*, — то о них лучше всего совсем не упоминать. Кто исчислит все обороты, все формы одушевленной речи? Разве риторы исчислили все фигуры? Нет, учение о фигурах ведет только к фразистости. Все правила о фигурах совершенно произвольны, потому что выведены из частных случаев. Что касается главы о *слоге вообще*, — она должна состоять из опытных наблюдений, из общих замечаний, и отнюдь не должна претендовать на наукообразное

изложение. Чтоб приучить ученика владеть фразою и не затрудняться в выражении мысли, — всего менее нужна теория и всего более практика. Упражняйте его в переложении стихов на прозу, а главное — в переводах с иностранных языков. Это истинная и единственная школа стилистики. Борьба между духом двух различных языков, сравнение средств того и другого для выражения одной и той же мысли, всегдашнее усилие найти на своем языке фразу, вполне соответствующую фразе иностранного языка; это всего лучше развяжет перо ученика, и кроме того, всего лучше заставит его вникнуть в дух родного языка.

1844. *Общая риторика Н. Кошанского. Соч., т. IX, стр. 155—157.*

Давно бы уже пора приняться нам за разработывание русской грамматики. А то-ведь стыдно сказать! — грамматика полагается у нас в основание учению общественному и частному, — а между тем у нас нет решительно ни одной удовлетворительной грамматики! И как же бы могла она явиться у нас, когда теория языка русского почти не начата, и для грамматики, как систематического свода законов языка, не приготовлено никаких данных? Оттого, если сличить две русские грамматики разных составителей, напр., грамматику г. Греча с грамматикою г. Востокова, — подумаешь, что каждая из них рассуждает об особенном языке, или что они отделены одна от другой большим промежутком времени. Каждый пишущий в России руководствуется своею собственною грамматикою; нововведениям, этимологическим, синтаксическим и орфографическим, нет числа и меры: всякий молодец на свой образец! И между тем, несмотря на вопли некоторых старых писак против этой грамматической анархии, в которой они видят злоупотребление и чуть не разбой, — при настоящем положении русского языка, эта грамматическая анархия неизбежна и необходима — даже полезна и благотворна. Русский язык еще не установился, — и дай бог, чтоб он еще как можно долее не установился, потому что чем дольше будет он устанавливаться, тем лучше и богаче установится он...

1845. *Грамматические разыскания Б. А. Васильева. Соч., т. IX, стр. 475—476.*

Но как бы ни был язык неразвит и необработан, — он все же ведь имеет свой гений, свой дух, свои законы и свои, только ему свойственные, характер и физиономию: исследовать, определить, — словом, привести их в ясное сознание, есть дело грамматики <...>

Что бы ни говорили, но грамматика именно учит не чему другому, как *правильному* употреблению языка, т. е. *правильно* говорить, читать и писать на том или другом языке. Ее предмет и цель — *правильность*, и ни до чего остального ей нет дела. С педантической кропотливостью задумывается она над тем, как *правильнее* произносить, склонять, спрягать, согласовать, писать, —

словом, употреблять то или другое слово, — и все это иногда для того, чтоб добившись цели своих изысканий, сказать: «так должно бы по правилу употреблять это слово, но так употребляется оно в живом языке общества!» Можно знать хорошо грамматику, говорить и писать правильно, и в то же самое время можно говорить и, особенно, писать дурно: это правда; но также можно хорошо и говорить и писать, и в то же самое время не знать языка. А между тем, теоретическое знание языка важно и полезно, даже необходимо, и без приложения. Грамматика есть логика, философия языка, и кто знает грамматику своего языка, для того, по крайней мере, возможно знание всеобщей грамматики — этой прикладной философии слова человеческого. Сверх того, люди, которые только по инстинкту хорошо говорят или пишут на своем языке, по необходимости часто ошибаются против духа языка, в ущерб своему успеху на поприще изустной или письменной изящной речи. И нет никакого сомнения, что когда к инстинктивной способности хорошо говорить или писать, присоединяется теоретическое знание языка, — сила способности удваивается, утрачивается. Грамматика не дает таланта, но дает таланту большую силу <...> Грамматика не дает правил языку, но извлекает правила из языка. Общее незнание этих правил, т. е. незнание грамматики, вредит языку народа, делая его неопределенным и подчиняя его произволу личностей: тут всякий молодец говорит и пишет на свой образец. В формах языка должно быть единство. А этого единства можно достигнуть только строгим исследованием, как правильное должно говорить или писать то или другое. Это искание правильности должно быть доведено до педантизма — для успеха самого языка.

Там же, стр. 482—485.

Хороший филологический словарь синонимов был бы драгоценным подарком нашей литературе. Он умножил бы собою число необходимых учебных книг для изучения русского языка, и был бы полезен даже молодым литераторам.

1840. Словарь русских синонимов. Соч., т. V, стр. 230.

Красноречие есть искусство, — не целое и полное, как поэзия: в красноречии есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами. Поэзия входит в красноречие как элемент, является в нем не целью, а средством <...> Если вы хотите людям, которые не готовятся быть ораторами, дать понятие о том, что такое красноречие, а людям, которые хотят быть ораторами, дать средство к изучению красноречия, — то не пишите реторики, а переберите речи известных ораторов всех родов и всех веков, снабдите их подробною биографиею каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями, — и вы окажете этою книгою великую услугу и ораторам и не ораторам.

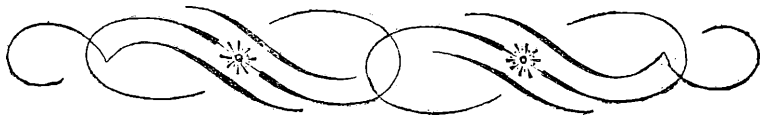
1844. Общая реторика Н. Кошанского. Соч., т. IX, стр. 154—155.

...Зачем риторика у нас в России? — Затем, чтоб учить детей сочинять?.. «Риторика» г. Кошанского, как и все реторики, говорит и о родах прозаических сочинений, учит: как писать историю, как писать ученые трактаты, как описывать то или другое, как писать письма... Что за нелепость! Да разве всему этому выучиваются? Это все равно, что учить (по книге), как вести себя на похоронах, и как держать себя на свадьбе, как обращаться на балу, и как разговаривать на званом обеде. Дайте молодому человеку прочесть несколько хороших исторических сочинений, познакомьте с хорошими авторами, между сочинениями которых есть и описания, и рассуждения, и письма, и разговоры, — и он сам поймет, как что пишется.

1844. Общая риторика Н. Кошанского. Соч., т. IX, стр. 155—159.

Н. Г. Чернышевский

О ЯЗЫКЕ — НАЦИОНАЛЬНОМ, ОБЩЕНАРОДНОМ ДОСТОЯНИИ

...Гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития.

1885—1887. Предисловие к русскому переводу «Всеобщей истории» Вебера, т. VII, Соч., т. X, стр. 848.*

В лингвистическом смысле народ составляют все люди, говорящие одним языком.

Там же, стр. 852.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Словопроизводство в русском языке, подобно словоизменению, отличается, сравнительно с тою же стороною других новейших европейских языков, гораздо большим разнообразием. Можно даже сказать, что русский язык (подобно [некоторым] другим славянским наречиям) развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов стоящих несравненно выше новых европейских языков.

Было бы слишком обширною задачею рассматривать здесь русское словопроизводство во всех его отраслях; потому ограничимся одною — теми случаями словопроизводства, которые находятся в самой ближайшей связи с грамматическими флексиями слов (склонением, спряжением и возвышением в степени).

Почти то же самое, что для прилагательного возвышение в степени, для существительного — образование уменьшительных, ласкательных и т. д. слов. Не будем говорить о богатстве этих изменений в русском языке: оно давно признано всеми. Покажем только отношение русского языка в этом случае к другим родственным.

---

* Высказывания Н. Г. Чернышевского цитируются по Полному собранию сочинений в пятнадцати томах. ГИХЛ, М., 1939—1951.

В латинском языке довольно много уменьшительных окончаний; но увеличительных (мужичище и т. д.) [почти] решительно нет; несколько отдельных слов в роде *virago* (-девчище), неправильно образованных, ничего не значат, не составляя отдельного класса; от имен собственных римляне почти не могли производить уменьшительных (слова в роде *Teventilla* от *Terentia* и т. д. редки, малоупотребительны, и почти лишены уменьшительного значения). В греческом [еще] гораздо меньше, нежели в латинском, уменьшит. нарицат. имен; но зато есть уменьшительные собственные имена, впрочем, довольно малоупотребительные, и едва ли не в одном только пошлом смысле (сравн. употребление женских имен с уменьшит. окончанием, *Γυνυκρέων* и т. д.). В немецком только одно окончание для уменьшения (слова, принимающие *chen*, не могут принимать *lein*, и наоборот). В английском уменьшит. форму принимают только собственные имена; во франц. также, и эта форма бывает в обоих языках почти всегда только одна для каждого имени. У нас этих форм множество.

Наши уменьшительные от нарицательных имен имеют, кроме значения уменьшения, еще значение привязанности или нежности — этот оттенок могут принимать существительные уменьшительные почти только в одном итальянском, который из всех известных нам языков только один выдерживает до некоторой степени соперничество с русским в образовании уменьшительных и увеличительных (обладая окончаниями обоих разрядов, но с гораздо меньшим разнообразием, нежели русский).

Надобно сказать, что народный (великорусский) язык превосходит литературный язык в этом отношении; и что народный малорусский еще богаче народного великорусского разнообразием и употребительностью уменьшительных.

Кроме собственно существительных имен, уменьшительные окончания в русском народном языке принимают и не склоняемые части речи (напр. *ась?* (что?) — асинька, от *тут* — туточка и т. д.).

В прилагательных (и в производных от них наречиях) уменьшительные окончания, подобные окончаниям существительных, употребляются в таком же обширном размере. Из других языков только латинский до некоторой степени имеет это свойство (*tantillus* и т. п.) — другие все лишены его.

Чрезвычайно оригинальное явление в русском языке образование особенной сравнительной степени с предл. *по* (потихе, полегче) — подобного явления не представляет ни один европ. язык, кроме русского.

В глаголах наши *виды* и неразрывно с ними связанное сочетание глаголов с предлогами придает русскому глаголу такую живость и определенность оттенка в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам. Некоторое сходство с нашими видами представляют латинские начинательные и (особенно) учащательные глаголы — но их чис-

ло невелико, а употребление очень ограничено. *Erubesco* еще сохранило начинательный смысл, но *ignosco*, *irascor* и т. д. уже потеряли его. *Ventito* прекрасно выражает учащение, подобно нашему «хаживать», но подобных ему слов в лат. немного и они редко употреблялись. Кроме того, в латинском эти подобиа наших видов образуются только окончаниями (*sco* и *ito*), а предлоги не участвуют в этих тонких изменениях значения, и потому в русском число [этих] оттенков значения, которое принимает одно глагольное понятие, несравненно более, нежели в латинском (*erubesco* и *ventito* — только 2 формы, одна для начинательного, другая для учащат. [оттенка] смысла — в русском этих видоизменений десятки: читаю, почитываю, перечитываю, начитываюсь и т. д. и т. д.).

Нам кажется, что эти бесконечно разнообразные изменения глаголов посредством видовых окончаний и предлогов с единственною целью определить *способ*, каким происходит действие, придает русской фразе живость и определенность, которая в большей части случаев не может быть выражена на других языках; и нам кажется, что эта особенность русского словопроизводства еще драгоценнее его способности к образованию уменьшительных и увеличительных имен.

Точно такое же решительное превосходство русского языка над другими европ. языками по богатству и разнообразию словопроизводства найдется и во всех почти других отраслях словопроизводства.

1854. *О словопроизводстве в русском языке. Соч., т. II, стр. 815—816.*

О ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Художественность состоит в том, чтобы каждое слово было не только у места, — чтобы оно было необходимо, неизбежно и чтоб как можно было меньше слов. Без сжатости нет художественности. Поэзия тем и отличается от прозы, что берет лишь самые существенные черты, и берет их так удачно, что они во всей полноте рисуются перед воображением читателя с двух, с трех слов гениального писателя.

На пяти или десяти страницах описать лицо так, чтобы можно было знать все его приметы, — это сумеет сделать самый бездарный прозаик. Нет, вы художник только тогда, когда вам нужно всего пять строк, чтобы возбудить в воображении читателя такое же полное представление о предмете. Пустословие может быть очень милым, изящным пустословием, но с художественностью не имеет оно ничего общего. Поэзия и болтовня — вещи противоположные. Сущность поэзии в том, чтобы концентрировать содержание; разведение водой убивает ее.

1860. *Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии. Сочинение американского писателя Натаниэля Готорна. Соч., т. VII, стр. 452.*

Реторика вещь прекрасная, — почему не городить иногда риторический вздор? — оно и нужно бывает иногда для эффекта; но не следует же постоянно ослепляться своей риторикой для того, чтобы совершенно забывать здравый смысл и факты.

1861. *О причинах падения Рим. Соц., т. VII, стр. 647.*

...Русской публике нравится та манера писать прозой, которой держался Пушкин. Он любил в прозе простоту, чуждался витиеватости.

1885—1887. *Предисловие к русскому переводу «Всеобщей истории» г. Вебера, т. X, Соч., т. X, стр. 905.*

ПРОТИВ ЛЖЕНАРОДНОСТИ И «САЛОННОГО» ЖАРГОНА

Как же объяснить, что журнальная критика и масса публики до сих пор не понимали истинного смысла стихотворений графини Ростопчиной?.. Сатиры графини Ростопчиной написаны для предостережения светских женщин и по необходимости написаны салонным языком: ведь другого языка они не захотели бы слушать, даже не поняли бы <...> А известно, как тонка, почти неосязаема ирония салонов. Подумайте сами, могла ли понять журнальная критика, привыкшая к грубому, топорному, смеем выразиться, тону нашей мещанской литературы, наших Гоголей и Кольцовых и им подобных людей, — ведь и сам Пушкин, сам Лермонтов принуждены были говорить очень неделикатно, чтобы сделать свою иронию понятной для нашей публики, — могла ли эта критика, сама говорившая столь резко и привыкшая рубить с плеча, — могла ли она понять, уловить тонкую, уловимую только для светских людей иронию графини Ростопчиной? Да и кто были критики? Мы очень уважаем их ум и нравственные качества, но должны сознаться, что они воспитывались не в салонах; один был сын купца, другой — семинарист или сын уездного лекаря, третий — мелкопоместный, чуть ли не однодушный уездный дворянин. Чего хотите вы требовать от этих людей, когда дело касается светского языка?

1856. *Стихотворения графини Ростопчиной.¹ Том первый. СПб., 1856. Соч., т. III, стр. 466.*

Зачем эти подражатели, не понимая г. Григоровича, поддевались под его манеру? зачем они воображали, будто бездушным подражанием манере можно создавать прекрасное? Зачем они не приняли в соображение, что г. Григорович силен потому, что знает и любит народ, и воображали, будто все дело состоит в крестьянских именах и в замене обыкновенных русских слов такими диювинками, каких читателю с бритой бородой и слышать не приводилось?.. Г. Григорович находит, что поселяне — такие же люди, как и мы, и большею частью люди добрые и неглупые; потому он любит их, и когда видит, что они терпят нужду или притеснение, ему становится жаль их <...>

И вот явились «Деревня», «Антон-Горемыка» и т. д. Автор нимало не делал насилия своему таланту, когда писал их: выбор предмета был направлен любовью к поселянам. Автор нимало не щеголял ни своим знанием крестьянского языка, ни тем, что бывал в курных избах; он только верно описывал хорошо знакомый ему быт. Видно было, что он любит поселян, как людей, и сочувствует их интересам. Очень натурально, что повести, написанные с талантом и знанием, оживленные сочувствием автора к изображаемым людям, имели успех. Успех основывался на существенных, неотъемлемых достоинствах произведений.

Но люди догадливые относительно средств всеми правдами и неправдами добиться литературного успеха, тотчас же сообразили, в чем дело. Они догадались, что успех повестей г. Григоровича основан не на достоинстве повестей, а только на том, что в повестях описываются не такие люди, как мы с вами, а совершенно невиданные никем — какие-то чудаки с бородами и в онучах, и говорят эти чудаки-мужики вовсе не таким языком, как мы с вами, а каким-то чудным, несслыханным языком. Таким-то легким образом был найден рецепт для приобретения литературного успеха: публика восхищается странными нравами мужиков и диковинным их языком — начнем же угощать ее этими блюдами, и разделим успех г. Григоровича, а пожалуй, достигнем и большего успеха, потому что перещеголять его в поражении публики диковинными нравами и языком вовсе нетрудно: он далеко не вполне пользуется теми обильными материалами диковинных особенностей, какие могут быть найдены в сельском быте. Покажем ей, что мы умеем говорить по-мужицки гораздо лучше г. Григоровича, что мы — если уж на то пошло — знаем крестьянский быт, как свои пять пальцев.

И принялись удивлять публику своим знанием крестьянского быта и мужицкого языка.

И, действительно, удивили, — только не в том смысле, как рассчитывали. В произведениях, писанных на новую тему людьми, не лишенными таланта, публика удивилась пустоте и бесцветности при наружной эффектности, а в произведениях людей бездарных — огромности претензий и страшной фальшивости тона... Неудачные подражатели г. Григоровича вообразили, что публика восхитилась в его повестях новизною; но ужели огромное большинство русских читателей не знало крестьянского быта и не слыхивало крестьянского языка?.. Нимало: каждый читатель сам знал очень хорошо русских мужичков и, быть может, половина читателей провели жизнь в самых тесных сношениях с ними. — Или печатные рассказы о мужиках были новостью, когда явилась «Деревня»? Если публика знала крестьянский быт, то, быть может, по крайней мере, литература чуждалась его описаний? Нимало: от «Фрола Силина» Карамзина до героев Загоскина тянется непрерывный ряд литературных мужиков, и в то самое время, когда начал писать г. Григорович, были очень

известные рассказчики, вся деятельность которых была посвящена описанию простонародного быта. Стало быть, по той сфере, из которой взято содержание «Деревни», повесть г. Григоровича вовсе не была новостью.

Правда, было в ней нечто новое, но вовсе не мысль описывать крестьянский быт: ново было то, что крестьянский быт описывался верно, без прикрас, что в описании был виден сильный талант и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзии. Этим качествам подражатели не вздумали подражать, потому, вероятно, что не считали их важными, не чувствуя присутствия их в себе... По их мнению, мужики понравились публике, как диковинка, заняли ее странностями языка и нравов. Этими-то качествами мужиков и хотели они выиграть, выказывая удивительнейшее, по собственному мнению, умение владеть языком и подмечать особенности обычаев поселян. Действительно, мужики у них заговорили так, что не употребляли ни одной фразы, которая имела бы смысл на обыкновенном русском языке (которым, между прочим, говорят и крестьяне, не имеющие средств объясняться на иных языках), не произносили ни одного слова, не исковеркав его; да и то была еще милость, когда только коверкали обыкновенные слова, а не вовсе отказывались от них, заменяя их неслыханными в народе русским речениями, заимствованными из «Словаря областных наречий» <...> И на каждое диковинное словечко своих мужичков, на каждое несообразное с обычною логикою понятие, на каждый странный жест их, автор радовался, сам дивясь чудному своему знанию всех никем дотоле не подмеченных особенностей народного быта и языка. Г. Григорович никогда не достигал такой высоты: у него мужики и говорили, и думали, и поступали по-человечески, отличаясь в языке и обычаях от остальных русских не более того, как отличаются действительные, живые русские поселяне, которые и говорят и думают о житейских делах почти так же, как и всякий другой человек, не получивший книжного воспитания. Мы уж сказали, отчего происходила эта разница: г. Григорович не изумляется своему знакомству с поселянами, не находит нужды щеголять этим знакомством, он привык видеть в поселянах людей таких же, как и мы с вами, читатель, или, быть может, и несколько лучших, нежели большая часть из нас; он — какая редкость! — он и любит их просто, как людей, а не как чудачков, странности которых могут давать литераторам поживу для курьезных описаний. Если в каком-нибудь уезде поселяне произносят «хурушу» вместо «хорошо», это, по его мнению, такая же драгоценная для поэзии и такая же восхитительная для него находка, как и «харашо», которое произносим мы вместо «хорошо». Но для многих из его подражателей поселянин, в самом деле, диковинка, знанием которой не могут они довольно нащеголяться, и на употребление «хурушу» основаны и надежды их на славу и любовь их к поселянам <...>

Г. Григорович не забавляет себя и публику набираением странных слов и странных обычаев (чем ограничиваются другие): в его «Переселенцах» есть живая мысль, есть действительное знание народной жизни и любовь к народу; у него поселяне выводятся не за тем, чтобы исполнять должность диковиных чудачков с неслыханным языком: нет! Они являются, как живые люди, которые возбуждают к себе полное ваше участие. В этом и причина постоянного успеха его повестей и романов из сельского быта.

1856. Заметки о журналах.² Август 1856 г. Соч., т. III, стр. 690—695.

Подобное положение было у нас при Сумарокове и даже при Карамзине. Некоторые русские отрекались от родного слова для французского языка и презирали русскую литературу, провозглашая, что на мужицком языке нельзя читать книг, а надобно читать на французском.

1861. Национальная бестактность. Соч., т. VII, стр. 788.

Мы начинаем обращаться в славянофилов. Три месяца тому назад, когда мы хотели выразить впечатление, производимое львовскою газетою «Слово», нам подвернулись слова иностранного происхождения — «национальная бестактность». Теперь совершенно такое же впечатление, произведенное двумя первыми номерами московской газеты «День», выразилось у нас словами чистейшего русского происхождения. Значительную долю славы за это спасительное обращение наше, история, по всей вероятности, припишет «монументальному», по выражению «Дня», труду В. Даля: «Толковому словарю живого русского языка», в котором предлагаются чистые русские слова на замену всех взятых от латинских, люторских и других нехристей; например, астрономический термин «абerrация» заменяется золотопромышленным словом «россыпь», «абордаж» — словом «сцепка», «абриген» — «коренник или сидящий на корню», «авангард» — «переды или яртаул», «автограф» — «своеручник»; «автомат» — «самодвига», «живуля», «живышь», и так далее.

1861. Народная бестолковость.³ Соч., т. VII, стр. 828.

Странный человек г. Даль! Все утверждают, что он необыкновенно много знает о быте, нравах, способе рассуждений и образе выражений русского народа. О чрезвычайном знакомстве его с народностью рассказывают удивительные вещи; говорят, например, будто бы он так превосходно знает все мельчайшие оттенки местных наречий и поднаречий, что по выговору каждого встречного простолюдина отгадывает не только губернию, не только уезд, но даже местность уезда, откуда этот человек. Мы готовы верить тому, хотя оно — и невозможная вещь. Но достоверно то, что г. Даль знает десятки тысяч анекдотов из простонародной жизни, собрал чуть ли не 50 000 русских пословиц и чуть ли не

полмиллиона слов и оборотов простонародной речи. А между тем — ведь не поверишь этому, если незнаком с его сочинениями — ровно никакой пользы ни ему, ни его читателю не приносит все его знание. По правде говоря, из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности. В одной страничке очерков Успенского или рассказов из простонародной жизни Щедрина о народности собрано больше и о народе сказано больше, чем во всех сочинениях г. Даяля <...> Когда-то г. Даль писал сказки, а может быть, кроме сказок, и еще какие-нибудь рассказы, — для простого ли народа, или для публики, не знаем хорошенько, — только знаем, что писал он когда-то и что-то простонародною речью. Простонародная речь эта выходила такая пересоленная, перехищренная, что от настоящей простонародной речи была дальше, чем перевод Риттерова землеведения, делаемый г. Семеновым с сохранением всего смещения языков, какое есть в подлиннике у Риттера.

1861. Картины из русского быта Владимира Даяля. СПб., 1861. Соч., т. VII, стр. 983—984.

У массы русских купцов много пошлых и дурных привычек. Не больше ли, чем у массы великосветских людей, или чиновников, или священников и дьяконов? Я этого не думаю... Ее язык имеет глупую вычурность; да, но и всякий другой сословный язык очень вычурен и глуп, в том числе и великосветский, которым восхищаются и которому по мере возможности подражает масса образованного общества; и язык поселян, перевозносимый многими....

Письмо И. И. Барышеву 7 августа 1888 г. Соч., т. XV, стр. 725.

ОБ АРХАИЗМАХ

...Пушкин должен был выработать себе язык, конечно, представлявший очень много затруднений. В самом деле, язык Пушкина чрезвычайно много разнится от языка Жуковского и Карамзина.

<...> Пушкин должен был бороться с приемами, которые были введены в привычку прежними стихотворцами, он должен был отбрасывать множество употребительных в тогдешнее время выражений, которые сами собою подвергались под перо и между тем уже не годились для его поэзии. Эта борьба с устарелым слогом, уже не существующая для нас, благодаря решительной победе Пушкина, должна была стоить ему многих трудов, потому что, несмотря на все исправления, оставила в его стихах некоторые следы. Теперь никто не будет отрицать, что у Пушкина часто встречаются устарелые и для его времени фразы. Ему было удобно много усилий, чтобы изгонять таких неотвязных гостей.

1855. Сочинения Пушкина... изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Соч., т. II, стр. 469.

При известной степени зрелости и развития общества наступает перемена вкуса и, вместе с тем, эстетического взгляда на искусство, и в литературе начинается борьба между старым и новым направлением <...>

Движение римской поэзии состояло в постепенном ее подчинении греческому влиянию, имевшему следствием обработку языка и художественной формы. Это новое направление считало в век Августа своими представителями Вергилия и Горация. Приверженцы старины не щадили ни того, ни другого нововводителя <...> Многие выражения, употребленные Вергилием, называли варварскими, мужицкими. Таким же упрекам подвергался и Гораций. Не были щадимы и писатели, которым обязана усовершенствованием латинская проза. Так, Цицерона упрекали за нововведения в языке и даже называли его аллоброгом, говоря, что он пишет не по-латыни, а на варварском языке. Грамматисты и риторы, занимавшиеся преподаванием стилистики, не считали новых писателей заслуживающими изучения, а классическими авторами признавали одних старинных писателей, в которых восхищались именно тем, что было их величайшим недостатком. Ветхие, вышедшие из употребления слова и обороты превозносились похвалами. Это «литературное староверство» <...> Новые писатели, принужденные нападками, должны были доказывать, что старинные поэты, подражать которым хотели их заставить, не выдерживают эстетической критики; Гораций должен был, в оправдание нововведений, обнаруживать грубые недостатки Луцилия, Пакувия и других писателей, чрезмерно прославляемых приверженцами старины. Одним словом, дело происходило совершенно так же, как происходит теперь перед нашими глазами.

1855. О литературных партиях в Риме в век Августа. Сочинение Н. Благовещенского. Соч., т. II, стр. 691—692.

...В одном пункте... мнения князя Шаликова и г. Шевырева расходились. Издатель «Дамского журнала» был, как известно, ревностным последователем Карамзина, а г. Шевырев блистательным образом защищал понятия Шишкова. Ученый адмирал и ученый профессор одинаково утверждали, что славянские слова чрезвычайно возвышают и украшают русскую речь. Оба они были непреклонны в борьбе против людей, думавших, что по-русски надобно писать на русском, а не на славянском языке, и приводили в пример нашим поэтам выражение:

Соблещет молния мечу.

Но г. Шевырев шел гораздо далее Ломоносова, который хотел только, чтобы в слог подражали Ломоносову, между тем как для г. Шевырева учителем русского современного языка был Кирилл Туровский, живший за 600 лет до Ломоносова и совершенно чистый от галлицизмов. Г. Шевырев советовал нашим поэтам восстановить употребление местоимения *иже, яже, еже* и дательного

самостоятельного падежа, именно писать таким образом: «волнующемуся морю (то есть *при морском волнении, от морского волнения*) корабль, иже входил в гавань, подвергался опасности, а лодка, яже была выслана к нему навстречу, потонувшей (когда лодка, высланная к нему навстречу, потонула), гибель стала неизбежна». Желаящие могут видеть примеры и доказательства красоты такого слога в «Истории русской словесности» г. Шевырева и в его ответе на разбор этой книги... Шишков, кажется, не предполагал возможности восстановить дательный самостоятельный.

1855—1856. Очерки гоголевского периода русской литературы.
Статья третья. * Соч., т. III, стр. 105.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Нам кажется (может быть, это — пристрастие к своему — родному), что русская поэзия носит в себе зародыши отвращения к растягиванию сюжета механически подбирающимися подробностями. В повестях и рассказах Пушкина, Лермонтова, Гоголя общее свойство — краткость и быстрота рассказа <...> В наше время принято смеяться над украшениями, не проистекающими из сущности предмета и ненужными для достижения главной цели; но до сих пор еще удачное выражение, блестящая метафора, тысячи прикрас, придумываемых для того, чтобы сообщить внешний блеск сочинению, имеют чрезвычайно большое влияние на суждение о произведениях поэзии. Что касается украшений, внешнего великолепия, замысловатости и т. д., мы всегда признаем возможности превзойти в вымышленном рассказе действительность. Но стбит только указать это мнимое достоинство повести или драмы, чтобы уронить ее в глазах людей со вкусом и низвести из области «искусства» в область «искусственности».

...До сих пор в произведениях искусства господствует мелочная отделка подробностей, цель которой не приведение подробностей в гармонию с духом целого, а только то, чтобы сделать каждую из них в отдельности интереснее или красивее, почти всегда во вред общему впечатлению произведения, его правдоподобию и естественности; господствует мелочная погоня за эффектносью отдельных слов, отдельных фраз и целых эпизодов, расцвечивание не совсем натуральными, но резкими красками лиц и событий.

1853. Эстетические отношения искусства к действительности.
Соч., т. II, стр. 68—73.

...Опять, как во времена Марлинского и Полевого, появляются на свет, читаются большинством, одобряются и ободряются многими литературными судьями произведения, состоящие из набора риторических фраз, порожденные «пленной мысли раздраженьем», ненатуральную экзальтацию, отличающиеся прежнее притор-

ностью, только с новым еще качеством — шаликовскою грациозностью, миловидностью, нежностью, мадригальностью <...> и эта риторика, оживши в худшем виде, опять угрожает наводнить литературу; вредно подействовать на вкус большинства публики, заставить большинство писателей опять забыть о содержании, о здоровом взгляде на жизнь, как существенных достоинствах литературного произведения.

1854. *Об искренности в критике, Соч., т. II, стр. 255.*

...Из наших великих писателей в прозе язык самый простой, самый близкий к обыкновенному разговорному (т. е. живому) языку находим у Гоголя <...> Правда, Гоголя упрекают в том, что «у него язык не всегда хорош», но этот упрек делается людьми, требующими мелочной отделки фраз; мы остаемся при убеждении, что язык Гоголя в наше время образцовый русский язык, что лучше Гоголя никто не писал прозою по-русски.

1854. *Естественность всех вообще Ломоносовских стоп в русской речи, Соч., т. II, стр. 337.*

Из всех недостатков, какие замечаются в современной литературе, самый общий — растянутость и необходимое следствие ее — бледность картин, вялость сцен, пустота и утомительность всего произведения. Кажется, будто бы почти каждый писатель... считает несравненно драгоценностью всякое выражение, какое только мелькнет в его голове, всякую подробность, какая только ему вообразится, и спешит обогатить ею свой рассказ; кажется, будто он сочтет себя преступником, самоубийцею, похитителем, если лишит читателя хотя одного из тех перлов, которые такую однообразную нить тянут из-под его пера; кажется, будто бы он и не мог верить, что даже в калифорнских золотых россыпях на одну горсть золотого — приходится целый воз простого песку, и что разрабатывающий их становится богат только через то, что, извлекая немногие зерна золота, с презрением отбрасывает огромное количество никуда негодной примеси. В чем заключается самое поразительное отличие гениальных произведений от дюжинных? Только в том, что «красоты», если употреблять старинное выражение, составляют в гениальном произведении сплошной ряд страниц, а не разведены пустословием бесцветных общих мест... Сжатость — первое условие эстетической цены произведения, выставляющая на вид все другие достоинства... Господствующая ныне эстетическая болезнь — водяная, делает столько вреда, что, кажется, отраднее было бы даже увидеть признаки сухотки, как приятен морозный день, сковывающий почву среди октябрьского ненастья, когда повсюду видишь бездонно-жидкие трясины.

Особенно нам, русским, должна быть близка и драгоценна сжатость. Не знаем, свойство ли это русского ума, как готовы думать многие... но все прозаические, даже повествовательные,

произведения наших гениальных писателей (не говорим о драмах и комедиях, где самая форма определяет объем) отличаются сжатостью своего внешнего объема <...> Прочитайте три, четыре страницы «Героя нашего времени», «Капитанской дочки», «Дубровского» — сколько написано на этих страничках! — И место действия, и действующие лица, и несколько начальных сцен, и даже завязка — все поместилось в этой тесной рамке. Такой сухости не встретите в художественно развитых созданиях писателей и писательниц, прекрасный слог которых все так хвалят. Переверните три листа (читать их не стоит) — вы увидите, что все еще тянется с первой страницы описание комнаты, в которой сидел герой или героиня рассказа; перевертывайте еще лист — а, наконец-то! описание комнаты кончилось (благодарите судьбу, что герой сидит в комнате: если б ехал или шел по полю, картина была бы во столько же раз длиннее описания комнаты, во сколько раз поле с рекою и рощею обширнее комнаты) — итак, описание комнаты кончилось и началось описание физических принадлежностей героя или героини; смело перевертывайте два листа; только на третьем автор переходит к размышлениям и объяснениям нравственных качеств своего пациента. Через пять листов они (насилу-то!) прерываются появлением в комнате нового лица, которое, выдержав прилично подробное описание, начинает разговор, который (после всех прежних объяснений автора) знакомит нас с характером героя; содержание разговора: герой говорит: «Я скучаю» (или «Я влюблен»), и если читатель не знает по-русски, то из разговора, занимающего пять страниц, познакомится с значением слова «скучаю» (или «влюблен»). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было решительно излишне, скучно, вяло и пусто. Впрочем, осуждать не смеем: все перевернутые нами листы написаны прекрасным слогом. А быть может, из этих холодных, бесцветных, ничтожных двадцати или тридцати страниц и составила бы одна исполненная блестящей или тонкой наблюдательности страница, если б автор более дорожил терпением читателей или хотя бумагою, нежели рубинами и изумрудами своего прекрасного слога <...> Иногда приходит охота представить осязательное доказательство того, какой вред приносит растянutosть, какой интерес, силу и даже красоту придает сжатость, сделав из какой-нибудь растянутой повести, прошедшей незамеченною, «извлечение», «экстракт», который бы выказал ее достоинства, погибшие в пучинах многословия.

1855. Сочинения Пушкина... изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855.
Соч., т. II, стр. 465—467.

...Нужно было освободиться от эпических поэм с воззваниями к Музе, трагедий с тремя единствами, торжественных од, избавиться от холодности, чопорности, условной и отчасти пошлой гладкости в слогe, однообразном и вялом <...> У псевдоклассиков лица разделялись на героев и злодеев <...> Страсти изображались

у классиков с жеманной, холодной сдержанностью, — романтические герои начали неистовствовать и руками, и особенно языком, беспощадно кричать всякую гиль и чепуху; классики хлопотали о щеголеватости, — противники их провозгласили, что всякая благовидность есть пошлость, а дикость, безобразие — истинная художественность, и т. д.; одним словом, романтики имели целью не природу и человека, а противоречие классикам; план произведения, характеры, положения действующих лиц и самый язык создавались у них не по свободному вдохновению, а сочинялись, придумывались... У них все выходило так же искусственно и натянуто, как и у классиков, только искусственность и натянутость эта была другого рода: у классиков — приглаженная и прилизанная, у романтиков — преднамеренно растрепанная. Здравый смысл был идолом классиков, не знавших о существовании фантазии; романтики сделались врагами здравого смысла и искусственно раздражали фантазию до болезненного напряжения. После этого очевидно, насколько у них могло быть простоты, естественности, понимания действительной жизни и художественности, — ровно никаких следов <...>

Вопросы о близком соотношении поэтических созданий к жизни общества не приходили и в голову романтическим сочинителям, — они хлопотали только о том, чтобы изображать бурные страсти и раздираемые положения неистово фразистым языком.

*1855. Очерки гоголевского периода русской литературы.
Статья первая. Соч., т. III, стр. 26—27.*

О РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ И ЯЗЫКЕ РАССКАЗЧИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Прочитал половину «Бэлы». Показалось, что там есть в речах, которые приписываются Азамату и Казбичу, реторика, которой решительно не должно и которая не идет к Максиму Максимовичу, который их пересказывает <...> Это пышное высказывание чувств мне кажется приторным и неверностью; описания Бэлы (кажется) и лошади Казбича не совершенно чисты от этого. Но все же мне понравилось более, чем раньше. Другое дело «Мери»! Это удивительно!

Дневник, ⁵ 29 июля 1848 г. Соч., т. I, стр. 59.

О взаимной любви Добролюбова и Софьи не буду я говорить, точно так же как не буду говорить и о них самих — эти лица давно уже оценены по достоинству и, в самом деле, по всем правам следует им любить друг друга — они так достойны один другого. Можно только заметить, что они даже и языком говорят таким же нелепым и нескладно-жеманным, как сами, между тем как все другие лица Фонвизина говорят почти везде превосходным

языком, который в большей части мест не потерял еще и теперь своего эстетического достоинства, а историческую свою ценность сохранит навсегда.

1850. О «Бригадире» Фонвизина (первая редакция).⁶
Соч., т. II, стр. 796.

В наше время подсмеиваются над Расином и мадам Дезульер; но едва ли современное искусство далеко ушло от них в отношении простоты и естественности пружин действия и безыскусственной натуральности речей; разделение действующих лиц на героев и злодеев до сих пор может быть прилагаемо к произведениям искусства в патетическом роде; как связно, плавно, красноречиво объясняются эти лица! Монологи и разговоры в современных романах немногим ниже монологов классической трагедии. Вместо живого разговора ведутся искусственные беседы, в которых разговаривающие волею и неволею выказывают свой характер. Следствием всего этого бывает монотонность произведений поэзии: люди все на один лад.

1853. Эстетические отношения искусства к действительности.
Соч., т. II, стр. 84—85.

Когда явились первые части «Тамарина» (Варинька и Записки Тамарина), которыми дебютировал г. Авдеев, все в один голос сказали, что это буквальное подражание «Герою нашего времени» <...>

В «Герое нашего времени» две главные повести: «Бэла», рассказываемая простодушным Максимом Максимычем, и «Княжна Мери», дневник Печорина. И у г. Авдеева две повести: «Варинька», рассказываемая Иваном Васильевичем, и «Я, тетрадь из записок Тамарина» <...> Но если Максим Максимыч рассказывает своим языком и действительно своими глазами смотрит на вещи, то Иван Васильич, говоря фразами Максима Максимыча, беспрестанно проговаривается и отдает свой язык в распоряжение Печорина, Тамарина или самого г. Авдеева. Примеров первого не нужно приводить: они составляют фон рассказа; вот примеры второго, эпизодически прорывающегося тона:

...Описание на целой странице Джальмы, коня Тамарина; Джальма, чуть проедет несколько шагов, из серого в яблоках «делался розовый: так тонка была у него кожа!» Кому, кроме Печорина, имеющего страсть говорить о лошадях тем тоном, каким говорят о женщинах, придет в голову эта «тонкость»? И действительно, вслед за этим Иван Васильевич принужден делать такое же описание Вариньки, у которой был «тонко схваченный стан» и темноглазые глаза, спокойно смотревшие на божий мир, как будто в нем не было ни горя, «ни длинного ряда заблуждений и обманов, в конце которого часто стоит разочарование и могила». Помилуйте...

Одним словом, если Максим Максимыч умеет рассказывать, как Максим Максимыч, то Иван Васильич умеет рассказывать, как Иван Васильич и г. Авдеев вместе.

1853—1854. Роман и повести М. Авдеева. СПб., 1853.
Соч., т. II, стр. 211—213.

...Г. Писемский пишет прекрасные рассказы из простонародного русского быта — это потому, что он хорошо знает простонародный русский быт <...>

...В. таланте <...> г. Писемского отсутствие лиризма составляет самую резкую черту. Он редко говорит о чем-нибудь с жаром, над порывами чувства у него постоянно преобладает спокойный, так называемый эпический тон <..> Нам кажется, что у г. Писемского отсутствие лиризма скорее составляет достоинство, нежели недостаток; нам кажется, что хладнокровный рассказ его действует на читателя очень живо и сильно, и потому полагаем, что это спокойствие есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, некоторые из наших критиков, обманываясь этим спокойствием, говорили, что г. Писемский равнодушен к своим лицам, не делает между ними никакой разницы, что в его произведениях нет любви и т. д., — но это совершенная ошибка. Любить умеет не только тот, кто любит кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словом и делом, у иного только делом, и, может быть, тем сильнее, чем молчаливее. Довольно припомнить хотя бы «Очерки из крестьянского быта», чтобы убедиться в том, что у г. Писемского спокойствие не есть равнодушие <...> Но чувство у него выражается не лирическими отступлениями, а смыслом целого произведения. Он излагает дело с видимым бесстрашием докладчика, — но равнодушный тон докладчика вовсе не доказывает, чтобы он не желал решения в пользу той или другой стороны, напротив, весь доклад так составлен, что решение должно склониться в пользу той стороны, которая кажется правую докладчику.

1857. Очерки крестьянского быта А. Ф. Писемского. СПб., 1856. Соч., т. IV, стр. 561—571.

...Какая правда в самом рассказе! Как соблюден характер старины и в языке и в понятиях! «Старая барыня» принадлежит к лучшим произведениям талантливого автора, а по художественной отделке эта повесть бесспорно, выше всего, что доселе издано г. Писемским.

1857. Заметки о журналах. Февр. 1857 г. Соч., т. IV, стр. 721—722.

Комедия Островского «Праздничный сон до обеда» — достоинством равная его пьесе в «Русском Вестнике» (заглавие которой я забыл, — но Вы ее помните) ⁷ — то есть талант виден в ведении разговора, языке и т. п. ...

Из письма Н. А. Некрасову 13 февраля 1857 г. Соч., т. XIV, стр. 339—340.

У Островского в какой-то из последних пьес⁸ — в той, где дело начинается разъяснением отношений между молодой вдовой и обирающим ее мерзавцем, — сделана попытка изобразить молодую купчиху и пожилого, очень богатого купца людьми, говорящими по-человечески, а не тем утрированным для смеха публики языком, каким говорят в прежних его пьесах честные люди купеческого сословия; этот выдуманный для смеха язык делал их уродами. Попытка бросить эту манеру уродования честных людей заслуживает одобрения в той пьесе Островского, но она исполнена слабо; у Островского была слишком сильная привычка утрировать сословные особенности купеческого языка, который на самом деле, вероятно, и в Москве не хуже саратовского или астраханского купеческого, — конечно, своеобразного, но не более дурного, чем язык дворян, чиновников и проч.

Из письма И. И. Барышеву 8 августа 1888 г. Соч., т. XV, стр. 727—728.

О НЕОБХОДИМОСТИ СООТВЕТСТВИЯ СИСТЕМЫ СТИХОСЛОЖЕНИЯ ОСОБЕННОСТЯМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Наконец, мы позволяем себе высказать некоторые сомнения относительно удобства для русского языка той версификации, которая господствует со времени Ломоносова. Конечно, мы теперь чрезвычайно привыкли к ней, благодаря отчасти самому Пушкину; тем не менее надобно сказать, что она не так естественно приходится к свойствам нашего языка <...>

Пересмотрев любой стихотворный сборник, мы будем поражены преобладанием ямба над всеми остальными размерами в русской поэзии <...>

На чем же основано такое господство ямба и отчасти хорей, изгоняющее все другие размеры? Неужели, действительно, ямб — самый естественный для русского языка размер? Так обыкновенно думают; но не так на самом деле <...> Наши слова вообще многосложнее: мы не ставим более одного ударения на сложных словах... Уж поэтому можно предположить, что у нас речь не будет так естественно укладываться в ямбы и хорей <...>

Пушкин возвратился к исключительному господству ямба. А между тем кажется, что трехсложные стопы (дактиль, амфибрахий, анапест) и гораздо благозвучнее и допускают большее разнообразие размеров, и, наконец, гораздо естественнее в русском языке, нежели ямб и хорей <...>

Не можем не заметить, что у одного из современных русских поэтов⁹ — конечно, вовсе не преднамеренно — трехсложные стопы очевидно пользуются предпочтительною любовью перед ямбом и хореем.

1855. Сочинения Пушкина... Статья вторая. Соч., т. II, стр. 469—472.

Обычай нашего стихосложения также очень стеснительны для русских рифм... Нам кажется, что и рифма в русском языке должна существовать с некоторыми особенными условиями, вытекающими из сущности языка. Один шаг к этому сделан уже поэтом, о котором говорили мы выше,⁹ и который также любит дактилическую рифму — это по крайней мере разнообразит рифмы. Но младость — радость; ночи — очи и т. д., кажется, нуждаются в большей свободе, чтобы разорвать свой несносный союз. Русская рифма, нам кажется, могла бы довольствоваться не одинакостью, а подобностью звуков, как это бывает иногда у Кольцова. Конечно, это созвучие должно быть сильно, резко, чтобы быть заметным. Но в том, что рифма должна остаться необходимою принадлежностью русского стиха, невозможно сомневаться; вся история русского народного стихосложения показывает его стремление приучить себя к рифме.

Там же, стр. 472.

...Пушкин первый дал нам прекрасные стихи, писанные на родном языке...

1855. Сочинения Пушкина... Статья третья. Соч., т. II, стр. 507.

И прежде <...> существовали на русском языке хорошие стихи; но когда явились произведения Пушкина, все увидели, что еще не имели понятия о том, как прекрасны могут быть русские стихи. В самом деле, до Пушкина еще никто не писал таким легким и живым языком, в котором соединялись и простота, и поэтическая прелесть; еще никто не умел придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Все эти качества, в которых состоит так называемое «художественное совершенство» пушкинского стиха, очаровали публику и привлекли к чтению тысячи людей, которые прежде не имели привычки читать.

1856. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения. Соч., т. III, стр. 314—315.

О РАБОТЕ ПИСАТЕЛЯ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ

...Как же велики должны быть изменения, вносимые в произведения окончательною отделкою? Вообще эстетические соображения уверяют нас, что в написанном можно исправлять, не вредя произведению, только степень развития подробностей и образ выражения. Перо не успевает следить за мыслью; потому всегда могут встречаться в написанном некоторые неполноты, недостаток довольно закругленных переходов; как бы ни велико было уменье писателя владеть языком, всегда будут встречаться случаи, что некоторым выражениям может быть придано более точности или силы. Наконец — и это важнее всего — нет человека, который не увлекался бы пристрастием останавливаться с любовью на

собственных мыслях — потому длиннота, растянутость незаметно для автора вкрадывается в его произведение; истребить ее, беспощадно вычеркнуть все лишнее — вот в чем должна состоять существеннейшая часть работы при пересмотре написанного; если автор строго исполнит эту обязанность, его произведение чрезвычайно много выиграет и, став вдвое меньше объемом, будет иметь в двадцать раз более достоинства для читателя. Но как мы уже говорили, вносить в план существенные изменения при окончательной переделке — чрезвычайно опасно: в художественном произведении все части должны быть между собою в строгой зависимости, и почти невозможно не нарушить его стройности, изменяя одну из них <...>

От этих общих соображений, внушаемых самыми простыми условиями художественности, обращаясь к авторской манере Пушкина, мы находим у него перечеркивание и исправление в чрезвычайно обширном размере, как бы не только отделка стиха, но и самое облечение мысли в стихотворную форму стоило ему чрезвычайных усилий, как бы эти стихи, поражающие прежде всего своею легкостью, писал он с большим трудом, как бы механизм стиха представлял Пушкину затруднения <...> Прежде, нежели попробуем объяснить обширность размера, какой принимает у Пушкина отделка стиха, укажем обыкновеннейший результат ее — уменьшение объема стихотворения, строгое уничтожение множества, быть может, половины задуманных стихов: Не будем приводить бесчисленного количества стихов и строф, вычеркнутых Пушкиным из «Евгения Онегина». Два-три примера из других произведений будут достаточны для убеждения в том, до какой степени Пушкин боялся растянутости. Размышление Пимена над своею летописью заключалось в рукописи так:

Передо мной опять выходят люди,
Уже давно покинувшие мир.
Властители, которым был покорен,
И недруги, и старые друзья —
Товарищи моей цветущей жизни...
Как ласки их мне радостны бывали,
Как живо жгли мне сердце их обиды!
Но где же их знакомый лик и страсти?
Чуть-чуть их след ложится легкой тенью, —
И мне давно, давно пора за ними!..

Из этих десяти стихов Пушкину показался не излишним по своей мысли только предпоследний, и весь длинный эпизод, действительно растягивавший монолог бесполезным повторением того, что высказывается в других стихах его, заменен двумя стихами:

Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходит до меня.

В «Полтаве» он зачеркивает стихи, описывающие страдания влюбленного казака, отвергнутого Марией <...> В «Русалке»

уничтожен отрывок из нескольких десятков стихов в сцене свадьбы после упрека дружки девицам за их печальную песню; этот эпизод заключал продолжение упреков и смятения, произведенного появлением утопленницы. Точно так же в начале «Медного всадника» уничтожены длинные размышления Евгения (по возвращении домой в вечер перед наводнением) о том, что он женится на Параше и будет с нею счастлив. Конечно, всякий согласится, что эти стихи без нужды растягивали сцену.

...Г. Анненков справедливо обращает внимание писателей на эту строгость Пушкина к собственным произведениям.

Действительно, большая часть современных повестей, романов заставляет сознаться, что слишком многие беллетристы нуждаются в подобном уроке.

1856. Сочинения Пушкина... изд. П. В. Анненкова. СПб., 1856. Соч., т. II, стр. 462—465.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Барон Брамбеус смешал понятие «язык», который бывает в данную эпоху почти одинаков у всех грамотных писателей, и «слог», то есть особенную манеру каждого писателя <...> Не зная различия между языком и слогом, он, по-нашему мнению, совершенно добродушно пришел к заключению, что он первый у нас начал писать превосходным прозаическим языком, о чем для человека, хотя немного понимающего дело и читавшего хотя несколько страниц пушкинской прозы, не могло быть и речи...

1855. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья вторая. Соч., т. III, стр. 56.

...У каждого хорошего писателя бывает свой собственный слог.

1856. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья третья. Соч., т. III, стр. 101.

Слог г. Погодина богат странностями, которые подавали даже повод к забавным пародиям. Но невозможно не признаться, что точность, меткость, оригинальность, непринужденность, сжатость, энергия, совершенная естественность составляют неотъемлемые его качества.

Там же, стр. 77.

Кстати, о слоге самого г. Шевырева. Ученый критик писал, без сомнения, очень цветисто и патетично; но, к сожалению, слог его вообще растянут и напыщен, а язык неточен и неправилен. Никто из русских журналистов со времени Свиньина, прославившегося дивным слогом своего романа «Якуб Скупалов», не владел языком так дурно, как г. Шевырев. Мы, конечно, не упомянули бы об этом деле, если бы сам г. Шевырев не толковал так много о языке и слоге. Ошибки против языка или логики режут глаза

почти в каждой его фразе, потому и не нужно приводить примеров: желающий найдет их десятки в каждой нашей выписке из статей г. Шевырева. На всякий случай, разберем хотя первую фразу в первом из помещенных у нас суждений его о Гоголе. Оно принадлежит еще 1835 году; впоследствии г. Шевырев писал гораздо хуже, и мы нарочно указываем лучшую по слогу из его статей. «Автор «Вечеров Диканьки» (то есть Вечеров на Диканьке, или на хуторе близ Диканьки) имеет от природы чудный дар схватывать бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее (жизнь или бессмыслицу?) в неизъяснимую (то есть неизъяснимую) поэзию смеха».

На двух строках две ошибки против языка и одна неточность. Так писал г. Шевырев в «Московском Наблюдателе». В «Москвитянине» он писал еще неправильнее. О напыщенности и натянутости слога мы уж и не говорим.

1856. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья третья. Соч., т. III, стр. 105—106.

..Сколько можно судить по началу, в этой драме мы имели бы нечто подобное прекрасным «Сценам из рыцарских времен» Пушкина. Простота языка и мастерство в безыскусственном ведении сцен, уметь живо выставлять характеры и черты быта не изменили Гоголю и в этом случае.

1856. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. СПб., 1856. Соч., т. III, стр. 527.

..Язык, действительно, искищен и кудреват до неимоверности, а метафоры неправдоподобно смелы и бесчисленны. Только на этом и мог основываться успех<...>

..Мы нашли три или четыре стихотворения, в которых г. Бенедиктов, оставляя обыкновенные свои темы, обращается мыслью к событиям совершающимся вокруг нас, — из мира «извинченных кудрей», «фосфорных очей» и адских страстей, выражаемых натянутыми метафорическими гиперболами, переходит в мир чувств, знакомых обыкновенным людям<...>

Несмотря на все наше желание смотреть на произведения г. Бенедиктова самыми благорасположенными глазами, мы никак не можем видеть в них хотя бы слабых следов поэзии. Чувства в них нет; они носят на себе слишком очевидные признаки, что все в них — придуманное, сочиненное; от самых сладострастных картин веет холодом; на самых гиперболических выражениях лежит тяжелый отпечаток недостатка фантазии. Поэтическая фантазия состоит не в том, чтобы придумывать небывалые метафоры и гиперболы, — иначе, в известной книге «Не люблю не слушай» было бы гораздо больше поэзии, нежели в Шекспире и Гомере<...> Поэтическая фантазия состоит в том, чтобы предмет немногими чертами изображался живо и точно; а этого качества решительно нет в стихотворениях г. Бенедиктова. Хотя бы даже

оставить без внимания все натянутые и неловкие выражения, все-таки стихотворения г. Бенедиктова остаются холодны, картины его сбивчивы и безжизненны. Потому надобно, к сожалению, решительно сказать, что поэтического таланта у г. Бенедиктова мало.

1856. *Собрание стихотворений В. Бенедиктова.* ¹⁰ СПб., 1856. Соч., т. III, стр. 597—610.

Вы говорите:

«Нет в тебе поэзии свободной,
Мой тяжелый, неуклюжий стих».

Вам известно, что я с этим не согласен <...> *тяжелый* и *неуклюжий* стих. Тяжестью часто кажется энергия, поэтому говорят, что стих Лермонтова тяжелее стиха Пушкина, что решительно несправедливо <...> Тоже скажу я и о Вас. В чем состоит неуклюжесть Вашего стиха, я решительно не понимаю <...> Вы одарены талантом первоклассным, вроде Пушкина, Лермонтова и Кольцова.

Из письма Н. А. Некрасову 24 сентября 1856 г. Соч., т. XIV, стр. 314—315.

О ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

...Мы не всегда умеем ценить по достоинству <...> ум детей <...> мы или мучим его затверживанием сухих правил и мертвых слов, смысла которых не объясняем детям, «потому что они еще дети, не поймут они этого», или, когда хотим доставить им приятное чтение, болтаем с ними о таких вещах и таким языком, что умное дитя тотчас же заметит в наших словах приторное ребячество и будет подсмеиваться над этим неловким и скучным ребячеством <...>

...Мы вообще недовольны книгами для детского чтения: они слишком — извините за выражение — оскорбляют детей недоверчивостью к их уму, отсутствием мысли, приторными сентенциями. К чему эта преднамеренная пустота, преднамеренное идиотство? Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми, и умел говорить человеческим языком.

1856. *Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения.* СПб., 1856. Соч., т. III, стр. 625.

О ЯЗЫКЕ КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ

...Критика вообще должна, сколько возможно, избегать всяких недомолвок, оговорок, тонких и томных намеков <...> только мешающих прямоте и ясности дела. Русская критика не должна быть похожа на шепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французских фельетонов; эта уклончивость и мелочность не во вкусе русской публики, нейдет к живым и ясным убеждениям,

которых требует совершенно справедливо от критики наша публика. Следствия уклончивых и позолоченных фраз всегда были и будут у нас одинаковы: сначала эти фразы вводят в заблуждение читателей, иногда относительно достоинства произведений, всегда относительно мнений журнала о литературных произведениях; потом публика теряет доверие к мнениям журнала; и потому все наши журналы, желавшие, чтобы их критика имела влияние и пользовалась доверием, отличались прямою, неуклончивостью, неуступчивостью (в хорошем смысле) своей критики, называвшей все вещи — сколько то было возможно — прямыми их именами, как бы жестки ни были имена.

1854. *Об искренности в критике. Соч., т. II, стр. 254—255.*

Неужели надобно серьезно говорить о таком писателе, как Жюль Жанен? Ужели надобно доказывать, что слог его растянут, вычурен, приторен, что ни естественности, ни жизни, ничего, чем отличается слог хороших писателей, в нем нет? Один фельетон пишет он, заключая каждую фразу восклицательным знаком, — заметьте, буквально каждую фразу, не пропуская ни одной; другой — после каждых двух-трех слов ставя несколько точек; третий — начиная каждую фразу словами *oh! que j'aime*; четвертый — словами *hélas!* ¹¹ и т. д., и т. д.; но повсюду остается он верен двум правилам: говорить как можно меньше о деле и как можно больше о пустяках, и растягивать фразы до бесконечности набором десяти, пятнадцати синонимов, бесконечного ряда прилагательных или глаголов, таким образом: «юный, свежий, розовый, цветущий, весенний, ароматный румянец ее щек прельщал нас так недавно, — и — *hélas!* ¹¹ она увяла, поблекла, побледнела, уснула, покинула нас... не хочу сказать: умерла — умереть значит пережить себя, быть забытым и т. д., и т. д. А такое чудное дивное, упоительное и т. д. существо может ли быть когда-нибудь забыто? *Oh, pop,* ¹¹ ты всегда будешь лучшим, прекраснейшим и т. д. воспоминанием», и т. д. и т. д. на пятнадцать столбцов, — и заметьте, что это говорится о смерти какой-нибудь сорокалетней, неуклюжей танцовщицы, и заметьте, что она вовсе не думала умирать, а красноречивый плач написан для того, чтобы завтра публика, увидев ее имя на афише, толпою бросилась в театр рукоплескать воскресшему «юному, дивному, прелестному, очаровательному и т. д. существу». Или переменим тему; надобно сказать: «Я изумлен и обрадован». Жюль-жаненовским слогом говорится это так: «я пыхчу, я задыхаюсь, я волнуюсь, я потею, я холодею, я трепещу от восторга, от удивления, от изумления и т. д., и т. д.». Писать самому таким слогом и рекомендовать его другим не составляет особенной заслуги. Повести барона Брамбеуса, его критические статьи и рецензии постоянно писаны в манере Жюля Жанена.

1855. *Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья вторая. Соч., т. III, стр. 56—57.*

Требования Белинского были очень умеренны, но тверды и последовательны, высказывались с одушевлением, энергически. Нет надобности говорить, что самые резкие суждения могут быть прикрываемы цветистыми фразами. Белинский, человек прямого и решительного характера, пренебрегал этою хитростью. Он писал так, как думал, заботясь только о правде и употребляя именно те слова, которые точнее выражали его мысль. Дурное он прямо называл дурным, не прикрывая своего суждения дипломатическими оговорками и двусмысленными намеками. Потому людям, которым всякое правдивое слово кажется жестким, как бы ни было оно умеренно, мнения Белинского казались резкими: что делать, прямоту считают всегда резкостью.

1856. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья седьмая. Соч., т. III, стр. 233—234.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Специалисты имеют привычку рассуждать таким техническим языком, который наводит робость на профана, думающего, что под мудрыми словами (впрочем, полезными в науке) скрываются бог знает какие неведомые и, пожалуй, непостижимые его простому житейскому смыслу вещи; в иных делах оно так и бывает, — например, в химии, в геологии, в микроскопической анатомии; но зато ведь эти науки занимаются исследованиями, чуждыми обыкновенного круга будничной жизни неспециалистов.

А экономическая наука не такова: в ней нет ни одного вопроса, который не подходил бы к тому или другому разряду житейских забот каждого из нас; в ней нет факта, который не соответствовал бы делам, хорошо знакомым каждому из нас. Потому читатель пусть не предполагает, что не способен каждый профан понять финансовые или бюджетные вопросы так ясно, как только способен понимать счет, поданный ему кухаркою. По напрасной привычке, отвязаться от которой трудно, мы, пожалуй, будем употреблять здесь технические слова «финансовое положение», «бюджет» и т. д., но проще было бы говорить кухонным языком, который был бы совершенно достаточен для изложения всей сущности кредитных дел.

1860. Кредитные дела.¹² Статья четвертая. Соч., т. VII, стр. 554—555.

О ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДОВ

...Г. Ордынский перевел Аристотеля языком очень тяжелым и темным. Мы не говорим, чтоб аристотелеву «Пиитику» прочла вся русская публика, как бы ни был изящен и легок язык перевода, но все-таки она в изящном переводе нашла бы довольно много читателей; а перевод г. Ордынского едва ли привлечет многих:

он испытает участь очень дельных переводов Мартынова, которые остались никем не читаны — именно по темноте и тяжеловатости языка. Зачем же г. Ордынский дал нам такой неудобочитаемый перевод, когда в том же самом рассуждении слогом своего комментария показывает он, что умеет писать языком очень понятным и довольно легким? Он говорит в предисловии, что старался перевести как можно ближе к подлиннику — прекрасно! Но, во-первых, всему есть пределы, и заботиться о буквальности перевода с ущербом ясности и правильности языка, значит вредить самой точности перевода, потому что ясное в подлиннике должно быть ясно и в переводе; иначе к чему же и перевод? Во-вторых, перевод г. Ордынского, правда, очень близкий, вовсе, однакож, не может назваться подстрочным; в нем очень часто два слова подлинника переводятся одним, одно — двумя словами, даже и там, где можно было бы перевести слово в слово. Не отступая от подлинника далее, нежели отступает г. Ордынский, можно было дать перевод ясный и удобочитаемый. Не слишком стеснительная близость к подлиннику, а оригинальные понятия г. Ордынского о русском слого <являются> причиною недостатков его перевода. Он стремится к какой-то изысканной простонародности языка, умышленно не соблюдает правил языка литературного, старается не употреблять слов его, любит слова устарелые или малоупотребительные. К чему это? Пишите, как всеми принято писать; и если у вас есть живая сила простоты и народности в слого, то она сама собою, без всякой преднамеренной погони, придаст вашему слого простоту и народность. Всякое преднамеренное стремление к оригинальности имеет следствием вычурность...

1854. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Москва, 1854.
Соч., т. II, стр. 288.

Нет сомнения, что отрывки «Илиады», являющиеся теперь, возбуждают до некоторой степени внимание публики к вопросу о переводе Гомера на русский язык и в особенности о переводах Жуковского. В самых «Прописях» явилась уже написанная по этому поводу статья г. Каткова: «Несколько слов о попытках переводить Гомера простонародным языком». Потому считаем обязанностью несколько остановиться на этих вопросах. Г. Катков совершенно справедливо доказывает, что переводить «Илиаду» простонародным языком, как пытались некоторые, такая же вопиющая несообразность, как, например, переводя комедии Аристофана, заменять особенное наречие спартанских послов мало-русским или костромским. Это значило бы сообщить переводу колорит, не свойственный подлиннику, делать фальшивый перевод. Совершенно справедливо. Но именно по этому самому невозможно согласиться с мнением г. Каткова, что Гомер может быть переводим устарелым языком <...>

Нам кажется, что и славянский или летописный, устарелый элемент в переводе Гомера будет точно также сообщать ему чуж-

дый, фальшивый колорит, как сообщает, по справедливому мнению г. Каткова, простонародное наречие.

<...> Если греческая хламида не зипун, то и не боярская фезьяз <...> По возможности простой и свежий литературный язык — единственный, пригодный для Гомера в русском переводе. «Одиссея» в переводе Жуковского не имела успеха, какого надеялись большая часть из нас, потому что язык ее очень искусственный. Сверх того находим принужденность слога, которая усиливается слишком буквальным подражанием подлиннику в расстановке слов, очень часто неестественной для русского языка. Все это осталось в таком же виде и в переводе «Илиады» <...> Слог этот, может быть, очень художественен, но вместе с тем по-русски он выходит очень искусствен и тяжел в чтении. Но вопрос о языке сам собою решится, если решится вопрос о том, удачно ли выбран для перевода гекзаметр. От качеств, которые неразрывно сроднились в русском языке с этим размером, всего более зависит и натянутость слога, которою отличается все писанное по-русски гекзаметром <...> Он ненатурален в нашем языке. Но если не гекзаметром, то каким же размером переводить Гомера? Каким вам угодно из тех, музыкальность которых понимает русское ухо: ямбом, хореем, дактилем, амфибрахийем, анапестом, если угодно, правильным смещением ямба с анапестом или хореем с амфибрахийем — только таким размером, который легче всего для переводчика и с тем вместе не дик и не вял для русского уха. Легкость — необходимое условие для удачного перевода Гомера <...> Буквальность не есть близость, а только несообразность. Так, например, «Хвастливый воин», комедия Плавта, переведена г. Шестаковым слишком буквально, так что через это теряет колорит подлинника: у Плавта, из всех латинских поэтов, самый непринужденный язык. Верность перевода вовсе не требует того, чтобы в русском слогом сохранить особенные обороты, свойственные только латинскому языку <...> Надобно также прибавить, что, переводя стихотворное произведение прозою, вообще мы не можем держаться буквально всех оборотов подлинника: они часто обуславливаются самою формою стиха, так что, лишившись ее при переходе на другой язык, фраза часто должна бывать или распутаться, или сократиться, или быть пополнена, чтобы не казаться странною и не мешать ровному ходу речи.

1855. *Прописки. Сборник статей по классической древности...*¹³
Соч., т. II, стр. 552—556.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ

Природу сравнивают с книгою, заключающею в себе всю истину, но написанною языком, которому нужно учиться, чтобы понять книгу. Пользуясь этим уподоблением, мы скажем, что очень легко можно выучиться каждому языку настолько, чтобы

понимать общий смысл написанных им книг; но очень много и долго нужно учиться ему, чтобы уметь отстранить все сомнения в основательности смысла, какой мы находим в словах книги, уметь объяснить каждое отдельное выражение в ней и написать хорошую грамматику этого языка.

*1860. Антропологический принцип в философии.
Соч., т. VII, стр. 249.*

Радуюсь успехам Саши и в английском языке. Советую ему и Мише стараться о достижении того, чтобы совершенно легко читать книги по крайней мере на трех важнейших языках ученой деятельности: английском, французском и немецком.

*Письмо О. С. Чернышевской¹⁴ 25 марта 1874 г.
Соч., т. XIV, стр. 559.*

Если наши дети хотят быть людьми в самом деле образованными, они должны приобретать образование самостоятельными занятиями. И необходимейшею подготовкою для возможности приобретать его должны быть усердные занятия французским, немецким и английским языками.

*Письмо О. С. Чернышевской 30 августа 1877 г.
Соч., т. XV, стр. 91.*

Хвалю, что ты стал заниматься немецким языком. Надобно достичь того, чтобы читать по-немецки, по-французски, по-английски так же легко, как на родном языке. Без того нет достаточно широкого фундамента для умственной деятельности. В каждой из трех литератур есть односторонности, которые пополняются только равною интимностью с двумя другими литературами.

*Письмо А. Н. Чернышевскому 7 марта 1881 г.
Соч., т. XV, стр. 323.*

О НАУЧНОМ И УЧЕБНОМ КУРСЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

...Без грамматики никому нельзя обойтись. Трудно ли выучиться ей так, чтоб уметь разбирать части речи, падежи, времена, подлежащее и сказуемое, слова дополнительные и определительные? О, если только в этом, не тупоумного мальчика можно выучить грамматике в две недели.

— А в чем же дело? Что же еще нужно знать?

— Как что? Разве вы забыли, что формы русских падежей объясняются только историческою грамматикою, состав предло-

жения, смысл падежей, глагольных форм, частей речи только философскою грамматикою. Итак, нужно знать их.

— Прекрасно; но кому знать? каждому, кто обязан быть не невеждою, или только специалисту?

Вопрос <...> решить очень легко. Нам нужно знать, что в дательном имен, имеющих в именительном *a*, пишется буква *ь*. Можно сказать просто, как говаривалось в старых грамматиках: «дательный ставится на вопрос: кому? дать брату, сестрѣ; сестрѣ дательный падеж». Это каждый поймет в одну минуту. Чтобы таким способом правильно разбирать падежи, нужно только запомнить их имена, и дело будет кончено. Но неужели можно ограничиться такими скудными и, в строгом ученом смысле, неосновательными сведениями? Нет, нужно основательное знание. Оно дается только сравнительно-историческою филологиею при помощи философской грамматики <...>

Но однако же; возможно ли распространение филологического образования на массу общества? Быть может, филологическое образование может войти в состав общего образования, как некогда входил латинский язык, как ныне входят новейшие языки?

Решить это очень легко. Человек, предназначенный получить филологическое образование, должен предварительно ознакомиться: 1) с славянскими наречиями, именно: старославянским, сербским, хорутанским, чешским, лужицким, польским; 2) с языками: немецким (в его древней форме, так называемом готском языке), латинским, греческим.

Менее этого нельзя знать, а, собственно говоря, должно знать еще несколько других языков и наречий.

Кроме того, он должен основательно изучить древности (мифологии, общественного быта, нравов) немецкие, кельтские, римские, греческие, не говоря уже о славянских.

Без этих приготовительных знаний филологическое образование так же невозможно, как знание дифференциального исчисления без знания алгебры.

Но мы говорили только об одной стороне нового метода, филологической; а он имеет и другую сторону — философию языка <...>

Для чего нужно вводить философско-филологическое направление в первоначальное изучение грамматики? Для того, чтобы под формою грамматики учить детей филологии? Но филология такой же специальный предмет, как изучение восточных языков; и если не для чего желать, чтобы все мы выучились говорить по-арабски или по-персидски, то столь же напрасно желать дать всему обществу филологическое образование.

Или филолого-философские тонкости будут благотворною гимнастикою для ума? Но гимнастика должна быть соразмерна силам упражняемого в ней. Нельзя заставлять малютку бегать в латах Орланда или Амадиса Гальского: он падет в них, будет

лежать неподвижно. И разве в системе общего образования мало предметов, считааемых превосходною гимнастикой для ума? Таковы все предметы, доступные детскому уму и не лишенные внутреннего смысла.

1855. *Грамматические заметки В. Классовского*.¹⁵
С.-Петербург, 1855. Соч., т. II, стр. 682—686.

В прошедшем месяце мы говорили об учебном курсе русской грамматики,¹⁶ написанном с необыкновенно высокими философскими взглядами и чрезвычайно филологическою эрудициею.

Теперь перед нами лежит другой учебник русской грамматики, также написанный в духе сравнительной филологии <...> Мы не думаем сравнивать по достоинству две книги, о которых говорим. Но во всяком случае, частое появление грамматик, написанных с целью ввести филологическое направление в преподавание русской грамматики, доказывает, что этот метод, обольстительный по своей новосте у нас, начинает входить в моду. Потому нельзя оставить без внимания это модное направление.¹⁷ Мы уже говорили о том, что филология, наука, требующая слишком многих приготовительных познаний, не может быть предметом общего образования, как не могут входить в круг общего образования многие другие отрасли науки. Посмотрим же теперь на дело с другой точки зрения. Нужно ли, полезно ли стремиться к тому, чтобы ввести филологическое образование в круг общего преподавания?

Изучать родной язык необходимо, это не подлежит спору. Но с какой целью и в каком направлении должен каждый из нас изучать его? Конечно, для того, чтоб уметь употреблять его для выражения своих мыслей. Разговорное употребление изучается практически. Каждый умеет на своем языке говорить о всем, что только знает. Письменное употребление представляет некоторые трудности по запутанности нашего правописания. Итак, необходимо выучиться писать без орфографических ошибок. Этого легко достигнуть, и тогда мы будем вполне владеть своим языком, насколько то позволяют наши способности и степень нашего умственного развития. Никому из русских великих писателей не понадобилось филологическое образование, чтобы писать так прекрасно, как они писали. Не совершенно ли достаточно будет знать нам о нашем языке настолько, насколько знали о нем Жуковский, Пушкин, Грибоедов? Разве Пушкин неправильно употреблял прошедшее время глаголов? А ведь он не знал, соответствует или не соответствует оно греческому аористу, не знал, каким санскритским суффиксам соответствует наше — *ль*, который характеризуется прошедшее время, не знал, что в слове «люблю» первая гласная есть старославянское йотированное *ou*, а вторая — старославянский *юсъ*, произносившийся с носовым отголоском. К чему нам знать, от какого корня происходят слова «рука» и «нога»? Разве не умеем мы и без того правильно упо-

треблять эти слова? Но этого знания мало, говорят приверженцы модного филологического воспитания <...>

Филология наука очень важная, — но для того, кто хочет ею специально заниматься; человеку, который не намерен сделаться филологом, санскритский язык не принесет ни малейшей пользы. Еще менее пользы приобретет он, научившись различать большой юс от малого. Странно даже доказывать такие простые истины. Но как же не защищать их, когда модное направление стремится к тому, чтобы вместо сведений о человеке и природе набивать голову юноши теориями придыханий, приставок, корнями и суффиксами.

Годы, посвящаемые человеком учению, драгоценные годы. Жаль тратить их на мученье ребенка или юноши над бесполезными тонкостями, которых не может он и постичь вполне.

*1855. «Высший курс русской грамматики», составленный
Вл. Стоюниным. СПб., 1855. Соч., т. II, стр. 694—696.*

Н. А. Добролюбов

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наш русский язык, более всех новых, может быть, способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм. Но чтобы воспользоваться всеми его сокровищами, нужно хорошо знать его, нужно уметь владеть им.

1854. О *Виргилиевой «Энеиде»* в русском переводе г. Шершеневича. Соч., т. V, стр. 463. *

...действительно, ни один из европейских языков не сохранил всего богатства флексий столько, как русский...

1859. Из рецензии на книгу: «*Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache...*» Соч., т. III, стр. 504.

ЯЗЫК УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

...народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитанья, присловья <...> служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них <...> находим проявление поэтического гения языка.

1854. О *поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах*. Соч., т. I, стр. 523.

Имея намерение собирать только *поэтические особенности языка*, я не должен, следовательно, касаться ни лингвистических особенностей в народной поэзии, ни исторического элемента, ни народной философии с различными отраслями знаний... Но — развитие языка так тесно связано с развитием народа, в народной поэзии так многое зависит от степени силы и изобразительности языка, что во многих местах необходимы будут замечания,

* Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах под редакцией П. И. Лебедева-Полянского. ГИХЛ, 1934—1941.
В дальнейшем цитируем только по этому изданию.

относящиеся чисто к истории языка... С другой стороны — на язык так много ложится черт истории и быта народного, произведения народной словесности заключают в себе столько исторических преданий, в них так отражается мирозерцание народа, его быт, степень его образованности, что необходимо будет касаться и этих предметов, насколько они выразились в народной словесности.

Там же, стр. 522.

С течением времени — понятия изменились, верования утратились, первоначальное впечатление забыто народом; но язык все еще продолжает хранить в себе память о всем этом, то восстанавливая потерянное значение в постоянном эпитете, то производя от древнего новые слова с подобным значением, то сохраняя самые слова, служившие названием какого-либо предмета в древности...

Там же, стр. 661.

В простом слове язык отличается своею простотою и неприужденностью, в противоположность книжной искусственности. В словосочинении и особенно в словорасположении здесь гораздо более свободы, нет того старания стиснуть речь в длинный, связный период, как было в книжной литературе. Повествование идет стройно, спокойно, связь поддерживается союзами, но везде мысль выражается полными предложениями: все сокращается, в роде деепричастий, самостоятельных падежей и т. п. избегаются. Даже причастия большею частью заменяются глаголами с местоимением или союзом. В построении речи замечаем более естественности и ясности: редки вводные предложения, вставляемые для пояснения, — редко отделение определяющих слов от определяемых и зависящих от управляющих. В речи философской господствует та же простота и краткость предложений. Народная мудрость высказывается обыкновенно афористически, и никогда не прибегает к форме силлогизма, столь любимой книжниками. В ее речи замечаем также более живости и образности, нередко она выражает свою мысль намеком или удачным приношением. Самые отвлеченные понятия обрисовываются нередко по впечатлению и представляются в образе. Заимствование слов из других языков весьма слабое, и почти невозможно встретить в народном языке бессмысленный перевод иностранных слов буквально...

1854. Замечания о слоге и мерности народного языка. Соч., т. I, стр. 525.

Народная поэзия не стеснялась правилами школьных реторик и пиитик о высоком слоге, для нее все слова были хороши, только бы они точно и ясно обозначали предмет <...> Она не боялась называть предмет своим именем; и потому в ней находим множество названий таких предметов, о которых в книгах даже совсем никогда не говорится, из опасения употребить

неприличное выражение <...> Подбор слов также имеет здесь свои особенности, происходящие опять от той же безыскусственности и стремления к изобразительности и живости впечатления.

1854. *Замечания о слоге и мерности народного языка. Соч., т. I, стр. 525—526.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ОБ ОБЩЕНАРОДНЫХ ОСНОВАХ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ-РЕАЛИСТОВ

Говоря о домашних влияниях на Пушкина, нельзя умолчать о няне его, Арине Родионовне. Она была для своего питомца представительницею русской народности: она ему передавала волшебные сказания русской старины, знакомила его с русской речью, внушала ему народные чувства и воззрения <...> Но особенно занимало его в то время наблюдение над языком и нравами народа. Он переодетый ходил даже по базарам псковским для изучения живой народной речи. Кроме того, он собирал тогда народные песни и записывал сказки, которые сказывала ему няня Арина Родионовна <...>

В его стихах впервые сказалась нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир.

1856. *Александр Сергеевич Пушкин. Соч., т. I, стр. 108, 111, 113.*

Язык Кольцова совершенно простой, народный. Редко-редко можно встретить в его стихах книжное выражение, да и то большей частью в слабых его пьесах, которые писал он правильным, метрическим размером в первое время своей поэтической деятельности. Выражения народные встречаются у него часто; но формы везде почти правильные, принятые в литературе.

1857. *А. В. Кольцов. Соч., т. I, стр. 161.*

...Всеми замечена (хотя и не всеми отдана ей должная справедливость) меткость и верность народного языка в комедиях Островского.

1859. *Темное царство. Соч., т. II, стр. 46.*

Рассказ Марка Вовчка «Заря» отличается обыкновенными достоинствами этого автора: теплым сочувствием к народу, знанием языка и быта.

1860. *Хята. Соч., т. II, стр. 561.*

ЗА ПРОСТОТУ И ЯСНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

С поэтическим воображением автор <...> должен соединять философское мышление и психологическую наблюдательность. Не говорим уже о достоинствах изложения, которое должно быть не только правильно, легко, но и изящно.

1855. *О русском историческом романе. Соч., т. I, стр. 530.*

До сих пор весьма мало обращали внимания на одну особенность графа Соллогуба, в этом отношении равняющую его чуть ли не с самим Марлинским, — на его блистательное красноречие в списаниях и разговорах действующих лиц <...> А как говорят герои и героини рассказов графа Соллогуба, — светские люди большого света! Боже мой, как они говорят! хоть сейчас отправьте их на состязание с любым членом парламента! И что всего замечательнее — каждый из героев, принимаясь говорить, делается сам не свой. Он уже не помнит, что он, где он, с кем он, забывает и свой характер, и степень своего образования, и свои убеждения. Входя в пафос красноречия, он уже как будто не сам говорит, — просто

Каким-то демоном внушаем...

И как красноречиво и длинно! В продолжение каждого из спичей этих героев можно порядочно выпастаться... Право...

1857. Сочинения графа В. А. Соллогуба. Соч., т. I, стр. 166—167.

Уверяют, что г. Бенедиктов стал прост и естествен в своих новейших стихотворениях; а мы, напротив, утверждаем, что он до сих пор сохранил свою прежнюю манеру и что гиперболическая изысканность фраз и ныне отличает его стих попрежнему <...> Поэт говорит, что Шекспир своими созданиями *бьет его* и, ударом *сплеча*, возводит в рыцари и, обвинивши его молнией, *благородит просторожденца*. Неужели это простое, и естественное выражение мысли? <...> Да вы, может быть, думаете, что мы нарочно выдумали, будто Шекспир прибил г. Бенедиктова и таким образом возвел в рыцари? Вот вам собственные стихи вашего поэта («Нов. стих.», стр. 80):

Он *бьет*, и я, приняв удар,
Ударом тем не опозорен,
Зане удар тот — божий дар.

.....
Когда пред вещим на колени
Я становлюсь, чело сгибаю,
Он, став на горние ступени
И молнией обвиняя меня,
Просторожденца *благородит*,
Раба подымлет и *сплеча*
Плебея в рыцари возводит
Ударом божьего меча.

...в стихотворениях беспрестанно то поэт желает, чтобы ему кто-нибудь дружбу бросил в окошко (стр. 134), то он ярким взглядом брызнет (стр. 109), то небо к нему нагнулось, подошло и просится в окно (стр. 139), и т. п. Изобразительность великолепная!

1858. Рецензия на «Новые стихотворения» В. Бенедиктова.
Соч., т. I, стр. 324—325.

Г-жа Жадовская дорожит своими грустными воспоминаниями; тяжелые чувства сердца, действительно, составляют для нее святыню, которую она боится осквернить напыщенной фразой, ложным эффектом <...>

Читатели заметят в <...> стихотворении ту, подходящую к прозе, простоту выражения, которая составляет особенность стиха г-жи Жадовской. Перечтите описание приближения бури: тут нет живописных выражений, в роде тех, которыми приобрели себе славу некоторые из наших поэтов. Нет тут ни «дымящихся небес», ни «молнии бразды, рассыпающейся огнем пурпурным по тучам бурным», ни «клубящейся мглы», — все совершенно просто. При переложении этого описания в прозу не было бы надобности изменять ни одного выражения. Нам это кажется большим достоинством...

1858. Рецензия на «Стихотворения Юлии Жадовской». СПб., 1858. Соч., т. I, стр. 369, 374.

Везде, где хочет он поидеальничать, где пускается в оптимизм, выражает юношеские надежды и желания, — везде впадает он в риторику, в звонкие фразы, вычурные сравнения, самый стих становится как-то мягок и вял.

1858. Рецензия на «Стихотворения А. Н. Плещеева». Соч., т. I, стр. 460.

К старой же, а если не к старой, то уж и не к молодой редакции нужно отнести стихотворение г. Хомякова «Благочестивому Меценату». Это стихотворение обращено к какому-то мудрому другу, который с побережья царственной Невы кротко обращает очи на темные главы г. Хомякова и его друзей. Этот друг испил до дна *кубок ленивой роскоши*, но под час поощряет их на *подвиг речами небрюзгливой ласки*. За круговой чашей он хвалит их строгий пост и простой быт плебейской веры. За эти качества г. Хомяков просит его *принять привет от темной черни людей, им взысканных, и приношения скромной дани благодарственных речей их*. В заключение поэт желает, чтобы *крылья бури не смущали лазури безоблачных высот Мецената*, чтобы *мысль не тяготила его главы железною рукою* и чтобы *вечно цвел весною румяный пух* ланит его.

Счастлив будет тот, кто поймет, что означает это стихотворение, так явно презиращее здравый смысл и всякую толковость в выражении мысли. Признаемся, мы не добились такого счастья: мы не могли понять, как это *пух* может *цвести*, *мысль* — *тяготить* главу *железною рукою*, *крылья* — *смущать* *высоту* и *лазурь* и т. п.

1859. Рецензия на книгу «Утро». Литературный сборник. Москва, 1859. Соч., т. II, стр. 418—419.

Говоря о любви, г. Бешенцов постоянно упоминает о каком-то таинственном фиале, придающем его речи особенную образность

и силу. В послании Н. А. З., в котором поэт желает найти его на берегах Рейна

С швейцаркой молодой,
В объятьях неги безмятежной, —

в этом послании он советует, между прочим, своему приятелю:

Излей в нее фиал любви.

В другом стихотворении поэт употребляет слово *фиал*, уже говоря о своей собственной любви; но к удивлению нашему, он не *изливает*, а сам пьет этот фиал...

Фиал любви я пил
Устами жадными из чаши наслажденья
И память *торжества* (?) в душе я сохранил,
Как сна крылатого блестящее виденье...

Но еще более удивились мы, встретив у г. Бешенцова *фиал* совершенно в особом значении, в стихотворении «Экспромт» <...> Здесь поэт называет *фиалом* какую-то деву:

Когда бы ты, души моей *фиал*,
Меня своим на веки назвала...

Впрочем, и это ничего: все-таки выходит одно и то же — любовь к прекрасному полу...

1859. Рецензия на «Сочинения А. Бешенцова в прозе и стихах». М., 1858. Соч., т. II, стр. 435.

...г. Орест Миллер поведет вас дальше, укажет на великое переселение народов, на Крестовые походы, и заключит, что все это произошло для того, чтоб произвести поэзию, смешанную из разных элементов, но «общую всей Европе». Правда, наивно замечает он при этом, «единство ее было *единство смеси* (?), но это была уже переходная ступень к поэзии *органически единой*, к общечеловеческой поэзии христианства» (стр. 97—98) <...> Единство смеси! За эту фразу г. Орест Миллер не умрет в летописях русского языка... Пред этим *единством смеси* совершенно стирается знаменитая некогда фраза об *энергии-слабости*...

1858. Рецензия на книгу «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных... Сочинение Ореста Миллера...» СПб., 1858. Соч., т. I, стр. 442.

Чувствовать наслаждение прекрасным видом, свежим весенним утром, вечерней прогулкой вдвоем и пр. и пр. могут очень многие; но немногие умеют эти впечатления поймать в душе своей и выразить так, чтобы дать их и другим почувствовать. В этом-то умении овладеть внешним впечатлением и воспроизвести его в звуках — и состоит существенная сила лирического

таланта. Поэтому стремление к изящному, точному и полному выражению чувства необходимо является в душе поэта в самую минуту создания; он не остается удовлетворенным, ежели его стих вял, растянут, неопределен, словом — если плохо выражает то, что хотел поэт выразить.

1860. Рецензия на «Стихотворения Ивана Никитина». СПб., 1860.
Соч., т. II, стр. 569.

ПРОТИВ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ЖАРГОНА

...«Собеседник» не оставляет в покое и писак, которые пускались в литературу, особенно тех, которые писали по-русски французским складом <...> За это особенно нападает «Собеседник», и дело это, действительно, было важно для литературы. Даже Карамзин жаловался, как известно, на то, что русскому писателю негде взять образца для своего языка, потому что все образованные люди говорят по-французски. Обычай этот, усиливаемый французским воспитанием, и, в свою очередь, поддерживавший его жалкое влияние, был особенно распространен в то время, и нельзя не отдать должной справедливости издателям «Собеседника» за старание противодействовать этому злу.

1856. *Собеседник любителей российского слова*. Соч., т. I,
стр. 74—75.

«...объяснение русских названий соответствующими им названиями на языках немецком и французском едва ли не излишне, если не для всех, то по крайней мере для большинства русских читателей.

1859. Рецензия на книгу «Краткий очерк проекта сооружения и эксплуатации железных дорог Барона Розена». СПб., 1859.
Соч., т. V, стр. 321.

...у нас язык литературы — собственно не русский, и через сто лет над нами, конечно, будут так же смеяться, как мы теперь смеемся над языком ассамблей петровского времени. Но у нас бестолковая смесь пяти языков организовалась довольно скоро и составила то, что мы теперь называем языком образованного общества.

1860. Рецензия на книгу «Кобзарь» Тараса Шевченка.
Соч., т. II, стр. 562.

О РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕРОЯ

...надо быть слишком наивным и несведущим, чтобы серьезно и пространно, с доказательствами, выписками и примерами разбирать эстетическое значение романа, который даже в изложении своем обнаруживает отсутствие претензий на художественное

значение. Во всем романе действующие лица говорят, как автор; они употребляют его любимые слова, его обороты; у них такой же склад фразы... Начиная с того, что все лица называют друг друга непременно голубчиком (исключая, может быть, князя), и оканчивая тем, что они все любят вертеться на одном и том же слове и тянуть фразу, как сам автор, — во всем виден сам сочинитель, а не лицо, которое говорило бы от себя.

1861. «Забитые люди». Соч., т. II, стр. 375.

О ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Сборник» этот издан редакциею «Подснежника». Нельзя не похвалить его за удачный выбор прозаических статей. Здесь помещены: несколько глав из «Истории моего детства», графа Л. Н. Толстого; «Бежин луг», И. С. Тургенева; несколько отрывков из Путешествия И. А. Гончарова, и отрывок из повести «Антон-Горемыка», Д. В. Григоровича. Кроме прекрасного и вполне доступного детям содержания, эти произведения могут быть весьма полезны для детей, как образчики изящного изложения. До сих пор дети у нас должны довольствоваться слогом князя Одоевского и некоторых других новейших писателей, удостоенных чести попасть в хрестоматию г. Галахова при всех ее многочисленных изданиях. Надобно же детям познакомиться и с тем, как пишут гг. Тургенев, Гончаров и проч..

1859. Рецензия на «Сборник избранных мест из произведений современных писателей». СПб., 1859. Соч., т. III, стр. 500.

О ТРЕБОВАНИЯХ К ЯЗЫКУ ПЕРЕВОДА

Вместе с тем переводчик классического произведения должен быть и ученый. Он близко должен быть знаком с древним бытом, с древними нравами, со всей словесностью древних. Язык, с которого переводит, разумеется, должен быть известен ему в совершенстве, со всеми малейшими оттенками в значении слов, в их размещении, в прибавлении какой-нибудь незначительной частицы и т. п. Мало того — переводчик должен как нельзя лучше владеть тем языком, на который переводит. Он должен писать не только правильно и изящно, он должен писать легко и свободно; чтобы не было приметно ни малейшего усилия в этом труде, чтобы при переводе воспользоваться всем богатством языка, чтобы не допустить ни одного неправильного оборота, ни одного нечистого выражения, для ближайшей передачи мысли, находящейся в подлиннике...

1854. «О *Виргилиевой «Энеиде» в русском переводе г. Шершеневича.*
Соч., т. V, стр. 454.

Читая его, нельзя представить себе ни одной картины, нельзя почувствовать ни одного из тех ощущений, которые так часто возбуждаются «Сновидениями» Гейне и так грустно, болезненно отзываются в сердце. Например, вторая пьеса, где поэту три раза является дева смерти, — эта превосходная пьеса передана таким пошлым, таким прозаическим образом, что становится даже досадно... Русский язык — невыносим <...> Не верьте, г. Генслер, что вы знаете язык и умеете писать стихи.

1857. Рецензия на книгу «Стихотворения из Гейне. Перев. И. Генслера. СПб., 1857». Соч., т. I, стр. 300.

...перевод отличается необычайно пестрым характером: на каждой странице красуются кои, таковые, столькие, ибо, поелику и проч. Употребляются весьма часто слова: злоключения, вожденный, своих-си, сладце, беседовать, благоугождать; и рядом с ними такие слова, как поводливый, промеж собой, мастерица, волокита, и даже — ротные и полковые командиры, кондитеры, камердинеры, пикник, маршрут и проч. Точно будто переводил какой-нибудь дьячок времен Петра Великого, наставил славянских слов и форм, да и дал поправить какому-нибудь европеившемуся придворному, а тот и насовал сюда всякой немечины.

1857. Рецензия на книгу «Сократово учение по Ксенофону... Перев. с греческого Иваном Синайским». М., 1857. Соч., т. III, стр. 329.

ПРОТИВ СХОЛАСТИКИ И РУТИНЫ В ПРЕПОДАВАНИИ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

...на первой степени обучения, для детей от 8-ми до 10-ти лет, русский язык вместе с *наглядным обучением* должен... составлять самый главный предмет. Всесторонним рассматриванием различных предметов природы и искусства, описанием их свойств и употребления, чтением интересных рассказов и живою беседою о читанном, упражнением в связной речи (устной и письменной) на родном языке, — вот чем нужно занимать большую часть времени детей в этом возрасте...

1859. Рецензия на книгу «Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук». Соч., т. III, стр. 498.

Нам всегда казалось, что обучение русскому языку в низших классах должно главным образом содействовать развитию способностей учащихся и расширению круга их сведений.

Читая с детьми произведения лучших отечественных писателей, заставляя детей пересказывать содержание прочитанного, объясняя им подробности, содержащиеся в рассказе, — учитель имеет в виду познакомить их с предметами, дотоле им неизвестными, приучить их к связности суждений и к стройности изло-

жения <...> Составители этих курсов никак не хотят понять, что главное достоинство новой системы обучения языку состоит именно в изгнании схоластических формальностей и в заботе о развитии рассудка детей посредством упражнений в языке.

1859. Рецензия на «Этимологический курс русского языка. Составил В. Новаковский. СПб., 1858», и «Опыт грамматики русского языка, составленный домашним учителем С. Алейским», СПб., 1859». Соч., т. III, стр. 526, 527.

Но вот грамматика, кажется, должна быть ближе к жизни: она учит правильно говорить и писать. Но увя! оказывается, что грамматика пройдена сама по себе, без отношения к живой речи, что она только давала повод к самым забавным ошибкам: в разговоре девочка никогда не могла сказать иначе, как «друзья», «повинуюсь», а в грамматике она склоняла и спрягала «други, друзей», «повиноваюсь, повиноваетесь»...

1858. Мысли об учреждении открытых женских школ. Соч., т. III, стр. 84.

Преподавание русского языка надо будет начинать с чтения литературных произведений, которые могут иметь интерес для учениц, и с подробного разбора их содержания <...> Мало-помалу можно заставлять учениц самих делать подобные разборы, рассказывать содержание письменно, и тут обращать внимание на разницу их способа выражения от речи взятого писателя. При этом можно делать замечания о слоге, о духе языка <...>, о синтаксисе, о значении форм изменения слов...

Там же, стр. 88.

Старая грамматическая рутина начинает понемногу уступать место новой, более рациональной методе языкоучения <...> Основная мысль этой системы заключается в устранении прежней, мертвой схоластики и в старании придать живой смысл всем грамматическим правилам. С этой целью изучение языка начинают обыкновенно не с мучительного перечисления грамматических форм с их бесчисленными исключениями, а с целого предложения, в котором учащийся может понимать смысл и связь речи <...> ...для того, чтобы пресловутая метода — *начинать с предложения* — не превратилась в ту схоластику, от которой бежали мы в прежних грамматиках, начинавших с форм и исключений, для этого нужно, чтобы предложение являлось для учащегося чем-то живым, действительно употребляемым в речи, а не пустою мертвою формулою, придуманною для того, чтобы в нее втиснуть известное правило.

1859. Рецензия на книгу «Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache...» Соч., т. III, стр. 504—505.

Д. И. Писарев¹

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Первые успехи людей в практическом ознакомлении с силами и законами природы и в создании языка, как могучего и незаменимого орудия сближения между собою, были конечно медленны и вялы; но зато каждый последующий шаг совершался легче и быстрее предыдущего. Первые, полумифические предания, открывающие собою историю каждого народа, застают людей уже на очень высокой степени умственного развития и материального благосостояния. Язык уже создан совершенно и изменяется уже к таким целям, которые не имеют ничего общего с грубыми потребностями животной жизни. На языке этом существуют уже песни, космогонические мифы и героические эпопеи...

1863. Зарождение культуры. Соч., т. II, стр. 504.*

...Философия языка основывается на громадном сравнительном изучении отдельных языков <...> цель философии языка (или философского языкознания или филологии) заключается в том, чтобы представить ясное и верное понятие о *слове*, т. е. о способности человека выражать свои мысли и ощущения членораздельными звуками.

Преследуя такую цель, необходимо знать, как проявляется эта способность у различных народов, потому что без этого предварительного знания нельзя позволить себе никакого заключения или даже правдоподобного предположения об общих свойствах изучаемой способности. Языки у различных народов оказывались до такой степени несходными, что разные преждевременные теории о языке вообще разрушались в прах такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось, например, что многие языки не различают существительного от глагола; оказывалось, что другие языки состоят не из слов, а из готовых предложений. Все это надо было принимать в расчет, потому что в самых не-

* Д. И. Писарев. Полное собрание в шести томах с дополнительным выпуском. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1894. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

лепых и неразвитых языках все-таки действует та же способность, которая только в более сильной степени проявилась в самых богатых и гибких языках человечества. Кроме сравнительного изучения языков необходимо изучение историческое. Надо же знать, как совершенствуется или ослабевает с течением времени рассматриваемая способность. Конечно, филологу нет необходимости говорить и писать на всех тех языках, которые служат ему материалами для сравнения. Но он должен иметь очень определенные понятия о системе звуков этих языков, о переходе звуков один в другой, об образовании слов из корней, о грамматическом строе, о синтаксических особенностях; кроме того он должен знать до некоторой степени лексический состав языков, т. е. запас наиболее замечательных слов, чтобы сближать эти слова с словами и корнями других языков.

Если ученый хочет ограничить свои исследования одним племенем языков, если таким образом из области философии языка он спускается в область сравнительной грамматики, то с уменьшением объема его трудов должна увеличиваться глубина его знаний <...>

Целая, долгая жизнь деятельного и умного человека наполняется этим изучением, и потом все-таки оказывается, что изучение это только что затронуто, и что еще десятки людей будут посвящать продолжению работы свои лучшие силы.²

1863. *Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 31—32.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

...Важнейшая задача здоровой и честной литературы заключается именно в том, чтобы всегда пускать в обращение такие фразы, которые в данную минуту могут действовать благотворно на ум и на волю бесцветных и несамостоятельных людей, составляющих большинство. При этом надо уметь во-время менять эти фразы, чтобы они не затаскивались и не покрывались плесенью. Это производство и передвижение общепользных фраз составляет прямую обязанность беллетристики и часто литературной критики, то-есть тех отраслей словесности, которые всего ближе прикасаются к чувствам, интересам и условиям частной нравственности и будничной жизни.

Читатель не должен смущаться словом *фраза*. Каждая фраза появляется на свет, как формула или вывеска какой-нибудь идеи, имеющей более или менее серьезное значение; только впоследствии, под руками бесцветных личностей, фраза опошляется и превращается в грязную и вредную тряпку, под которой скрывается пустота или нелепость. Даровитые писатели чувствуют тотчас, что формула выдохлась и что пора выдвинуть на ее место новый пароль.

1865. *Роман кисейной девушки. Соч., стр. 251—252.*

Чем мельче становятся мысли и чувства, тем вычурнее и красивее подбираются для них названия, потому что навык с каждым днем усиливается в этом ремесле, как и во всех остальных.³

1864. Реалисты. Соч., т. IV, стр. 43.

Повторять слова учителя — не значит быть его продолжателем. Надо понимать ту цель, к которой шел учитель. Идя к известной цели, учитель произносил известные слова. В ту минуту, когда эти слова произносились, они действительно подвигали людей вперед к предложенной цели. Но когда эти слова уже подействовали, когда люди, подчиняясь их влиянию, сделали несколько шагов вперед, тогда все положение вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенные слова теряют свою двигательную силу и следовательно перестают быть умесными, полезными и целесообразными. Тогда надо произносить новые слова, применяя их к новым потребностям времени; эти новые слова могут находиться в резком разногласии с старыми словами и это разногласие несколько не мешает ни тем, ни другим быть одинаково верными выражениями одной и той же основной тенденции.⁴

1865. Пушкин и Белинский. Лирика Пушкина. Соч., т. V, стр. 66.

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В былое время на первом плане стояла *форма*; читатели восхищались совершенством внешней техники и вследствие этого безусловно предпочитали стихи прозе <...> Теперь, напротив того, внимание читателей безраздельно направляется на *содержание*, то-есть на мысль.

От *формы* требуют только, чтобы она не мешала содержанию, то-есть, чтобы тяжелые и запутанные обороты речи не затрудняли собой развитие мысли. По нашим теперешним понятиям красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности, то-есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя <...> Язык сделался тем, чем он должен быть, именно средством для передачи мысли. Форма подчинилась содержанию, и с этого времени укладывание мысли в размеренные и рифмованные строчки стало казаться всем здравомыслящим людям ребяческой забавой и напрасной тратой времени.

1864. Реалисты. Соч., т. IV, стр. 115—116.

Особенно хороши в этой части записок <«Петербург при Петре III. Из записок А. Т. Болотова».⁵ — *Ред.*> разговоры Болотова с разными сослуживцами и начальственными лицами: они написаны таким живым, естественным, чисто разговорным

языком, в них так метко схвачены личности людей, окружавших Болотова, в них местами так много неподдельного комизма, что почти трудно поверить, что они написаны в прошлом столетии, когда на нашей письменности еще лежала тяжелая печать реторики.

1859. Рецензия на «Петербург при Петре III. Из записок А. Т. Болотова». Соч., т. I, стр. 56.

Изложение <в рецензируемых «Записках...» — *Ред.*> очень неудовлетворительно: риторические фигуры и избитые сравнения встречаются на каждом шагу; попадают даже в очень серьезном рассуждении выражения «храм Гименей», «крылатый божок» и тому подобные вычурности. Язык тяжел, а местами даже совершенно неправилен.

1859. Рецензия на «Записки доброй матери или последние ее наставления при выходе дочери в свет». Соч., т. I, стр. 4.

Автор <М. Вовчок⁶. — *Ред.*> часто ведет свой рассказ от имени кого-нибудь из действующих лиц, иногда говорит от себя, но всегда умеет придать своему изложению наивность и прелесть народной речи, которую мы встречаем в языке наших старинных сказок и преданий; местами даже проявляется без малейшей искусственности та мерная звучная речь, которая составляет неотъемлемую принадлежность эпического языка народной поэзии. М. Вовчок приближается к народной поэзии не только внешнею формою своих рассказов, но и всеми своими литературными приемами; он рассказывает, как простой очевидец, близкий к изображаемому лицам по понятиям и образованию, разделяющий их простодушные верования и предрассудки, сочувствующий их горю и радости...

1859. Рецензия на «Народные украинские рассказы» Марка Вовчка. Соч., т. I, стр. 72.

У нас еще до сих пор не перевелись писатели, которые характеризуют русского мужика тем, что он почесывает загылок, говорит *эфтот* вместо *этот* и коверкает иностранные слова. Гуманность этих писателей вообще, и Голицынского в особенности, заключается по большей части в том, что они, считая слово *мужик* грубым и обидным, представляют его в смягченном виде *мужичок*. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягчение, я позволю себе заметить, что в таком случае было бы очень хорошо и удобно, а главное дело — гуманно говорить: *казачок* вместо *казак*, *солдатик* вместо *солдат*, *бабочка* вместо *баба*, нязгая таким образом постоянно слова, обозначающие собою низшие ступени сословий.

В рассказе «Прислуга» вся соль заключается в том, что лакеи, кучера, кухарки и горничные на чем свет стоят ругают своих господ, рассказывают о их любовных похождениях и отпускают друг другу площадные любезности и такие же остроты...

Были и до сих пор есть писатели, принимающие тривиальность за народность; употребляя слова: *греснуть, лопнуть, тальянский, галантерейность, поштовать, скунее...* Голицынский убежден в том, что, во-первых, он уловил букет народности и что, во-вторых, он создал сцену, исполненную неподдельного комизма и самого живого юмора. Писатели с посредственным талантом и с ограниченным даром наблюдательности не умеют воссоздавать народное мирозерцание и часто вовсе не подозревают его существования. Они подмечают только внешние угловатости и резкости, и потому их сцены из народной жизни, при бедности и бесцветности внутреннего содержания, отличаются аффектацией и подделкой народного разговорного языка. Иным это нравится... выходки фарсеров в водевилях, дающихся для съезда и разъезда публики, возбуждают в райке громкий хохот и рукоплескания. Эстетические понятия и требования различных людей отличаются бесконечным разнообразием; почему же и Голицынскому не прослыть в известном кругу читателей юмористом и знатоком русской народности? Наше дело — показать, что в его книге можно встретить, чтобы предостеречь более разборчивую публику от разочарования.

1861. *Несоразмерные претензии.* Соч., т. I, стр. 230—231.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ

Для меня статья Юркевича⁸ написана на неизвестном языке и притом на таком языке, которому я не хочу учиться, потому что очень хорошо знаю, что этот язык, сухой и бесплодный, ничем не вознаградит меня за те усилия, которые я употребляю на его усвоение. Если Юркевич не умеет говорить ясно и просто о простых и ясных предметах, если надо пройти целый предварительный курс кабалистики для того, чтобы слышать его учение о природе, о человеке, о духе и разуме, то я полагаю, что большинство людей предпочтут остаться профанами. Вокруг нас кипит живая жизнь; что ни шаг, то предмет для размышления, и притом такой предмет, который непременно надо обсудить, чтобы иметь возможность идти дальше; тут сама жизнь задает вопросы и шевелит мысль; успевай только обдумывать и решать; успевай только пробиваться и разрушать действительные препятствия; а тут нам предлагают углубиться в самих себя, заняться диалектическими выкладками, воскресить покойный гегелизм и зарыться по уши в какую-нибудь отвлеченную систему, которая не успела даже выработать себе ясного языка.

1862. *Московские мыслители, гл. VII.* Соч., т. II, стр. 195.

Ничто не может быть бесцветнее и неопределеннее общих выражений: *обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славяно-фил, западник*; эти выражения несколько не характеризуют того

человека, к которому они прикладываются; они надевают непрошенный мундир на его умственную личность и, вместо живого человека, мыслящего и чувствующего по-своему, показывают нам неподвижную вывеску замкнутого круга убеждений. Чем даровитее и замечательнее рассматриваемая личность, тем пошлее кажутся мне общие эпитеты, прилагаемые к ней такими критиками, которые не хотят или не умеют вдуматься в ее личные особенности, проследить ее индивидуальное развитие и таким образом вместо голого термина дать оживленную характеристику.

1862. Русский Дон-Кихот, гл. I. Соч., т. II, стр. 215.

Популярное изложение должно тщательно избегать всякой отвлеченности. Каждое общее положение должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными примерами... популярное изложение должно смягчать быстроту и отвлеченность строго-научного языка...

Не только группировка мыслей и общий тон изложения, но даже самый язык, выбор слов и оборотов имеют очень значительное влияние на успех или неуспех популярно-научного сочинения. Удачное выражение, меткий эпитет, картинное сравнение чрезвычайно много прибавляют к тому удовольствию, которое доставляется читателю самым содержанием книги или статьи. А так как просвещать читателя помимо его собственной воли нет ни малейшей возможности, то и не следует ни под каким видом пренебрегать теми техническими средствами языка, которые могут увеличить удовольствие читателя, не вредя основной идее вашего труда.

1864. Реалисты. Соч., т. IV, стр. 142—143.

На языке всех образованных народов существуют такие слова, которые каждый здравомыслящий человек должен употреблять всегда с крайней осмотрительностью. А еще гораздо лучше было бы совсем не употреблять их; но к сожалению это почти невозможно. *Ум, чувство, инстинкт, талант, гений, темперамент, характер* и разные другие выражения, относящиеся к психической жизни животных организмов, — все это очень опасные и неудобные слова. Они заслоняют собою живые факты, и никто не знает наверное, что именно под ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произносит эти слова и при этом всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопрос об умственных способностях всех животных, стоящих ниже человека, совершенно затемнен разными непонятными словами, которые приносят особенно много вреда, потому что все к ним прислушались и привыкли, и все воображают, будто в этих знакомых словах заключается очень определенный смысл.

1864. Прогресс в мире животных и растений. Соч., т. III, стр. 415.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Как же ученику не интересоваться сведениями, которые сообщают ему о его родном языке, о его отечественной истории, о его литературе? Нужно только, чтобы эти сведения имели в его глазах живой смысл, чтобы они в наглядной форме представлялись его уму. Преподавание, по нашему мнению, должно сообразоваться с национальностью ученика. Знание отечественного языка, истории и словесности должно занимать одно из самых важных мест в запасе сведений, выносимых им из школы.

Пора космополитизма прошла с XVIII столетием; идея гуманности, скрепляя союз между всеми людьми, решительно не исключает патриотизма, который конечно, не должен доходить до слепого увлечения всем, что *наше*, и до бессмысленного гонения того, что *чужое*; все мы должны работать для человечества, но всего естественнее работать теми средствами, которые находятся у нас под руками, и в той сфере, в которую мы поставлены; описывая сцены из русской жизни, трудясь над мелким вопросом русской науки, русский писатель и ученый конечно работают для человечества, хотя результаты их трудов будут чувствительны в одной его части.

1859. Рецензия на статью Д. М. «Частные женские пансионы». Соч., т. I, стр. 102, 103.

На чистоту русского языка воспитанниц, на полноту изучения отечественной литературы конечно могут иметь вредное влияние национальность содержателей и учителей и преобладание иностранного языка в пансионе, — обстоятельство, которым так часто дорожат родители. Изучение иностранных языков и литератур важно и необходимо для всестороннего развития; но разве нельзя согласить одно с другим? Разве это помешает занятиям по отечественному языку, чтению русских писателей? Между тем в каком предмете всего слабее и поверхностней знания наших девиц? в русском языке, в русской словесности.

Там же, стр. 103.

Главная же цель всех этих чтений и исторических толкований будет, конечно, заключаться в том, чтобы овладеть вполне всеми богатствами русского языка. Знание нашего языка для нас безусловно необходимо; мы до сих пор очень скверно пишем и совсем не умеем говорить...

Гимназистам надо непременно много читать и много писать по-русски. — Вместо того, чтобы читать какие-нибудь пустяки и описывать «восход солнца» или «морскую бурю», им конечно

всего лучше читать и комментировать письменно такие памятники, которые своей величественной исторической физиономией могут совершенно успокоить и умиротворить пылкие сердца самых ревностных патриотов.

1865. Школа и жизнь. Соч., т. IV; стр. 555.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИВЫХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

...всякое изучение иностранных языков развивает ум, сообщая ему гибкость и способность проникать в чужое мирозерцание <...>

...Для образованного русского можно признать совершенно достаточным, если он кроме своего родного языка будет знать языки французский, немецкий и английский.

1863. Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 91—92.

О РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ

<При машинальной работе над переводом, когда переводчик не понимает сути переводимого>... человек не развивается, а, напротив, привыкает обращаться с чужими мыслями, как с закупоренными тюками, которые он перетаскивает с места на место и расставляет в симметрическом порядке, не заботясь о том, что в них наложено. Является искусство строить фразы, привычка вставлять в эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятные идеи, — является попугайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вот, мол, я сколько книжных понятий усвоил, вот сколько научных статей произвел, вот какую пользу великую принес. Когда явилось такое самодовольство, тогда человека следует признать совершенно погибшим; тогда критическая способность утрачена, а вместо способности мыслить приобретена способность нанизывать слова и предложения, соединять их в периоды и из периодов составлять статьи, диссертации или книги.

1853. Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 30.

Н. А. Некрасов¹

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Мне жаль моей мысли, так бедно я ее поймал словом. Изорвать хочется — чувствую тоскливость, которую Вы, верно, знаете — хочется сказать, а не сказывается. Что Вы в этом случае делаете? Бросаете работу или нудите и пытаете себя? Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из того времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого, и всегда досаду, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т. п. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив, да еще вот что: надо иметь веры в ум и пронциательность другого по крайней мере столько же, сколько в собственные. Недостаток этой веры иногда бессознательно мешает писателю высказываться и заставляет откидывать вещи очень глубокие, чему лень, разумеется, потворствует...

Из письма Л. Н. Толстому² 5/17 мая 1857. Соч., т. X, стр. 335.*

...Горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбию!.. Стыд всем сплетничающим, клеветущим, барышничаящим, обращающим благородное оружие литератора — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей...³

*1855. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года.
Соч., т. IX, стр. 329.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ВОПРОСЫ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

---

* Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. ОГИЗ, М., 1948—1953. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию.

Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Год неизвестен. Подражание Шиллеру. Соч., т. II, стр. 439.

— Стихов нет... Причина очевидна. В этом роде литературы преимущественно и прежде всего обращает на себя внимание форма. Чем труднее достижение чего-либо, тем более в наших глазах выигрывает достигающий. Но трудность выражения или формы обуславливается, разумеется, кроме личности писателя, степенью развития и обработанности языка. Чем менее обработан язык, тем труднее подчинить его формам, требуемым от того или другого рода литературных произведений; по мере же постепенного развития и совершенствования языка постепенно исчезает и трудность выражения, так что изящная форма уже перестает быть достоинством, а делается необходимым условием всякого литературного произведения.

Наша литература, возникшая и укрепившаяся в самое короткое время, находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым. Лет десять тому назад, даже и меньше, весьма охотно прощали отсутствие содержания и даже смысла за несколько удачных выражений, гладкость и благозвучие. Стоит только припомнить времена г.г. Марлинского и Бенедиктова, когда форма составляла первое условие, а содержание едва ли входило в число условий, необходимых для литературного произведения. Это преимущество, отдаваемое форме в ущерб содержанию, отчасти и было причиной той вычурности, которую отличались оба эти писателя. Несколько лет тому назад, при оценке литературного произведения, прежде всего обращали внимание на слог, потому что хороший слог был явлением редким; теперь же почти не говорят о слоге, потому что все пишут более или менее хорошо. Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства, а так как стихотворная форма непременно стесняет автора, не выкупая недостатков его произведения, то весьма понятно, что проза, более доступная по форме, представляет более простора его уму, взгляду на вещи и наблюдательности, на которые обработанность языка не имеет влияния и которые составляют неотъемлемую, личную принадлежность писателя...

1849. Русские второстепенные поэты. ⁴ Соч., т. IX, стр. 190—191.

О ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Каждое *слово* действующего характера должно носить в себе глубокий отпечаток индивидуальности и действительности...

1855. Заметки о журналах за июль 1855 г.⁵ Соч., т. IX, стр. 298.

Разве только в первом, известном произведении г. Островского можно найти такие живые и мастерски очерченные лица, как в «Не так живи, как хочется». Не говорим уже о верности языка, русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом. <...>

Без чистой любви к истине нет художества; но и излишняя боязнь отступать от истины также вредна. Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее чем кому-либо следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его.⁶

1856. Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года. Соч., т. IX, стр. 375—377.

«Зап<иски> марк<ера>» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная Вами форма; язык Вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, Вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб; и лучшие вещи в нем пропали...⁷

Из письма Л. Н. Толстому 6 февраля 1854 г. Соч., т. X, стр. 201.

У Писемского иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз, но у Тургенева всегда больше ума, не говоря уже о преимуществах второстепенных: вкусе, такте и т. под...⁸

Из письма В. П. Боткину 16 сентября 1855 г. Соч., т. X, стр. 248.

Если в этом романе <«Суд в Ревельском магистрате» Ф. Корфа,⁹ СПб, 1841 г. — *Ред.*> нет слишком сильных, резко очерченных характеров, зато в нем есть главная стихия романа — занимательность и правильный русский язык, — достоинство в наше время также не маловажное.

1841. Рецензия на «Суд в Ревельском магистрате» Ф. Корфа. Соч., т. IX, стр. 9.

Язык г. Надеждина¹⁰ гладок и правилен, но слишком тяжел для повести; невыносимо длинные периоды, перепутанные причастиями, деепричастиями и прилагательными, в повести г. Надеждина просто мучат читателя...

1841. Рецензия на «Сто русских литераторов». Соч., т. IX, стр. 26.

Прочитав ее <поэму К. Павловой¹¹ «Рассказ Лизы» — *Ред.*>, мы подумали: уж не оттого ли отказался Алексей от Лизы, что она употребляла такие странные слова в своем разговоре: *мясоед, единый, всеминутный, эгира, блажь, чурбак, емко* и проч., пересыпая эти слова неблагозвучными, при частом употреблении, частицами: *чтоб и уж*.

1851. Рецензия на «Раут. Литературный сборник в пользу Александровского детского приюта». Изд. Н. В. Сушкова. Соч., т. IX, стр. 229.

Мы имеем заметить сочинительнице <Волковой — *Ред.*>, только, что употребить выражение *чистосердечная душа* почти так же странно, как сказать *длинноногая рука*...

1855. Заметки о журналах за июль 1855 года¹²
Соч., т. IX, стр. 294.

Вот для примера, как отразилось в стихотворении г. Бенедиктова¹³ одно из бессмертных дел великого <Петра, — *Ред.*> основание Петербурга:

*Раз, заметив захоlustье,
Лес, болотный уголок,
Глушь кругом, при Невском устье
Заложил он городок...*

Кто не почувствует, как эта картина бедна, не полна и не верна, начиная с природы, до того, что думает или говорит у г. Бенедиктова преобразователь, решаясь заложить город? *Захолустье, болотный уголок* — разве эти слова сколько-нибудь дают понятие о пустынной, грандиозной и дикой природе, среди которой гениальная мысль великого угадала необходимость русского города?.. Мы не думаем требовать, чтобы г. Бенедиктов дал нам нечто равняющееся достоинством Пушкину, мы только обращаем внимание его и наших читателей на тон, которым говорит Пушкин сравнительно с тоном г. Бенедиктова. Не правда ли, тон не последнее дело в литературном произведении, не говоря уже о других требованиях? До какой степени удовлетворяет стихотворение, например, внутреннему пониманию характера и верному его отражению до малейших подробностей, можно уже видеть по приведенной выписке: у Пушкина Петр думает:

Судьбою здесь нам *суждено*
В Европу прорубить окно... и проч.

Г-н же Бенедиктов заставляет его думать так:

Эта дверь не на затворе,
Дело сладим как-нибудь...

Но возвращаемся к тону стихотворения, не предъявляя никаких других требований. Великое дело введения в России флота отразилось у г. Бенедиктова в следующих четырех стихах:

Взял топор — и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик — флотик,
Этот флотик — флот родил...

Важные исторические факты, имевшие столь сильное влияние на судьбу целого народа, не являются ль несколько в чуждом им свете, переданные таким тоном, с такой точки зрения?

Это не народный язык и не язык людей образованных, — что же это такое?.. Не беремся отвечать, — знаем только, что на такой тон нельзя написать удовлетворительного произведения о предмете, который избрал г. Бенедиктов.

Заметим еще, что стремление к оригинальности, к обычной у г. Бенедиктова вычурности и ухарской громкозвучности (о которой мы ничего не сказали, потому что о ней уже было говорено слишком много) местами привело автора к неверному употреблению слов, как, например, в следующем куплете:

И в тот век лишь взор *попятышь*,
Все оттоль глядит добром —
И доселе, *что ни схватышь*,
Отзывается Петром...

Возможно ли: *попятить взор*? Для этого единственное средство, чтоб глаза выскочили на затылок, но, *попяченные* таким образом, они едва-ли сохранят способность что-нибудь видеть. Вторая половина куплета тоже не верна. Схватить можно и недостойный предмет...

1855. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года.
Соч., т. IX, стр. 308—311.

Недавно умный и наблюдательный петербургский водевиллист г. Каратыгин¹⁴ написал очень верный и забавный очерк этого любопытного типа, и публика, посещающая наш русский театр, от души смеялась над почтенным булочным мастером Иваном Ивановичем Клейстером, над его расчетливостью и осторожностью, филистерскою важностью и «русским языком на немецкий лад». И теперь мы все остримся над петербургскими немцами, подмечаем их особенности, говорим, ради шутки, их оригинальным языком, а до тех пор многие из нас даже и не подозревали, что едва ли не целая треть петербургского народонаселения состоит из таких Иванов Ивановичей. Особенное вни-

мание обратил на себя — язык Ивана Ивановича, схваченный живо и верно. Все немцы, которые обжились в Петербурге и захотели во что бы то ни стало быть «русскими», говорят языком Ивана Ивановича Клейстера. Язык этот не есть исковерканный немецким произношением русский язык; но именно, как мы выразились — «русский язык на немецкий манер». Немец, говорящий им, произносит слова чрезвычайно чисто и выразительно; но расстановка слов, ударения, употребление падежей — вот где камень преткновения для всякого не родившегося в России, особенно для немца, который как бы ни усиливался, никогда не победит своей немецкой природы, и во всем, от особенного выражения в лице до самых пустых мелочей, всегда останется немцем. Но в Петербурге много и таких немцев, которые вовсе не стараются подражать почтенному Ивану Ивановичу Клейстеру и нисколько не заботятся об изучении русского языка, так что, прожив в Петербурге более тридцати лет, уезжают обратно, не зная ни одного русского слова. Это странное явление принадлежит к особенностям Петербурга. Везде почти иностранец должен знать сколько-нибудь язык страны, в которой живет; таким образом, бывает, что иностранцы в других столицах мало-помалу сливаются с массой природных жителей и теряют свою оригинальность под господствующим цветом общего характера. В Петербурге — решительно наоборот. Немец может прожить в Петербурге тридцать лет и отправиться на немецкое кладбище или обратно в Германию, не узнав ни одного русского слова.

1844. Черты из характеристики петербургского народонаселения. Соч., т. V, стр. 475—476.

МЕТКОСТЬ И ОБРАЗНОСТЬ НАРОДНОЙ РЕЧИ

А то два-три крестьянина
 Словечком перекинутся...
 Хохочут, утешаются
 И часто в речь Петрушкину
 Вставляют слово меткое,
 Какого не придумаешь,
 Хоть проглоти перо!

1868. Кому на Руси жить хорошо. Глава «Сельская ярмонка». Соч., т. III, стр. 186, 187.

Народ редко выражает свои приговоры о людях с определительностью, принятой в других классах; дурак, подлец почти не употребительны в его словаре; у него свои условные определения личностей, замечательные какой-то деликатной уклончивостью, которая, впрочем, не лишена меткости, заменяющей жесткую определительность приговоров образованного класса. Тетеря, ворона, сорока, пропащий человек, вахлак, войлок, увалень, рохля — все эти названия и множество подобных

беспреданно слышатся на языке народа, и по ним он расценивает окружающие его характеры, может быть, еще вернее и точнее, чем общество, щедрое на резкие эпитеты. Не мешает заметить, что неблагозвучные слова — ерник, шильник, шаромыжник, мазурик, жулик — вовсе не принадлежат народу, а только городу и рынку. Человека недалекого и бесхарактерного, нестойкого в слове не с дурного умысла, а по слабости, народ зовет божевольным, грубого и бешеного — нравным, а о человеке щедром, правдивом, великодушном прекрасно и сильно говорит — душа божеская.

1853—1855. *Тонкий человек, его приключения и наблюдения* ¹⁵
Соч., т. VI, стр. 442—443.

В три мои поездки туда <на охоту в Новгородскую губ. — *Ред.*> убил я поболее сотни белых и серых куропаток и глухарей, не считая зайцев, и услышал одно новое словечко, которое мне очень понравилось, — *пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это мелкий-мелкий, нерешительный дождь, сеющий, как сквозь сито, и бывающий летом. Он зовется *пáморхой* в отличие от *изморози*, идущей в пору более холодную. Это словцо Новг<ордской> губ<ернии>.

Из письма И. С. Тургеневу 21 октября 1852 г. ¹⁶ Соч., т. X, стр. 178.

Я не справлялся с Толковым словарем (Даля), когда писал «Несжатую полосу», а употребил слово «станица» потому, что с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станицами*; воробьев *станичка* перелетела и т. п. Заглянув ныне в словарь Даля, я увидел, что и там слову этому придается, между прочим, и то значение, в котором я его употребил (см. т. III, стр. 285, столб. второй). Что слово употребляется и в других смыслах; из этого не следует, чтобы в данном случае оно было употреблено неточно. Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы заменить его в «Несжатой полосе», кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени *станом* на удобных местах для отдыха и корма...

Из письма П. Н. Юшенову 31 марта — 25 апреля 1874 г. ¹⁷
Соч., т. XI, стр. 313.

О ЯЗЫКЕ КНИГ ДЛЯ НАРОДА

Автор ¹⁸ думает, что писать для народа — значит сплеча, сломя голову рассказывать ему, что ни попадет под перо, заботясь только об одном, чтоб язык рассказа не походил на язык, каким пишут для читателей образованных. Поэтому выражение «трясти бабу за шлык» и подобные ему пользуются у со-

чинителя большим уважением и будут им пользоваться, пока будут выходить «Воскресные посиделки». Четвертая книжка, как первая, и сотая будет, как первая и четвертая. Сочинитель как будто сознался себе внутренно, что сочинения его не могут ни на сколько подвинуть вперед «добрый» народ русский, и потому вовсе не заботится о постепенности, с какою следовало бы переходить в подобном издании от легчайшего к труднейшему, от выражений тривиальных и неловких, но понятных простому народу, им только употребляемых, к выражениям более общеупотребительным. Можно уже сказать теперь утвердительно, что ни плана, ни цели нет в «Воскресных посиделках», что составляются они с решительным небрежением, бог знает для чего, — может быть, для пользы издателей, но никак уже не для пользы «доброего» народа русского.

1844. Рецензия на «Воскресные посиделки, книжки для доброго народа русского». Соч., т. IX, стр. 139—140.

В «Отечественные» гляжу — там подробный разбор <«Воскресных посиделок, книжки для доброго народа русского» — *Ред.*>. Каждая «Посиделка» рассказана, и видно как на ладони, что сочинитель просто не знает быта крестьянского и совсем не бывал ни на каких посиделках... Опять же у сочинителя *косушкой* переписано 25 человек, да ведь как: мужик спалил бороду, баба таковой вздор понесла, что «мужик» схватил старуху за *шлык* да ну ее трясти...» видно, одурел с перепугу... И много тут я начитал; и не хотел бы верить — нельзя: поверишь, как на все пример налицо... Мужики все набраны пьяницы: тот «бедную жену, как собаку избил», тот извозчика обокрал и «теперь золото роет в Сибири», а Пахомыч страшную дичь несет, даже вошел в азарт и стихами заговорил <...> Простонародные слова можно и даже в ином случае надо непременно употреблять, пока мужик к барским словам не привыкнет; только не надо *косушкой* 25 человек спаивать и «трясти бабу за *шлык*». ¹⁹

1844. Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе. Соч., т. V, стр. 437 и 440.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ

Мне бы хотелось... чтобы Вы, кроме обучения детей церковно-славянскому языку, обратили внимание и на русскую грамоту, тем больше, что русских книг и учебников гораздо больше под руками и они гораздо разнообразнее, да и, кроме того, крестьянину не мешает знать и то и другое...

Из письма И. Г. Зыкову²⁰ 24 января 1861 г. Соч., т. X, стр. 443.

О РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ

Передавать близко стихи иностранного поэта русскими стихами вообще трудно, часто труднее, чем прямо писать русские стихи. Причин тому множество, и между прочим длина наших слов, особенно причастий, деепричастий, прилагательных и проч., так что переводить тем же размером, тем же количеством строк, сохраняя по возможности самый наружный вид стихотворения (а это-то и значит переводить близко), иногда почти невозможно! Есть поэты, как А. Шенье, например, которого передать таким образом нет средств. Да и не он один, — всякий поэт изящной формы и у кого внешнее изящество выше внутреннего содержания (как и у Шенье) не переводим близко. Какой-нибудь грубиян по форме, Барбье, но силач по содержанию, поддается гораздо легче переводу. А попробуйте перевести близко Петrarку — не выйдет ничего: букет выдохнется, а вкуса не останется <...> Мицкевич, которого теперь перевел Н. Берг, — один из тех редких поэтов, у кого форма и содержание неразделимы: одно превосходно и другое превосходно. Значит, переводить Мицкевича тоже нелегко. Особенно эта трудность должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить еще труднее, — может быть оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно...

*1866. Рецензия на «Таинственную каплю» и др. произведения.
Соч., т. IX, стр. 442—443.*

Несколько лет тому назад в нашей журналистике случился такой факт: начал появляться в одном журнале перевод «Илиады» — перевод, к которому переводчик вздумал применить манеру так называемого «маненько мужицкого» слога. С первой же песни мнение о достоинстве нового перевода ясно определилось и выразилось во всеобщем изумлении к его бестактности и бесталанности...

*1855. Заметки о журналах за октябрь 1855 года. Соч., т. IX,
стр. 339.*

М. Е. Салтыков-Щедрин

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО¹

...Мне отраднo и весело шататься по городским улицам, особенно в базарный день, когда они кипят народом... Мне мил этот общий говор толпы; он ласкает мой слух пуце лучшей итальянской арии, несмотря на то, что в нем нередко звучат самые странные, самые фальшивые ноты. Взгляните на эти загорелые лица: они дышат умом и сметкою и, вместе с тем, каким-то неподдельным простодушием.

1856. Губернские очерки. Соч., т. II, стр. 36.*

Немолчно раздается говор и шум толпы <...> Вот доносится до вас замысловато-крепкое словцо, но доносится как-то не оскорбительно, а скорее добродушно, так что вам остается только развести руки и подумать про себя: «ведь вот что выдумал человек! даже правдоподобия никакого нет... а ладно!» Рядом с этим крепким словцом слышится действительно добродушный и задушевный смех, и раздается острота, но такая меткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно, и вы невольно, всем сердцем, всем существом приобщаетесь к этой внутренней, для равнодушного зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа, сила которой почти насильственно заденет все лучшее, свежие струны сердца, наполнит душу неведомыми, неизвестно откуда берущимися рыданиями и хлынет из глаз целым потоком слез... Где источник этих слез?.. Не берусь решить этот вопрос, но знаю, что в слезах ваших будет и своя доля отрады, как в том достолюбезном народном говоре, в котором, среди диссонансов, слышится иногда такой ясный, поразительно цельный звук, что из сознания вашего мигом изгоняется всякое сомнение в возможности будущей гармонии.

1862. Тихое пристанище.² Соч., т. IV, стр. 298.

* Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений под редакцией В. Я. Кирпютина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен. ГИХЛ, М., 1937. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

То, что отстраняет от новой литературы наших мистиков сороковых годов, то именно и дает ей право на живучесть и силу. Это — новые типы, которые она пробует выводить, это — новое дело, о котором она говорит, это — новый язык, с которым она нас знакомит. Все, что проходило перед нами в тумане, весь этот люд, который представлялся нам не иначе, как в качестве декорации, и мимо которого мы проходили без всякой мысли, — все это встает перед нами живое и своеобразное, все это, несмотря на грубость форм, предьявляет свое несомненное право на признание в нем человеческого образа, а в этом качестве — и на самую жизнь <...>

...подлинный источник, из которого должна истечь струя нового, живого русского слова <...> — русский крестьянский мир...

1868. Напрасные опасения. Соч., т. VIII, стр. 55, 58, 66.

...Единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова. Чем далее проникает сатирик в глубины этой жизни, тем весче становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности. Дело будет слышаться в его речи, то кровное человеческое дело, которое, затрагивая самые живые струны человеческого существа, нередко возвышает до героизма даже весьма обыкновенного человека.

1868. Рецензия на сборник «В сумерках». Сатиры и песни Д. Д. Минаева.³ СПб., 1868. Соч., т. VIII, стр. 297.

Представлению об отечестве соответствует представление о нравах и обычаях, об играх, песнях и плясках, о приметах и суевериях, о пословицах, поговорках, притчах и сказках, и, наконец, о <...> неклеяном, но несомненно ходячем словаре...⁴

1879. Убежище Монрепо. Соч., т. XIII, стр. 152.

ВОПРОСЫ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Мысль и творчество отнюдь не враждебные друг другу: мысль есть главный и неизбежный фактор всех человеческих действий; творчество же есть воплощение мысли в живых образах или в ясном логическом изложении.

1869. Рецензия на «Недоразумение», повесть Данкевича. СПб., 1869. Соч., т. VIII, стр. 384.

Художественная правда должна говорить сама за себя, а не с помощью комментариев и толкований...

1871. Первая русская передвижная художественная выставка. Соч., т. VIII, стр. 279.

Без ясно сознанный идеи художественное произведение является сбродом случайностей, в котором даже искусно начер-

таннные образы теряют значительную долю своей цены, потому что не существует органической связи, которая объясняла бы их участие в общей экономии художественного произведения.

1871. Рецензия на «Снопы» Я. П. Полонского.⁵
Соч., т. VIII, стр. 424.

Благородные мысли, благородные чувства <...> нередко представляются незрелыми и даже смешными; но это происходит оттого, что по временам они облачаются в нелепую и напыщенную форму, которая, до известной степени, заслоняет их сущность. В большинстве случаев к напыщенности прибегают люди, совсем непричастные высоким мыслям и чувствам, а именно: шпионы, кровосмесители, казнокрады и другие злокачественные вередь общественного организма. Не имея ничего за душой, кроме праха, они вынуждаются маскировать этот прах громкими фразами <...> И те, и другие, и третьи отыскивают отборнейшие выражения и стараются округлять периоды. Но истинно возвышенное чувство никаких этих округлений не знает и выражается просто, трезво, без вычур.

1882. Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 478.

Благородная мысль формирует себя без утайки, во всей своей полноте; поэтому-то она легко находит и ясное для себя выражение. И синтаксис, и грамматика, и знаки препинания — весь арсенал грамотности охотно ей повинуются. Вопросительный знак не смеет выскочить там, где слышится утверждение; слова вроде «искоренить», «истребить» — не смеют затесаться там, где не может быть речи ни об искоренении, ни об истреблении. Ясная для самого произносящего речь является вразумительною и для слушателей. Она убеждает умы, зажигает сердца.

Напротив того, мысль, увидевшая свет в атмосфере съезжего дома, прежде всего ищет скрыть свое происхождение <...> Чтоб примирить с собою наивных, она замечает следы, прибегает к несвойственным выражениям и бросается в околесную. Но, стараясь выказать себя благородною, она не знает, в чем состоит благородство, и потому на каждом шагу запутывается. И в то же время не смеет формулировать действительные свои побуждения, ибо сама трусит перед их сермяжным поскудством. Понятно, что и грамматика, и знаки препинания пользуются этим внутренним междоусобием, чтоб обьявить себя воюющею стороною.

Там же,⁶ стр. 486.

ОБ «ЭЗОПОВОМ» ЯЗЫКЕ⁷

Да, замечательное было это время. То было время, когда слово служило не естественною формой для выражения человеческой мысли, а как бы покровом, сквозь который неполно и словно намеками светились очертания этой мысли; и чем хитрее,

чем запутаннее сплетен был этот покров, тем скорбнее, тем не-терпеливее трепетала под ним полная мощи мысль и тем горячее отдавалось ее эхо в молодых душах читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу раз вынуждена была окунуться в помойных ямах житейского базара, чтобы выстрадать себе право хотя однажды, хотя на мгновение засиять над миром лучом надежды, лучом грядущего обновления! И чем тяжелее был гнет действительности, тем сильнее крепла в сердцах бодрых служителей истины вера в будущее, вера в человечность!

1861. *Сатиры в прозе. «Литераторы-обыватели».*⁸
Соч., т. III, стр. 210.

Мы все еще помним то время, когда мысль находилась под гнетом столь несомненных ограничений, что читателю потребно было не мало усилий и изворотливости, чтобы победить ту тьму и запутанность выражения, на которую осуждено было слово. Это было, конечно, не поощрительно, но, по крайней мере, писатель того времени знал, что у него есть публика, которая ищет его понять, знает, что нет в России того захолустья, в котором бы не бились молодые сердца, не пламенела молодая мысль под впечатлением высказанного им слова.

1868. *Признаки времени. «Литературное положение».*
Соч., т. VII, стр. 78.

Куда исчезли таланты? — спрашивают уцелевшие там и сям ревнители литературы. — Приведены к одному знаменателю. — Куда девалась бодрая и смелая русская мысль? — Приведена к одному знаменателю. — Куда скрылось живое, образное русское слово? — Приведено к одному знаменателю! И что это за прелестное, для всех одинаково ясное выражение. С какою простотою оно устраняет все возражения, разъясняет все сомнения!

Там же, стр. 85.

Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам. Она и сама преисполнилась рабским духом и заразила тем же духом читателей. С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа Езоповскою, — манера, обнаруживавшая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств.

1875. *Недоконченные беседы.* Соч., т. XV, стр. 340—341.

...ежели в писаниях моих и обретается что-либо неясное, то никак уж не мысль, а разве только манера. Но и на это я могу сказать в свое оправдание следующее: моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей.

1879. *Круглый год. Соч., т. XIII, стр. 267.*

Мне могут возразить здесь: а иносказательный рабий язык? а уменье говорить между строками? — Да, отвечу я, действительно, обе эти характерные особенности выработались во время пребывания литературы в плену, и обе несомненно свидетельствуют о ее попытках прорваться сквозь неприятельскую цепь. Но ведь, как ни говори, а рабий язык все-таки рабий язык и ничего больше.

1882. *Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 456.*

В прессе, рядом с «рабим языком», народился язык хоплопский, претендовавший на смелость, но, в сущности, представлявший смесь наглости, лести и лжи.

1887. *Мелочи жизни. Соч., т. XVI, стр. 702.*

О ЛИЦЕМЕРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ, МАСКИРУЮЩЕЙ РЕАКЦИОННЫЕ МЫСЛИ⁹

Во-первых, я должен с прискорбием сознаться, что сжатость, которою преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвозвратно. Увы! мы уже не говорим больше: «цыц, собака!» Мы уже находим, что эти первобытные формы не соответствуют современному состоянию цивилизации, и что никакая речь не может быть, в строгом смысле, названа человеческою, если она не обставлена приличными делу обстоятельствами и не заключает в себе силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль свою не прямо, а как-нибудь стороною; даем, например, почувствовать, что «на свете становые существуют», что «если они существуют, то надо полагать, что есть какая-нибудь цель этого существования»... Или, например, по поводу искреннего желания содрать кожу с нашего ближнего, мы отнюдь не выскажем прямо, очень бы, дескать, приятно и, так сказать, пользительно, но прежде углубимся в девственные леса Америки, поднимем завесу, скрывающую от нас древний Рим, «с истинным прискорбием» найдем, что везде и всегда обдирание ближнего считалось чуть-ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаем слушателя грязью наших исторических и статистических изысканий, осторожноенько заключим, что если везде были люди, везде человеки, что если древний Рим, покоривший пол-вселенной, то почему же бы и нам и т. д.

1860. *Сатиры в прозе. «Скрежет зубовой». Соч., т. III, стр. 128.*

Да, и у нас оно выросло, это пресловутое древо красноречия, которым до сих пор мы любовались лишь издали, и у нас, под прохладной тенью его, уже многие приобрели для себя мир душевный и невозмутимость сердечную <...> Почва, в которой лежат его корни, болотиста и злокачественна; ствол его жидок и тонок, но верхушка объемиста, и если не густа, то космата; листья бледны и бессочны, но снабжены комочками, которые если не наносят положительного вреда, то производят в субъекте, к ним прикасающемся, чесотку и волдыри. Вообще, это дитя хилое, больное, слабосильное и, несмотря на свои колючки, весьма безобидное. При малейшем дуновении ветра оно всей своей растрепанной массой приклоняется к земле и рабски-болезненно при этом стонет...

1860. Сатиры в прозе. «Скрежет зубоанный».
Соч., т. III, стр. 120—121.

...вы можете сами легко сделать заключение о том, что составляет содержание нашего красноречия. Это, во-первых, старание не войти в слишком явное противоречие с грамматикой и синтаксисом, во-вторых, желание убедить всех и каждого, что ничто человеческое нам не чуждо, и, в-третьих, стремление, хоть как-нибудь, хоть боком приобщиться к общему, современному направлению идей. Словом, чтоб определить характер нашего витийства одним термином, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожним.

Там же, стр. 130.

В публичных местах нет отбоя от либералов различных шерстей, и только слишком чуткое и привычное ухо за шумихою пустозвонных фраз может заметить старинную заскорузлость воззрений и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое приурочивание вопросов общих, исторических к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни <...>

Он <либеральничаящий помещик-реакционер — *Ред.*> уж понахватался кой-чего, он уж развратил свою мысль десятком-двумя забористого свойства словечек, он уже покрылся известного рода слизью, по милости которой схватить его без перчаток дело весьма затруднительное и щекотливое.

Нет, вы поразмыслите хорошенько да подивитесь природе-матери, которая допускает, что в одной и той же голове помещаются рядом такие понятия, как *selfgovérnment** и *la libre initiative des poméschiks!***

1862. Сатиры в прозе. «К читателю». Соч., т. III, стр. 38, 42.

* Самоуправление.

** Свободная инициатива помещиков (франц.).

«Современник» бывает тощ и беден, когда небо стоит грозное, когда в делах и предприятиях царствует застой, а вопросы и вопросы прячутся в самую глубь общества, словно боятся, чтобы не окатило их холодным ливнем. В такое неблагоприятное время светлые литературные ручки возмущаются, и на поверхности их появляется неизвестно откуда берущаяся негодная накипь; в такое время над словесною нивою реют жадные стада литературного воронья и строго блюдут за чистотой русской мысли и языка; темные духи когда-то осмеянные и опозоренные... вновь заявляю о своей живучести, вновь выползают из темниц, и, появившись на свет божий, припоминают старые счеты; забытые кучи завалывшегося хлама начинают двигаться и вопиять о поруганных правах своих...

1863. Наша общественная жизнь. Соч., т. VI, стр. 500.

Глупцов пугают страшные слова. «Ломать», «разрушать», «уничтожать» — одних этих слов достаточно, чтобы заставить любого глупца ползть на стену. Он не спрашивает ни того, что предполагается ломать, ни того, можно ли создать новое, не разрушивши старого <...>. А между тем «ломать» — значит только ломать, и ничего больше. Вредный или полезный смысл этого слова совершенно висит от того, на какой предмет простирается его действие <...>. Так умеете же, наконец, обобщать, о люди, боящиеся страшных слов!

1871. «Итоги», вторая редакция. Соч., т. VII, стр. 482—483.

Пенкосниматель выражается не особенно ясно, но всегда с таким расчетом, чтобы загадочность его была истолкована в либеральном смысле <...>. Конечно, он все-таки ничего не смыслит ни в действительной свободе, ни в действительной гласности, но так как он произносит свои афоризмы совершенно так, как бы находился в здравом уме и твердой памяти, то со стороны может казаться, что он, пожалуй, что-нибудь и смыслит. И таким образом, в результате оказывается бесконечный обман, имеющий подкладкой одно самоуверенное нахальство <...>. И вся эта обнаженная канитель тянется с такою солидностью, что делается жутко за человеческую мысль <...>. Способность говорить солидно и уверенно самые неизреченные пошлости есть именно та драгоценная способность, которою в совершенстве обладает всякий пенкосниматель.

1872. Дневник провинциала в Петербурге. Соч., т. X, стр. 433—434.

...Я знаю, например, что независимо от клейменных русских словарей в нашей жизни выработался свой собственный подоплечный словарь, имеющий очень мало сходства с клейменым. И представь себе, Разуваев, что когда речь идет о выражениях еще не утвердившихся, новоявленных, каковы, например:

интеллигенция, культура, дирижирующие классы и проч., то я положительно предпочитаю последний первым. Я инстинктивно чувствую, что клейменные словари фаталистически обречены на повторение задов. Их мирозерцание — мое мирозерцание; условности, которые связывают их, суть те же, которые связывают и меня; словом сказать, словари эти несомненно сочинены самим мной, еще в ту пору, когда я как сыр в масле катался.* Так что, если б я руководствовался только ими, то положительно все сомнительное и неясное так навсегда и осталось бы для меня сомнительным и неясным. Но, к счастью, рядом с клейменными словарями существует толковый интимно-обывательский словарь, который провидит и отлично объясняет смысл даже таких выражений, перед которыми клейменный словарь стоит, уставясь лбом в стену. Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язвы.

Возьмем хоть бы данный случай. Везде кругом говорят: грядут кабатчики, менялы, железнодорожники и прочие мироедских дел мастера. Желая объяснить себе это явление, я прежде всего обращаюсь к обывательским наблюдательным реестрам и вижу, что вы значитесь в них тако:

Разуваев, Анатолий, бывший халуй (понимаю). Занимается кабаками, а ныне, сверх того, и *интеллигенцией* (не понимаю).

Губошлепов, Иона, бывший целовальник (понимаю). Занимается поставкой для армии и флотов гнилых сухарей (еще бы не понимать!), а ныне, сверх того, *дирижирующий класс* (не понимаю) и т. д., и т. д.

Очень возможно, что для публицистов, подчасков и прочих экспертов науки подчеркнутые мною определения вполне ясны, но для меня — человека только потревоженного наукой — нет. Поэтому я, по старой привычке, беру сначала клейменный словарь и спешу справиться в нем: что сей сон значит? Но — увы! — никаких утешений в нем не обретаю, кроме того, что интеллигенция есть интеллигенция, а правящий класс есть тот, который правит. Тогда я припоминаю, что у нас есть еще неизданный интимно-обывательский толковый словарь, мысленно развертываю его и читаю следующее:

Интеллигенция, или кровопивство...

Правящий класс, или шайка людей, втихомолку от начальства объегоривающая...

Дальше я уже не читаю: с меня довольно. Искомая язва глядит мне прямо в глаза, зияющая, обнаженная, вполне достоверная. Нет нужды, что прочитанные определения противоречат бессознательной номенклатуре, усвоенной мною с пеленок: то, что открылось перед мной, так прозрачно-ясно, что я забываю

* В «Убежище Монрепо» авторское «я» — разоренный реформой помещик.

все пленки, заподозреваю все клейменные словари и верю только ему одному, нашему единственно правдивому и единственно прозорливому подошечному толковому русскому словарю!

1879. Убежище Монрепо. Соч., т. XIII, стр. 148—149.

Не успели простодушные люди наахаться вволю, как «хорошее слово», перейдя через множество предательских уст и согласованное с целой массой хищнических appetitов, уж истрепалось, выпачкалось и провоняло. Так что, слушая современные уличные толки по поводу этого слова, не без испуга спрашиваешь себя: куда же девался первоначальный его смысл?

1881. Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 377.

Я так давно живу на свете, так много видел, и главное, так много помню, что помимо убеждений рассудка, один жизненный опыт заставляет меня относиться к газетным известиям с осторожностью. Я помню, что когда впервые появилось слово «хищение» и в газетах раздались по его поводу стенания, то меня озадачило стремление публицистов щегольнуть перед читателем новой новинкою. Совсем тут никакой новинки не было. Хищение, сиречь высасывание выморочных соков, известно было издревле и издревле же значилось во всех азбуках под всевозможными рубриками <...> В древности слова «хищение» не было, но зато было слово «лафа», и вся дореформенная Русь отлично понимала, что слово это означает именно высасывание выморочных соков. Но так как конструкция этого слова слишком отзывалась провинциализмом и татарщиной, то понятно, что с поднятием уровня образованности почувствовалась потребность и в поднятии уровня терминологии. Отсюда — замена слова: «лафа» — словом: «хищничество».

1884. Пестрые письма. Письмо пятое. Соч., т. XVI, стр. 327—328.

О ЯЗЫКЕ КНИГ ДЛЯ НАРОДА

Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостает, необходимо поставить себя на его точку зрения, а для этого не трубуется ни нагибаться, ни кокетничать.

1868. Письма о провинции. Письмо шестое. Соч., т. VII, стр. 264.

Уже одно то, что коренное условие мужицкой жизни составляет вечный, никогда не прерывающийся труд, достаточно указывает на совершенно серьезный ее характер и на положительную невозможность относиться к ней с умилениями и приседаниями.

1864. Наша общественная жизнь. Соч., т. VI, стр. 273.

...мы <...> думаем о том, в какой гнев должен был войти г. Майков, встретив ужасный стих

Гетер внимаем не даря...

Ведь это все равно, что встретить в стихе словечко, вроде «тово», «таперича», «тововонокаконо»...

Даже русские сказки — и те могут произвести раздражение слухной мысли. Для этого следует только вспомнить нечто из слушанных в детстве сказок и изукрасить слышанное некоторыми внешними принадлежностями псевдо-народной поэзии: ряби-нушку назвать разрябиношкой, почаше употреблять вводные словечки «что уж», «а и», «уж и» и т. д.

1863. Рецензия на «Стихи» Вс. Крестовского.
Соч., т. V, стр. 278—281.

Брошюрка эта <«О русской правде и польской кривде» — *Ред.*> представляет собой одну из бесчисленных, но до сих пор очень редко удававшихся попыток подделаться под русский народный толк и объясняться с народом языком ему доступным. Фактурой своей она напоминает псевдо-народные, несколько ухарские рассказы г. Андрея Печерского¹⁰, в которых всегда низано множество народных слов и оборотов речи, но собственно народного все-таки нет ничего. Видимое дело, что автор брошюры человек бывалый, обращался с народом, знаком с его пословицами и прибаутками, но народной мысли, но кровной народной нужде все-таки остался чужд. А потому в книжке его прежде всего неприятно поражает фальшивый тон и желание автора во чтобы то ни стало принизить себя до народного понимания; речь несвободна и сплошь испещрена всякого рода присловьями и стереотипными выраженьями, для более или менее ловкого подбора которых не требуется даже знакомства с народом, а достаточно заглядывать почаще в труды г.г. Снегирева, Буслаева и Дала. Именно то обстоятельство, что автор, очевидно, приискивал какую-то особенную манеру, чтоб разговаривать с народом, уже изобличает в нем человека, худо понимающего ту личность, к которой он обращается. Он видит в народе или низшую породу людей или какое-то полудурье и, руководствуясь этим взглядом, измышляет для него низшего сорта мысли и форменно-простонародные речи. А между тем, это совсем не так: народ и не дурак, и не низшая порода; он страдает только недостатком знаний, а потому и давайте ему знаний, только знаний, а не прикидывайтесь простяками, не обращайтесь к нему с речью и мыслями, с которыми вам было бы совестно обратиться к лицу, стоящему в общественной иерархии на одной ступени с вами <...> Чтобы говорить с народом, надобно прежде всего отречься от всяких преувеличений и быть строгим к самому себе; надо спросить себя: достаточно ли обуздана моя мысль для такого дела? Ничто так не противно народу, как мешанье

дела с бездельем и переливанье из пустого в порожнее. Он сам никогда не бездельничает, а потому требует и от тех, которые к нему обращаются, чтоб они высказывали ему свое дело прямо и кратко, без подмеси пустых и наносных речей. Людей, которые сами не сознают своей мысли, а говорят, что им на ум взбредет или с чужого шопота, называют в народе пустыми мельницами, и на все их речи только машут руками. Поэтому, даже и для того, чтоб пустить в народ даже не совсем чуждую ему мысль, нужна крайняя осторожность; нужно прежде всего sobлюсти чувство меры, а не потчевать по пословице: чем богат, тем и рад, и не выбрасывать зараз весь запас своего скудненького мирозерцания, по пословице: что есть в печи, то и на стол мечи. Таким образом, можно напотчеваться и на свою голову, ибо на такое потчевание народ тоже может ответить пословицей: Еремея потчуют умея, за ворот да в три шея.

Мы очень хорошо понимаем, что недостаток талантливых людей, которые могли бы просто и вразумительно говорить с народом, есть недостаток весьма печальный. В особенности, должен он быть ощутителен для правительства <...> На каждом шагу оно осаждается людьми усердными и, повидимому, доброхотными; которые тем не менее, по ограниченности своих мыслительных способностей, предлагают вместо знания народности, какую-то бывалость и прожженность, вместо знания народной речи, пошлое балагурство, а вместо справедливости, изуверство. После того, какая ужасная лож может вылиться из этого усердия. А между тем, такая лож сплошь и рядом выдается за истину, и находятя наивные люди, которые верят ей и в простоте сердца воображают, что самое лучшее средство беспечально прожить жизнь заключается в том, чтобы систематически держать народ в неведении и систематически же возбуждать в нем какие-то темные силы, влиянию которых и без того слишком легко поддается человек, лишенный действительного знания.

1863. Рецензия на брошюру «О русской правде и польской кривде». ¹¹ Соч., т. V, стр. 343—345.

О ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

Перевод из рук вон плох: видно, что переводчик не имеет никакого понятия ни о географии, ни о французском языке. Нант он называет Нантесом... На каждом шагу встречаются выражения, подобные следующим: «вы возвратили супруга его милой половине»... или «дверь с большой стуколкой» (т. е. с молотком). Но всего любопытнее следующая фраза: «Вольмар представлял студента-кокета, что называли в университете — Алуттом». Что бы это такое значило?

1847. Рецензия на книгу «География в эстампах с повестями и картинками по предметам географии». Соч., т. I, стр. 337.

...нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением <...> Но для того, чтобы изучение Гомера могло принести юноше ожидаемый результат, нужно читать Гомера не в переделке, не в приноровленном к известной цели переводе, а в самом подлиннике или в переводе подстрочном, в котором тщательно были бы сохранены все особенности, весь характер поэмы... Покойный Гнедич... своим превосходным переводом «Илиады» осязательно доказал всю несообразность мнения о приноравливании классических творений старины к понятиям известной страны и эпохи. Всякое произведение духа неотъемлемо носит на себе печать своей страны и своего времени <...>

Все, что мы до сих пор сказали о пользе изучения Гомера, относится собственно только до юношества. Что же касается детей <...> для них чтение Гомера в подстрочном переводе невозможно; во-первых, надобно было бы некоторые места поэмы выпускать по несоответственности их содержания с детским возрастом; во-вторых, ни «Илиада», ни «Одиссея» решительно недоступны в целом для понятий ребенка... Составители подобного рода сочинений, чувствуя свое затруднительное положение, всегда бывают принуждены выпускать из рассказа то, что собственно составляет силу и характер поэмы, и что, между тем, действительно, по некоторым обстоятельствам, не пригодно для детей. Результатом всех этих общипываний великого произведения остается только бездушный остов, одна сказка, а то, что было за этой сказкой, исчезает невозвратно <...>

...зачем передавать Гомера, когда знаешь наверное, что нельзя сохранить при этом характера поэмы? Нет, видно, форма великое дело! Богини, у Беккера <...> на подобие уездных кумушек, выражаются следующим образом: «Не окажешь ли ты мне услугу, моя дочурочка», или «одожди мне твой волшебный поясок». Это, изволите видеть, разговаривает Гера с Афродитой. Смертные выражаются еще чище: «Фи! кто, право, бесит меня за себя и за всех нас!» — говорит Эвримах, один из женихов Пенелопы, а сама Пенелопа следующим высоко светским тоном обращается к старой Эвриклее, принесшей ей весть о возвращении Улисса: «Душенька, ты не шутишь? Душенька, скажи правду» и т. д.... Из приведенных нами отрывков читатель ясно видит, что переделка Беккера ни в каком случае не познакомит детей с Гомером <...>

Перевод сделан довольно небрежно, и видно, что г. Экерт не совсем хорошо владеет русским языком. Встречаются, например, такие выражения: «он будет вынесен нагим трупом из своего дома» («Одиссея», стр. 21) вместо: «труп его будет вынесен нагим, или нагой», и т. д.; или: «на зверской трапезе он опорожнил бадью молока»... или: «другая его повадка»... или: «я не могу

засчитать тебе те работы»... «я знал, что ты не гораздо накажешь меня»... и таких странных промахов бездна; в одном месте даже какой-то герой «Илиады» *подсигивает* другого героя...

1848. Рецензия на «Рассказы детям из древнего мира Карла Ф. Беккера». Соч., т. I, стр. 353—362.

О СВЕТСКОМ ЖАРГОНЕ

Страсть к французским фразам составляет общий недуг кругогорских дам и девиц. Соберутся девицы, и первое у них условие: «Ну, mesdames, с нынешнего дня мы ни слова не будем говорить по-русски». Но оказывается, что на иностранных языках им известны только две фразы: *permettez — moi de sortir** и *allez — vous en!*** Очевидно, что всех понятий, как бы они ни были ограничены, этими двумя фразами никак не выразишь, и бедные девицы вновь осуждены прибегнуть к этому дубовому русскому языку, на котором не выразишь никакого тонкого чувства.

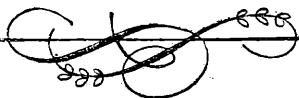
1856. Губернские очерки. Соч., т. II, стр. 36.

---

* Позвольте мне выйти.

** Убирайтесь вон!

И. А. Гончаров

О ЗНАЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ЖИЗНИ НАРОДА

Литература есть <...> орган, т. е. язык, выражающий все, что страна думает, чего желает, что она знает и что хочет и должна знать и т. д. Слава богу — языку дарована хорошая доза свободы: и это великое дело ближе мне к сердцу, нежели другие.

Но мы сами продолжаем относиться к своему небрежно. В этом состоит громадная наша ошибка, опасная в виду грядущих обстоятельств. «Где же вина наша? в чем я вижу беду? — В пренебрежении к нему, — в равнодушии, — вот где» <...>

Наш высший класс, а за ним в подражание ему и средние классы — стараются не говорить на нем (на русском языке) даже между собою. Это не ново, что я говорю, знаю: но разве легче, что старое зло не искореняется!.. Когда-то это было признаком образования... Теперь иностранный говор уже не служит даже признаком образования: зачем же он?..

Я не с точки зрения шовинизма или квасного патриотизма боюсь за язык — и, конечно, буду рад через 10 тысяч лет говорить одним языком со всеми — и если буду писать, то иметь читателями весь земной шар.¹

Но все же я думаю, все народы должны прийти к общему идеалу человеческого конечного здания — через национальность, — т. е. каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал. А мы... еще упрямымся не говорить по-русски.

1870. Из письма И. А. Гончарова — С. А. Толстой? 10 ноября.*

С колыбели учат детей по-французски, по-английски, и после всего уже по-русски и то с учителем. А своему языку учатся с колыбели, от кормилицы, няньки, товарища и т. д., а потом

* Сборник «Литературно-критические статьи и письма». ГИХЛ, 1938, стр. 262—263.

В дальнейшем именуется «Лит.-крит. статьи и письма».

уже учителя и отечественные образцовые писатели. И выходят они — ни русские, ни французы, ни англичане, хотя и говорят условным, французским и английским языком, языком дипломатов и салонов. Но никогда они не будут говорить, как француз или англичанин говорит — в интимной настоящей жизни, потому что в их языке, физиономии, мимике говорит сама жизнь, кровь их, склад ума, их нравы, их история — и этот язык уже вовсе не похож на то бледное, условное наречие, каким говорят наши космополиты. В живые страстные минуты им надо притворяться французами или англичанами, а это карикатурно. Если когда-нибудь будет... едино стадо и един пастьеръ, то может быть... когда-нибудь и все национальности сольются в одну человеческую семью; пусть так, но и для этой цели нужно, чтобы все национальности работали изо всех сил, чтобы каждая из них добывала из своих особенностей — все лучшие соки, чтобы внести их в общую человеческую сокровищницу, как делали древние, как делают новые нации. А для этого нужно русскому — быть русским, а связывает нас со своею нацией, больше всего, язык.

1877. Из письма И. А. Гончарова — С. А. Толстой. Е. А. Нарышкина «Мои воспоминания»,³ стр. 327—328.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Язык действующих лиц, как в этой драме, так и во всех произведениях г. Островского, давно всеми оценен по достоинству, как язык художественно-верный, взятый из действительности, как и самые лица им говорящие.

1860. Отзыв о драме «Гроза» Островского. Лит.-крит. статьи и письма, стр. 224.

Соль, эпиграмма, сатира, этот разговорный стих, кажется, никогда не умрут, как и сам, рассыпанный в них острый и едкий, живой русский ум, который Грибоедов заключил, как волшебник духа какого-нибудь в свой замок, и он рассыпается там злобным смехом. Нельзя представить себе, что могла явиться когда-нибудь другая, более естественная, простая, более взятая из жизни речь. Проза и стих слились здесь во что-то нераздельное, затем кажется, чтобы их легче было удержать в памяти и пустить опять в оборот весь собранный автором ум, юмор, шутку и злость русского ума и языка. Этот язык так же дался автору, как далась группа этих лиц, как даже главный смысл комедии, как далось все вместе, будто вылилось разом, и все образовало необыкновенную комедию — и в тесном смысле, как сценическую пьесу, — и в обширном, как комедию жизни.

1871. Милльон терзаний.⁴ Лит.-крит. статьи и письма, стр. 58.

В таких высоких литературных произведениях, как «Горе от ума», как «Борис Годунов» Пушкина и некоторых других, исполнение должно быть не только сценическое, но наиболее литературное, как исполнение отличным оркестром образцовой музыки, где безошибочно должна быть сыграна каждая фраза и в ней каждая нота. Актер, как музыкант, обязан доиграться, т. е. додуматься до тонкого критического понимания всей поэзии пушкинского и трибедовского языка. У Пушкина, например, в «Борисе Годунове», где нет почти действия, или, по крайней мере, единства, где действие распадается на отдельные, несвязные друг с другом сцены,⁵ иное исполнение, как строго и художественно-литературное и невозможно. В ней всякое прочее действие, всякая сценичность, мимика должны служить только легкой приправой литературного исполнения, действия в слове.

Не надо забывать, что такие пьесы, как «Горе от ума», «Борис Годунов», публика знает наизусть, и не только следит за мыслью, за каждым словом, но чувствует, так сказать, нервами каждую ошибку в произношении. Ими можно наслаждаться, не видя, а только слыша их. Эти пьесы исполнялись и исполняются нередко в частном быту, просто чтением между любителями литературы, когда в кругу найдется хороший чтец, умеющий тонко передавать эту, своего рода литературную музыку.

1871. Мильон терзаний. Лит.-крит. статьи и письма, стр. 82.

Каждая фраза Гоголя так же типична и так же заключает в себе свою особую комедию независимо от общей фабулы, как и каждый трибедовский стих. И только глубоко-верное, во всей зале слышимое, отчетливое исполнение, т. е. сценическое произношение этих фраз и может выразить то значение, какое дал им автор. Многие пьесы Островского тоже в значительной степени имеют эту типичную сторону языка, и часто фразы из его комедий слышатся в разговорной речи, в разных применениях к жизни.

Там же, стр. 86.

Возвращаю при этом вам, многоуважаемый Михаил Иванович, три тома «Российского Жилблаза». Нельзя не отдать полной справедливости и уму и необыкновенному, по тогдашнему времени, уменью Нарезного отделяться от старого и создавать новое...

Замечательны также его удачные усилия в борьбе с старым языком, с шишковской школой, с педантизмом и вообще со всем устаревшим — в формах суда, например, и т. п.

Эта борьба, в которой он еще не успел, как почти и все тогда (в 1814 г.), отделаться вполне от старой школы — делает его язык тяжелым, шероховатым — смешением шишковского с карамзинским; но очень часто он успевает, как будто из чащи

леса, выходит на дорогу — и тогда говорит легко, свободно, иногда приятно, а затем опять в архаизм и тяжелые обороты.

1874. Из письма И. А. Гончарова — М. И. Семевскому 11 декабря.
Лит.-крит. статьи и письма, стр. 281.

Язык в новом романе всего более носит на себе печать строго-классической манеры автора, о которой я сейчас говорил. Это язык, прежде всего безупречно-правильный, выработанный, звучный, плавный и благородно-простой, без напыщенности и напускного красноречия. Это его, так сказать, материальные достоинства.

Это язык — эпоса, торжественного величавого повествования, язык ораторской речи, серьезного исторического увража — это его характер.

Но как язык романа, обыденной, интимной жизни — он слишком строг, серьезен и покоен. Невозмутимое спокойствие и мерный ход и тон слова сообщают некоторую холодность повествованию и нередко лишают его теплой, жизненной выразительности.

Некоторые описания, а сцены особенно все, требовали бы более того, что называется abandon — свободы, перерывов этой мирно текущей, гармоничной речи.

Следя за интересом интриги, за участью, характерами лиц, слушая их речи — внимание читателя ждет и жадно просит (особенно в разговорах) тех нечаянностей, игры, капризов, смелых и сильных оборотов, огня того нервного трепетания, каким кипит живая речь живого человека. Как бы ни благовоспитанны, даже чопорны были действующие лица, но те положения, в которые их ставит автор — вызывают их на движение, на драматизм и на другие, не столь покойные глубоко обдуманнные и невозмутимо-правильные речи.

Скажут, что это спокойствие лежит в манерах, тоне, характере, даже в темпераменте, т. е. в натуре самого автора. Пусть так, но автор своих героев (в фантазии) слышит, что и как они говорят — и верно передает.

Таковы условия художника, на то у него наблюдательный глаз, палитра и кисть.

1877. Из письма И. А. Гончарова — П. А. Валуеву 6 июня.
Лит.-крит. статьи и письма, стр. 314—315.

Автор заметит, может быть, что именно в разговорах всего удобнее было развивать умом и устами действующих лиц его тезисы главную цель романа, и что он не обращал внимания на реальность или естественность речей, не снимал с последних фотографий, не смотрел в лица и слушал только о чем, а не как они говорят и т. д.

Если так, то почему же не употреблено было им для этой цели более простого и краткого приема, именно — изложить тезисы в форме Сократовых разговоров с учениками. Там скажет

свои тезисы Сократ, один ученик возразит, другой сделает вопрос, третий ответит и т. д. А читатель слышит все один голос, один ум и одну речь — Платона.

Там же, стр. 315.

Я прежде всего помирился с языком, роман из жизни большого света Е. А. Нарышкиной: при чтении, он мне почему-то казался холодным, неровным, немного принужденным, а, читая сам, я нашел его только плавным, правильным, даже изящным, distingué. Это свободно льющийся повествовательный язык. Он не характеричен, не своеобразен, не выражает ни самого автора, ни его героев, но этого в первом опыте невозможно и требовать, т. е. чтобы в нем вырабатывался стиль или характер пишущего — *le style — c'est l'homme*, и чтобы он служил ему для выражения и характера действующих лиц. Это много, это все, т. е. язык. Сначала писатели пишут общим, а потом уже своим языком и этот общий язык у нашего автора безупречен.

1877. Из письма И. А. Гончарова — С. А. Толстой. Е. А. Нарышкина «Мои воспоминания». СПб., 1806, стр. 327—328.

О РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Здесь кстати привести... упрек... об употреблении слова «крякнул». На этот упрек возразят (не я, а печатная критика), что и автор, в число тезисов которого, повидимому входило желание дать образец изящной, выработанной, чуждой всякой вульгарности и дурного тона разговорной речи благовоспитанного общества, не достиг вполне своей цели, простерев это свое желание до пуризма — отчего и впал в некоторую чопорность, мерность и холодность — даже и разговорного языка, т. е. впал в недостаток, противоположный «кряканию», в этом упреке будет маленькая доза правды, осмелюсь я прибавить от себя.

Злой фельетонист не упустит случая едко заметить при этом: «Пусть бы одно из лиц романа лучше «крякнуло» раза дватри (куда ни шло), лишь бы в разговорах их было больше натур, соответствия положениям их, движений мысли, искр страсти — вообще характерности, портретности или типичности, чем желания соблюсти тон и изящность речи».

1877. Из письма И. А. Гончарова — П. А. Валуеву 6 июня. Лит.-крит. статьи и письма, стр. 316.

И. С. Тургенев

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1882. *Русский язык. Соч., т. X, стр. 333.* *

Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.

Из письма Е. В. Львовой 22 января 1877 года. †

Еще один последний совет молодым литераторам и одна, последняя просьба...

А просьба моя состоит в следующем: берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками <...> Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса! — Даже тем, которым не по вкусу «философские отвлеченности» и «поэтические нежности», людям практическим, в глазах которых язык не что иное, как средство к выражению мысли, как простой рычаг, — даже им скажу я: уважайте, по крайней мере, законы механики, извлекайте из каждой вещи всю возможную пользу! — А то, право, пробегая иные вялые, смутные, бессильно-пространные разглагольствованные в журналах, читатель невольно должен думать, что именно рычаг-то вы заменяете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь к младенчеству самой механики.

1868—1869. *По поводу «Отцов и детей». Соч., т. XI, стр. 468—69.*

* И. С. Тургенев. Сочинения. Ленгиз, 1930—34. Все ссылки, кроме особо оговариваемых, даются по этому изданию.

У нас еще господствует ложное мнение, что тот-де народный писатель, кто говорит народным язычком, подделывается под русские шуточки, часто изъясняет в своих сочинениях горячую любовь к родине и глубочайшее презрение к иностранцам... Но мы не так понимаем слово «народный». В наших глазах тот заслуживает это название, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотрешной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом.

Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Соч., т. XII, стр. 104.

Но зачем он (Л. Толстой) толкует о необходимости создать какой-то особый русский язык? Создать язык!! — создать море. Оно разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дело — направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу!

Из письма к А. Фету от 6/VIII — 1871 г. 2

И что ему была за охота откапывать мой давным-давно мертвые стихи! Но более всего мне досадно то, что, по его словам, я писал повести по-французски, по-немецки, по-английски! Чорт знает, что за чепуха! Я никогда ни одной строки не написал для печати не по-русски. — Да и как это писать не на своем языке?!

Из письма к А. Топорову от 24/V — 1875 г. 3

Я никогда, ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник, — просто — дрянь. Как это возможно писать на чужом языке — когда и на своем-то, на родном, едва можно сладить с образами, мыслями и т. д.!

Из письма к С. А. Венгерову от 24 июля 1875 г. 4

Вы... думаете, что я мог написать хоть одну строчку на другом языке, кроме русского?! Так вы меня позорите?! Для меня человек, который считает себя писателем и пишет не только на одном — притом своем родном языке — мошенник и жалкая, бездарная свинья.

Из письма Л. Пичу. Париж от 21 ноября 1880 г. 5

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Стихотворение г. Бенедиктова «Три искушения».

Вот так стихи! Вот так поэзия!.. Очи — *небо*, брови — *радуги*, вежды — *облака*, ресницы — *иглы*, все чело — *свод неба*, повитый мглой, из которой струится *дождь* и *град* и блещут *молнии*... А в кудрях *целый мир* мог бы утонуть, — шутка сказать,

целый мир!.. Извиты, перевиты, как *змеи лютые*, черны, как *ковы зависти*, как *думы сатаны*. Да то ли еще... те кудри... Но лучше повторим: не грех и повторить!

- Та черная коса, те локоны густые.
Их волны, пряди их и кольца смоляные.
Когда б раскинуть их, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шар земли,
И целая земля явилась бы черницей
В глубоком трауре, покрыта власяницей...

Каково? Что может быть сильнее, образней, грандиозней?.. Но позвольте!.. я что-то странное чувствую! Чувствую я в себе страстное желание может быть, даже призвание воспеть... что бы вы думали?.. кудри! кудри, воспетые г. Бенедиктовым ...Конечно, дерзость неслыханная, но уже раздумывать поздно — я ничего не слышу, ничего не вижу... я пою...

Те кудри черные... когда б отрезать их,
Преступно посягнув на их несокрушимость...
Соткать на них чехол из нитей дорогих —
В нем бешеных кудрей сковать необозримость —
И взбив перину ту, в длину и ширину,
Чрез степи жаркие, чрез влажную волну,
Чрез горы и леса, постлать ее по миру, —
Все человечество могло б на них заснуть,
В душистом их пуху блаженно утонуть,
И — гордо близостью к надзвездному эфиру, —
Увидеть райские, пленительные сны
Про кудри, черные как думы Сатаны,
Как *ковы зависти*, про очи *огневые*,
Про радугу бровей и перси *наливные*...

Нет! не то, далеко не то!.. Воображение отказывается выдумать что-нибудь грандиознее картины целого мира, опутанного одною женскою косою, и оттого превратившегося в черницу в глубоком трауре... Куда *новой, натуральной* школе!.. далеко ей до таких картин!..

Вот то ли дело *старая* риторическая школа!.. Вообще, стоит прочесть III том «Новоселья», чтоб убедиться в превосходстве *старой риторической* школы пред новой натуральной!

1846. Рецензия на сб. «Новоселье». Соч., т. XII,
стр. 64, 65, 66.

Старайтесь... быть как можно проще и яснее в деле художества; ваша беда — какая-то запутанность, хотя верных, но уже слишком мелких мыслей, какое-то ненужное богатство задних представлений, второстепенных чувств и намеков.

Из письма к К. Леонтьеву от 11/II—1855 г. 6

У меня на-днях был Фет, с которым я прежде не был знаком. Он мне читал прекрасные переводы из Горация. Иные оды необыкновенно удались, — напрасно только он употребляет не

только устарелые слова, каковы: «перси» и т. д., но даже необычные слова вроде: «заводи» (завиток), «ухание» (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что «ухание» так же дико для слуха, как, например, «получие» (от благополучия).

Из письма к С. Аксакову ст 5/VI—1853 г. 7

Присланное тобою стихотворение чрезвычайно мило и пластично, и не поместив его, г-н К., только лишний раз (уж точно лишний) доказал, какой он непроходимый олух. Стихотворение это, по моему мнению, так хорошо, что я решаюсь указать тебе на три пятнышка, которые одни лишают твое произведение совершенной безукоризненности. А именно, во втором куплете: «искала холма» — положительно нехорошо, неграциозно и возбуждает комические представления; — в 10-м куплете: «свистнул», — о «свисте» было уже сказано в 3-м куплете — повторение это отзывается бессилием — между тем, как во всем остальном краски так ярки; — и наконец в последнем куплете эпитет: «ветряный», не хорош, как диссонанс — тут нужна реальная краска — а не слово в роде «легкомысленный». — Не смею тебе советовать, но на мой вкус — «яростный», «бешеный» — был бы лучше этого слабого «ветряный».

Из письма к Я. П. Полонскому 21 октября 1867 г. 8

Милый Яков Петрович, я только что собирался отвечать тебе на твое первое письмо, как пришло второе, с двумя стихотвореньями. Скажу тебе тотчас, что первое, где является мертвый мужичок, весьма замечательно, даже поразительно — и по моему, требует только несколько маленьких поправок — а именно:

а) «Судороги... жар» — а несколько ниже: «судорожный гнев» — ненужное повторение.

б) Главное — «И не я... мой вздох» — не хорошо, имеет какую-то комическую сторону. Оставь «вздох» — только в стихе:

«Вздох мой тяжкий твоего ребенка», и т. д.

«Незабвенный прах» — имеет что-то риторическое и неестественное в устах мужика.

Из письма к Я. П. Полонскому 8 октября 1868 г. 9

В самом стихотворении меня все-таки смущают некоторые неточности и неясности образов: напр.,

«Роняя слезы в океан»

Во-первых: какой океан? — Не Балтийское же море, не Финский залив можно величать этим именем. — Оно производит

впечатление ложное. — Потом: тучи могут ронять слезы, — а не льдины, которые до половины погружены в воду. — Потом если:

Холодный океан столбами отражает
Всю ночь румянец их большой..

если это точно так — то надо это представить нагляднее, — а то я никакой картины не вижу — и даже не могу себе представить, как это океан «отражает» румянец льдин!

Наконец:

«Им жаль полярных стран..
И тянет их на юг...»

Надо бы во всяком случае сказать: им и жаль — и тянет; — а то выходит несообразность, как если б я сказал: «я сижу на кресле и стою на полу». — Да и к чему тут олицетворение льдин? — Оно не имеет никакого дальнейшего применения.

Из письма к Я. П. Полонскому 19 мая 1869 г.¹⁰

Любезный друг Яков Петрович, я очень рад, что мои «Мощи» тебе понравились; будем надеяться, что и публика оправдает твой вердикт.

Вполне одобряю твое распоряжение на счет корректуры. Хотя слово «умный» в смысле «умственный» везде употребляется священным писанием (умные очи и т. д.) и слышалось мною не раз в устах простых людей, но для избежания недоразумения, прошу тебя этот эпитет выкинуть. — Тем легче это сделать, что Лукерия говорит: «а мысленный, умный грех, батюшка», — оставь один эпитет: «мысленный».

Из письма к Я. П. Полонскому 5 февраля 1874 г.¹¹

В разговорах вы вкладываете в уста лиц часто не те слова, которые они в данном случае должны вымолвить, а те, в которых выражается то, что вы, автор думаете о них и что иногда совершенно справедливо, но не уместно... Разговоры вообще немного длинные.

Из письма Е. И. Бламаберг 25 октября 1875 г.¹²

...позвольте также сказать два слова о вашем языке. — Мне, как старому словеснику, он является слишком небрежным. — Фразы, подобные той, которая находится на 32-й стр. и начинается словами: «Буржуазному духу нашего времени» — извините за резкость выражения — непозволительны. — «Подернутость интеллигенции идеализмом, который является реакцией материализма» — может только отбить охоту у читателя, тем более, что мысль, которую вы намеревались выразить, принадлежит к числу обыкновенных и не нуждалась в таких уснащиваниях.

Из письма к С. А. Венгерову 24 мая 1875 г.¹³

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Как бы то ни было, заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого.

1880. Из речи, читанной в публичном заседании общ-ва любителей российской словесности, по поводу открытия памятника А. С. Пушкину. Соч., т. XII, стр. 235.

Возвратимся к Пушкину... нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык, и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением. Из вышесказанных нами слов вы уже могли убедиться, что мы не в состоянии разделять мнения тех, конечно добросовестных, людей, которые утверждают, что настоящего русского литературного языка вовсе не существует; что нам его даст один простой народ, вместе с другими спасительными учреждениями. Мы, напротив, находим в языке, созданном Пушкиным, все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник.

Именно: русский!

Там же, стр. 229—230.

...рассказни Казака Луганского обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто-русских поговорок и оборотов... Слог... чисто русский, немножко — мешковатый, немножко — небрежный (и нам крайне нравится эта мешковатость и небрежность), но меткий, живой и ладный... Иногда, правда, казак балагурит немного, щеголяет «словечками»... но за кем греха не водится!

Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Соч., т. XII, стр. 105.

Скажу еще несколько слов о слоге «Записок» г. А-ва. Слог его мне чрезвычайно нравится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательны. Эта книга написана охотно и охотно читается. Я уже неоднократно замечал, как мастерски умеет г. А-в описывать (некоторые отрывки были помещены в апрельской книжке «Современника»). ...то, что он видит, видит он ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишет стройную и широкую картину. Мне кажется, что такого рода описания ближе к делу и вернее: в самой природе нет ничего ухищренного и мудреного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает; в самых своих прихотях она добродушна. Все поэты с истинными

и сильными талантами не становились в «позитуру» пред лицом природы; они не старались, как говорится, «подслушать, подсмотреть» ее тайны; великими и простыми словами передавали они ее простоту и величие: она не раздражала их, она их воспламеняла; но в этом пламени не было ничего болезненного.

*1853. Записки ружейного охотника Оренбургской губ. С. А-ва.
Соч., т. XII, стр. 170.*

Любезнейший В. П. посылаю тебе под бандеролью полученного мною же сегодня же (и прочтенного) Минина <...> ...написанный превосходнейшим языком... Язык — образцовый. Эдак у нас еще не писали.

Из письма к В. П. Боткину. Париж, 10 марта 1862 г.¹⁴

А «Воевода» Островского меня привел в умиление. Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бегаёт за своей невестой, чтобы зачекотать ее насмерть) плох; но 2-й и 3-й — это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки. Вот уж у него нет «изыскание мелкой букашки», de la petite bête, как говорят французы.

Из письма к И. Борису от 16/III — 1865 г.¹⁵

Семейство Александра Ивановича Герцена прислало мне сборник его посмертных произведений, изданный в Женеве. Попадают истинные перлы... В характеристике людей, с которыми он сталкивался, у него нет соперников. Когда он чисто «сочиняет», чувствуется, при всем блеске формы, постоянная напряженность. Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг...

Из письма к П. Анненкову от 18/X — 1870 г.¹⁶

А. Н. Островский

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ИСТИННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ВЕРНОСТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Мы теперь стараемся все наши идеалы и типы, взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших бытовых подробностей, а главное, мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, которым определяется самый тон роли.

1885. Из письма А. Д. Мысовской 19 июня. Соч., т. 16, стр. 179. *

Впечатление, производимое этой повестью, портится часто встречающимися длинными описаниями характеров и убеждений действующих лиц, а иногда и образа жизни того или другого сословия; видно, что автор не привык еще пользоваться своими средствами, которыми он наделен так богато. Результаты глубокой наблюдательности и правдивая оценка того или другого быта, при всей своей истине и значительности, если являются в художественном произведении в виде описаний и сухих рассуждений, вредят целостности впечатления. Все, что вы говорите, прекрасно и по убеждениям и по чувствам, которыми они вызваны, и все это истинная правда; да художеству нужны образы и сцены, и одни только они всеильны и над воображением и над волей человека...

Вообще вся повесть написана живо и чистым русским языком...

1850. «Ошибка», повесть Евг. Тур.² Соч., т. 13, стр. 149.

О СИЛЕ, КРАСОТЕ, ЯРКОСТИ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

Почему язык хорош? Потому, что это творение, а не сочинение.

Опыт волжского словаря. — А. Н. Островский «Дневники. Письма. Театр.» Изд. Academia. 1937, стр. 253.

* Цитируется по полному собранию сочинений, ГИХЛ. М., 1951.

Б е р е н д е й

Любезна мне игра ума и слова.
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи — складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.

1873. *Снегурочка. Соч., т. 7, стр. 74.*

Как отказать народу в драматической и тем более в комической производительности, когда на каждом шагу мы видим опровержение этому и в сатирическом складе русского ума, и в богатом метком языке; когда нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким живым словом: сословия, местности, народные типы — все это ярко обозначено в языке и запечатлено навеки.

1863. *Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России. Соч., т. 12, стр. 13.*

О ЯЗЫКОВОМ МАСТЕРСТВЕ

Ку ли г и н

Люблю разговор рассыпать...

1859. *Гроза. Соч., т. 2, стр. 216.*

Пьесу «Не все коту масленица» я кончил... Эта скорее этюд, чем пьеса; в ней нет никаких сценических эффектов, эта вещь писана для знатоков, тут главное: московский быт и купеческий язык, доведенный до точки.

1871. *Из письма Ф. А. Бурдину 17 апреля.*³
Соч., т. 14, стр. 203.

Я нарочно взял немудреный сюжет, чтобы, не стесняясь сложностью задачи, заняться любезной для всякого художника работой: отделкой внешности, по возможности, до той степени, которая называется оконченностью.

1871. *Из письма П. В. Анненкову 30 апреля.*⁴ *Соч., т. 14, стр. 206.*

Пушкин... кончил тем, что оставил сам образцы, равные образцам литератур зрелых, образцы совершенные по форме и по самобытному, чисто народному содержанию...

Он... завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским.

1880. *Застольное слово о Пушкине.*⁵ *Соч., т. 13, стр. 166—167.*

Я английский язык знаю порядочно и перевести всякую пьесу могу легко; но с Шекспиром очень осторожно: для каждой английской фразы можно найти десяток русских фраз, но я стараюсь выбрать из этого десятка самую подходящую.

1885. Из письма А. Н. Островского — А. Ф. Дамичу 28 июля. ⁶
Соч., т. 16, стр. 184.

Мы нуждаемся в толковом словаре, нам нужны не столько областные слова, сколько слова *бытовые*, потому что мы не знаем самых вещей, называемых этими словами.

...Слово хотя областное, но составленное правильно, должно быть внесено в областной словарь. Сўпрядки, бѳязно.

А. Н. Островский. Мелкие заметки о словаре Даля.
Архив ИРЛИ. РІ 21 № 52.

Нельзя довольно нахвалиться приведением пословиц в толковом словаре (Даля).

Толковать слова народным толком — самый лучший и короткий метод.

Там же.

Л. Н. Толстой

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

...Слово далеко не может передать воображаемого, но выразить действительность еще труднее. Верная передача действительности есть камень преткновения слова <...> От многих еще звучных слов и поэтических образов должно вам будет отказаться, ежели вы будете читать мои рассказы.

1852. Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт. Соч., т. 3, стр. 216.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия.

1886—1887. О жизни. Соч., т. 26, стр. 319.

Искусство, вместе с речью, есть одно из орудий общения, а потому и прогресса, т. е. движения вперед человечества к совершенству. Речь делает возможным для людей последних живущих поколений знать все то, что узнавали опытом и размышлением предшествующие поколения и лучшие передовые люди современности...

1897—1898. Что такое искусство? Гл. XVI. Соч., т. 30, стр. 151.

Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

1906—1910. На каждый день ч. 1. Соч., т. 43, стр. 44.

Слово — выражение мысли... и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает.

1906—1910. На каждый день, ч. 2. Соч., т. 44, стр. 56.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА САМОБЫТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Песни, сказки, былины — все простое — будут читать, пока будет русский народ.

1851. Из письма к Н. Н. Страхову от 23 марта. — Л. Н. Толстой. Сборник Изд. АН СССР. 1951, стр. 630.

У народа есть своя литература — прекрасная, неподражаемая; но она не подделка, она выпеается из среды самого народа.

1853. Дневник. Соч., т. 46, стр. 71.

Один из замечательнейших признаков гибкости русского языка замечен в изменении повторяемого стиха в песнях, например: ни одной песни нет, особенно веселой, лихой, в которой этот refrain не изменялся бы иногда 3—4 манерами...

1853. Дневник. Наблюдения. Соч., т. 46, стр. 278.

...Чтение сборника пословиц Снегирева¹ составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений.

1862. Кому у кого учиться, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят. Соч., т. 8, стр. 302.

«Бедная Лиза» выжимала слезы и ее хвалили, и ведь никто никогда уже ее не прочтет, а песни, сказки, былины, веселые, простые, будут читать пока будет русский язык <...>

Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может сказать поэт, мне мил. Язык этот кроме того, а это главное, — есть лучший поэтический регулятор.

Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не повторит <...>

Люблю определенное, ясное и красивое, и умеренное, — и все это нахожу в народной поэзии и языке, в жизни...²

1872. Из письма к Н. Н. Страхову от 25 марта 1872 года. — Н. Н. Гусев «Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения». Изд. Толстовского музея, стр. 142.

Если бы я был издатель народного журнала, я бы сказал своим сотрудникам: пишите, что хотите <...> но только так, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будет везти экземпляры из типографии, и я уверен, что кроме честного, здорового и хорошего ничего не будет в журнале. Я не шучу и не желаю говорить парадоксов, а твердо знаю это из

опыта. Совершенно понятным и простым языком ничего дурного нельзя будет написать. Все безнравственное представится столь безобразным, что сейчас же будет отброшено...

1873. Из письма к Пейкер. Письма, т. I, стр. 105.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ, ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку.

1853. Дневник. 16 октября. Соч., т. 46, стр. 286.

Язык должен быть не только понятный или простонародный, но язык должен быть *хороший*. Красота или скорее доброта языка может быть рассматриваема в двух отношениях. — В отношении самых слов употребляемых и в отношении их сочетания <...>

Я советую не то что употреблять простонародные мужицкие и понятные слова, а советую употреблять хорошие сильные слова и не советую употреблять неточные, неясные, необразные слова <...>

Нужно советовать не не пестрить язык, а писать хорошим русским языком, что чрезвычайно трудно.

1860—1863. О языке народных книжек. Соч., т. 8, стр. 427—428.

Как на образец языка, которому поучает «Детский мир», прошу читателя обратить внимание на следующее предложение: «В животном царстве, при всем его огромном разнообразии, ни одно животное не обращает на себя столько *нашего* внимания, как слон». Вся эта, составленная из неясных литературных слов, закрученная фраза значит только: слон чуднее всех животных.

«По величине своей он уступает только одному киту, а понятливостью превосходит обезьяну». Это значит: только один кит больше его, а он умнее обезьяны.

Неужели нужно сказать «уступает и превосходит», неужели нужно учить детей говорить или писать таким образом? Скажешь: *уступает киту ростом и превосходит обезьяну умом* и как будто выходит что-то похожее на мысль, а скажешь: он меньше кита и умнее обезьяны, и очевидно становится, что связаны эти два сравнения решительно ни к чему. Весь язык книги таков. Под напыщенностью и неестественностью фразы скрывается пустота содержания.

1862. Об общественной деятельности на поприще народного образования. Соч., т. 8, стр. 282—283.

Когда вы будете переделывать, не забудьте выправить приемы связей отдельных частей статьи. У вас часто, часто встречаются излишние вступления, как например: «теперь мы обратимся...» или «взглянем...» и т. п. Главное, разумеется, в расположении частей

относительно фокуса, и когда правильно расположено, — все ненужное, лишнее само собой отпадет, и все выигрывает в огромных степенях.

1878. Из письма к А. А. Фету. Изд. «Книга», 1910, т. I, стр. 129.

Если бы я был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог.

1878. Из письма к Н. Н. Страхову от 6 сентября. — Л. Н. Толстой в литературе и искусстве. «Лит. критик», № 11, стр. 88.

Человеческий язык вытесняется все более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк,³ отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный — несуществующими словами называет несуществующие понятия.

1886—1887. О жизни. Соч., т. 26, стр. 319.

Чем более понятно произведение искусства, тем оно выше. Искусство тем более общедоступно, чем оно проще, кратче и потому яснее передает чувство. Точно так же как в области логической мысли, передача ее тем драгоценнее, чем она проще, короче и яснее. Точно так же в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде.

1897—1898. Что такое искусство? (Планы, заметки, наброски), гл. XXIII, Соч., т. 30, стр. 249.

Что часто встречается и чем, мне кажется, часто грешны особенно нынешние современные писатели (все декадентство⁴ на этом стоит), — желание быть особенным, оригинальным, удивить, поразить читателя<...> Это исключает простоту, а простота — необходимое условие прекрасного.

1908. Из письма к Л. Андрееву. Изд. «Книга», 1910, т. I, стр. 334.

О МАСТЕРСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Пиши 1) на черно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей; 2) раз переписывай, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли, — и 3) раз переписывай, исправляя неправильности выражений.

1853—1854. Правила и предположения. Декабрь—январь. Соч., т. 46, стр. 294.

Бирюзовые и бриллиантовые глаза, золотые и серебряные волосы, коралловые губы, золотое солнце, серебряная луна, яхон-

товое море, бирюзовое небо и т. д. встречаются часто (?). Скажите по правде, бывает ли что-нибудь подобное? Капли воды при лунном свете, падающие в море, горят лучше жемчужин, падающих в таз, и ни капли не похожи на жемчужины, ни таз — на море. Я не мешаю сравнивать с драгоценными камнями, но нужно, чтобы сравнение было верно, ценность же предмета не заставит меня вообразить сравниваемый предмет, ни лучше, ни яснее. Я никогда не видал губ кораллового цвета, но видал кирпичного; — глаз бирюзового, но видал цвета распушенной синьки и писчей бумаги. Сравнение употребляется или чтобы, сравнивая худшую вещь с лучшей, показать, как хороша описываемая вещь, или, сравнивая необыкновенную вещь с обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятие.

1852. *Детство*⁵ (Вторая редакция. Гл. 9). Соч., т. I, стр. 177—179.

Как это в медном небе живет и умирает луна, и как это снег блестит как песок? Все это уже не только непонятно, но под предлогом передачи настроения, набор неверных сравнений и слов.

1897—1898. *Что такое искусство?* Гл. X. Соч., т. 30, стр. 99.

Для того, чтобы говорить хорошо то, что он хочет говорить (под словом «говорить» я разумею всякое художественное выражение мысли), художник должен овладеть мастерством.

1889. Из письма к В. А. Гольцеву. Сентябрь. Изд. «Книга», 1910, т. I, стр. 187.

ПРОТИВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело.

1852. *Детство* (Черновые тексты). Соч., т. I, стр. 121.

— Ah, mon cher, (Оленин) мой дорогой, как я обрадовался, узнав что вы здесь! — начал он (Белецкий) на московском французском языке и так продолжал, пересыпая свою речь французскими словами...

И еще и еще сыпались французские и русские слова из того мира, который, как думал Оленин, был покинут им навсегда<...> Так и пахнуло от него всею тою гадостью, от которой он отскочил<...> Он злился на Белецкого и на себя и против своей воли вставлял французские фразы в свой разговор, интересовался главнокомандующим и московскими знакомыми и на основании того, что они оба в казачьей станице говорили на французском диалекте, с презрением отзывался о товарищах офицерах...

1852—1862. *Казак*. Гл. XXIII, Соч., т. VI, стр. 89—90.

Как только представятся мне вместо моей хаты, моего леса и моей любви эти гостиные, эти женщины с припомаженными волосами над подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящиеся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этот лепет гостиных, обязанный быть разговором и не имеющий никаких прав на это, — мне становится невыносимо гадко.

1852—1862. Казаки. Гл. XXIII. Соч., т. 6, стр. 120.

А. П. Чехов

ЯЗЫК КАК ОРУДИЕ МЫШЛЕНИЯ

Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений: без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть и поводов к обогащению языка.

*Из письма к М. О. Меньшикову 12 октября 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 428—429. **

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ¹

...Голос Абогина дрожал от волнения; в этой дрожи и в тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах. Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры, и умирающую где-то женщину. Он и сам это чувствовал, а потому, боясь быть непонятым, изо всех сил старался придать своему голосу мягкость и нежность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, как бы она ни была красива и глубока, действует только на равнодушных, но не всегда может удовлетворить тех, кто счастлив, или несчастлив...

1887. Враги. Соч., т. 6, стр. 30—31.

...То и дело попадают фразы, тяжелые, как булыжник. Напр., на стр. 2 фраза: «он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: «на губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая несколько смущенная улыбка»... «Сажу я верхом на перекладине, вст что хату с чуланом соединяет»... Какая это перекладина?..

* Высказывания А. П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем (т. 1—20). ГИХЛ, М., 1944—1951.

Последнее сказание: знаки препинания, служащие ногами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек.

*Из письма к Н. А. Хлопову 13 февраля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 41—42.*

Радуюсь за Гиляровского. Это человечина хороший и не без таланта, но литературно необразованный. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веруя, что без этих орнаментов не обойдется дело. Он чует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа — это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: нехватает мужества. Подобен он тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а на славянском, хотя и сознают, что русский ближе и к правде и к сердцу.

*Из письма к А. Н. Плещеву 5—6 июля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 131.*

...Берегись изысканного языка.

Из письма к Ал. Чехову 8 мая 1889 г. Соч., т. 14, стр. 362.

Почитываю Ваши стихи. У Вас хорошая душа и стихом владеете, но язык недостаточно прост: надо воли себе давать больше.

*Из письма к В. А. Долгорукову, первые числа июня 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 100.*

...Вы талантливый человек, но Вы отяжелели, или, выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду сырых литераторов. Язык у Вас изысканный, как у стариков. Для чего это Вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И поверхность снега тоже неловкое выражение, как поверхность муки или поверхность песку. Затем встречаются и такие штучки: «Никифор отделился от столба ворот» или «крикнул он и отделился от стены».

*Из письма к Л. А. Авиловой 15 февраля 1895 г. Соч., т. 16,
стр. 214—215.*

Название рассказа «Против убеждения...» — неудачно. В нем нет простоты. В этих кавычках и трех точках в конце чувствуется изысканная претенциозность<...> Я бы назвал рассказ каким-нибудь одним словом: «Розги», «Поручик».

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г. Соч., т. 16,
стр. 234—235.*

...Вашу повесть я прочел <...> Есть 2—3 неловких выражения, которые я подчеркнул <...> «Страсть к графомании» не годится, потому что само слово графомания содержит уже в себе понятие — страсть. И т. д. и т. д.

Из письма к Е. М. Шавровой 17 мая 1895 г. Соч., т. 16, стр. 247.

Младших провизоров нет. Вот должности: провизор, помощник провизора, аптекарский помощник. Все вместе они называются фармацевтами. Доктор бывает хозяином аптеки, но опять очень, очень редко.

Из письма к Е. М. Шавровой,² 19 января 1898 г. Соч., т. 17, стр. 217.

Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п. — такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г. Соч., т. 18, стр. 11—12.

Еще совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву»; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозг, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 сентября 1899 г. Соч., т. 18, стр. 221.

...Ваш Прокаженный говорит:

Стою изысканно одетый,
Не смея выглянуть в окно.

Непонятно, для чего прокаженному понадобился изысканный костюм, и почему он не смеет выглянуть?

Вообще в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает.

Из письма к Б. А. Садовскому³ 28 мая 1904 г. Соч., т. 20, стр. 287—288.

О КРАТКОСТИ

...Краткость — сестра таланта.

Из письма к Ал. Чехову 11 апреля 1889 г. Соч., т. 14, стр. 342.

...Главное Ваше достоинство в больших вещах — отсутствие претензий и великолепный разговорный язык. Главный недостаток — Вы любите повторяться, и в каждой большой вещи Пантелеи и Катерины так много говорят об одном и том же, что читатель несколько утомляется.

Из письма к Н. А. Лейкину 11 мая 1888 г. Соч., т. 14, стр. 110.

Посылаю и твою рукопись <...> Умудрись прежде всего переменить название рассказа. И сократи, брате, сократи! Начни прямо со второй страницы. Ведь посетитель магазина в рассказе не участвует, зачем же отдавать ему свою страницу? Сократи больше, чем наполовину.

Из письма к Ал. Чехову 30 апреля 1893 г. Соч., т. 16, стр. 62.

Прочел «Без догмата» с большим удовольствием. Вещь умная и интересная, но в ней такое множество рассуждений, афоризмов, ссылок на Гамлета и Эмпедокла, повторений и подчеркиваний, что местами утомляешься, точно читаешь поэму в стихах. Много кокетства и мало простоты.

Из письма к В. М. Лаврову⁴ 13 ноября 1893 г. Соч., т. 16, стр. 99.

Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности <...> Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в две-три строки. Частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — и расхолаживают, почти утомляют.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 декабря 1898 г. Соч., т. 17, стр. 375—376.

В своих рассказах Вы вполне художник, притом интеллигентный по-настоящему <...> Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г. Соч., т. 18, стр. 11.

О ВУЛЬГАРИЗМАХ

При сем прилагаю стихотворение, которое просил меня послать в «Северный Вестник» автор студент Гурлянд (русский). Как я ни уверял его, что два раза слово «навоз» в первых строках — слишком жирное удобрение для стихов, он не поверил мне.

Из письма к А. Н. Плещееву 6 октября 1889 г. Соч., т. 14, стр. 408—409.

...На кой чорт в этом теплом, ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как «облыжный», «бутербродный» и т. п. К такой нежной и нервной натуре, каковою я привык считать Вас, совсем не идут эти ернические слова. Бросьте вы их к анафеме, будь они трижды прокляты.

*Из письма к И. Л. Леонтьеву-Щеглову 21 октября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 418.*

...Я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибздииков, мелькающих там и сям на страницах «Жизни».

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 сентября 1889 г.
Соч., т. 18, стр. 221.*

ПРОТИВ ЛЖЕНАРОДНОСТИ

Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича.

Из письма к Ал. Чехову 8 мая 1889 г., Соч., т. 14, стр. 362.

«Мы-ста» и «шашнадцать» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа. Эти «мы-ста» и «шашнадцать» производят на меня всегда впечатление *mouches volantes*,⁵ которые мешают смотреть на ясное небо. Какое-то излишнее и досадное впечатление.

Что еще? Солдат Григорий прощает бабу — это чудесно во всех отношениях и, вероятно, в сценическом тоже. Но зачем он у Вас говорит ерническим языком? Разве это нужно, характерно? Такой великодушный, красивый акт, как прощение, и этот язык в жизни, быть может, и совместимы, но в художественном произведении от такого совместительства пахнет неправдой.

*Из письма к Е. Н. Гославскому 23 марта 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 352.*

О ПРОВИНЦИАЛИЗМАХ, ДИАЛЕКТИЗМАХ

В стихе есть и шероховатости. Например: <...> Течет речка край города и слова «галана», «батька» и проч.

*Из письма к И. А. Белоусову 3 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 352.*

...Всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, ... и проч. — за все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен.

*Из письма к И. Л. Щеглову 22 февраля 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 47.*

Провинциализмы, как «подборы», «хата», в небольшом рассказе кажутся шероховатыми...

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.*

«Латанный» — это не русское, а скорее южно-русское слово. Вы были правы, когда забраковали его, и если бы я теперь читал корректуру, то исправил бы так: «заплатанный».

*Из письма к О. Р. Васильевой 20 марта 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 247.*

«Набрать на платье» — это провинциализм, не русское выражение.

*Из письма к М. В. Полиновскому 11 февраля 1900 г.
Соч., т. 20, стр. 322.*

...Мои «Три сестры» идут чуть ли не ежедневно, к великой досаде, с Вершининым, который вместо «хотя» говорит «хоща».

*Из письма к Л. В. Средину 13 октября 1901 г.
Соч., т. 19, стр. 146—147.*

Зачем вы играете пьесу Горького на о? Что вы делаете?! Это такая же подлость, как то, что Дарский говорил с еврейским акцентом в Шейлоке. В «Мещанах» все говорят, как мы с тобой.

*Из письма к О. Л. Книппер 9 февраля 1902 г.
Соч., т. 19, стр. 244.*

...«Повести и рассказы» получил...

Язык местами <...> провинциален: «Офицеры ревновали друг друга», между тем офицеры могут ревновать женщину друг к другу...

*Из письма к Б. А. Лазаревскому 28 июля 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 121—122.*

О КАНЦЕЛЯРИЗМАХ

...Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны — и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплевываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит.

*Из письма к А. С. Суворину 24 августа 1893 г.
Соч., т. 16, стр. 85.*

Я получил из управления пошлое чиновничье письмо: «Впоследствии письма Вашего и т. д.» Выставлен номер. Не вследствие, а впоследствии. Экая духота.

*Из письма к А. С. Суворину 11 ноября 1893 г.
Соч., т. 16, стр. 98.*

И потянулись длинные периоды: «по мере того»... «исходя из того положения» <...> «ввиду только что сказанного»...

1894. *Анна на шею*. Соч., т. 9, стр. 26.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИНОСТРАННЫХ И РЕДКИХ СЛОВ

...Такой корректной «distinguée» — это пора уже в тираж погашения, как и слово «флирт».

Из письма к Е. М. Шавровой 20 ноября 1896 г.
Соч., т. 16, стр. 396.

В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это не русское слово и в заглавия не годится.

Из письма к Е. М. Шавровой 19 января 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 217.

Я писал Вам <...> о неудобстве иностранных, не коренных русских или редко употребительных слов. У других авторов такие слова, как, например, «фаталистически», проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом. Конечно, тут дело вкуса, и, быть может, во мне говорит лишь излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определенные привычки. Я мирюсь в описаниях с «коллежским асессором» и с «капитаном второго ранга», но «флирт» и «чемпион» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение.

Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 11.

ПРОТИВ ШАБЛОННЫХ СЛОВ, ОДНООБРАЗНЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ ОБОРОТОВ

...Очень хороший рассказ. Одна есть в нем фраза, портящая общий тон, это — слова городского: «в соблазн вводишь казенного человека»: чувствуется натяжка и выдуманность.

Из письма к Н. А. Лейкину 23 октября 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 239.

Читал рассказ нового сотрудника Кулакова <...> Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяных словечек — есть некоторого рода цинизм.

Из письма к Н. А. Лейкину 24 декабря 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 252.

Побойся бога, ни в одном из твоих рассказов нет женщины-человека, а все какие-то прыгающие бланманже, говорящие языком избалованных водевильных инженю.

Из письма к Ал. Чехову между 2 и 5 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 351.

Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине<...> «Афиша на заборе гласила<...> Бледное лицо, обрамленное темными волосами»... Гласила, обрамленное... Это бездарно<...> Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе...

1895. Чайка. Соч., т. 11, стр. 189.

Рутинны приемы в описаниях природы. Рассказ должен начинаться с фразы: «Сомов, видимо, волновался», все же, что раньше говорится о туче, которая улеглась, и о воробьях, о поле, которое тянулось, — все это дань рутине<...>

Рутинность приемов вообще в описаниях: «Этажерка у стены пестрела книгами». Почему не сказать просто: «этажерка с книгами». Томы Пушкина у Вас «разъединяются», издание «д[ешевого] библиотеки» «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете внимание читателя и утомляете его, так как заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого «Гамлета» — это раз; во-вторых, все это не просто, манерно и, как прием, старовато. Теперь уж только одни дамы пишут «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.*

Ваши рассказы<...> можно было бы напечатать где угодно, если бы не язык, над которым Вам, очевидно, придется еще много поработать...

«Вывески, красующейся над дверьми». Почему не просто «вывески над дверью?»

*Из письма к М. Б. Полиновскому 11 февраля 1900 г.
Соч., т. 20, стр. 322.*

О МУЗЫКАЛЬНОСТИ СЛОВА, ФРАЗЫ

В стихе есть шероховатости. Наприм[ер]:

Иль один от скуки ради...

Два предлога: от и ради...

Или: Беседуют два часовых.

Толкуют двое часовых — было бы звучнее и литературнее.

*Из письма к И. А. Белоусову 3 августа 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 352.*

Лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой.

*Из письма к Я. П. Полонскому 18 января 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 18.*

...Вы не работаете над фразой; ее надо делать — в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала». Голубушка, ведь такие словечки, как «Безупречная», «На изломе», «В лабиринте» — ведь все это одно оскорбление. Я допускаю еще рядом «казался» и «касался», но «безупречная» — это шероховато, не ловко и годится только для разговорного языка, и шероховатость. Вы должны чувствовать, так как Вы музыкальны и чутки, чему свидетели — «Забывтые письма».

*Из письма к Л. А. Авилевой 3 ноября 1897 г.
Соч., т. 17, стр. 163.*

...Художественный театр — это хорошее название, так бы и оставить следовало. А Художественно-общедоступный — это нехорошо звучит, как-то трехполенно.

*Из письма к Вл. И. Немировичу-Данченко 6 января 1899 г.
Соч., т. 18, стр. 17.*

...Стихи Чюминой, быть может, и хороши, но ...«один порыв сплошной»! Разве в стихи годятся такие паршивые слова, как «сплошной»? Надо же ведь и вкус иметь.

*Из письма к О. Л. Книппер 9 февраля 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 40—41.*

О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ

...Я должен мотивировать кое-какие поправки в Ваших рассказах... Например, в Вашем «Кто счастливей» начало совсем плохое... Рассказ драматичен, а Вы начинаете с «застрелиться» в самом юмористическом тоне. Потом, «истерический смех» слишком устарелый эффект... Чем проще движения, тем правдоподобней и искренней, а стало быть, и лучше...

*Из письма к М. В. Киселевой 29 октября 1886 г.
Соч., т. 13, стр. 240—241.*

...Ваш рассказ кажется мне великолепным. Публика находит его «туманным», но для пишущего, смакующего каждую строку, подобные туманы прозрачнее крещенской воды. При всем моем старании в рассказе я мог уловить только два неважных пятнышка, да и то с натяжкой: 1) характеристики лиц прерывают картину сна и дают впечатление объяснительных надписей, которые в садах прибавляются к деревьям учеными садовниками и портят пейзажи, 2) в начале рассказа чувство холода несколько притупляется в читателе и входит в привычку от частого повторения слова «холод».

*Из письма к Д. В. Григоровичу 12 февраля 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 281.*

Я учусь писать «рассуждения» и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь.

*Из письма к А. С. Суворину 28 ноября 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 242.*

Это письмо <...> посылается на почту вместе с рассказом <...>. Называется он так: «Скучная история» (из записок старого человека). Самое скучное в нем, как увидите, длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необходимы, как тяжелый лафет для пушки. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его вилыные перед самим собой.

*Из письма к А. Н. Плещееву 24 сентября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 404—405.*

Попросите Жителя не употреблять в фельетонах слово «аппетит»,

*Из письма к А. С. Суворину 28 октября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 424.*

Грузинский совсем уж выписался <...> Ежов тоже выписывается <...> Журю их обоих за мешанистый тон их разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний. Их даже самые лучшие рассказы своим колоритом напоминают мне деревянные лестницы в квартире Пальмина.

*Из письма к Н. А. Лейкину 7 ноября 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 432.*

...В небольшом рассказе кажутся шероховатыми не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова, вроде «разнокалиберный».

*Из письма к А. В. Жиркевичу 2 апреля 1895 г.
Соч., т. 16, стр. 235.*

Затем, частое употребление слов, совсем неудобных в рассказах Вашего типа. Аккомпанемент, диск, гармония — такие слова мешают.

*Из письма к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 декабря 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 376.*

Вы могли бы написать очерк.. «Раненая лось»... Охотники ранили лось, она глядит по-человечьи, никто не решается зарезать ее. Это недурной сюжет, но опасный в том отношении, что трудно уберечься от сентиментальности; надо писать его протокольно, без жалких слов, и начать так: «Такого-то числа охотники ранили

в Дарагановском лесу молодую лось». А если пустите немножко слезы, то отнимете у сюжета его суровость и все то, что в нем достойно внимания.

*Из письма к М. В. Киселевой 3 декабря 1889 г.
Соч., т. 14, стр. 447.*

...Вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете.

*Из письма к Л. А. Авиловой 19 марта 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 345.*

Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление.

*Из письма к Л. А. Авиловой 29 апреля 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 375.*

Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет — писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет. Не следует обсахаривать.

Из письма к Л. А. Авиловой 1 марта 1893 г. Соч., т. 16, стр. 35.

О ЯЗЫКЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

...Каждая рожа должна быть характером и говорить своим языком.

*Из письма к А. С. Лазареву-Грузинскому 15 ноября 1887 г.
Соч., т. 13, стр. 391.*

...Вообразите, что Ваша «Татьяна» написана стихами, и тогда Вы увидите, что ее недостатки получают иную физиономию. Если бы она была написана в стихах, то никто бы не заметил, что все действующие лица говорят одним и тем же языком, никто не упрекнул бы Ваших героев в том, что они не говорят, а философствуют и фельетонизируют — все это в стихотворной классической форме сливается с общим фоном, как дым с воздухом, — и не было бы заметно отсутствие пошлого языка и пошлых, мелких движений, коими должны изобиловать современные драма и комедия и коих в Вашей «Татьяне» нет совсем. Дайте Вашим героям латицские фамилии, оденьте их в тоги, и получится то же самое... Недостатки Вашей пьесы непоправимы, потому что они органические.

Из письма к А. С. Суворину 30 мая 1888 г.¹ Соч., т. 14, стр. 119.

Начало пьесы получил. Благодарю Вас. Благосветлов войдет целиком, как он есть. Вы его сделали хорошо: он утомляет и раздражает с первых же слов, а если публика будет слушать его 3—5 минут подряд, то получится именно то впечатление, какое нужно. Зритель будет думать: «Ах да замолчи ты, пожалуйста!» Этот человек, т. е. Благосветлов, должен действовать на зрителей и как умный, подагрический брюзга и как скучная музыкальная пьеса, которую долго играют. Насколько он удался у Вас, Вы, я думаю, увидите, когда я набросаю первое действие и пришлю Вам.

В Анучине я оставляю фамилию и «все такое», разговор же его надо подмаслить немножко. Анучин натура рыхлая, масленистая, любящая, и речь его тоже рыхлая, масленистая, а у Вас он слишком отрывист и недостаточно благодушен. Надо, чтобы от этого крестного отца веяло старостью и ленью. Ему лень слушать Благосветлова; вместо того, чтобы спорить, он охотнее подремал бы и послушал рассказов о Питере, о царе, о литературе, о науке или закусил бы в хорошей компании.

*Из письма к А. С. Суворину 18 октября 1888 г.⁸
Соч., т. 14, стр. 195—196.*

В пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным...; нужно вольнодумство... Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок.

*Из письма к Ал. Чехову 11 апреля 1889 г.⁹
Соч., т. 14, стр. 342.*

...Ваша «Симфония» мне очень понравилась<...> Это умная, интеллигентная пьеса, написанная отличным языком<...>

Вы, кажется, говорили, что Вашей пьесы не поймет публика, ибо пьеса рисует среду специальную. Читая пьесу, я признаюсь, ожидал пересола, но, кроме «симфония», «опера» и «мотивчик» ничего специального не обрел и посему позволю себе не разделять Ваших опасений.

Елена сделана хорошо, хоть и говорит местами мужским языком. Место, где она вспоминает о певице в Монгейме, вышло недостаточно тепло именно благодаря этой манере выражаться по-мужски<...> Если же впрочем певицы вроде Елены, обмущиваются, то я неправ<...> Больше всего мне понравились I, II и V акты, меньше всего III, где у Милочки нет ни одной сочной длинной фразы, а все какие-то всхлипывания...

Воображаю, как хорошо бы сошла Ваша «Симфония» у нас в Малом театре. У нас умеют разговаривать на сцене — это важно.

*Из письма к М. И. Чайковскому 16 февраля 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 17—18.*

Я прочитал Вашу пьесу<...> У вас много и актов, и действующих лиц, и разговоров<...> Любовь у Вас в пьесе недо-

статочно интимна; она болтлива, потому что женщины много говорят и даже резонируют, даже грубят (гадюка, мерзавка светская, «во мне произошла какая-то реакция») и рискуют показаться неприятными тем более еще, что они не молоды... Любовь неинтимна, женщины непоэтичны, у художников нет вдохновения и религиозного настроения, точно все это бухгалтеры, за их спинами не чувствуется ни русская природа, ни русское искусство с Толстым и Васнецовым. И это, главным образом, оттого, что Вы, быть может, умышленно пишете языком, каким вообще пишутся пьесы, языком театральным, в котором нет поэзии. Компактность, выразительность, пластичность фразы, именно то, что составляет Вашу авторскую индивидуальность, у Вас на заднем плане, а на переднем *mise en scène* с ее шумихой, явления и уходы, роли; Вас, очевидно, так увлекает этот передний план, что Вы не замечаете, как у Вас говорят: «и по поводу этого обвиняемого в воровстве мальчика», не замечаете, что Ваш преподаватель и профессор держат себя и выражаются, как идеалисты в пьесах Потапенко, — короче, Вы не замечаете, что Вы несвободны, что Вы не поэт и не художник прежде всего, а профессиональный драматург.

*Из письма к Е. Н. Гославскому 11 марта 1889 г. ¹⁰
Соч., т. 18, стр. 147—148.*

Новая пьеса, 1 и 2 акты, мне понравилась <...>

Замечаний у меня немного <...> Варя хороша. В первом явлении в языке излишняя истеричность. Надо, чтобы она не острела, а то все у Вас острят, играют словами, и это немножко утомляет внимание, рябит; язык Ваших героев похож на белое шелковое платье, на котором все время переливает солнце и на которое больно глядеть. Слова «пошлость» и «пошло» уже устарели <...> Фамилии «Ратищев и Муратов» слишком песочны, не просты. Дайте Ратищеву малороссийскую фамилию — для разнообразия.

*Из письма к А. С. Суворину 23 января 1900 г.
Соч., т. 18, стр. 306—307.*

...Я прочитал Вашу пьесу — и вот Вам мое мнение <...> Зеленцов очень бледен, совсем не написан, а Роман тронут чуть-чуть и не интересен для актера. Володя хорош, только его нужно бы сделать, мне кажется, еще теплей; и нужно, чтобы он в самом деле занимался теперь или когда-нибудь ранее механикой и чтобы выражения «пар пущен», «заработают теперь колеса» и проч. не были пустыми, а вытекали, так сказать, из глубины <...> Теперь переходу к дамам. Ольга Багрова хороша. Это роль для очень хорошей актрисы. Только сделайте, чтоб она говорила поменьше; она чувствуется с полуслова, с первых строк и была бы просто великолепной, если бы Вы устроили в 3-м или 4-м акте взрыв, если бы ее вдруг на одну минуту взорвало, а затем опять бы тишина. Повторяю, чудесная роль. Наташа говорит очень много, все

в одном тоне, скоро прискучает. Ее следует сделать разнообразнее, богаче. Остальные все уже встречались и раньше, писаны по рутине. Еще что? <...> Все действующие лица говорят одним языком (кроме Ольги), даже «забавно» Романа мало помогает делу. Есть лишние слова, не идущие к пьесе, наприм., «ведь ты знаешь, что курить здесь нельзя». В пьесах надо осторожней с этим что. И т. д. и т. д.

*Из письма к А. М. Федорову 3 ноября 1901 г.
Соч., т. 19, стр. 157—158.*

О РАБОТЕ ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Читайте побольше; Вам нужно поработать над своим языком, который грешит у Вас грубоватостью и вычурностью — другими словами, Вам надо воспитать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке и т. п...

*Из письма к Н. М. Ежову 28 января 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 11.*

...Стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5—6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собою разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила; но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самое его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными...

*Из письма к А. С. Лазареву-Грузинскому 13 марта 1890 г.
Соч., т. 15, стр. 33.*

Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал чорта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно.

Из письма к А. С. Суворину 18 мая 1891 г. Соч., т. 15, стр. 205.

Исправить я мог только корректурные ошибки; «уж» заменил словом «уже», «во весь опор» заменил «во весь дух»; мандолину — цитрой <...> Откиньте конец у эпитафия. Эпитаф придуман очень кстати, но то, что я зачеркнул, излишне удлиняет его.

Из письма к А. С. Суворину 13 декабря 1891 г. Соч., т. 15, стр. 238.

Рассказ хорош, даже очень, но будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой<...> Начинать надо прямо со слов: «Он подошел к окну»... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают.

*Из письма к Л. А. Авиловой 21 февраля 1892 г.
Соч., т. 15, стр. 319—320.*

...Я не хочу признавать рассказов без помарок. Надо люто марать.

Из письма к Ал. Чехову 30 апреля 1893 г. Соч., т. 16, стр. 62.

Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным.

*Из письма к Л. А. Авиловой 15 февраля 1895 г.¹²
Соч., т. 16, стр. 215.*

Мою рукопись благоволите возвратить мне. Придется исправлять во многом, ибо это еще не повесть, а лишь грубо сколоченный сруб, который я буду штукатурить и красить, когда окончу здание.

*Из письма к А. А. Тихонову (Луговому) 16 июня 1896 г.
Соч., т. 16, стр. 334.*

Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны.

*Из письма к В. М. Соболевскому 20 ноября 1897 г.
Соч., т. 17, стр. 174.*

Пожалуйста, пришлите корректуру, так как рассказ еще не кончен, не отделан и будет готов лишь после того, как я перепачкаю вдоль и поперек корректуру. Отделявать я могу только в корректуре, в рукописи же я ничего не вижу.

*Из письма к Ф. Д. Батюшкову 3 января 1898 г.
Соч., т. 17, стр. 207—208.*

Гаев — для Вишневого. Попроси Вишневого, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде, или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневым мы сговоримся, и я впишу все, что нужно.

*Из письма к О. Л. Книппер 14 октября 1903 г.
Соч., т. 20, стр. 154.*

О ВНИМАНИИ К УСТНОЙ РЕЧИ. ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА

Я хочу учиться у Ленского читать и говорить. Мне кажется, что из меня, если бы я не был косноязычен, выработался бы неплохой адвокат. Умею коротко говорить о длинных предметах.

*Из письма к Е. М. Линтваревой 23 ноября 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 239.*

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т. е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим, или же говорим вяло, беззвучно, тускло «уткнув брады», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект <...> У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слышать. На кафедрах у нас сидят зайки и шептуны, которых можно слушать и понимать только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опустили в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул — и больше ничего не сказал. Не что подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому несколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя

одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, *ханжеское* слова, или пошлое красноречие. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере и искусству говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания, — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

1893. Хорошая новость. Соч., т. 8, стр. 499—501.

О ЯЗЫКЕ КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ

...Я прочел 2 критики, касающиеся моей «Степи»: фельетон Буренина и письмо П. Н. Островского. Последнее в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплого участия, составляющего сущность его и цель, оно имеет много достоинств, даже чисто внешних: 1) Оно, если смотреть на него, как на критическую статью, написано с чувством, с толком и с расстановкой, как хороший, дельный рапорт; в нем я не нашел ни одного жалкого слова, чем оно резко отличается от обычных критических фельетонов, всегда поросших предисловиями и жалкими словами, как заброшенный пруд водорослями; 2) Оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочет человек; 3) Оно свободно от мудрствований об атавизме, паки бытии и проч., просто и холодно трактует об элементарных вещах, как хороший учебник, старается быть точным и т. д. и т. д.

Из письма к А. Н. Плещееву 6 марта 1888 г. Соч., т. 14, стр. 51.

Ваша рецензия меня немножко удивила: я и не подозревал, что Вы так хорошо владеете газетным языком. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовал, ибо этот газетный язык мне никогда не давался.

Из письма к В. А. Тихонову 7 марта 1889 г. Соч., т. 14, стр. 326.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Читайте побольше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике. Кстати же запасетесь и знаниями, которые не лишни для писателя.

Из письма к Н. М. Ежову 28 января 1890 г. Соч., т. 15, стр. 11.

Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять.

Из письма к А. С. Суворину 28 февраля 1890 г. Соч., т. 15, стр. 24.

Теперь об «Очерках санитарной статистики». Начну с того, что для популярных статей заглавие это не совсем подходит, ибо содержит два иностранных слова; оно немножко длинно и немножко неблагозвучно, так как содержит много С и много Т. Вы назовите как-нибудь попроще, например: «Заметки врача» или что-нибудь вроде.

Из письма к П. И. Куркину 23 декабря 1899 г. Соч., т. 18, стр. 286.

ОБ УПРОЩЕНИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Володя прав. Умнее писать в слове Владимир *и*, но не *т*. Это совсем лишняя буква. Если б от меня зависело, я упразднил бы и *ять*, и *фиту* (дурацкая буква!), и *ижицу*, и *і*. Эти буквы мешают только школьному делу, вводят в конфуз деловых людей, которым нет времени учиться грамматическим тонкостям, и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики.

Из письма к М. Г. Чехову 18 января 1887 г. Соч., т. 13, стр. 269.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Не знаю языков. Ах, с каким бы удовольствием я себя выпорол! Без знания языков чувствуешь себя, как без паспорта. Учите Стасика трем языкам — не меньше.

Из письма к А. Н. Ленской 15 ноября 1889 г. Соч., т. 14, стр. 437.

Зачем я не знаю языков? Мне кажется, беллетристику я переводил бы великолепно; когда я читаю чужие переводы, то произвожу в своем мозгу перемены слов и перестановки, и получается у меня нечто легкое, эфирное, подобное кружевам.

Из письма к А. С. Суворину 10 мая 1891 г. Соч., т. 15, стр. 199—200.

В. Г. Короленко

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

...Может быть возразят, что литература и проповедь не одно и то же. Я хочу сказать только, что способ аргументации «отразителей» одинаково относился бы и к моральной проповеди. Все дело в том, что литература только шире и разностороннее. Но ее орудие Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования. Всякая современность есть переход от прошедшего к будущему, движение. Она включает сложнейшую систему, сплетение отживших моментов с действующими и только еще зарождающимися. Как ноги уносят человека, положим от холода и тьмы, к жилью и свету, так слово, искусство, литература — помогает человечеству в его движении от прошлого к будущему.¹

Запись в дневнике конца марта 1888 г.

Когда-то англ(ийское) психологическое общество спросило лучших артистов, что они испытывают, играя на сцене — полное ли забвение всего окружающего или сознание своего положения. Огромное большинство действительно лучших артистов ответили, что в самые сильные моменты подъема — они особенно ясно ощущают свою связь с человеческой массой, с зрителями, поднимают эту массу и сами получают от нее своего рода поднимающие импульсы. То же и оратор, и музыкант, и писатель. И это потому, что слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которым он обладает — другим людям. И это до такой степени органически связано с самой сущностью слова, что замкнутое, непереданное, неразделенное, — оно гложет и умалется. В Ваших словах мне чувствуется некоторый умственный аристократизм, который прежде всего вреден для Вашей же работы. Слово — это не игрушечный шар, летящий по ветру. Это орудие работы: он должен подымать за собой известную тяжесть. И только по тому, сколько он захватывает и подымает за собой чужого настроения, — мы оцениваем его значение и силу.

Поэтому автор должен постоянно чувствовать других и оглядываться (не в самую минуту творчества) на то, — может ли его мысль, чувство, образ — встать перед читателем и сделаться его мыслью, его образом и его чувством. И вырабатывать свое слово так, чтобы оно могло делать эту работу (немедленно или впоследствии, — это вопрос другой).²

Из письма к начинающей писательнице от 14 апреля 1904 г.

...Язык, по самой природе своей, есть орудие общения. Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота, — есть великое общественное дело <...> Кроме того, что я чувствую, у художника должен быть вопрос, — как меня почувствуют. Слово не игрушка, а великое орудие жизни...³

Запись в дневнике от 14 апреля 1904 г.

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ СЛОВА И МЫСЛИ

Гениальная поэма остается для нас гениальной поэмой! Но что она значит перед самым даром речи, перед чудным орудием мысли — языком, которого не выдумать никакому отдельному гению, ни даже собранию всех гениев всех народов!⁴

Запись в дневнике от 10 апреля 1898 г.

Слово — не механический звук. Оно живой низший организм речи. Кроме его прямого значения, в нем есть еще какие-то второстепенные, живые подголоски, точно щупальцы у животного. Этими щупальцами оно точно хватается в мозгу за другие, смежные слова, сростается с ними, вырастает органически в молодой мозг, пускает в нем крепкие корни. Но для этого нужно, чтобы оно само было живое, понятное, родное, чтобы оно было неотделимо от понятия. Только тогда понятия ассоциируются в сложный организм речи... Незнакомое еще понятие, данное одновременно с неизвестным же словом, похоже не на семя, дающее ростки на почве памяти и мысли, а скорее на маленькие каменные зернышки, которые нужно механически цементировать друг с другом... Нечто иссушающее и мертвящее, не живой коралловый риф, а мертвый цемент искусственного мола...

1905—1908. Черновая рукопись X гл., I кн. «Истории моего современника». М., ГИХЛ, 1949, стр. 526.

О ЛЮБВИ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

...Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним — и мои понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к своему родному народу, к своей соломенной деревне, к своей стране, которой, хорошо ли, плохо ли, служишь сам. В детях — хочется видеть продолжение себя, продолжение того, о чем мечтал и думал с тех пор, как

начал мечтать и думать — и для них хочется своего родного счастья, которое манило самого тебя, а если — горя, то опять такого, какое знаешь, поймешь и разделишь сам! А тут miss с английским языком и манерами.⁵

Из письма к Е. С. Короленко от 19/31 июля 1893 г.

...И если все-таки останется надолго любовь к своему отечеству, своему языку и своей родине, — то это будет только живая ветвь на живом стволе общечеловеческой солидарности.⁶

Из приложений к дневнику 1903 г.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

...Вот они, те «простые» слова, которые дают настоящую, неприкрашенную «правду» и все-таки сразу поднимают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали. И в этих ширях и даях вдруг встают, и толпятся, и движутся знакомые фигуры, обыденные эпизоды, будничные сцены, озаренные особенным светом.

1905—1908. История моего современника. ГИХЛ, М., 1948, стр. 223.

...Уже раньше, прочитав книгу, я сравнивал порой прочитанную книгу с впечатлениями самой жизни, и меня занимал вопрос: почему в книге всегда как будто «иначе»... Когда первое преклонение перед печатной строкой прошло, я опять чувствовал это как недостаток, и мне стало интересно искать таких слов, которые бы всего ближе подходили к явлениям жизни. Все, что меня поражало, я старался перелить в слова, которые бы схватывали внутренний характер явления.

Там же, стр. 247.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО. ПРОТИВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛЕКТИЗМАМИ И ЖАРГОНАМИ

Рукопись «Без силы» я получил и прочитал. Впечатление она на меня произвела какое-то двойственное. Автор владеет, очевидно, не только народным языком, но отчасти и формами диалектики*. Есть в рукописи места очень характерные, но в общем все-таки рукопись порождает недоумение: что это собственно такое: Публицистическая статья на тему о «кассе», изложение нескольких соображений о том, что мужику «без силы» она не

* Диалектные формы. — *Ред.*

поможет, — все это изложенное народным языком, при этом автор увлекся своим умением излагать «по-народному» и статья вышла ужасно многословна, длинна, исполнена повторений и ненужностей». ⁸

Из письма к Н. А. от 8-мая 1888 г.

Особенно вредит рассказу беспорядочность, растянутость и язык; это какой-то гимназический жаргон. Конечно, в разговорах д[ействующих] лиц он возможен, но от себя автор не должен говорить на жаргоне, а на общелитературном языке.

Из письма к М. Д. Федоровой от 18 июля 1888 г. ⁹

Начну с того, что прочитал я рукопись с большим удовольствием. В ней видно основательное знание описываемого быта, простота, хороший язык, питающийся местным говором как раз в меру, наконец — задушевность тона.

Из письма к М. Е. Селенкиной от конца февраля 1889 г. ¹⁰

...Рассуждение <...> Вашего героя о суевериях и прочем изложено языком совершенно несвойственным крестьянину... В самом рассказе и тон, и язык несколько раз меняются, переходя из подражательного народного изложения к литературному.

1896—1897. Из письма к начинающему писателю. ¹¹

Книга г-на Канивецкого написана на двух языках: текст рассказов, описаний и вообще все, что говорится от автора, — изложено по-русски. Разговоры действующих лиц, черноморских казаков — по-малорусски. На языке этих разговоров, в свою очередь, можно заметить некоторое влияние русского языка, отразившееся в легких, правда, но все-же заметных изменениях. Самый язык, как русский, так малорусский, производит впечатление простоты и безыскусственной свежести. В разговорах действующих лиц вы не встретите той изысканной натянутости и сгущенности разных местных говоров, которые, к сожалению, порой замечаются в произведениях этого рода.

1900. Из рецензии на книгу Н. Н. Канивецкого «Из былого Черноморья». ¹²

ЗА КРАТКОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

...Помнится, еще Лессинг ставит требование, чтобы поэтическая речь возбуждала больше представлений, чем в ней заключено слов. Мне сейчас приходит на память пример, который приводил покойный Тургенев из Пушкина:

В пустыне чахлой и окупой
На почве зноем раскаленной...

Посмотрите, как тут 3-мя, 4-мя штрихами нарисована целая картина: Воображение читателя тронуто, возбуждено этими меткими штрихами и оно само уже рисует остальное. Вы как будто видите и цвет песка, и безоблачное горячее небо, и мрачный профиль дерева, хотя об этом прямо не упоминается. Вот это называется силой стиха. Сила эта состоит в том, что в данной комбинации слов, каждое слово, кроме прямого представления, влечет за собой еще целый ряд представлений, невольно возникающих в уме. У многих из наших начинающих поэтов, наоборот; больше слов, чем представлений.

*Запись в дневнике от 11 июня 1887 г.*¹³

Я, когда оглядываю свою законченную работу, всегда думаю: «а что тут без особенного ущерба можно выкинуть». И никогда еще не раскаивался и не жалел о сокращениях. «Необходимо, чтобы слов было меньше, чем мыслей и картин», — превосходное правило, и если одна и та же основная тема укладывается в очерк и в повесть, то очерк всегда будет лучше повести, а уж роман из того же материала наверное никуда не годится.

*Из письма к С. Н. Миловскому-Елеонскому от 6 мая 1893 г.*¹⁴

...Затем язык какой-то приторный и как будто искусственный, подражательный, «дивчины» и «парубки» точно из малорусского спектакля, а не из жизни, все слишком сентиментально и приподнято...

*1896—1897. Из письма к начинающему писателю.*¹⁵

Избегайте повторений: в «По этапу» у Вас то и дело встречаются эпитеты: «люди странного и страшного вида», а также после каждого описания: «у меня на душе стало гадко, тоскливо и грустно. Хотелось плакать. Было жаль себя и их» и т. д.

*Из письма к С. П. Подьячеву от 28 апреля 1903 г.*¹⁶

Слишком много слов, слишком мало образов и мыслей. «Данитское сказание» — простой пересказ всем со школьной скамьи известного библейского эпизода, сильно испорченного вычурностью изложения: «Но Далила молчала. Слушала их и молчала; она не могла, не хотела ответить и молчала. Слушала их и молчала». Тут просто вместо четырех слов: «Далила смутилась и молчала» — написано двадцать без всякой пользы для художественного впечатления. Совершенно наоборот: такие злоупотребления «фигурой повторения», уместной лишь с большим чувством меры, страшно портят впечатление <...>

Художник вообще дает явление в его конкретности. Когда же приходится вместо явления давать лишь его характеристики от лица автора, — это бессильно и холодно, какими бы искусственными средствами ни придавалась «нервность» авторскому стилю. Читатель сразу же замечает несложный механизм этой «стилизации» и ничему не верит <...>

Основной закон искусства всегда будет — простота. Нужно видеть то, что хочется описать, и нужно описывать с возможной полнотой при возможно меньшей затрате слов. Вы, наоборот, как будто стараетесь затратить слов как можно больше для выражения самых простых и общепонятных вещей.

Из письма к начинающему автору от 31 декабря 1908 г.¹⁷

Вы желаете знать причины отказа: отсутствие простоты, вычурность стиля, искусственно изысканные метафоры, на вид красивые, но не только не поясняющие, а, наоборот, прикрывающие собою сущность описываемого, — все это делает рассказ нежизненным, искусственно-надуманным и неглубоким.

Из письма к М. Ш-у от 9 июля 1912 г.¹⁸

Начало тяжеловато, грузно и пожалуй вяло. Автор слишком подробно комментирует каждый шаг своего героя, не оставляя ничего на долю читательского воображения.. Два первых диалога Стукачева с Трутовской * совершенно не похожи на живой разговор.

Из письма Автору (А. Б. Дерману) от 15 апреля 1913 г.¹⁹

ПРОТИВ НАТУРАЛИЗМА И ДЕКАДЕНТСКИХ ИЗВРАЩЕНИЙ СЛОВА

...Наконец стих и вообще слог часто грешит, — стих против размера, а язык вообще — неправильным употреблением и согласованием слов. Вы, напр., употребляете слово «окрест», как существительное мужского рода — и у Вас звуки будят дремавший окрест. Между тем «окрест» — наречие и значит только «вокруг, около, кругом». Дивиться толпою и движением — тоже нельзя, дивится требует дательного падежа. Глаголу довлеет. — Вы придаете тоже какое-то несоответствующее ему значение. У Вас недуг довлеет и растет (встречается много раз). Достаточно, между тем, вспомнить известное изречение «довлеет дневи злоба его» или «себе довлеющее искусство», чтобы понять, что этот глагол значит «быть достаточным, довольствоваться». Дню достаточно его собственной заботы, искусство довольствующееся само собой, и т. д.

Из письма к П. Лукашевичу от 27 июля 1890 г.²⁰

Тон рассказа какой-то ужасный. «Носом кишки повылазют», «живу курку зубами скубти», «Важное цобе», «громоотводно раскапустисто», «Ерцем — перцем»... Очень может быть, что в каком-нибудь одесском кружке когда-нибудь были в ходу такие словечки и обороты, но на обыкновенного читателя это должно произвести странное впечатление. И дело не в одних отд[ельных] выражениях. Нужно рассказать все это проще,

* Герои рассказа А. Б. Дермана «Комета Галлея» — Ред.

именно без этих «вывертов» <...> проще, жстее, короче, я ска-
зал бы. задушевнее.

*Из письма к Д. Я. Айзмуну от 15 марта 1901 г.*²¹

На расстоянии целых фельетонов он [Вик. Буренин] заменял
прежний веселый шарж простым кривлянием, коверкая от чьего-
нибудь имени русский язык и заставляя злополучных набор-
щиков набирать «шкажал» вместо «сказал» или «прифшкаки-
вать» вместо «привскакивать».

*1904 г. Из рецензии на книгу В. Буренина. «Театр».*²²

Автору можно сделать упрек в значительной неряшливости и
неотделанности работы. Некоторые периоды, особенно в первой
трети, производят впечатление элементарной небрежности, дохо-
дящей иной раз прямо до неграмотности...

...Описаниями, в которых «алтари куска железа» перепуты-
ваются в шероховатых периодах с какими-то непрестанно обжи-
гающими искрами (от которых, однако, «выдыхается гнев») или
с трудом, который «раздавил и рассек» человека, чем и «привел
его к норме», автор наполняет целые страницы. Яркие, колючие
и жгучие слова мелькают в каком-то беспорядочном изобилии,
оставляя впечатление взволнованной торопливости, но не давая
представления об общей картине этого загадочного труда (речь,
повидимому, идет о мелкой торговле старьевщиков), ни о среде.

*1904. «О сборниках товарищества «Знание» за 1903 г.
(Литературная заметка).»*²³

В общем вся эта книга поистине не книга, а жест, только,
если можно так выразиться, «жест лицом», в просторечии назы-
ваемый гримасой. Гримасничают герои, гримасничает автор,
гримасничает переводчик, для «оригинальности языка» перепол-
нивший перевод невероятными германизмами и полонизмами,
гримасничают издатели, снабдившие книгу «обложкой работы
Н. Феофилактова»...

*1904. Из рецензии на книгу С. Пшибышевского
«Ното Sapiens».*²⁴

Стиль [Гольдебаева] — безобразный; попытки придумывать
свои слова, — «кожилился», «шевелюшки», «спопашился», и даже
«к явлениям прикидывается идеологический километр!»

*Из письма к А. Г. Горнфельду от 5 января 1908 г.*²⁵

...Маленькое замечание о языке, а именно о частом употреб-
лении деепричастий: видевши, ушедши (вы пишете ушевши).
Мне кажется, вы несколько злоупотребляете этой особенностью
местной речи. Эта форма встречается широко. В виде «вы-
пивши» проникло даже в литературную речь; а «ушедчи»,
«уснувши» говорят в простонародьи чуть не всюду. Есть места

(кажется, в Олонекской губ. и в некоторых местах Сибири); где ее употребляют распространительно, т. е. говорят не только «выпивши», «уснувши», но и пивши, спавши, гулявши (т. е. не только в прошедшем совершенном, но и в многократном). Он «выпил», «ушел» («выпивши», «ушедши») попадают часто. Он ходил, он пил (ходивши, пивши) — реже и уже кидается в ухо, как особенность. Но это всегда относится к прошедшему времени. У вас эта форма захватывает и настоящее время, и будущее, и даже повелительное наклонение, — «То-то, глядевши!» (т. е.: то-то, гляди!). Это неправильно. «Ловивши уж надо быть» тоже форма сомнительная: она может значить, что люди уже ловили, а у вас выходит, что люди вероятно уже ловят теперь. Кое-где я позволил себе отдельные такие слова исправить, но далеко не везде.

Из письма к В. В. Муйжелью от 15 августа 1909 г. 26

Стих прежде всего — гармония. Он требует, чтобы слова легко и свободно устанавливались в ритмические строки с размером и рифмой на конце. Легкость стиха требует, чтобы слова входили в стих свободно, без натяжек и искажений, как их употребляют в речи. Если их приходится туда втискивать и вколачивать, так что они гнутся и искажаются, — это уже не стих. Поэтому можно легко писать вовсе не легкие стихи. И наоборот — настоящие поэты часто долго заменяют одни слова другими в поисках наиболее подходящего. Вы себе несознательно облегчаете работу тем, что позволяете себе то и дело коверкать слова, и меняя их ударения. Тр-есть вы их вколачиваете в размер насильно. Вот пример на удачу:

На́вёрху Их я́щик сто́ял...
Незрѣмый всё стучáл, стучáл

Или:

Чтò донéсти чудò желáл
В столИцу́ во́ что бы́ ни стáло.

Приходится читать на́вёрху (вместо наверхú), я́щик (вместо ящик), чудò (вместо чúдо), во́ что бы́ (вместо во что́ бы). Так как это встречается постоянно, то получается не гармония, а насилье над речью, не плавность, а ухабы.

Из письма В. А. Г-ву от 4 сентября 1909 г. 27

РАБОТА ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мне надо, чтобы каждое слово, каждая фраза попадала в тон, к месту, чтобы в каждой отдельной фразе, по возможности даже взятой отдельно от других — слышалось отражение главного мотива, центральное, так сказать, настроение. Иногда

это мне дается сразу, с одного размаха, иногда подолгу не могу выждать соответственного настроения.

*Из письма к В. А. Гольцеву от 9 ноября 1887 г.*²⁸

Совершенно с вами согласен: надо было пояснить немного «камин». Избы эти — полуурты, полуизбы, камелек в них — обычная принадлежность. Согласен также, что «представлять представление» очень неудобно. Не столь решительно признаю свою вину относительно движения козы от берега к берегу и, пожалуй, насчет слития слов и улыбки. Думаю, что в столь скромном виде — это слитие еще возможно. — «Да, — улыбнулся он»... Я это считаю законным. Рот участвует и в звуке, и в улыбке. А вот уж «Да, — лягнул он ногой». — неудобно, как и «да, — завозился он на песке». Что касается многословия: «каждый прыжок приближал ее к одному берегу и удалял от противоположного», то тут извинением может служить зрительное впечатление: видишь оба берега, и отношения движущегося предмета меняются к обоим...

*Из письма к Ф. Д. Батюшкову от 25 января 1901 г.*²⁹

...Нужно только стараться писать проще, яснее, без ненужных мудреных слов и разных кудреватостей в слоге. Нужно, чтобы каждая фраза выражала мысль или образ и при том по возможности точно и полно. Таких фраз, как: «пляшущая оргийная сутолока начинает меня злить, раздражая в душе своим нахальством того Цербера, который прикован, как у врат ада, к чувствам моего человеческого достоинства крепкими цепями нервов, присущих каждой человеческой шкуре» и т. д. — следует решительно избегать, потому что тут нет ни мысли, ни картины, а только набор высокопарных фраз. Следует тоже избегать постоянных повторений...

*Из письма к В. И. Д-ву от 12 января 1903 г.*³⁰

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Этот стих [«Кому на Руси жить хорошо» Некрасова], именно вследствие своей легкости, требует некрасовского таланта, метких народных оборотов, ярких картин; нужно, чтобы образы своими переливами скрасили однообразие и монотонность стиха. Нужно, наконец, чтобы стиль был выдержан строго, чтобы фраза, требующая короткости, — была сжата, проста и образна.

*Из письма к И. И. Коллежкому 18 декабря 1887 г.*³¹

Г. Серафимович не новичок в литературе. Если не ошибаемся, уже около 10 лет назад появились в «Русских Ведомостях» его рассказы «На плотях» и «В тундре», в которых изображались картины нашего Севера. Прекрасный язык, образный, сжатый и сильный, яркие свежие описания и набросанные

эскизно и бегло, но все-таки живые фигуры, — все это не прошло незамеченным для тех, что читал эти очерки.

1901. Из рецензии на книгу А. Серафимовича.
Очерки и рассказы. Книга 1.³²

Совершенно другое впечатление — живое, суетливое, довольно яркое, но и довольно пестрое — производит «деревенская драма» в 4-х действиях г-на Гарина...

...Все фигуры намечены талантливой и бойкой рукой, язык — живой, образный, подлинно народный.

1904. О сборниках товарищества «Знания» за 1903 г.
(Литературная заметка).³³

О ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДОВ

Перевод «Низменностей» сделан недурно, хотя кой-где автор слишком уж буквально следует за оригиналом; от этого являются порой чуждые русскому языку обороты и неправильности...

Из письма к М. Д. Федоровой от 7—8 мая 1888 г.³⁴

Переводы с малорусского вообще очень трудны, а Шевченко особенно: близость двух языков не дает переводчику простора, а между тем многие слова, которые так и просятся в перевод, — при всей порой однозвучности дают у нас иные оттенки, чем на языке малорусском. От этого удивительная гибкость, свобода и певучесть малорусского стиха — в переводе совершенно исчезает, и читатель не может свободно отдаться впечатлению: при всей близости перевода — он чувствует, что ощущение совсем не то, и стих то и дело спотыкается, то на сомнительную рифму, то на нерусское ударение, то на натянутое значение слова.

Из письма к В. А. Г-н от 11 апреля 1893 г.³⁵

Вообще, при переводах простонародных говоров я держусь правила, что их не следует переводить простонародными же другого языка. Это, по моему мнению, еще более удаляет от оригинала. Поэтому я думаю, что такие места лучше передаются по возможности простодушными, но не простонародными оборотами речи.

Из письма к Е. В. Миквиц от 4 марта 1902 г.³⁶

РАЗДЕЛ
ТРЕТИЙ

М. Горький

ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры <...>

В мифе и эпосе, как и в языке, главном деятеле эпохи, определенно сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека. «Язык, — говорит Ф. Буслаев, — был существенной составной частью той нераздельной деятельности, в которой каждое лицо хотя и принимает живое участие, но не выступает еще из сплоченной массы целого народа».

Что образование и построение языка — процесс коллективный, это неопровержимо установлено и лингвистикой и историей культуры. Только гигантской силой коллектива возможно объяснить непревзойденную и по сей день глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой. Гармония эта, в свою очередь, вызвана к жизни целостностью коллективного мышления, в процессе коего внешняя форма была существенной частью эпической мысли, слово всегда являлось символом, т. е. речение возбуждало в фантазии народа ряд живых образов и представлений, в которые он облакал свои понятия. Примером первобытного сочетания впечатлений является крылатый образ ветра: невидимое движение воздуха олицетворено видимою быстротой полета птицы; далее легко было сказать: «Реют стрели яко птицы». Ветер у славян — стри, бог ветра — Стрибог, от этого корня стрела, стрезень (главное и наиболее быстрое течение реки) и все слова, означающие движение: встреча, струг, сринуть, рыскать и т. д.

1908. *Разрушение личности.* — М. Горький. *Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, М., Гослитиздат, 1953, стр. 26—27.**

* В дальнейшем указываем это издание сокращенно: Соч., отмечаем соответствующие страницы.

Все явления природы одеты работой нашего разума в слова, оформлены в понятия.

Движение воздуха мы назвали словом «ветер» и, по степени силы его влияния на тело наше, разграничили ветер на тихий, сильный, бурный, теплый, сырой, сухой, жаркий, жгучий. Говоря: земля, мы включаем в это понятие плодородный чернозем, суглинки, супеси, а также бесплодные пески, каменные горы и болота. Каждое наше понятие — результат вековых наблюдений, сравнений, изучений. Работа стихийных сил природы, — насколько наша житейская, трудовая практика успела изучить эту работу, — развилась в разуме нашем способность анализа — умение разъединять как будто бы целое — и способность синтеза — умение соединять как будто бы различные явления в единое, целое. И насколько трудовой опыт развил в разуме нашем способность изучать, познавать, осваивать мир — все в этом мире организовано в формы понятий, представлений, идей, теорий, которые служат нам орудиями дальнейшего познания сил и тайн природы, ее процессов, явлений, полезного и вредного для нашей жизни.

1932. О литературной технике. Соч., т. 26, стр. 329.

Признано и установлено, что искусство слова родилось в глубокой древности из процессов труда людей. Причиной возникновения этого искусства служило стремление людей к организации трудового опыта в словесных формах, которые наиболее легко и прочно закреплялись в памяти, — в формах двухстиший, «пословиц», «поговорок», трудовых лозунгов древности. Искусство слова следовало непосредственно за трудом, в слово включались начала науки о приемах борьбы с враждебными трудовой деятельности людей сопротивлениями природы. Несомненно, что искусство слова должно было явиться на десятки веков раньше всех первобытных религий, — на это указывает тот факт, что древние люди придавали слову магическую силу воздействия на диких зверей и на явления природы.

Рассуждая с тою логически честной прямою, которую внушает разуму честнейший его учитель и организатор — труд, мы имеем право утверждать, что уже в ту пору, когда люди научились владеть членораздельной речью, они осознали себя наиболее мудрыми и совершенными из всех животных. Труд, огонь и речь — вот силы, которые помогли людям создать культуру — вторую природу. Речь не только явилась источником взаимопонимания и тесного общения людей первобытного коммунистического общества, — она возбуждала в людях гордость и радость успехами их труда и, конечно, отражалась на продуктивности труда.

1935. Об искусстве. Соч., т. 27, стр. 442—443.

Известно, что все способности, отличающие человека от животного, развились и продолжают развиваться в процессах труда;

способность членораздельной речи зародилась тоже на этой почве. В глубокой древности речь людей была, разумеется, крайне бедна, количество слов — ничтожно. Создавались и действовали только слова глагольных форм, соответствующие современным: рубить, тащить, поднимать и т. д., слова измерительные: тяжело, коротко, близко, длинно-далеко, горячо-холодно, больно и пр. Даже наименование орудий труда явилось гораздо позднее, уже в ту пору, когда человек нашел возможным командовать кому-то: подай, принеси, положи, отложи...

Речь обогащалась новыми словами в прямой зависимости от расширения трудовых приемов, вызванных возрастающим разнообразием целей труда и сообразно усложнению этих приемов. Легко понять, что эта речь совершенно исключала наличие в ней слов бессмысленных <...>

В глубочайших социальных событиях, развившихся издревле и до наших дней, не должны бы иметь места слова, лишенные смысла, — все они осмыслены правдой или ложью. Ложь и правда развились из одного источника: из общественных отношений, в основе коих заложена эксплуатация труда большинства меньшинством и борьба трудящихся против эксплуататоров. Наиболее усердными и ловкими творцами лжи всегда были теологи, церковники и философы, которые, идя по путям, указанным всевластной в свое время церковью, употребляли гибкую силу иезуитски растленного разума на борьбу против всех ростков подлинной социальной правды <...>

Теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов разоблачен, и хотя скорлупа некоторых, например, слова ад — осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом. Остаются в силе такие церковные словечки, каковы: лицемерие, двоедушие, скудоумие, лихоимство и множество других словечек, коими, к сожалению, утверждается бытие фактов. Поэтому один из корреспондентов моих, утверждая «необходимость изгнать из языка церковно-славянские слова», стреляет мимо цели: изгонять нужно прежде всего постыдные факты из жизни, и тогда сами собою исчезнут из языка слова, определяющие эти факты <...>

Откуда и как являются в языке, основанном на процессах труда, на попытках разъяснения или затемнения все растущей сложности общественных отношений, слова паразитивные, лишенные смысла? Есть очень простой ответ: всякий паразитизм порождается паразитами. Но ответить так — слишком просто, а потому — вредно <...>

...вполне бесспорно, что засорение языка бессмыслицами является отражением классовой вражды, поскольку она приняла формы презрения, пренебрежения, насмешливости, иронии. Феодалное дворянство Англии, Франции вышучивало и осмеивало речь буржуазии, когда буржуазия начала говорить языком

своих — «светских» — философов, своих литераторов и стала более грамотной, более «свободомыслящей», чем дворяне, воспитанные попами. В свою очередь буржуазия издевалась над языком ремесленников, крестьян и обесмысливала его точно так же, как наши крестьяне осмеивали, искажали, обесмысливали слова помещиков, дачников и вообще горожан.

Разумеется, засорение языка паразитивными, обесмысленными словами шло не только по этой линии, — много вреда принесли и приносят в этот процесс бездельники. В поволжских городах засорение языка дрянными выдумками было одной из любимых забав гостинодворских купцов <...>

Новые слова купечество и мещанство по малограмотности своей выдумывало с трудом и незатейливо <...> Словесным хламом обильно снабжали купцов и мещан паразиты: странники по святым местам, блаженные дурачки, юроды типа Якова Корейши, «студента холодных вод», который говорил таким языком: «Не пацы, а бенды кололацы». Огромную роль в деле порчи и засорения языка играл и продолжает играть тот факт, что мы стараемся говорить в Тифлисе фонетически применительно к языку грузин, в Казани — татар, во Владивостоке — китайцев и т. д. Это чисто механическое подражание, одинаково вредное для тех, кому подражают, и тех, кто подражает, давно стало чем-то вроде «традиции», а некоторые традиции есть не что иное, как мозоли мозга, уродующие его познавательную работу <...>

В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры пред нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится одна из главнейших задач нашей советской литературы. Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого.¹ Не надо забывать, что наша страна разноречива неизмеримо более, чем любая из стран Европы, и что, разноречивая по языкам, она должна быть идеологически единой <...>

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, толченный в ступке или протертый сквозь терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; буза — опьяняющий напиток; волынка — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в

быстром темпе; ять, как известно, — буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надобно помнить, что в словах заключены понятия, организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слова, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его.

1934. О языке.² Соч., т. 27, стр. 164—170.

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Что говорил, чему учил старый писатель?

«Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы».

1908. Разрушение личности. Соч., т. 24, стр. 67.

Техника, которой вы обладаете, задачи, которые вы ставите перед собой, — неизбежно и настоятельно требуют большего богатства слов, большего обилия и разнообразия их. Не следует, конечно, пускаться на фокусы <...> не нужно «сочинять» слова, язык наш достаточно гибок и богат — следует глубже всмотреться в него...

1920 годы. Из письма к М. Слонимскому. «Ленинградская правда», 18 июня 1937, № 139.

...русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей.

1928. О том, как я учился писать. Соч., т. 24, стр. 491.

Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью; крепостью.

1930. Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 143.

...нужно, чтоб слова изнутри человека, а не извне наклеивались на него. Это поймать надо, и, когда это будет поймано, тогда органичность произведения явится сама собой, явится язык сильный своей красочностью, потому что наш русский язык в высшей степени благодарен в этом отношении, ярок, удивительно четок и компактен.

1930. Речь на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей. А. М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., Гослитиздат, 1941, стр. 159.*

---

* В дальнейшем указываем это издание сокращенно «Несобранные литературно-критические статьи» и отмечаем соответствующие страницы.

Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и гибкостью, не зря Тургенев назвал его «великим, прекрасным». ³

1934. *О бойкости. Соч., т. 27, стр. 155.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЯЗЫК — ИНСТРУМЕНТ ПИСАТЕЛЯ

Основным материалом литературы является слово, оформляющее все наши впечатления, чувства, мысли. Литература — это искусство пластического изображения посредством слова. Классики учат нас, что чем более просто, ясно, четко смысловое и образное наполнение слова, — тем более крепко, правдиво и устойчиво изображение пейзажа и его влияния на человека, изображение характера человека и его отношения к людям.

1933: *О прозе. Соч., т. 26, стр. 387—388.*

В стихах, присланных Вами, много неправильностей, неверных ударений, язык русский вы знаете неважно, красоту и силу его чувствуете слабо, а это надо знать, надо чувствовать, иначе ничего путного не напишете.

Ваши чувства, ваши впечатления могут быть очень ценны, интересны, но надо уметь их обработать. Представьте, что вам дан кусок хорошей стали и сказано: «Семенов, опиши и отшлифуй кус». А инструментов у вас нет, — что сделаете вы голыми руками?

Язык — инструмент, необходимо хорошо знать его, хорошо им владеть.

1910. *Из письма к Д. И. Семенову. «Литературная газета», 20 декабря 1936, № 71.*

Работа литератора крайне трудна: писать рассказы о людях не значит просто «рассказывать», это значит — рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом. Необходимо найти наиболее устойчивые черты характера в данном человеке, необходимо понять наиболее глубокий смысл его действий и писать об этом настолько точными, яркими словами, чтобы со страниц книги из-за черных ее строк, из-за сети слов читатель видел живое лицо человека, чтоб связь чувств и действий героя рассказа казалась ему неоспоримой. Нужно, чтоб читатель чувствовал: все, прочитанное им, именно так и было, иначе быть не могло.

1914. *Предисловие к «Сборнику пролетарских писателей». Соч., т. 24, стр. 171.*

Молодые литераторы плохо усваивают простейшую истину: язык — это материал, из которого делают стихи, рассказы, романы. Из плохого материала хорошую вещь не сделаешь. Сто-

ляр: «краснодеревец» знает, что из материала, плохо высушенного, даже и при сильном желании и при хорошем умении все-таки сработает плохонькую вещь, не надолго.

1928. *Отзыв о рассказе М. Ершовой. Несобранные литературно-критические статьи, стр. 147.*

Каждое дело, литература также, требует знаний технических, без этого ничего не сделаешь. Литератор работает со своим опытом, который он облекает в слово. Язык — это его инструмент, надо учиться языку, надо расширять свой лексикон, учиться облекать свои впечатления в более совершенную, яркую, простую форму. Это и будет то, что требуется.

1931. *Беседа на расширенном заседании рабочего редсовета издательства ВЦСПС. Соч., т. 26, стр. 80.*

Литератор должен понять, что он не только пишет пером, но — рисует словами и рисует не как мастер живописи, изображающий человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии, в бесконечных столкновениях между собою, в борьбе классов, групп, единиц. Но — в мире нет движения, которое не встречало бы сопротивления. Отсюда — ясно, что кроме необходимости тщательно изучать язык, кроме развития умения отбирать из него наиболее простые, четкие и красочные слова разработанного, но весьма усердно засоряемого пустыми и уродливыми словами литературного языка, — кроме этого писатель должен обладать хорошим знанием истории прошлого и знанием социальных явлений современности, в которой он призван исполнять одновременно две роли: роль акушерки и могильщика.

1933. *О социалистическом реализме. Соч., т. 27, стр. 5—6.*

СВЯЗЬ СЛОВА С МЫСЛЬЮ, ИДЕЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

...Вы пишете такие несуразности: «Мечта о перевороте безжалостно смята царизмом, как бывает сорван порывом бури нежный дух одуванчика».

Революционное движение 1905—1906 годов нельзя и смещно сравнивать с «одуванчиком». Тут уж Вы обнаруживаете малограмотность социальную.

А для того, чтобы разнести семена одуванчика, — не требуется «порыва бури», а достаточно дуновения ребенка.

1930. *Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 133—134.*

Рассказ именно потому и плох, что художественная правда нарушена Вами.

Нарушили Вы ее неудачно выбранным Вами языком. Вы взяли рассказать людям действительный случай озверения

«хозяйственного мужичка», который метит попасть в мироеды, — ради этой цели он предает белобандитам своих односельчан и своих детей, комсомольцев. Совершенно правильно Вы отметили, что хотя герою Вашему жалко жену, убитую белыми, и еще более жалко сына, убитого ими же, — но все-таки это чувство жалости не мешает ему попытаться еще раз повредить советской группе односельчан и в их числе второму сыну, которого он, отец, убивает уже своею рукой.

В той беспощадной и неизбежной борьбе отцов и детей, которая началась, развивается и может окончиться только полной победой нового человека, социалиста, — случай, Вами рассказанный, все же случай исключительный по звериной жестокости отца и по драматизму. Рассказать этот случай Вам следовало очень просто, точными словами, серьезнейшим и даже суровым тоном. Если б Вы это сделали, рассказ Ваш зазвучал бы убедительно и приобрел вместе с художественной правдой социально-воспитательное значение.

Вы рассказали многословно, с огромным количеством ненужных и ничего не говорящих фраз, как, например: «Вздрогнула мортира». «Мортира заплевалась огнем лихорадочно часто». «Замелькали убегающие фигуры. Скрылись в деревню».

Говорить такими рваными фразами не значит изображать — делать описываемое видимым для читателя. Драматизм рассказа такими сухими формами Вы уничтожили.

Участие «мортиры» в бою — весьма сомнительно. Как учитель, Вы должны знать, что «заплеваться» значит — заплевать себя.

Герой Ваш слишком многоречив и психологичен. Он у Вас рассуждает над трупом сына:

«Лучше посмотреть. Может, не он. Может... Нет, он, Алеша. Вот и родинка на щеке. И кудри... такие белые-белые, и кровь грязными сгустками в волосах».

Это — фальшиво. Вы облыжно приписали такие нежности Петру, — люди его типа, чувствуя, не рассуждают. Петр — полу-человек, способный убить сына своего за то, что сын не хочет жить той дикой, звериной жизнью, которой привык жить он, отец.

Когда Вы начинали писать рассказ — Вы знали, каков его конец: Петр убьет Александра. Это обязывало Вас рисовать фигуру предателя и сыноубийцы в тоне именно суровой сдержанности, резкими штрихами, без лишних слов. Вы же приписали Петру мысли и чувства, которые раздваивают его, показывая читателю то сентиментального мужичка, выдуманного писателями «народниками», то — зверя, — и в обоих случаях он у Вас необуздан. Кратко говоря — Вы испортили хороший материал.

1930. Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25,
стр. 144—145.

Журнал наш издается для тех начинающих писать, которые чувствуют, что они по опыту жизни — и даже как бы по природе своей — предназначены для бесед с миром, что они в силах сказать людям нечто свое о жизни — показать людям то, чего они не видят или что они плохо видят <...> Для того, чтоб изображать эти явления ясно, выпукло, убедительно, требуется всестороннее и глубокое знание жизни в прошлом, знание текущей, творимой людьми действительности и знание языка — обширный запас слов, которыми формируются наблюдения, впечатления, чувства, мысли.

Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически ощутимо. Писать надо так, чтоб читатель видел изображенное словами, как доступное осязанию. Такое мастерство возможно лишь тогда, когда писатель сам отлично знает то, что он изображает. Если он пишет недостаточно просто, ясно, значит — он сам плохо видит то, что пишет. Если он пишет вычурно, значит — пишет неискренно. Если пишет многословно, — это тоже значит, что он сам плохо понимает то, о чем говорит.

1930. Цели нашего журнала. Соч., т. 25, стр. 101—102.

Известно, что я, так же как очень многие из современной молодежи, начал работать в литературе, будучи не очень грамотным человеком. Прошло несколько лет, прежде чем я убедился, что, кроме литературы, на другую работу неспособен и что литература — мое любимое дело, моя социальная обязанность.

С этого момента наступают весьма тяжелые дни и ночи, когда я начал испытывать «муки слова», понимать неуклюжесть и разнузданность моего языка, испытывать отчаяние немого, который понимает, как и что надо сказать, но не может говорить просто, ясно — не в силах обработать тяжелую руду житейского опыта в четкие точные формы. У меня и теперь нередко бывают тяжкие часы, дни мучительного ощущения технического моего бессилия, беспомощности. Как всякому честному литератору, как многим из вас, товарищи, эти испытания и пытки даны на всю жизнь.

1933. Первый опыт. «Литературная газета», 23 декабря 1933, № 59.

Можно привести еще десяток книг, — все «продукция» текущего года, — наполненных такою чепухой, таким явным, а иногда, кажется, злостным издевательством над языком и над читателем. Поражает глубочайшее невежество бойких писателей: у них «с треском лопаются сосновые почки», они не знают, что дерево не гниет в воде, у них «чугун звенит, как стекло», пила «выхаркивает стружку», ораторы «загораются от пороха собственных слов» и т. д. — без конца идет какое-то старушечье

плетение словесной чепухи, возбуждая читателя до бешенства, до отвращения к людям, которые все еще не могут или не хотят понять, как огромна должна быть роль писателя в нашей стране, как необходимо честное, строгое отношение к работе со словом и над словом.

В области словесного творчества языковая — лексическая — малограмотность всегда является признаком низкой культуры и всегда сопряжена с малограмотностью идеологической, — пора, наконец, понять это!

1934. Открытое письмо А. С. Серафимовичу. Соч., т. 27, стр. 151.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА И ИСТОЧНИК ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО

Он <Пушкин> собирал песни и в Одессе, и в Кишиневе, и в Псковской губернии — для чего переодевался в платье мещанина, и, изучая народную жизнь, народную речь, ругает свое воспитание «поганым и проклятым». Он учится русскому языку у Крылова, еще больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговков, в трактирах, на постоянных дворах, у солдат.

1909. [А. С. Пушкин]⁴ Соч., т. 24, стр. 94.

На язык обратите серьезное внимание, это Ваше оружие. Всегда учитесь языку у старых писателей⁵ — Тургенева, Лескова, Бунина и т. д. — и у жизни, ныне создающей новую и обновляющей старую речь.

От жизни Вами хорошо взято словечко «доделиста». Умейте различать, что звучит крепко и дано надолго, от словесной пыли, которую завтра бесследно разнесет холодный ветерок разума, любителя точности и ясности.

1925. Из письма к В. Д. Ряховскому от 17 июля. «Октябрь», 1941, № 6, стр. 32.

Он был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи. Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество пословиц, поговорок и артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружая ее. Не знаю, это ли называется «талантом оратора», но слушать его было наслаждением.

1927. Н. Ф. Анненский. Соч., т. 17, стр. 94.

Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа; как надобно обрабатывать его.

1928. О том, как я учился писать. Соч., т. 24, стр. 491.

Всякий материал — а язык особенно — требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, — ясного, точного, красочного, звучного, и — дальнейшего, любовного развития этого лучшего.

1933. *О прозе. Соч., т. 26, стр. 408.*

Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее и — вместе с фактами, явлениями жизни — материал литературы. Одна из наиболее мудрых народных загадок определяет значение языка такими словами: «Не мед, а ко всему льнет». Этим утверждается, что в мире нет ничего, что не было бы названо, наименовано. Слово — одежда всех фактов, всех мыслей. Но за фактами скрыты их социальные мысли, за каждой мыслью скрыта причина: почему та или иная мысль именно такова, а не иная. От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значимости, полноте и ясности, требуется четкий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали «классики», выработывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, и хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», т. е. строем общеплеменного языка. Самой собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей, но остается в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его. Например, в «Плодах просвещения» у Толстого мужик говорит: «Двистительно». Пользуясь этим словом, Толстой как бы показывает нам, что мужику едва-ли ясен смысл слова, ибо крайне узкая житейская практика крестьянина не позволяет ему понимать действительность как результат многовековых сознательных действий воли и разума людей.

1934. *Беседа с молодыми. Соч., т. 27, стр. 212—213.*

Напомню для ясности, что Пушкин высоко ценил язык «московских просвирен», учился у своей няни Арины Родионовны. Замечательнейший знаток речевого языка Лесков тоже учился у няньки, солдатки. И вообще скромные няньки, кучера, рыбаки, деревенские охотники и прочие люди тяжелой жизни определенно влияли на развитие литературного языка, но литераторы из стихийного потока речевого бытового языка произвели строжайший отбор наиболее точных, метких и наиболее осмысленных слов. Литераторы наших дней крайне плохо понимают необходимость такого отбора, и это резко понижает качество их произведений. Отсюда разноречие в споре о качестве, а также

упрямые попытки лентяев и двоедушных хитрецов замаять спор, свести его к вопросам грамматики, тогда как в нашей стране спор о качестве словесного искусства имеет определенный, глубоко социальный смысл.

1934. Беседа с молодыми. Соч., т. 27, стр. 213—214.

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Киршу Данилова, Аксакова, Тургенева, Чехова. Кое-что покажется вам скучновато — читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в псалтыре, в песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту — чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное — это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создает образ двумя, тремя словами.

1900 годы. Из письма к М. Г. Ярцевой. «Искусство и жизнь», 1940, № 3, стр. 14.

Писатель, не обладающий знаниями фольклора — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен.

1904. Из письма к В. Анучину от 7 февраля. М. Горький. Письма в Сибирь. Красноярск, 1948, стр. 44.

...пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и разворачивать слова, крепко сжатые другими, разворачивать их так, чтобы было обнажено скрытое в них, враждебное задачам эпохи, мертвое.

Я очень много учился на пословицах, иначе — на мышлении афоризмами.

1928. О том, как я учился писать. Соч., т. 24, стр. 493.

Я убежден, что знакомство со сказками и вообще с неисчерпаемыми сокровищами устного народного творчества крайне полезно для молодых начинающих писателей. Не одним только мною замечено, что они в большинстве своем, покорно и безусловно подчиняясь действительности, фотографируя ее стихами и прозой, делают это крайне сухо, малокровно, холодненькими словами, а время требует пафоса, огня, иронии. Разумеется, сказки

не могут дать человеку того, что органически чуждо ему. Думаю, что учитель арифметики может быть только очень плохим поэтом. Но сказки помогли бы сильно развить фантазию писателя, заставить его оценить значение выдумки для искусства, а главное — обогатить его скудный язык, его бедный лексикон, который он часто безуспешно и почти всегда уродливо пытается обогащать «провинциализмами», «местными речениями» или придуманными «на скорую руку», мертворожденными словечками.

1929. О сказках. Соч., т. 25, стр. 88—89.

Я не теряю интереса к фольклору. Народные песни, народные сказки, народные легенды, — вообще все народное устное творчество, которое собственно и называется фольклором, — это должно быть постоянным нашим материалом. Я говорю не только о далеком словаре, хотя это ценнейшая книга. Но у нас есть писатели, хорошо взявшие этот фольклор, например, Мельников-Печерский в первом своем (и единственно хорошем) романе «В лесах». Там у него хороший язык. Можно поучиться такому литературному языку, лишенному всяких варваризмов, всяких слов, заимствованных из иностранных языков. Богат Лесков.

У Бунина чистый и точный язык ... Чехов — тоже писатель, у которого в этом отношении следует учиться.

Но, видите ли, учиться литератору у литератора — это одно дело, а учиться литератору у первоисточника — это другое дело. И крестьянским писателям следует главным образом устремить свое внимание на обогащение языка на почве народной русской литературы, прочитать хорошенько сборники старых сказок...

1930. Речь на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей. Несобранные литературно-критические статьи, стр. 158.

С живописью словом, с древней поэзией и прозой трудового народа, — с его литературой, которая в первоначале своем появилась до изобретения письменности и называется «устной» потому, что передавалась «из уст в уста», — с литературой этой я познакомился рано — лет шести-семи от роду <...>

...эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка.

1934. О сказках. Соч., т. 27, стр. 392, 400—401.

Народ наш в части языкового творчества очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобрать то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки.

1935. Речь на Пленуме правления Союза советских писателей от 7 марта. Соч., т. 27, стр. 419.

БОРЬБА ЗА ЯСНОСТЬ И ЧИСТОТУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Очистить язык совершенно необходимо потому, что язык этот есть тот материал, с которым мы работаем, переходим в новую действительность, отражая в словах старое и новое в их непримиримом противоречии.

1930. Речь на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей. Несобранные литературно-критические статьи, стр. 159.

Вы пишете для миллионов, и это обстоятельство не надо упускать из вида. Это обязывает вас к строгой работе, к честному отношению к слову, к яркости, ясности, ко всем тем приемам, посредством которых вы наиточнее передадите ваш опыт, ваши впечатления многомиллионному читателю...

1931. Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. Соч., т. 26, стр. 59.

...наш читатель становится все более классово однороден. Он в праве требовать, чтоб писатель говорил с ним простыми словами богатейшего и гибкого языка, который создал в Европе XIX века, может быть, самую мощную литературу. И, опираясь на эту литературу, читатель имеет право требовать такой четкости, такой ясности слова, фразы, которые могут быть даны только силою этого языка, ибо — покамест только он способен создавать картины подлинной художественной правды, только он способен придать образу пластичность и почти физическую видимость, ощутимость.

Советский читатель не нуждается в мишуре дешевеньких прикрас, ему не нужна изысканная витиеватость словесного рисунка, — жизнь его исполнена эпической суровости и вполне достойна такого же эпически мощного отражения в литературе.

1933. О прозе. Соч., т. 26, стр. 393.

Я указываю на необходимость делать книги, орудия культурного воспитания, простым и точным языком, вполне доступным пониманию наших читателей <...> Я возражаю против засорения нашего языка хламом придуманных слов и стою за четкий образ.

Там же, стр. 400—401.

Нам нужно вспомнить, как относился к языку Владимир Ленин.

Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология.

Необходимо жесточайше бороться против всех попыток снижения качества литературы.

К чему я и призываю всех, кто понимает ее подлинное значение мощного орудия социалистической культуры.

1934. Открытое письмо А. С. Серафимовичу. ⁶ Соч., т. 27, стр. 152.

Время повелительно требует строжайшей точности формулировок, и у нас есть где, есть у кого учиться искусству этой точности. Мы живем в напряженной героической и успешной работе строительства нового мира и живем в состоянии непрерывной войны со старым миром, звериная ненависть которого растет вместе с нашими победами, вместе с нашим, все быстрее растущим влиянием на пролетариат всех стран. Как вся работа нашей партии, наша литература — боевое революционное дело. Ее задача: борьба против прошлого в настоящем и утверждение социалистических достижений настоящего как ступени на высоту социалистического будущего. Выполнимы ли эти задачи посредством многословия, пустословия и набора уродливых слов из мещанского лексикона провинции? Прошу понять: я говорю не о смысле книг, — это дело критиков, — я говорю о необходимости технически грамотного отношения к работе, о необходимости бороться против засорения языка мусором уродливо придуманных слов, о необходимости учиться точности и ясности словесных изображений <...>

...Нет никаких причин заменять слово «есть» блатным словом «шамать» и вообще вводить в литературу блатной язык. Нет смысла писать «бубенчик звеникает», когда имеются более точные звукоподражательные определения: брякает, звякает, бренчит. Я предлагаю молодым литераторам обратить внимание на «частушки» — непрерывное и подлинно «народное» творчество рабочих и крестьян. Много ли мы найдем в частушках провинциализмов, уродливых местных наречий и бессмысленных слов? Отбросив в сторону подражания частушкам, сочиняемые свободомыслящими мещанами и скептически настроенными шутниками, мы увидим, что частушки строятся из чистого языка; и, если иной раз слова в них сокращены, изменены, это делается всегда в угоду ритму, рифме.

Разговорчики о необходимости обогащения русского языка подозрительны по своей искренности и безрезультатности, если не считать положительным результатом засорение языка хламом <...> Повторяю еще раз: идеологически и художественно точное изображение нашей действительности в литературе повелительно требует богатства, простоты, ясности и твердости языка <...>

...Молодым литераторам нашим вообще свойственны «бойкость» и торопливость на пути к славе, этим и объясняется крайняя небрежность их работы. Отрицать сей печальный факт могут только те критики, которые, читая книги, не замечают

резкого разноречия между языком авторов и фактическим материалом книг, между формой и сущностью, между намерением и исполнением. Разноречие это все растет, и чем ярче, красочней, значительней развивается наша действительность, тем более ясно и тревожно слышишь, как тускло звучит язык, как поверхностно, хотя и размашисто, изображается чудесная наша жизнь. Не отрицая обилия молодых талантов, искренно и радостно любясь ими, я все-таки «бью тревогу» и буду неустанно делать это. Честные люди поймут, что это необходимо, и, надеюсь, что, отбросив прочь личные и групповые дразги, они тоже признают — пора признать! — тот факт, что литературная работа должна быть дружным, коллективным боевым делом глубочайшего культурно-революционного значения.

1934. *О бойкости.* 7 Соч., т. 27, стр. 154—160.

Наше оружие — слово, наша обязанность — как можно лучше закалять идеологически, заострять слово и — влагать оружие наше в души и уста пролетариата всех стран.

1934. *Обращение к революционным писателям Китая.* Соч., т. 27, стр. 360.

...все слова рождены деянием, трудом, поэтому язык является костью, мускулом, нервом, кожей фактов, и поэтому точность, ясность, простота языка совершенно необходимы для того, чтобы правильно и ярко изображать процессы создания фактов человеком и процессы влияния фактов на человека.

1935. *Литературные забавы.* Соч., т. 27, стр. 271.

ЗА ПРОСТОТУ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Проще! Короче! И будет сильно, будет красиво.

1907. *Из письма к Д. Айзмону от 20 февраля* — М. Горький. *Материалы и исследования, т. II, Л., 1936, стр. 334.*

Еще раз посоветую: обратите внимание на язык, добивайтесь от него точности, что даст ему силу и красоту.

1904. *Из письма к О. П. Руновой от 8 ноября.* М. Горький. *Материалы и исследования, т. III, Л., 1941, стр. 61.*

У Вас хороший тон, очень задушевный, хороший, простой, — без модных вычурностей язык, — это уже много, и этим нужно дорожить, эти свойства — простоту и задушевность — нужно развивать далее <...>

Однако эти качества Вы можете испортить многословием, склонность к этому тоже есть у Вас. Быть может, это потому, что Вам все кажется, будто Вы говорите читателю недостаточно

понятно, — эта неуверенность должна быть убита. Говорите кратко, просто, как Чехов или Бунин в его последних вещах, и Вы добьетесь желаемого впечатления.

1912—1913. Из письма к П. Н. Сурожскому. М. Горький. Материалы и исследования, т. I, Л., 1934, стр. 317—318.

А писать нужно просто, как будто беседа по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который все поймет, все оценит с полуслова.

В простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги.

1919—1920. Отзыв о пьесе «Помешанный». Там же, стр. 114.

Писать надобно просто и чем проще — тем лучше. Да и — страшнее. Время и новый читатель требуют простоты, ясности. Не думайте, что хорошо звучит такая, например, фраза у Вас: «Муть, рвань облаков и ветер». Да и так ли это? Муть — туман? Да? Ну, какой же туман при ветре? И затем — нужна последовательность: в Вашей фразе ветер должен стоять на первом месте, «рвань облаков» его дело. «Десяток картошек в мундире давным давно растряслись» — здесь читателю надобно подумать, чтоб понять: «растряслись», значит переварились!

Все великолепные вещи — просты и побеждают именно своей мудрой простотой. Луврская Венера — идеальна именно простотой своей. Такой женщины — живой, вероятно, никогда не было в мире. Вот где чудо искусства.

Форма необходима. Чтоб найти ее, нужно отбрасывать лишнее. Вы, молодые писатели, не считаетесь с этим и тратите сотни лишних слов для того, чтобы ими изобразить, вылепить что-то. Но вы не изображаете, а все только рассказываете. Надо понять различие изображения и рассказа.

Я говорю не о «картинности», не об «образности», нет. Это — не худо, но еще лучше, когда то, что Вы написали, делается почти физически ощутимым для читателя.

А в том вся цель искусства слова.

1925. Из письма к В. Д. Ряховскому от 13 октября. «Октябрь», 1941, № 6, стр. 33.

В погоне за красотой я постоянно грешил против точности описаний, неправильно ставил вещи, неверно освещал людей.

«А печь стоит у вас не так», — заметил мне Л. Н. Толстой, говоря о рассказе «Двадцать шесть и одна». Оказалось, что огонь крендельной печи не мог освещать рабочих так, как было написано у меня. А. П. Чехов сказал мне о Медынской в «Фоме Гордееве»:

«У нее, батенька, три уха, одно — на подбородке, смотрите!» Это было верно, — так неудачно я посадил женщину к свету.

Такие, будто мелкие, ошибки имеют большое значение, потому что они нарушают правду искусства. Вообще крайне трудно найти точные слова и поставить их так, чтобы немногими было сказано много, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно»⁸, чтобы слова дали живую картину, кратко отметили основную черту фигуры, укрепили сразу в памяти читателя движения, ход и тон речи изображаемого лица. Одно дело — «окрашивать» словами людей и вещи, другое — изобразить их: так «пластично», живо, что изображенное хочется тронуть рукой, как часто хочется потрогать героев «Войны и мира» у Толстого.

Мне нужно было написать несколькими словами внешний вид уездного городка средней полосы России. Вероятно, я сидел часа три, прежде чем удалось подобрать и расположить слова в таком порядке:

«Волнистая равнина вся исхлестана серыми дорогами, и пестрый городок Окуров посреди ее — как затейливая игрушка на широкой сморщенной ладони».

Мне показалось, что я написал хорошо, но когда рассказ был напечатан, я увидел, что мною сделано нечто похожее на расписной пряник или красивенькую коробку для конфет.

Вообще — слова необходимо употреблять с точностью самой строгой.

1928. *О том, как я учился писать. Соч., т. 24, стр. 489—490.*

Большинство авторов пытается писать «красиво» и для этого употребляют такие «образы», как, например: «Тысячью злых глаз фосфорится гора» или «После этого язык его размяк, тнал каждое лыко в строку» или «Дробью рассыпался пулемет» — простодушный читатель может задуматься: как же это — стреляет пулями, а рассыпается дробью?

Пословица: «Всякое лыко в строку» говорит не о болтливости, не о пристрастии к многословию, а о стремлении человека злорадно, неприязненно подчеркивать всякую мелочь, ничтожные ошибки, оговорки. Знание русского языка у авторов вообще весьма слабо. Их не должно утешать то, что сейчас многие «признанные» писатели тоже плохо знают родной язык.

Почти у каждого можно отметить неправильную расстановку слов, запутанность фразы, неточность ее. Это значит, что автор плохо видит то, о чем он пишет. У одного из авторов «круг бойцов выталкивал из себя в круг», — совершенно ясно, что автор не представляет себе того, что хочет изобразить словами.

Другой навязчиво повторяет одно и то же слово и в шести строках 13 раз поместил слово «били». Ему хотелось, чтобы читателю было страшно, а вышло у него скучно. Он же утверждает, что самое «мудрое» дело — «умирать», должно быть слышал что-то о буддизме и — «kozyрнул».

Щегольство словами, значение которых не совсем ясно щеголяющим, заметно у многих, и это очень плохо.

Надобно учиться писать просто, точно, четко, тогда сама собою появится настоящая красота художественной правды.

1929. *Отзыв о «Библиотеке рассказов о гражданской войне».*
«Известия», 7 июля 1929, № 128.

Настоящая народная песня за внешней красотой, за формой — не гонится, а умеет говорить от души самыми простыми, и, потому, красивыми словами.

1929. *Из письма к А. Агапкиной от 27 марта. М. Горький. Письма к рабочим и писателям. М., 1936, стр. 28 (Библиотека «Огонек», № 55—56.)*

Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова.

1934. *Речь на Первом Всероссийском съезде советских писателей.*
Соч., т. 27, стр. 320.

Толстой? Его «простота» давалась ему — Вы знаете это — тяжелым упорным трудом. Пластичность, скульптурность его письма очень не «проста». Еще более «прост» другой великомученик слова — Флобер.

Без даты. *Из письма к К. Федину. «Литературная газета», 26 марта 1938, № 17.*

Вы пишете: «я много бываю в казарме», было бы точнее, если бы вы сказали: часто и определили время. Такие, вот, мелочи — не пустяки, поверьте мне! Язык должен быть прост и точен, это придает ему силу, рельефность, красочность. Очень советую вам заняться теорией прозы и обогащением лексикона, т. е. — накоплением слов.

1930. *Из письма к Н. Емельяновой, от 19 июля. М. Горький. Письма в Сибирь. Красноярск, 1948, стр. 120.*

Весьма часто Вы ставите слова не в том порядке, как следует: «горничная, с накрахмаленной на голове наколкой». На голове не крахмалят.

Если Вы намерены писать «романы» — Вы обязаны избавиться от подчёркнутых недостатков языка и небрежности, с которой вы работаете.

1930. *Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 135.*

...Вы сознаетесь: «Я не могу писать без фокусов, меня фокусы увлекают, за фразой я забываю цель». Это — плохо. Очень. Сообщите: кому нужна Ваша фраза, строить которую просто и ясно Вы не умеете?

Там же, стр. 140.

Литературный труд — не легкий труд...

...Многие серьезные темы в нашей литературе более или менее скомпрометированы, смяты, изуродованы вследствие торопливости, с которой у нас пишутся книги. Торопливость, пожалуй, нельзя поставить в вину, так как молодежью столько накоплено, что хочется сказать скорее. По этой причине молодые литераторы или недоговаривают или говорят много; стремясь сказать как можно проще, люди запутываются в массе лишних слов.

У нас есть длинные книги, написанные в размере десяти листов, а материала там на два листа — это обычное явление. К экономии слов еще не привыкли. Это технический недостаток, тот же недостаток, из-за которого неумелый плотник изрежет кучу досок для того, чтобы сделать какую-нибудь пустяковую табуретку. Эта неэкономная трата материала объясняется техническим неумением <...>

...Надо учиться писать на малом. Лучше всего учиться на миниатюрах, на маленьких вещах, преследуя при этом цель: как можно меньше слов, как можно экономнее, как можно плотнее их составить так, чтобы было понятно и ясно, «чтобы словам было тесно — мыслям просторно».

1931. Беседа на расширенном заседании рабочего редсовета издательства ВЦСПС. Соч., т. 26, стр. 74, 80.

С языком вообще происходит то же самое, что с нашими костюмами. Мы не так одеваемся, как должны одеваться. Нужно одеваться ярче. К чему эти серые и черные пиджаки? Нужно голубое, зеленое, красное, синее, чтобы, когда идет демонстрация, сверкала радуга. Это подымает настроение. Наши костюмы не отвечают внутреннему настроению, тому размаху творчества, которым живет страна, и точно то же происходит и с языком: язык отстает.

1931. Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. Соч., т. 26, стр. 62.

Автору надо отучиться от короткой фразы, она уместна только в местах, в моментах наиболее напряженного действия, быстрой смены жестов, настроений.

А вообще фраза должна быть плавной, экономно построенной из простых слов, притертых одно к другому так плотно, чтоб каждое давало читателю ясное представление о происходящем, о постепенности и неизбежности изображаемого процесса.

1930 годы. По поводу рукописи молодого автора. «Литературная газета», 11 ноября 1933, № 52.

Дело в том, что стих требует точности и малословия, сжатости, экономии слова. Это очень хорошо, потому что без этой экономии, без этой сжатой, крепкой фразы — не сделаешь произведения в достаточной мере сильного и звучного, красивого.

Но не нужно забывать: для того, чтобы писать стихи, нужно очень хорошо знать язык.

1931. Беседа на расширенном заседании рабочего редсовета издательства ВЦСПС. Соч., т. 26, стр. 87.

Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено — тем больше придает фразе силы и убедительности.

1933. О прозе. Соч., т. 26, стр. 403.

Материал ваш требует простого языка, строгой и точной фразы. Примите мой дружеский совет: прочитайте томика два маленьких рассказов Чехова и Мопассана, посмотрите, как они умели «показать товар лицом, не украшая его фольгой и мишурой, а только оттеняя его внутреннюю добротность».

1933. Из письма к Г. Н. Гриневу. М. Горький и А. Чехов. М., 1951, стр. 177.

Чему нужно учиться? Экономии и точности языка, освобождению, счищению его от неудачных, грубых провинциализмов, местных, а также и словесных фокусов, сочиняемых молодежью из побуждений, должно быть «эстетических», напр. «Аспидно расцветал шиповник», «голос звучал уверенно как замаскированная пощечина», «незримо, как звон стрел». Точность и сжатость языка, это — прежде всего и только при соблюдении этого условия возможно создать выпуклый, почти физически-ощутимый образ. Я знаю, что это — не ново, но еще лучше я знаю, что это не усвоено...

1933. Из письма к К. Павленко от 1 января. «Правда», 18 июня 1938, № 166.

— *Каким должен быть язык политотдельской газеты?*

— Каким? Чем проще, тем лучше, товарищи. Настоящая мудрость всегда выражается очень просто, — Владимир Ильич Ленин яркое свидетельство этого. Чем проще язык, чем образнее язык, тем лучше вы будете поняты. Вы будете работать в среде людей не очень грамотных, людей, круг мышления коих все еще весьма узок, люди эти веками приучены мыслить по сезонам: весной, летом, осенью, а зимою можно думать «сокращенно», ибо работы мало или совсем нет. Но эти люди имеют некоторое — и не малое — преимущество пред вами; они мыслят конкретно, реалистически, в грубой зависимости от явлений природы, и они говорят между собою образным, весьма ярким и метким языком. О крестьянстве можно сказать, что оно мыслит прерывно, от случая к случаю. Вы орудуете множеством отвлеченных философских понятий, вы люди сплошного, непрерывного мышления, вы обдумываете все явления жизни, ваш круг внимания к ней значительно шире, но язык ваш — книжный и газетный язык — труден для понимания крестьянства. Поэтому, имея дело с людьми образного языка, вы должны уметь пользоваться этим языком.

Надо взять крестьянский язык, язык образов, язык пословиц, поговорок, и этим языком бить. Я говорю «бить», как будто речь идет о враге, но ведь вы едете на работу расширения умственного горизонта «крестьянской» массы, это — борьба, и — не легкая. Вам придется иметь дело с бытовыми — социальными — предрас-судками, придется учить товарищескому отношению людей друг к другу, бережному отношению к машинам, придется доказывать, что в нашей стране не существует «казенного» имущества, кото-рое можно и не беречь. Нужно рассказать умело и образно о том, сколько за десяток лет правительство дало деревне различных машин, сколько удобрений, сколько построено заводов и фабрик, обслуживающих сельское хозяйство, нужно рассказать о героизме рабочих и еще о многом, как вы это знаете. Все это требует пре-дельной ясности и убедительности языка.

1933. Речь на совещании редакторов политотдельских газет. Соч., т. 27, стр. 67—68.

Техника литературной работы сводится — прежде всего — к изучению языка, основного материала всякой книги, а осо-бенно — беллетристической. Французское понятие «бель легр» по-русски значит — красивое слово. Под красотой понимается такое сочетание различных материалов, — а также звуков, крас-сок, слов, — которое придает созданному — сработанному — че-ловеком-мастером форму, действующую на чувство и разум как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость пред их способностью к творчеству.

Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют кар-тины, характеры, идеи книг. Для писателя — «художника» необ-ходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря и необходимо уметь выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова. Только сочетание таких слов и правильная — по смыслу их — расстановка этих слов между точками может образцово оформить мысли автора, создать яркие картины, вылепить живые фигуры людей настолько убедительно, что читатель увидит изображенное автором.

1933. О социалистическом реализме. Соч., т. 27, стр. 5.

Нужно учиться писать о людях и жизни так, чтобы каждое слово пело, светилось, чтобы лишних слов во фразе не было, чтобы каждая фраза совершенно точно и живо изображала читателю именно то, что вы хотите показать. Есть очень серьезная разница между умением показывать и рассказывать. Разница эта для вас пока еще неуловима, объяснить вам ее крайне трудно. Вы поймете ее тогда, когда накопите больше разнообразных впечат-лений и необходимого для литераторов запаса слов.

1934. Из письма к Пионерскому литкружку 6-й Ф. З. Д. в Иркутске от 9 августа. М. Горький. Письма в Сибирь, Красноярск, 1948, стр. 138—139.

«В тот час, что на рейдах сы-
рых корабли
Вели лоцмана через мели...»

«Высокие волны, *поднимаясь из
бездны*, с оглушительным ре-
вом обрушиваются о песчаный
берег».

«Старая изба с покоробленной
крышей»...

Какие корабли? Откуда на
рейдах мели? «Сырые» рейды, —
могут ли быть сухие?

Волны не «поднимаются из
бездны», ветер захватывает
лишь верхние слои воды, очень
неглубоко.

Если крыша соломенная
или тесовая — она не покоро-
бится.

*Пометки на рукописях молодых авторов. «Красная газета»,
17 июня 1937, № 133.*

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ. БЛАГОЗВУЧИЕ

«Жестокость без костей» — очень тонкая вещь, должно быть, но обнаруживает путаницу в голове автора и незнакомство его с духом и музыкай языка.

*Из письма к неизвестному, без даты. М. Горький. Материалы
и исследования, т. I, Л., 1934, стр. 340.*

Иногда автор пытается говорить своими словами: «Капают капли с крыш в прозрачном воздухе; как капли, упадают один за другим удары великопостного колескола». Этих «как ка» можно найти сотнями на страницах скучной книги Новикова. Восемьдесят лет тому назад А. С. Пушкин, написав «грузинка — красивая» просил друга исправить некрасивое соединение слогов — «инка кра» — ныне все говорят и пишут о красоте формы и беззаботно искажают русский язык.

1912. Рецензия на книгу И. Новикова «Рассказы». Там же, стр. 95.

Вы не обидитесь, если я скажу вам, что ваш хороший очерк написан небрежно и прескучно?

Первые же два десятка слов вызывает у меня это, вполне определенное, впечатление скуки, и не могут не вызвать, ибо посмотрите, сколько насыпано вами свистящих и шипящих слогов: св, с, сл, со, ше, щя, че, че, затем четыре раза сядет в уши один и тот же звук — ог, от, ог, од.

Трижды в одном предложении Вы употребляете слово «сторона», в нем же даете три числительных — «одной», «двух», «четвертой», и все это нагромождено в двадцати двух словах.

Нет музыки языка и нет точности, хотя сказано: «одной стороной», «с двух сторон», «четвертой стороной», — может быть, это хорошая геометрия, но — плохая пластика, и я площадь эту не вижу, не вижу потому, что ее границы показаны очень небрежно.

Две линии мещанских домов — это будет улица, а затем, один ее конец уйдет в поле, другой упрется в торговые ряды — и для площади нет места.

Вот это, если Вы позволите, я бы и назвал небрежностью, и очерк Ваш преизобилует этим: все русский язык и вдруг «перпендикулярно», а дядя Терешко у Вас идет, не встав на ноги. Как сидел, так и пошел.

А за слогосочетаниями Вы совершенно не следите: «вшихся», «вшимися» — очень часты у Вас. Все эти «вши», «щи» и прочие свистящие и шипящие слоги надобно понемножку вытраивать из языка, но во всяком случае, надобно избегать их, по возможности. «Слезящийся и трясущийся протоиерей» — разве это хорошо, метко?

1912. Из письма к К. А. Треневу. «Молодая гвардия», 1936, № 8, стр. 129—139.

— Вы часто допускаете грубые слова, — должчо быть потому, что они кажутся вам сильными? Это — бывает.

Я сказал, что — знаю: грубость свойственна мне, но у меня не было ни времени обогатить себя мягкими словами и чувствами, ни места, где бы я мог сделать это.

Внимательно взглянув на меня, он <В. Г. Короленко> продолжал ласково:

— Вы пишете: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться. Раз это так»... Раз — так, — не годится! Это — неловкий, некрасивый оборот речи. Раз так, раз этак, — вы слышите?

Я впервые слышал все это и хорошо чувствовал правду его замечаний <...>

Короленко первый сказал мне веские человечески слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов, и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело.

1923. Время Короленко. Соч., т. 15, стр. 15—16.

Молодые писатели ничего, кроме газет, не читают и, оглушенные сухим треском языка статей газетных, совершенно не слышают звуковых капризов языка живой речи.

Указывая одному литератору, автору большого романа, на то, как из двух слов, неосторожно поставленных рядом, образуется ненужное и, часто, смешное третье, я напомнил ему поговорку: «Кишка кишке кукиш кажет». Он опубликовал беседу со мною и повторил поговорку в таком виде: «Кишка кишке кажет кукиш», не заметив, что из двух последних слов поговорки в третий раз

образована «кишка-же», — игра языка, которая и делает поговорку интересной помимо ее образности. Такая глухота весьма обычна у молодых писателей.

1928. *О начинающих писателях. Соч., т. 24, стр. 413—414.*

Не упоминайте слова «выглядеть». Это слово сделано плохо и не по-русски. Следите, чтобы конечный слог слова не сливался с начальным другого, образуя ненужное третье, напр. «как ка-мень», «бреду ду-мала» и т. д. Если решили писать — внимательнейше, неумолимо, упрямо изучайте язык.

1928. *Из письма к Н. В. Чертовой. М. Горький и сибирские писатели. Новосибирск, 1950, стр. 124.*

Избегайте таких слогов, как: «щущих», «щая», «щей», «вшей», а также вообще свистящих и шипящих везде, где они не звукоподражательны. «Трепещущая тишина» не изображает тишины, потому что слога «щу», «ща» слишком определенно звучат.

1930 годы. *Из письма к М. Шошину. М. Горький. Письма к рабочим и писателям. М., 1936, стр. 25. (Библиотека «Огонек», № 55—56.)*

Почему нужно писать «тутовый» вместо — здешний? Есть тутовое дерево и есть тошнотворное достаточно уродливое словцо — «тутошний», — зачем нужно еще более уродовать его? Иногда нелепые слова говорят о глухоте сочинителя, о том, что он не слышит языка: «И с уса висела калашная крошка» — при чем здесь Исус? «Леночка обнажает глаз папироски» — чей глаз? Ее, Леночки, или — папироскин глаз? Возможен ли солдат-«пехотинец», который не знал бы, что такое «дуло» винтовки? «Пехотинцы» у Белого поют:

В пуп буржуй дилембей (?)
Пулей, а не дулом бей.

И еще:

Как ходил я в караул.
Щеку унтер дулом вздул.

Крестьянин, даже косноязычный, говоря о войне, о бое, никогда не скажет: «избой всемирный». И — никто никогда не ходил «в рогорогие кустарники, вереща пяткой».

...иногда набор «нелепых» слов Белого превращается в набор пошлейших. Возможно, что он этого не чувствует. Он — эстет и филолог, но — страдает глухотой к музыке языка и, в то же время, назойливым стремлением к механическому рифмачеству. Может быть — слишком смело и даже обидно назвать А. Белого глухим? Но, ведь, глухота не порок для математика, а Белый относится к музыке слова, как Сальери Пушкина относился к музыке Моцарта. Ему приписывается некоторыми литературо-

ведами «музыкальность сказа», которая выражается им в таких формах, как, например: «Трески трестов о тресты под панцирем цифр; мир растрещина фронта, где армии — черни железного шлема — ор мора: в рой хлора, где дождиком бомб бьет в броню поездов бомбомет; и где в стали корсета одета — планета».

Андрей Белый называет это нагромождение слов — стихами. В старину такую рифмованную трухой угощали публику ярмарок «балаганные деды»...

1933. О прозе. Соч., т. 26, стр. 394—395.

В борьбе за высокое качество прозы и поэзии мы должны обновлять и углублять тематику, чистоту и звучность языка.

1934. Заключительная речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей от 1 сентября. Соч., т. 27, стр. 350.

О ПОДЛИННОМ И ЛОЖНОМ НОВАТОРСТВЕ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКА

Пока что — ваш «Пруд» — как ваш почерк, — нечто искусственное, вычурное и манерное.

Порою — прямо противно читать — так это грубо, нездорово, уродливо и — намеренно уродливо, вот что хуже всего.

А вы, видимо, талантливый человек и, право, жаль, что входите в литературу точно в цирк, — с фокусами, а не как на трибуну с упреком, мезтью.

Ведь обработай вы свой великолепный материал в эпическом спокойном тоне — все бы люди вздрогнули от ужаса, стыда и негодования.

Но вы предпочитаете баловаться, как гимназист, который бьет мух Библией.

Извините за непрошенный и дерзкий, — м. б., — отзыв, но красоту я люблю и силу люблю, — мне обидно, когда человек со вкусом делает бураки из бересты и фольги, будучи способен создать крупное и важное.

1905. Из письма к А. М. Ремизову от 2 июля. «Литературный современник», 1933, № 1, стр. 151—152.

Истинная поэзия — всегда поэзия сердца, всегда песня души, она редко философствует и стыдится рассуждать.

У Вас в таких стихотворениях, как например «Осень», избыток литературного «дендизма», которым гг. эстеты отравляют русскую поэзию и портят русский язык. Этот «дендизм» выражается на Руси не подчеркнутым вкусом к слову, не грацией неожиданных созвучий, но расшатанностью ритма и провинциальной манерностью. Поэзия гг. эстетов — титулярная советница из Калуги в парижском платье, она еще не умеет носить его незаметно для себя самой.

Поверьте мне, сударыня, что этот дендизм — платье с чужого плеча, он заимствован от изящной души француза, но — француз-

зом: нужно родиться; им не сделаешься, как это доказывают нам бесплодные усилия русских стихотворцев быть похожими на Клоделя, Фора и других законодателей стиля. Стиль для Вас, как мне думается, то, чего вы еще не чувствуете.

Когда в одном и том же стихотворении встречаются два столь далекие друг от друга слова, как — не русское — «блик» и — очень русское — «клоп», я говорю, что здесь нет стиля, нет и единства. На мой взгляд только ирония позволит сблизить столь далекое...

1915. Из письма к В. Гаккель-Аренс. Материалы и исследования, т. 1, Л., 1934, стр. 265.

«Поле ли» — «пролили», «ветерком оне» — «гомоне» — это напрасно считается «изысканностью». Это более удобно для юмористической поэзии, это то же самое, что:

Станция Куокала
Сердце мне раскокала

и прилечивает старикам Минаеву, Курочкину¹⁰. Рядом с такой «виртуозностью» вы рифмуете: «дымные» — «переливные». Не годится, сударь! Конечно, 19 лет многое объясняют, но, взявшись за серьезное дело, растите скорей<...>

Писать «крылышки» — «мокры лужки» стыдно! Это не поэзия, а фокусничество, и ему нет места в поэзии. Дм. Минаев все равно останется непревзойденным современными словотерами, все фокусы сделаны им:

Зазвонил к обедне колокол,
Кот в то время молоко лакал,

это искуснее «крылышки» — «мокры лужки»...

Из письма к Д. Семеновскому. — Д. Семеновский. М. Горький, М., 1938, стр. 20—21.

С печалью вижу, как мало обращает внимания молодежь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности, редко удивляя и почти никогда не убеждая.

1920 годы. Из писем к К. Федину. — К. Федин. Горький среди нас, ч. 2, М., 1944, стр. 147.

Почитайте хорошенько старых мастеров: Пушкина, Лермонтова и т. д. Не бойтесь их, — идеологически они вам повредить не могут, а технически — очень поспособят. Модниками и фокусниками слова не увлекайтесь. Правда и простота — родные сестры, а красота — третья сестра.

1927. Из письма к А. Северному. «Красное студенчество», 1927—1928, № 9, стр. 70.

Чтобы писать, язык надо знать. И не только знать, но и новые слова создавать, ибо появились у вас новые понятия. Я за учебу! Учиться надо и учиться! Как токарь точит железо, так вам надо учиться обтачивать свой опыт. Писать надо так, чтобы образ физически ощущался.

*1928. Речь на собрании комсомольцев от 11 июня.
«Известия», 12 июня 1928, № 134.*

Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов — лексиконы — Гоголя и Чехова, Тургенева и, например, Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова <...> В романе «Вор» он совершенно неоспоримо обнаружил, что языковое богатство его удивительно; он уже дал целый ряд своих, очень метких слов, не говоря о том, что построение его романа изумляет своей трудной и затейливой конструкцией. Мне кажется, что Леонов — человек какой-то «своей песни», очень оригинальной, он только что начал петь ее...

1928. О том, как я учился писать.¹¹ Соч., т. 24, стр. 491.

Будучи старым мастеровым литературного дела, которому все вы служите, я полагаю, что мне следует говорить именно об этом, нашем мастерстве <...>

Над словом у нас работают мало, язык плохой, писателя от писателя трудно отличить, нет характерного языка; нет того, чем, например, Лескова легко отличить от Глеба Успенского, или Гаршина от Бунина. Этого нет. А это должно быть. В неисчерпаемой сокровищнице русского языка, народного русского языка, для всякого писателя вполне достаточно таких слов, в которых он найдет яркое, сильное, четкое оформление для своего материала.

1930. Речь на Первом Всесоюзном съезде крестьянских писателей. Несобранные литературно-критические статьи, стр. 157—158.

Я думаю, что такие работы, как «Язык селькора»¹², преждевременны и даже могут оказать немалый вред нормальному росту языка. В работе Вашей желаемое предшествует существу и торопливость выводов, основанных на материале сомнительной ценности, ведет к тому, что Вы принимаете «местные речения», «провинциализмы» за новые, оригинальные словообразования, — тогда как материал Ваш говорит мне только о том, что великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово — искажаются и «вульгаризируются».

Этот процесс вульгаризации крепко и отлично оформленного языка — процесс естественный, неизбежный; французский язык пережил его после «Великой революции», когда бретонцы, нормандцы, провансальцы и т. д. столкнулись в буре событий; этому процессу всегда способствуют войны, армии, казармы <...>

Мне тоже приходится читать очень много писем рабселькоров, «начинающих» литераторов, учащейся молодежи, и у меня именно такое впечатление: русская речь искажается, вульгаризуется, ее четкие формы пухнут, насыщаясь местными речениями, поглощая слова из лексикона нацменьшинств и т. д., — речь становится менее образной, точной, меткой, более многословной, вязкой, слова весьма часто становятся рядом со смыслом, не включая его в себя. Но я уже сказал, что это — процесс естественный, неизбежный и, в сущности, это — процесс обогащения, расширения лексикона, но покамест, на мой взгляд, еще не процесс словотворчества, совершенно сродного духу нашего языка, а — механический процесс.

Вы, как вижу, думаете иначе. Вы торопитесь установить и утвердить то, что Вам кажется словотворчеством; чисто внешнее обогащение речи Вы принимаете как творчество. Весьма много людей буржуазного класса нашего говорили по-французски, но это отнюдь не делало их более культурными людьми <...>

Все это сказано мною из опасения такого: если мы признаем, что процесс механического обогащения лексикона и есть процесс творчества новой речи, будто бы отвечающей вполне согласно новым мыслям и настроениям, — мы этим признанием внушим рабселькорам и молодым литераторам, что они достаточно богаты словесным материалом и вполне правильно «словотворят». Это будет неверно, вредно.

1930. Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 141—143.

Мы живем в эпоху революции, когда в язык входят новые слова. Слово «универмаг» стало обычным. Если бы вы сказали его пятнадцать лет назад, на вас бы вытаращили глаза. А сколько таких слов стало теперь! Новые слова будут возникать и впредь.

Но рядом с этим не следует забывать и коренного речевого русского языка. Иногда нужно почитать былины, сказки и вообще хорошо знать язык, которым говорит масса. В нем очень много звучного, емкого.

Сейчас на всех участках нашей огромной страны происходит этот процесс реорганизации языка, процесс стирания некоторых слов, полного их уничтожения, появления на их месте новых слов.

Наряду с этим идет огромный процесс создания совершенно новых словесных форм, новых пословиц, частушек, басен, анекдотов, и пр. Все это нам следовало бы собрать. Через наших краеведов нужно попробовать это сделать. Вам не мешало бы последовать примеру рабкора Лаврухина¹³: следовало бы записывать выражения, которые кажутся вам значительными своей звучностью, емкостью, меткостью.

У нас нацменьшинства понемногу вводят свои словечки, и мы их усваиваем, потому что они удобны по своей звучности, емкости, красочности. В этом взаимопроникновении языков наш

язык будет очень обогащен. Кроме того, мы сами, литераторы, обязательно будем заниматься созданием новых слов, словотворчеством. Это естественное наше дело — организация литературного языка. Этого требует сама действительность. В тот лексикон, которым мы сейчас обладаем, она плохо укладывается. Этот лексикон надо расширить, а также и тон надо поднять, чтобы выразить героике действительности. Это, конечно, создается не сразу, не в год и не в два.

*1931. Беседа с молодыми ударниками, всенедельными в литературу.
Соч., т. 26, стр. 66.*

Пишете вы — на мой взгляд — в достаточной мере технически умело, фраза у вас простая, четкая, и все слова почти всегда стоят на своем месте, не мешая читателю понимать и даже видеть все то, что вы изображаете.

«Почти всегда» — говорю я, это значит, что — не всегда. Порою, в поисках наибольшей яркости, а может быть и по небрежности, вы допускаете кое-какие промахи и даже нелепости. Например: на 1-й стр. «искрящийся свист», — не говоря о том, что слова эти, поставленные рядом, звучат плохо, они дают и неверное представление: свист — не смех, он не «искрится», это звук непрерывный, режущий ухо, металлический, он пронизывает воздух как длинная острейшая игла. «Облако, похожее на беркута» — напоминает слова Треплева, одного из героев «Чайки» Чехова. «Полыхали заревом глаза озер» — это возможно видеть только с огромной высоты. «Ноздреватым яром в легком плясе кружились вихрастые, раскосые землянки» — это чепуха, непонятный набор слов. «Костистый творог» — тоже нелепица, такая же как крупчатое молоко, или рассыпчатое масло. «Колокольные кресты» — что это значит? Сказали бы проще и точнее — кресты колоколен. «Оприколенные кони» — это тоже очень плохо.

В чистом и широком потоке вашего языка такие обмолвки и фокусы выделяются крайне резко и раздражают своей неуместностью, фальшью. Я рассматриваю ваше дело, вашу работу не с точки зрения мещанского, рафинированного эстетизма, а под углом той законной эстетики, в основе которой лежит биологическое стремление живого организма к совершенству формы, а язык есть — живой организм. Чем более экономно, точно, ярко вы изобразите словами явления социальной жизни — тем более убедительной будет социальная педагогика вашей книги <...> долой все словесные ухищрения, фокусы, затейливые красоты! Пишите строже, проще, вы это умеете.

*1931. Из письма к И. Шухову. М. Горький. Письма в Сибирь.
Красноярск, 1948, стр. 140—142.*

Считая себя обязанным бороться против засорения русского литературного языка неудачными «местными речениями» и вообще словесной шелухой, я обращаю внимание товарищей лите-

ратеров на следующее: признано, что народный русский язык, особенно в его конкретных глагольных формах, обладает отличной образностью. Когда говорится: с-ежил-ся, с-морщил-ся, с-корчил-ся и т. д., мы видим лица и позы. Но я не вижу, как изменяется тело и лицо человека, который «скукожил-ся». Глагол «скукожиться» сделан явно искусственно и нелепо, он звучит так, как будто в нем соединены три слова: скука, кожи, ожил. Разумеется, что не стоило бы спорить по поводу включения в литературный язык одного уродливого слова. Но дело в том, что у товарища Панферова, несмотря на его бесспорную талантливость, отношения с литературным языком вообще неблагополучны. Он почему-то думает, что над русской литературой все еще тяготеет словарь Даля, который вообще не тяготел над ней, и он как будто забыл, что литература наша обладает богатым языковым материалом «народников», а также лексиконами таких своеобразных стилистов, как Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков, Лесков, Г. Успенский, Чехов. С этим прекрасным наследством наши молодые писатели плохо знакомы и как будто не хотят знакомиться, удовлетворяясь такими пошлыми образцами «словотворчества», как, например, «катись колбаской», «дать пять» и т. д.

1934. По поводу одной дискуссии. Соч., т. 27, стр. 138—139.

В молодости я тоже стремился выдумывать новые слова, причиной этого наивного стремления послужило красноречие юристов — адвокатов, прокуроров. Мне было странно видеть, что «добро» и «зло» одеваются одинаково красивыми словами, что обвинители и защитники людей с равносильной ловкостью пользуются одним и тем же лексиконом. И я смешно трудился, сочиня «свои слова», исписывая ими целые тетрадки. Это была тоже одна из «детских болезней». Спасибо действительности, она, хороший врач, быстро вылечила меня.

История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей, вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий.

Это подтверждается и фольклором: пословицами, поговорками, песнями, и это — естественный путь развития речевого языка. Искусственные, надуманные «новшества» в этой области так же бессильны, как и консервативная защита устаревших слов, смыслы коих уже стерлись, выпали.

1934. Беседа с молодыми. Соч., т. 27, стр. 213.

Формализм, как «манера», как «литературный прием», чаще всего служит для прикрытия пустоты или нищеты души. Человеку хочется говорить с людьми, но сказать ему нечего, и утомительно, многословно, хотя иногда и красивыми, ловко подобранными словами, он говорит обо всем, что видит, но чего не может, не

хочет или боится понять. Формализмом пользуются из страха пред простым, ясным, а иногда и грубым словом, страшась ответственности за это слово. Некоторые авторы пользуются формализмом, как средством одеть свои мысли так, чтоб не сразу было ясно их уродливо-враждебное отношение к действительности, их намерение исказить смысл фактов и явлений. Но это относится уже не к искусству слова, а к искусству жульничества.

1936. О формализме. Соч., т. 27, стр. 523—524.

БОРЬБА С НАТУРАЛИЗМОМ В ЯЗЫКЕ. ДИАЛЕКТЫ И ЖАРГОНЫ. АРХАИЗМЫ.

Язык у вас яркий, но слов — мало и Вы часто употребляете слова нелитературные, местные. Они хороши в диалогах, но не годятся в описаниях. Мыслей образов у Вас тоже нехватает. Все это — «дело наживное». Займитесь собой, советую Вам! Читайте, изучайте приемы писателей-стилистов Чехова, Тургенева, Лескова. Особенно богат словами последний. Займитесь изучением грамматики, прочитайте теорию словесности, вообще обратитесь на себя серьезное внимание...

1916. Из письма к Вс. Иванову. М. Горький. Письма в Сибирь, Красноярск, 1948, стр. 82.

Не нужно злоупотреблять местными речениями. Наиболее меткие — это хорошо, но — надобно пользоваться ими умело.

1916. Из письма к Д. Н. Семеновскому. — Д. Семеновский. А. М. Горький, М., 1938, стр. 68.

Конечно, наиболее характерные слова, которые вошли в быт, надо брать. Они характеризуют среду и людей. Мы знаем, что у нас была цеховая речь. Например, текстильщики некоторых местностей говорили своим языком; шерстобиты, деревенские портные и так далее тоже имели свою речь. Определенный коллектив в своей среде создает и находит какие-то только ему свойственные слова. Этими словами, этой речью прикрывались тайны ремесла.

1931. Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. Соч., т. 26, стр. 69.

Если в Дмитровском уезде употребляется слово «хрындуги», так ведь необязательно, чтоб население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово.

То же следует сказать и о слове «дефти» вместо — девки.

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски.

Вы пишете для людей огромной, разнообразной страны, и Вы должны твердо усвоить простую истину: нет книги, которая не учила бы людей чему-нибудь.

Другая истина: для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они все должны говорить одним языком.

1930. *Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 134—135.*

Не очень заботится Ильенков о достижении своеобразия «стиля» своего романа. Ценность его «словотворчества» весьма сомнительна. «Взбрыкнул, трушились, встопорщил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык. Автор может возразить: «Такие слова — говорят, я их слышал!» Мало ли что и мало ли — как говорят в нашей огромной стране, — литератор должен уметь отобрать для работы изображения словом наиболее живучие, четкие, простые и ясные слова. Литератор не обязан считать пошлость и глупость героев своей собственностью, точно так же не обязан он пользоваться искаженным языком героев для своих описаний, он пользуется этим языком только для характеристики людей.

1932. *По поводу одной полемики. Соч., т. 26, стр. 292—293.*

Почему нужно писать «вечерняя серпина»? «Скукожился»? Это у Панферова такое же любимое словечко, как у Гладкова — «сбычился». Почему трясогузку нужно переименовывать в «трясуху»? В некоторых местностях нашей страны трясуха — лихорадка, малярия. Местные речения, «провинциализмы» очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова. Панферов пишет, как слышал: «проклит» вместо — проклят. «Проклит» — не характерно для страны, в которой ежегодно церковь проклинала еретиков, бунтовщиков, атеистов и где миллионы сектантов сами проклинали антихристову власть церкви. Все это — уже не мелочи, когда их так много, и все это с моей стороны — не «обучение грамматике», как думают некоторые молодые писатели. Мы должны добиваться от слова наибольшей активности, наибольшей силы внушения, — мы добьемся этого только тогда, когда воспитаем в себе уважение к языку как материалу, когда научимся отсеивать от него пустую шелуху, перестанем искажать слова, делать их непонятными и уродливыми.

1933. *О прозе. Соч., т. 26, стр. 403.*

...Щегольство словами, которые употребляют десятки тысяч из ста семидесяти миллионов людей — совершенно недопустимо в беллетристике, которая ставит целью своей «искусство», а не

«этнографию». Авторам, а также и редакторам, следовало бы помнить, что читатель становится все более грамотным и начинает говорить все более литературным языком, как это явствует из речей на съездах рабочих и колхозников. Авторы ошибаются, когда они считают себя обязанными упрощать точный, простой язык литературы — различным хламом. Редакторы должны бы безжалостно воевать против этого щегольства бедняков.

1935. Письмо в редакцию журнала «Колхозник». «Правда», 16 декабря 1936.

Пушкин первый настойчиво вводил в язык полногласность: он перестал писать брада, власа, глад и писал борода, волосы, голод; но когда тема стихотворения требовала каких-то особенных, железных слов, он не стеснялся брать их из славянского языка, — как мы видим это в «Пророке». Он мастер. Он превосходно знает свое орудие, свой материал, он обладает способностью широких обобщений.

1909. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939, стр. 73.

В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться.

1934. О языке. Соч., т. 27, стр. 166.

О ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ

Поражает обилие иностранных слов, соединяемых Вами удивительно смешно и провинциально, например:

«шедевр классического аристократизма», «психологический микроскоп», «пунктуальность в исполнении формальностей этикета» и т. д.

Но вместе с этим Вы пишете: «хвостик тайной гордости», «подворачившегося», «набалтрусался». Это очень плохо и, если Вы хотите работать, от этого Вам необходимо вылечить себя. Это не русский язык. Напрасно Вы сочиняете такие слова, как «чистолобие».

1912. Из письма к С. М. Чевкину. Материалы и исследования, т. I, Л., 1934, стр. 324.

Строгие люди, — их называют также пуристами, отчего они не становятся лучше и милее, — строгие критики, якобы понимающие тайны и капризы словесного творчества глубже и яснее самих творцов, часто упрекали Лескова в том, что он искажал язык, говоря: «мимоноска» вместо миноноска, «фимиазмы»

вместо — миазмы, «три волнения» вместо — «треволнения» и т. д., но отчего же иногда не пошутить, хотя бы и неудачно? Неудачные шутки были свойственны даже богам.

А затем Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широко волною хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно-научных сочинений и когда «гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела, — не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту.

1923. Н. С. Лесков. Соч., т. 24, стр. 236—237.

Было бы, пожалуй, гораздо полезней, если б все мы писали проще, экономнее, так «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно», а не так, например:

«...мы должны отвергнуть тенденцию к аполитации дискуссий».

Ведь можно сказать менее премудро: мы отвергаем намерение устранять политику из наших споров. Нет ничего такого, что нельзя было бы уложить в простые ясные слова. В. И. Ленин неопровержимо доказывал это. Но наши критики мало заботятся о простоте и ясности, необходимых в педагогике.

1931. О литературе. Соч., т. 25, стр. 260—261.

Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям так же мешают ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов. Нет смысла писать «конденсация», когда мы имеем свое хорошее слово — сгущение.

1933. О прозе. Соч., т. 26, стр. 403—404.

...в одной и той же фразе вы употребляете чисто русское слово «кипельно» — оно производится от глагола «кипеть» и обычно ставится так: бела как кипень; в той же фразе у вас «варваризм» — симметрично. Это тоже не ладно. Свой язык надобно знать...

1930 годы. Из письма к И. С. Александрову. Горький в Татарстане, Казань, 1932, стр. 42—43.

Нельзя ссыматься на то, что в «нашей области так говорят», — книги пишутся не для одной какой-то области. В нашей огромной стране существуют места, еще слабо освещенные огнями Октября, темные места, где население продолжает употреблять плохо освоенные слова чужих языков, безобразные слова. Процесс освоения иноязычных слов вполне законен тогда, когда чужие слова фонетически сродны освоющему языку. За годы революции нами созданы и освоены десятки чужих слов, например, листаж, типаж, вираж, монтаж, халтураж, но это потому, что раньше мы освоили слова: паж, багаж, кураж, а еще раньше в наш язык вкоренились слова: страж, кряж, тяз и т. д. Вполне естественно заменить слово «правило» более кратким английским —

«руль». Все языки стремятся к точности, а точность требует краткости, сжатости.

После 1812 года два французских слова «шер ами» * остались в нашем языке как одно «шерамыжник», сделанный по типу: подвижник, книжник и т. д. Шерамыжник значит: попрошайка, надоедник, обманщик, вообще — жалкий и ненадежный человек, и в этом смысле заключено сложное впечатление, которое вызывалось пленными французами. Слово «грипп» легко вошло в речевой обиход потому, что у нас есть: скрип, хрип. И всегда причиной освоения слов чужого языка служит их краткость и звуковое родство с языком осваивающим.

1934. *О бойкости. Соч., т. 27, стр. 155.*

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ

Никогда не начинайте рассказов «диалогом» — разговором, это прием старинный и неудачный. Нужно, чтоб читатель сначала видел, *где говорят и кто говорит*, то есть беседе, голосам нужно предпослать маленькое описание обстановки, а также дать очерки лиц, фигур беседующих людей. Толстый, рыжеватый, босой говорит с маленьким, суетливым, остроносым и так далее. Место действия — изба, надо показать в ней что-либо характерное, что сразу осталось бы в памяти читателя.

Когда Вы ему дадите фигуры и обстановку, дальше он сам, своим воображением, дополнит картину. Этим Вы как бы заставите читателя быть одним из действующих лиц в Вашем рассказе, участником событий, которые Вы изображаете. Надобно именно изображать, показывать, а не только рассказывать.

1930. *Письмо из редакции. Соч., т. 25, стр. 147.*

Начинать рассказ разговорной фразой можно только тогда, когда у литератора есть фраза, способная своей оригинальностью, необычностью тотчас же приковать внимание читателя к рассказу.

Вот пример. Летом этим на волжском пароходе какой-то пассажир третьего класса произнес:

«Я тебе, парень, секрет скажу: человек помирает со страха. Старики, — они, конечно, от разрушения тела мрут...»

Конец фразы я не слышал и человека — не видел; это было ночью, я стоял вверху, на корме, он — внизу.

Начинать рассказы речью такого оригинального смысла и можно и следует, но всегда лучше начать картиной — описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определенную обстановку.

1930. *Письма начинающим литераторам. Соч., т. 25, стр. 116—117.*

* Милый друг (франц.) — Ред.

«Горькая пена» — вещь хорошая, потому что полезная, но она была бы значительно лучше и действовала на читателя сильнее, если бы Вы не думали, что преобладание диалога над описанием — изображением — может придать рассказу живость, яркость. Нет, этого у нас диалогом не умеют достигать, да и публика наша к этой форме не тяготеет, она даже и артистические монологи Лескова все еще не оценила по достоинству их. Изображений у Вас — маловато. Писать: «На каланче пробило четыре. Павел торопливо завернул за угол». «Бабкин отвел глаза». «Мастер... задрал голову». «Крафт откинул голову...» писать так еще не значит изображать. Это — фразы из учебника грамматики. Звучат — сухо, ничего не рисуют и не оставляют в памяти ни тени. Над языком Вам следует поработать. Однако — в этой Вашей работе язык и фраза проще, яснее, чем в прежних.

1930. Из письма к Н. В. Чертовой. М. Горький и сибирские писатели. Новосибирск, 1950, стр. 125.

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

Мне пришлось проглотить бесчисленное количество томов Дюма-отца, Понсон дю-Террайля, Буагобея, Законнэ, Габорио, Ксавье де-Монтепена и с десятков других авторов, прежде, чем в руки мои попал томик Бальзака — это была «Шагренева кожа».

Ясно помню то неопишуемое наслаждение, с которым я читал страницы, где описывается лавка антиквария — это описание остается для меня одним из лучших образцов пластики слова. Другое место в этой книге, поразившее меня своим мастерством, — диалог на банкете, где Бальзак, пользуясь только бессвязными фразами застольного разговора, рисует лица и характеры с поражающей отчетливостью.

1911. О Бальзаке. Соч., т. 24, стр. 138—139.

Резкой индивидуальностью *своей* речи автор награждает всех героев, и это делает их однолицыми, особенно способствует этому манера повторять слова и фразы одни и те же, но в различных тональностях <...> Это очень хорошо при чтении вслух, но утомляет, когда читается глазами.

1920 годы. Из письма к К. Федину. — К. Федин. Горький среди нас. Двадцатые годы. М., 1943, стр. 113.

Теперь — о форме и о языке рассказов. Темы у Вас однообразны и мелки. Это, кажется, из робости? Надо быть смелее, надо верить, что Вы призваны делать большое, важное дело. Ошибок — не бойтесь, без них не проживешь. Люди у Вас говорят много лишнего, незначительного. Конечно, они и в действи-

тельности говорят много пустяков, но роль искусства в том и состоит, чтоб, откинув прочь, по возможности, все и всякие пустяки, обнажить корни настоящего, существенно важного. Не злоупотребляйте диалогом.

1925. Из письма к В. Д. Ряховскому от 17 июня.
«Октябрь», 1941, 6, стр. 31.

В рассказе «Баба» я, читатель, не вижу людей. Какой он, — Прохоров? Высокий, бородатый, лысый? Добродушный, насмешливый, угрюмый? Говорит он плохо, нехарактерно, стертыми словами <...> Для оживления смысла таких стертых слов, для того, чтобы яснее видна была их глупость, пошлость, — писатель должен искать и находить слова. Ему не мешало бы дать пяток, десяток насмешливых словечек, он мог бы назвать Анну «красавица», вместо «красавица» <...>

«Громогласно против» — эти слова как будто указывают, что Прохоров способен говорить довольно оригинально, «по-своему», на то же указывает и его привязанность к слову «стандартный». Но автор, намекнув на эту способность Прохорова, не развил ее. Не сделал он этого потому, что смотрит на токаря не как на живого человека, а как на мысль, которую надо опровергнуть, опровергнуть. Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдет, отметит и подчеркнет характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Отмечая все это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых — нет, в каждом имеется нечто свое — и внешнее и внутреннее.

1930. Письма начинающим литераторам.
Соч. т. 25, стр. 117—118.

...Гудок-Еремеев, шахтер, рабкор, один из бойцов огромной нашей армии рабкоров.

Мне предложили редактировать его очерки, исправить грамматические грехи его жарких речей, причесать их буйный, встрепанный язык. Я отказался сделать это. В другом случае я считал бы долгом своим несколько «олитературить» очерки, а в этом — не хочу и даже не могу. Нет, пусть эта книга пойдет в люди так, как она сделана автором, такой горячей и ликующей, как автор выкричал ее, — со всей ее тоской и радостью, со стыдом за людей и с гневом на них, со всей силой ее могучей классовой ненависти к врагу — лентяю, шкурнику, упадочнику, саботажнику по глупости, саботажнику по злобе. Не хочется передвинуть в очерках ни единого слова, передвинешь и, пожалуй, испортишь что-то, и не так заговорят героини этой битвы за уголь — Акулина Гардющенкова и Харита, и Клава, и все эти «бабуси», «старые кадровики» — все герои Донбасса. Нет, уж

пусть Акулина Гардющенкова «жарит речитативом поэтическое и великое». Возможно, что строгие «хранители священных заветов литературы» поймут этот мой поступок, как поощрение малограмотности. Пусть не беспокоятся. Не хуже их известно мне, что малограмотность — великая наша беда и болезнь, от которой должны усердно лечиться мы все и — в том числе — «хранители заветов».

Книга рабкора Еремеева воспринимается мною не как литература, а как нечто большее, — более важное, более активное. Языком Еремеева говорит не литератор, а передовой человек рабочей массы, это — крик ее революционного разума и сердца. Это — сырье, из которого со временем будут выработаны прекрасные драмы и романы, это — подлинный документ истории, которую создает именно масса.

1931. Предисловие к книге К. Гудка-Еремеева «Донбасс героический». Соч., т. 25, стр. 399—400.

Что вы получите у Достоевского, кроме техники? У него люди великолепно говорят, но сам Достоевский иногда пишет так: «Вошли две дамы, обе девицы». ¹⁴

Таких обмолвок у него много, но говорят люди, его романов отлично, напряженно и всегда от себя. Нельзя смешать речь Дмитрия Карамазова с речами Ивана и Алексея Карамазовых.

Когда в его книге появляется излюбленный автором пьяница, вы чувствуете, что этот человек может говорить только таким языком, какой дан ему Достоевским.

1931. Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. Соч., т. 26, стр. 67.

Писать о героях революции нужно языком эпическим, просто, даже сурово, избегая всяких украшений, писать так, как ваятели Греции изображали тела героев и богов. Основные качества героя нашей революционной эпохи — активность, деятельность. Нам более или менее известно, что и о чем они говорят, и нам нужно пытаться изобразить, как они говорят. Их слово равносильно делу, — в сущности оно и есть дело, — а поэтому важно показать, как оно действует на людей, как влияет на них.

Это возможно изобразить только словами эпической простоты...

1935. Из письма к М. Слонимскому от 1 июня. «Литературный современник», 1941, № 6, стр. 113.

ЯЗЫК ДРАМЫ

..сценическое театральное искусство строится на человеке и на слове, причем в комедии, в драме слово имеет гораздо более вёское и внушительное значение, чем в романе, в повести.

1931. Ставьте дело твердо и широко. «Рабочий и театр», 1931, № 25, стр. 12.

Пьеса — драма, комедия — самая трудная форма литературы, — трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом, и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора <...>

Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, т. е. чисто речевым языком, а не описательным. Это очень важно понять, ибо для того, чтобы фигуры пьесы приобрели на сцене, в изображении ее артистов, художественную ценность и социальную убедительность, необходимо, чтоб речь каждой фигуры была строго своеобразна, предельно выразительна, — только при этом условии зритель поймет, что каждая фигура пьесы может говорить и действовать только так, как это утверждается автором и показывается артистами сцены. Возьмем, для примера, героев наших прекрасных комедий: Фамусова, Скалозуба, Молчалина, Репетилова, Хлестакова, Городничего, Расплюева и т. д., — каждая из этих фигур создана небольшим количеством слов, и каждая из них дает совершенно точное представление о своем классе, о своей эпохе. Афоризмы этих характеров вошли в нашу обыденную речь именно потому, что в каждом афоризме с предельной точностью выражено нечто неоспоримое, типическое.

Мне кажется, что отсюда достаточно ясно, какое огромное и даже решающее значение для пьесы имеет речевой язык в деле создания пьесы и как настоятельно необходимо для молодых авторов обогащать себя изучением речевого языка.

1932. О пьесах. Соч., т. 26, стр. 411—412.

Мы знаем, что люди — разнообразны: этот — болтлив, тот — лаконичен, этот — назойлив и самовлюблен, тот — застенчив и неуверен в себе; литератор живет как бы в центре хоровода скупцов, пошляков, энтузиастов, честолюбцев, мечтателей, весельчаков и угрюмых, трудолюбивых и лентяев, добродушных, озлобленных, равнодушных ко всему и т. д. Но и каждое из этих качеств еще не всегда вполне определяет характер, — весьма часто оно бросается в глаза только потому, что скрыто менее ловко и умело, чем другое, сопутствующее ему, но не совпадающее с ним и поэтому способное слишком явно обнаружить двуличие, «двоедушие» человека.

Драматург имеет право, взяв любое из этих качеств, углубить, расширить его, придать ему остроту и яркость, сделать главным и определяющим характер той или иной фигуры пьесы. Именно к этому сводится работа создания характера и, разумеется, достигнуть этого можно только силою языка, тщательным отбором наиболее крепких, точных слов, как это делали величайшие драматурги Европы. У нас образцово поучительной пьесой является изумительная по своему совершенству комедия Грибоедова, который крайне экономно, небольшим количеством

фраз создал такие фигуры, как Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетиллов, — фигуры, в которых исторически точно отражена эпоха, в каждой ярко даны ее классовые и «профессиональные» признаки и которые вышли далеко за пределы эпохи, дожив до наших дней, т. е. являются уже не характерами, а типами, как, например, Фальстаф Шекспира, как Мизантроп и Тартюф Мольера, и прочие типы этого рода. Человека для пьесы надобно делать так, чтобы смысл каждой его фразы, каждого действия был совершенно ясен, чтоб его можно было презирать, ненавидеть и любить, как живого.

Там же, стр. 416.

Драма — самая трудная форма искусства слова, ибо она гораздо больше, чем роман, повесть, рассказ, вторгается в область изобразительного, «пластического» искусства. Можно сказать так: в романе, как в кино, человек дается двухмерным — драма требует трехмерных фигур. Роман легче писать, потому что литератор заставляет героев своих не только говорить читателю, а и показывает ему, как герои сидят, ходят, улыбаются, сердятся, рассказывает, что они думают и чувствуют. Сочиняя роман, писатель пользуется двумя приемами: диалогом и описанием.

Драматург пользуется только диалогом. Он, так сказать, работает голым словом, не объясняя, не рассказывая, почему герой говорит именно так, а не иначе, не досказывая описаниями от себя — от автора — смысла поступков того или иного героя.

1932. Отзыв о пьесе «Сапоги». «Рабочий и театр», 1932, № 6, стр. 6—7.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ТИПИЗАЦИИ

История Саши — проста, как «Простое сердце» Флобера, — необходимо написать ее очень просто, очень кратко. И я весьма рекомендую Вам: последите за собою в этом отношении, дарованию Вашему, — в наличии его не сомневаюсь нисколько, — это будет чрезвычайно полезно. Сказанное относится к форме, к технике; позволю себе коснуться существа рассказа.

«У жизни хищные зубы и звериный лик» — краткий, пассивный Саша не может так охарактеризовать жизнь, это — слова от автора и даже, кажется, от литературы, слишком часто повторяющей за последние годы это, уже истасканное, определенное <...>. Саша не может именно так определить жизнь, это не его психика. Он, конечно, чувствует жестокость, но — думает о ней иначе. Не навязывайте Вашим героям себя самого и не поучайте меня, читателя, дайте мне хорошие, точные, ясные образы, а до выводов я сам додумаюсь.

1912—1913. Из письма к П. Сурожскому. М. Горький. Материалы и исследования, т. I, Л., 1934, стр. 318.

Вы принимаетесь работать со словом — вам необходимо знать его силу, гибкость, красоту, меткость, а также и его лживость. Необходимо это для того, чтобы каждого из героев будущих ваших пьес вы умели снабдить точным количеством наилучше отобранных слов, которые с неоспоримой и совершенной полнотой исчерпали бы его сущность, показали основные, типические черты его характера, его индивидуальности. Нужно, чтобы каждая фигура пьесы говорила своим языком, — это вы уже понимаете, — но это надо усилить, и тогда пред вами и пред будущим зрителем встанут живые люди.

В действительности каждый из них обладает своей характерной речью, у каждого есть свои особенности говора. Каждый по-своему выражает свои ощущения и мысли, этим люди заметнее всего остального отличаются друг от друга. Это надобно подметить, поймать и вот именно этими особенностями речи и наградить изображаемую фигуру, — тогда вы обнажите особенности чувствований и мышления с надлежащей полнотой, т. е. создадите характер, а в дальнейшем научитесь изображать типы. И ваша нелегкая работа над диалогом — голым словом — пойдет легко.

1932. Отзыв о пьесе «Сапсги», «Рабочий и театр».
1932, № 6, стр. 6—7.

ЯЗЫК ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Говорить детям суконным языком проповеди — это значит вызвать в них скуку и внутреннее отталкивание от самой темы проповеди, — как это утверждается опытом семьи, школы и «детской» литературы дореволюционного времени <...>

Природе ребенка свойственно стремление к яркому, необычайному: Необычайным и ярким у нас в Союзе является то новое, что создает революционная энергия рабочего класса. Вот на этом необходимо закреплять внимание детей, это должно быть главным материалом их социального воспитания. Но об этом надо рассказывать, это надо показывать талантливо, умело, в формах легко усвояемых.

1930. О безответственных людях и о детской книге наших дней.
Соч., т. 25, стр. 175—176.

Ребенок до десятилетнего возраста требует забав, и требование его биологически законно. Он хочет играть, он играет всем и познает окружающий его мир прежде всего и легко всего в игре, игрой. Он играет и словом и в слово. Именно на игре словом ребенок учится тонкостям родного языка, усваивает музыку его и то, что филологи называют «духом языка» <...> Пушкин учился русскому языку по песенкам и сказкам своей няньки, ...Лесков и Г. Успенский, и многие дети, впоследствии творцы

русского литературного языка, постигали красоту, силу, ясность и точность его именно на забавных прибаутках, поговорках, загадках у нянек, солдаток, кучеров, пастухов <...> Никогда еще дети не нуждались так в обогащении языком, как нуждаются они в эти годы, в наши дни, когда жизнь всесторонне изменяется, создается множество нового и все требует новых словесных форм.

1930. *Человек, уши которого заткнуты ватой.*
Соч., т. 25, стр. 113—114.

Простота и ясность стиля достигаются не путем снижения литературного качества, а в результате подлинного мастерства. Автор, идущий в детскую литературу, должен учесть все особенности читательского возраста. В противном случае у него получится книга, лишенная адреса, не нужная ни ребенку, ни взрослому.

1933. *О темах.* Соч., т. 27, стр. 109.

ЯЗЫК ПЕРЕВОДОВ

Совет опасный.¹⁵ Лексиконы Даля, Успенского, Лескова прекрасны, но представьте себе Виктора Гюго, переданного языком Лескова, Уайльда на языке Печерского, Анатоля Франса, изложенного по словарю Даля. Руссификация иностранцев (в переводной литературе) и без того является серьезным несчастьем.

Запись на полях книги К. И. Чуковского «Принципы художественного перевода». — Чуковский К. И. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. — М., «Советский писатель». 1940, стр. 108.

Все рассказы испещрены глаголом говорить в настоящем времени, — что дает читателю право упрекнуть переводчика в небрежности или безграмотности.

Кроме говорить можно употреблять формы: «сказал», «заметил», «отозвался», «откликнулся», «повторил», «молвил», «воскликнул», «заявил», «дополнил».

1919. *Письмо к К. И. Чуковскому.* Там же, стр. 109.

О ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

Читали Вы мало, необходимо прочитать, для ознакомления с русским языком, всего Тургенева, Чехова, Короленко.

1912. *Из письма к А. Лаптеву от 30 января.* М. Горький. *Материалы и исследования*, т. I. Л., 1934, стр. 234.

Читайте Пушкина, Лермонтова, — особенно нужно вам знать стихи Некрасова. А из прозаиков я рекомендую Вам Лескова: великолепный знаток языка, он вас многому научит <...>

А писать — подождите. Не умея в руке держать топор — дерева не стешешь, а не зная языка хорошо — красиво, просто и всем понятно — не напишешь.

Из письма к Е. Ставицкому, без даты. М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, стр. 305.

Дело, Константин Андреевич, именно в языке и прежде всего в нем. Скучно — потому, что материал, из коего вы лепите фигуры, — сыроват, а это влияет на пластику, делает лица тусклыми...

Позвольте посоветовать следующее: проштудировать богатейших лексикаторов наших — Лескова, Печерского, Левитова, купно с такими изящными формовщиками слова и знатоками пластики, каковы Тургенев, Чехов, Короленко.

Совет сей, может быть, покажется вам эксцентричным — ничего! Все ж таки попробуйте. Многим этот совет был дан и многими оправдан.

1913. Из письма к К. А. Треневу. «Молодая гвардия», 1936, № 8, стр. 130.

...я очень рекомендую вам: изучайте русскую литературу, это вам поможет. Тургенев научит вас писать природу, пейзаж, Чехов — покажет вам, что такое диалог, как в действительности говорят живые люди, научит строить фразу, предложение — кратко и точно.

1913. Из письма к Г. Д. Гребенцову от 14 марта. — М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. М., Гослитиздат, 1951, стр. 163.

Надобно давать статьи, характеризующие языки, стиль старых мастеров словесного искусства — Гоголя, Толстого, Лескова, Бунина, Чехова. Это очень важно, это расскажет новичкам о «тайнах» речевой техники, о пластике слова, научит их располагать материал, владеть сюжетом, покажет им разницу между «рассказать» и «изобразить словами». Ощутимо.

1927. Из письма к О. Анзимировой от 28 июня. М. Горький. Письма к рабкорам и писателям. М., 1936, стр. 15—16. (Библиотека «Огонек», № 55—56.)

Вы должны учиться, не щадя себя, учиться всему, что есть лучшего в мире, всякой технике и, конечно, технике словесного творчества. Этому научиться не так трудно, потому что у вас есть великолепные образцы: Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Пришвин и немало других отличнейших знатоков русского языка, строя русской речи. Поймите меня: я говорю не о подражании, а только о необходимости для вас обогатиться словами, изучить дух языка, строй речи.

1928. Из письма к Б. Полевому от 10 января. М. Горький. Письмо к рабкорам и писателям. М., 1936, стр. 22—23. (Библиотека «Огонек», № 65—66.)

«Леф» убеждает молодежь не учиться у классиков, это — совершенно напрасно. Литературной технике, языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина.

1928. О пользе грамотности. Соч., т. 24, стр. 325.

Я — за изучение именно литературной техники, т. е. грамотности, т. е. умения затрачивать наименьшее количество слов для достижения наибольшего эффекта, наибольшей простоты, пластичности и картинности изображаемых словами вещей, лиц, пейзажей, событий — вообще явлений социального бытия.

1931. Беседа на расширенном заседании рабочего редсовета издательства ВЦСПС. М. Горький. Две беседы. М., 1931, стр. 40.

Для того, чтоб литературное произведение заслужило титул художественного — необходимо придать ему совершенную словесную форму, эту форму придает рассказу и роману простой, точный, ясный, экономный язык <...>

Надо изучать приемы и технику литературного труда, только при условии овладения этой техникой возможно придать материалу более или менее совершенную художественную форму.

1932. О литературной технике. Соч., т. 26, стр. 335.

Я советую читать и изучать классиков: Пушкина (не только стихи, но и прозу), Тургенева, Толстого. Очень рекомендую Диккенса «Давид Копперфильд», «Домби и сын». Классики должны послужить образцом работы над языком.

1935. Из письма к краматорскому школьнику. — М. Горький. О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1941, стр. 173.

Я бы вам очень рекомендовал внимательно прочитать Лескова, Чехова и Бунина, как знатоков великорусской речи и пуристов в отношении к языку.

1930 годы. Из письма к Д. Хайт. «Литературная газета». 30 марта 1938, № 18.

МАСТЕРА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Возьмите нашу литературу со стороны богатства и разнообразия типа писателя: где и когда работали в одно и то же время такие несоединимые, столь чуждые один другому таланты, как Помяловский и Лесков, Слепцов и Достоевский, Гл. Успенский и Короленко, Щедрин и Тютчев? Продолжайте эти параллели, и вас поразит разность лиц, приемов творчества, линии мысли, богатство языка.

1908. Разрушение личности. Соч., т. 24, стр. 66.

Помимо близости к жизни, новая литература принесла с собою читателю новую эстетику, новую красоту: это была красота слова, языка — его точность, музыкальность, его умение формулировать тончайшую игру психики — это была красота действительности, с которой никогда не сравнится фантазия, это была красота будничного дня, наполненного живой творческой работой юного, здорового общества, наслаждавшегося созерцанием своих строительных усилий и явными для всех результатами их.

1909. История русской литературы, стр. 39.

Многие из современников Пушкина владели словом почти так же искусно, так же легко, как он, но никто из них не мог соединить в стихе простоты и ясности слова с музыкой его, никто из предшественников и современников его не мог возвыситься до таких стихов, какими написан, напр. «Пророк»...

1909. История русской литературы, стр. 73.

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой:

Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей

— мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стяхнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко; украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!

1916. В людях. Соч., т. 13, стр. 349.

Он был изумительный мастер эпистолярного стиля, письма Пушкина до сего дня не утратили значения лучших образцов этого стиля.

Трудно исчислить все то поразительно талантливое, что написано Пушкиным. Его поэма «Цыганы», «Братья разбойники», «Кавказский пленник» и другие — все это классические образцы русского слова и стиха, а «Сон Татьяны» в «Евгении Онегине» поражает искусным соединением фантастики с реализмом.

Пушкин написал также «Историю Пугачевского бунта», — это такая же попытка поэта говорить точным языком историка, как попытка Шиллера написать «Историю 30-летней войны».

1925. Предисловие к изданию А. С. Пушкина. Соч., т. 24, стр. 257.

Герцен — первый русский мыслитель, до него никто не смотрел так разносторонне и глубоко на русскую жизнь.

Его ум — ум исключительный по силе, как его язык исключителен по красоте и блеску.

1909. История русской литературы, стр. 206.

Как художник слова, Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка она нередко превышает названных предшественников и соратников своих. Различие Лескова с великанами литературы нашей только в том, что они писали пластический, слова у них — точно глина, из которой они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что, когда читаешь их книги, то кажется: все герои, волшебю одухотворенные силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобой, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеешься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живешь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкиваемого от себя и все это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее ее.

Лесков — тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а — рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе. Его рассказ — одухотворенная песнь, простые, чисто великорусские слова, снизвываясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям, прикрито нежная, почти женская, чистая любовь, сна немножко стыдится себя самой. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого и других, — иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приемом мастерства.

Тургенева, Гончарова и других почти не чувствуется в их книгах, когда они не хотят, чтобы их личное участие в жизни изображаемого ими чувствовалось читателем. Лесков почти всегда где-то около читателя, близко к нему, но его голос не мешает слушать странные полусказки, полубыли, которые кто-то рассказывает, точно старая мудрая нянька, — рассказывает с искусством и

силою Гомера или всезнающего Геродота, но без утомительной торжественности древнего поэта и без наивной доверчивости «отца истории». Толстой, Тургенев любили создавать вокруг своих людей тот или иной фон, который еще более красиво оживлял их героев, они широко пользовались пейзажем, описаниями хода мысли, игры чувств человека, — Лесков почти всегда избегал этого, достигая тех же результатов искусным плетением нервного кружева разговорной речи.

1923. *Н. С. Лесков. Соч., т. 24, стр. 235—236.*

Лесков несомненно влиял на меня поразительным знанием и богатством языка. Это вообще отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель, все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой.

1928. *О том, как я учился писать. Соч., т. 24, стр. 487.*

Стиль реалиста точен, он обладает убедительной ясностью; реалист старается писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно» <...>

Например, Толстой пишет:

«Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченелыми членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на подушке и выставял, как всегда выставяют мертвецы, свой желтый восковой лоб, со взлизями на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу».

Вот язык реалиста: простыми словами, умело поставив среди них два словечка «как всегда» — он невольно заставляет вас смотреть на мертвеца, как на самое обыкновенное, будничное явление и почти внушает вам чувство некоторого пренебрежения к мертвецу, отвлекающему живых людей от живого дела.

1909. *История русской литературы, стр. 123.*

Как стилист, Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

1900. *По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге».*
Соч., т. 23, стр. 316.

Главное же — просто писать, как Чехов в языке <...> — без кокетства, без вывертов...

1911. *Из письма к П. Максиму от 21 июля. — П. Максимов.*
О Горьком. Ростиздат, 1946, стр. 15.

Затем мягкости языка, его точности можно поучиться у Чехова: короткая фраза, совершенно отсутствуют вводные предложения. Этого он всегда избегал с огромным умением.

1931. *Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу.*
Соч., т. 26, стр. 68.

Нередко, читая книги молодых, понимаешь, с каким трудом человек искал достойной формы для выражения своей мысли, для включения ее в слова, которые дали бы ясный и точный образ. И порою кажется, что, не находя нужных слов в своем лексиконе, автор взял их из первой, попавшейся ему под руку, книги прославленного автора.

Но есть прославленные авторы, которые рисуют словами, например, так: «Ветер со свистом понесся по степи и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собою облака пыли, запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как, по краю дороги, кружились, спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем, тотчас же снова грохнул гром, черные лохмотья тучи поднимались кверху, и одно из них, похожее на мохнатую лапу, потянулось к луне и стерло ее с неба». ¹⁶

Это сделано А. П. Чеховым в его рассказе «Степь», и по этой картине можно учиться писать: все — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте.

1934. О прозе. Соч., т. 26, стр. 406.

Л. Леонов написал книгу «Соть», взяв для нее материалом именно текущую действительность. И — представьте! — получилось именно «подлинное творчество», замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно — ясным, слова у Леонова светятся.

1931. О литературе. Соч., т. 25, стр. 255.

Леонов умеет наградить каждого из своих героев прекрасно подчеркнутой индивидуальной речью. Это удается далеко не каждому, даже талантливому писателю. Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать именно те слова, изобразительность и звучность которых особенно магически убедительна, и в книгах его почти нет лишних слов. Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуется словом, как живописец краской.

1931. Предисловие к французскому изданию «Барсуков». «Вопросы советской литературы», т. II, Л., АН СССР, 1953, стр. 208.

Учиться я начал у Вас, Михаил Михайлович, со времен «Черного араба», «Колобка», «Края непуганных птиц» и т. д. Вы привлекли меня к себе целомудренным и чистейшим русским языком Ваших книг и совершенным умением придавать гибкими сочетаниями простых слов почти физическую осязаемость всему, что Вы изображаете. Не многие наши писатели обладают этим умением в такой полноте и силе, как Вы <...>

Я очень долго восхищался лирическими песнопениями природе, но с годами эти гимны стали возбуждать у меня чувство недоумения и даже протеста. Стало казаться, что в обаятельном языке, которым говорят о «красоте природы», скрыта бессознательная попытка заговорить зубы страшному и глупому зверю Левиафану-рыбе, которая бессмысленно мечет неисчислимые массы живых икринок и так же бессмысленно пожирает их. Есть тут что-то похожее на унижение человеком самого себя перед лицом некоторых загадок, еще не разрешенных им. Есть нечто «первобытное и атавистическое» в преклонении человека пред красотой природы, красотой, которую он сам, силою воображения своего внес и вносит в нее <...>

Так вот, Михаил Михайлович, в Ваших книгах я не вижу человека коленопреклоненным пред природой. Да на мой взгляд, и не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, — о Земле, Великой Матери нашей. Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармонического сочетания любви к Земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у Вас.

Отлично знаете Вы леса и болота, рыбу и птицу, травы и зверей, собак и насекомых, — удивительно богат и широк мир, познанный Вами. И еще удивительней обилие простейших и светлых слов, в которые Вы воплощаете любовь Вашу к Земле и ко всему живому ее, ко всей «биосфере».

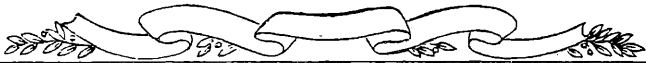
1926. О М. М. Пришвине. Соч., т. 24, стр. 265—266.

На русском языке «Преображение» звучит изумительно музыкально. Если мадьяры и не слышали эту музыку слова, — им, я уверен, все-таки будет ясна лирическая прелесть картин природы Крыма, удивительная мягкость образов и, в то же время, четкость их.

Хочется думать, что мадьяры поймут, почувствуют и ту прекрасную печаль о человеке, о людях, которой так богат автор и которой он щедро насытил свою красивую, человечески грустную книгу.

1928. Предисловие к книге С. Сергеева-Ценского «Преображение». — Сергеев-Ценский С. Избранное. М., 1941, стр. 556.

А. Н. Толстой

ЯЗЫК — ОРУДИЕ МЫШЛЕНИЯ

Язык — это орудие мышления <...> Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно.

1934. *О драматургии.*¹ Соч., т. XII, стр. 357. *

Язык — орудие мышления. Язык есть те магические волны, посредством которых художник-писатель, поэт из своего передатчика, находящегося на его плечах; передает приемнику-читателю свои чувства, свои пластические видения, свои идеи. Художник произносимыми или начертаемыми словами как бы играет на клавиатуре мозга своего читателя или слушателя.

1943. *Книга для детей.* Соч., т. XIV, стр. 353.

БОГАТСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык настолько богат глаголами и существительными, настолько разнообразен формами, выражающими внутренний жест, движение, оттенки чувств и мыслей, краски, запахи, материал вещей и пр., что нужно при построении научной языковой культуры разобратся в этом гениальном наследстве «мужицкой силы» <...>

Русский язык должен стать мировым языком. Настанет время (и оно не за горами), — русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара.

1934. *Нужна ли мужицкая сила?*² Соч., т. XIII, стр. 342.

<...> Народный язык, алмазный язык всегда рассказывает о жесте полнокровного движения, максимального движения, отчетливого движения.

1939. *К молодым писателям.* Соч., т. XIII, стр. 414.

---

* А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. ГИХЛ, 1947—1951. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию.

НАРОД — ТВОРЕЦ ЯЗЫКА

Что такое родина? Это — весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это — прошлое народа, настоящее и будущее. Это — его своеобразная культура, его язык, его характер, это — цепь совершаемых им революций, исторических скачков, узлов его истории.

1937. *Родина*³ Соч., т. XIII, стр. 179.

...Дивной вязью он (народ. — *ред.*) плел невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, душевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел все, что видел и о чем думал, и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родной — землей отчич и дедич.

1941. *Родина*.⁴ Соч., т. XIV, стр. 161.

...Почему так хорош и художественен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка.

1943. *Книга для детей*. Соч., т. XIV, стр. 353.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ближайшая задача в развитии литературного языка состоит в приближении его к пониманию широких масс. Язык-литературный и язык разговорный должны быть из одного материала. Литературный язык сгущен и организован, но весь строй его должен быть строем народной речи <...>

...Народ творит свою изустную литературу. Это — песни, разработки древних сказов, обрядовые песни, заговоры, животный эпос, анекдоты сатирического и иногда скабрезного содержания. Народ идет путем истинного искусства: экономия материала; обращение со словом, как с вещью, а не как с понятием о вещи, — то есть образность, точность, динамика синтаксиса и т. д.

Развитие литературного языка теперь должно идти путем изучения народной речи, народного синтаксиса, путем уплотнения, прояснения и экономии языка и, что очень важно, — путем развития глаголов, столь обильных, ярких и мощных в народной речи <...>

Не преследуя никаких «литературных» задач, премудрые дьяки⁵ творили высокую словесность. В их записях — алмазы литературной русской речи. В их записях — ключ к трансформации народной речи в литературу.

1924. *Чистота русского языка*. Соч., т. XIII, стр. 289—291.

В судебных (пыточных) актах — язык дела, там не гнушались «подлой» речью, там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь. Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства.

Увлеченный открытыми сокровищами, я решился произвести опыт и написал рассказ «Наваждение». Я был потрясен легкостью, с какою язык укладывался в кристаллические формы.

1930. Как мы пишем. Соч., т. XIII, стр. 567.

Записать такого рода показания — вещь очень ответственная. Дьяки, записывавшие показания, были люди ученые. Они должны были в сжатой форме написать так, чтобы сохранить весь индивидуальный характер данного человека, точно и сжато записать его показания. Нужно было соблюдать сжатость, точность выражения, дать краткие энергичные фразы не на книжном, но на живом языке. Эти записи — высокохудожественные произведения. По ним вы можете изучить русский язык. Это памятники настоящего народного языка, литературно обработанного.

1933. Стенограмма беседы с коллективом редакции журнала «Смена». Соч., т. XIII, стр. 499.

Из этого выходит, во-первых, что вы, писатели, всегда должны галлюцинировать, т. е. научиться видеть, то, что вы описываете. Чем отчетливее вы будете видеть создания вашей фантазии, тем точнее и вернее будет язык вашего произведения. Это путь к созданию алмазного языка. Это язык фольклора нашего народа, это язык зрячих, видящих и полнокровно чувствующих.

1939. К молодым писателям. Соч., т. XIII, стр. 413.

ЗА ПРОСТОТУ, ТОЧНОСТЬ И ЯСНОСТЬ ЯЗЫКА

...Новый, разнородный, но спаянный одной годиной десятилетия, оптимизмом возрождения из пепла, уверенностью в грядущем, этот новый читатель... должен появиться стомиллионноголовым призраком в новой литературе, в тайнике каждого писателя и, возникнув, сказать.

«Ты хочешь перекинуть ко мне волшебную дугу искусства, — пиши:

честно,

ясно,

просто,

величаво.

Искусство, это моя радость».

1923. О читателе. Соч., т. XIII, стр. 279—280.

Язык должен быть живым, изменяющимся, растущим. Его надо освободить от наслоений, не свойственных простой русской речи, освободить от канонов, пришедших с Запада. Нужно овладеть

простотой языка и затем играть ею как угодно. Но вначале — простота, точность, ясность, максимальное возбуждение читательской фантазии, а не насильование ее.

1933. Стенограмма беседы с коллективом редакции журнала «Смена».
Соч., т. XIII, стр. 500.

Нужна скупость выражения, скупость слов, отсутствие эпитетов <...> Эпитет надо употреблять с большим страхом, только тогда, когда он нужен, когда без него нельзя обойтись, когда он дает какую-то интенсивность слову, когда вернее, слово настолько заезжено, или настолько обще, что нужно подчеркнуть его эпитетом.

1933. Праздник идей, мыслей, образов. Соч., т. XIII, стр. 328.

Будьте скупы на слова. Пусть каждое из них, как заостренная стрела, бьет прямо в цель в сердце зрителя <...>

В пьесе должно быть только самое главное — драматург пусть будет беспощаден к самому себе: все, что можно убрать, хотя бы и ценное, убирать без сожаления, в жертву экономии, плотности текста и насыщенности действия.

1934. О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 371.

Спор идет о русском языке: владеть ли этим орудием искусства, усовершенствуя его до высшей чувствительности, чтобы со все большим совершенством и глубиной отображать стремительно несущиеся на подъем события нашей эпохи, ее философию, ее живые персонажи, или принять как аксиому, что советская литература уже сделалась мировой литературой, что книги Панферова и других пролетарских писателей переведены на все языки, успокоиться на этом и спесиво превратить литературу в схоластическую академию, где молодежь будет заучивать безусловные образцы (хотя бы и десятилетней давности) <...>

Орудие искусства — язык, берущий свой строй из психического движения человека в социальной среде. Как же язык должен быть тонок, точен, деликатен, чтобы играть симфонии образов на таком сложном инструменте, как психика быстро растущего советского пролетарского читателя, предъявляющего все более и более повышенные требования к искусству.

1934. Ответ Ильенкову.⁶ Соч., т. XIII, стр. 343—346.

Нужно учиться методу построения народной речи, учиться видеть человека изнутри, то есть не противопоставляя себя ему, не заучивать язык, не записывать в книжечку народные выражения... Тогда четырехтомный словарь Бодуэна де Куртене⁷ оживет, и слова получат снова связь с вещами, с их движением и жемствами.

Там же, стр. 346.

Нельзя изучать народный язык, выхватывая летучие выражения, оторванные от их жеста, как нельзя больше записывать песни без музыки. Нужно подойти к коренным истокам языка, к началу всех начал — к труду, к трудовым процессам, и только там найти давно потерянный ключ — жест — и отомкнуть им слово.

1934. О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 363.

Я начал изучать народный язык по сказкам, песням, по записям «Слова и дела», то есть судебным актам XVII века, по сочинениям Аввакума. Я начал слушать его в жизни.

1939. К молодым писателям. Соч., т. XIII, стр. 413.

В новой работе (над эпохой Петра I — *ред.*) мне много помог покойный историк В. В. Каллаш. Он познакомил меня с архивами, с актами Тайной канцелярии и Преображенского приказа, так называемыми делами — «Слова и дела». Передо мной во всем блеске, во всей гениальной силе раскрылось сокровище русского языка. Я, наконец, понял тайну построения художественной фразы: ее форма обусловлена внутренним состоянием рассказчика, повествователя, за которым следует движение, жест и, наконец, глагол, речь, где выбор слов и расстановка их адекватны жесту.

1943. Краткая автобиография⁸ А. Н. Толстого. Соч., т. I, стр. 85.

Русский литературный язык ближе, чем все другие европейские языки, к разговорной народной речи. В русской литературе были уклоны, когда литературный язык уходил от народной речи в некую искусственную форму. Иные писатели переносили на русскую почву французскую галантную, прекрасно сделанную литературную фразу, и недаром так боролся с этим Лев Толстой, который, ломая все, обнажая правду, добивался магической силы слова.

1943. Книга для детей. Соч., т. XIV, стр. 353.

РАБОТА ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Марать нужно много, чем больше, тем лучше. Писать без помазок нельзя. Это вздор — не черкают и не марают только графоманы. Человека должно мучить, если он на странице не найдет ни одного места, чтобы зачеркнуть и переправить. Никто так не марал рукописей, как Пушкин или Лев Толстой.

1927. Мое творчество. Соч., т. XIII, стр. 554.

Как я работаю над языком? Я стараюсь увидеть нужный мне предмет (вещь, человека, животное). Вещь я определяю по признаку, характеризующему ее отличительное бытие среди

окружающих вещей (пример: в изящной комнате стоит крашенный стул. Я не стану описывать ни его формы, ни материала — определю только: «крашенный»). В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию. Если одного движения недостаточно для характеристики, — ищу наиболее замечательную особенность (скажем — руку, прядь волос, нос, глаза и тому подобное) и, выделяя на первый план эту часть человека определением (по примеру «крашеного стула»), даю ее опять-таки в движении, т. е. вторым глаголом детализирую и усиливаю впечатление от первого глагола <...>

Работать над стилем — значит, во-первых, сознательно ощущать это соответствие, затем уточнять определения и глаголы, затем беспощадно выбрасывать все лишнее: ни одного звука «для красоты». Одно прилагательное лучше двух, если можно выбросить наречие и союз — выбрасывайте. Отсеивайте весь мусор, сдирайте всю тушность с кристаллического ядра. Не бойтесь, что фраза холодна, — она сверкает.

Какая расстановка слов дает фразе наибольшую эмоциональную силу? Предположим, что скупость и точность уже соблюдены. Ближайшее слово (считаю слева направо), поставленное под главное ритмическое ударение фразы, должно быть именно тем понятием, во имя которого вы создаете данную фразу. Оно должно дать первый рефлекс. Например: «искаженное лицо было покрыто бледностью». Здесь существенно то, что — искаженное лицо. «Бледностью покрыто было искаженное лицо». Здесь существенно — бледность. Существительное в этой фразе не несет никакого рефлекса, так как само собой подразумевается, поэтому «лицо» ритмически само перескакивает во втором варианте фразы на последнее место <...> Место вспомогательного глагола «было» зависит уже только от ритмики <...>

Меняю ли текст при последующих изданиях? Да. Сколько изданий — столько и текстов. Некоторые романы («Чудаки», «Хромой барин») по три раза переписывал заново. Брошу переделывать, когда дело пойдет под гору, но — покуда вижу ошибки, значит, еще расту.

1930. Как мы пишем. Соч, т. XIII, стр. 569—572.

Нужно во всю силу поставить вопрос о языке. Я помню, когда я начал писать рассказы, я по два, иногда по три и четыре раза переделывал их. И во время каждой переделки менялся язык. И вот я задал себе вопрос: почему нужно фразу сказать так, а не иначе, почему так расставить слова, а не иначе? Каковы законы языка? Этому я не знал и не понимал.

Вначале, чтобы уничтожить эту текучесть, чтобы утвердить в себе язык, я подражал языку Гоголя и Тургенева. Сначала языку Тургенева, а затем Гоголя. Я брал на слух. Если мой язык был близок к языку Гоголя, значит, хорошо. Но это было плохо

потому, что было только подражанием, отсветом большого света <...>

Когда вы пишете, вы должны видеть предмет, о котором пишете, и видеть его в движении <...> И вот, когда вы увидите предмет в движении, вы найдете глагол этого предмета. Движение и его выражение — глагол — являются основой языка. Найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе.

1933. Стенограмма беседы с коллективом редакции журнала «Смена». Соч., т. XIII, стр. 498—499.

Городской человек, да еще кабинетный человек, часто теряет связь между идеями и вещами. Язык становится лишь выражением отвлеченной мысли. Для математика это хорошо. Для писателя это плохо, — писатель должен видеть прежде всего и, увидев, рассказывать виденное, — видеть текущий мир вещей, как участник потока жизни.

1934. Ответ Ильенкову. Соч., т. XIII, стр. 346.

Первые рассказы я переписывал по многу раз и все же не мог добиться того необходимого, чтобы фраза стала кристаллически прочной и ясной, чтобы фраза возбуждала в мозгу зрителя подобно вспышке света в фотоаппарате, ясное и четкое образное представление.

Мысли и художественный образ расплывались в этой путанице, в скользкой ткани языка.

1934. О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 357.

БОРЬБА С ФОРМАЛИЗМОМ И НАТУРАЛИЗМОМ

Недавно прочел деловое описание мастерской на заводе; оно начинается фразой: «Розовые пальцы рассвета обшаривали звонкую тишину токарной мастерской» и т. д. Откуда это? — подумалось мне. И вспомнил: «Фиолетовые руки на эмалевой стене полутоном чертят звуки в сладкозвучной тишине» (Брюсов, девятые годы).

Как это ни дико, — беллетристика заимствует язык у поэзии, да еще беллетристика с устремлением городским, производственным. Это все равно, как бы топить печи пламенными стихами Верхарна: можно, но не следует.

Вместо сжатого, делового, активного, умного, живого языка, каким он должен быть у современности, берется сродне, не подходящее для производства. Стальной вал хотят обтачивать не резцом, а розой.

1925. Достижения в литературе. Соч., т. XIII, стр. 295.

Искусство не может быть односторонним, как пытались доказать когда-то символисты, презиравшие «толпу», воспринимавшие мир как свое представление. Литературное произведение

существует постольку, поскольку оно воспринимается массами; находит в них живой отклик.

Словесная ткань, слова, сочетания слов должны быть расшифрованы читателем, должны снова превратиться в духовную энергию, иначе они навсегда останутся черными значками на белой бумаге, как некоторые навсегда закрытые письма давно умерших народов <...>

...В начале моего литературного пути мне трудно давался язык <...>

То мне казалось <...> необходимым, чтобы фраза гипнотизировала моего читателя «магией» слов, шаманскими ритмами. Эта «магия»; наследие символистов и мистиков, эта школа Андрея Белого много наделала нам бед <...>

Ложью была попытка «акмеистов» пересадить ледяные цветочки французского Парнаса в российские дебри. Сложным эпитетом, накладыванием образа на образ акмеисты подменяли огонь подлинного поэтического чувства <...>

«Перед ним змеилась пыльная дорога серым ковром». Или: «Ива свесила плакучие ветви вопросительными знаками...» Этакое стремление писать «поэтично»; не доверяя простым, так сказать, «подлым» предметам в их собственной поэтичности.

Ты сказал «пыльная дорога» — в воображении читателя возник образ некоей пыльной дороги; этот образ можно уточнить, индивидуализировать, — правильно. Но ты сейчас уже накладываешь другой образ из другой обстановки — «серый ковер»... Фантазия читателя испытывает то же, что фотографическая пластинка, на которой сняты два изображения.

Начинающий писатель в самом деле станет думать, что проста ничего нельзя говорить. И получается: «Город вздыбился», «Железные ночи ломались», «Завод протянул руку рывками виадука».

1934. О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 353, 357—358.

Книги Панферова переведены на все языки <...> Но для нас сегодня его литературная форма — уже противоречие. Вот о чем говорит Горький. Он говорит, что книга Панферова нужна была и хороша в свое время, несмотря на «выкулдыкивание». Сегодняшняя литература должна быть по плечу стране, выходящей на первое место в мире, — сегодня «выкулдыкивания» нам не простят ни наш читатель, ни читатель зарубежный <...>

Больше нельзя лопатой швырять в книжку слова без разбору. Язык двигается к точности и выразительности через простоту и экономию... Будем мыслить, что мы идем к такому совершенству, когда возможен, например, литературный скандал по поводу лишнего или неправильного эпитета (совершенно так же, как машиностроение идет от точности одна десятая миллиметра к точности одна сотая) <...>

В самом деле, нельзя представить, чтобы профессор русского

языка втолковывал студентам глагол «выкулдыкивать» ...Через два-три года советский читатель будет неизмеримо культурнее тех писателей, кто сегодня женственным голосом требует поливки, или тех, кто сегодня, и не откладывая, не почувствует поставленным себя кверху ногами проклятой диалектикой...

1934. *Нужна ли мужицкая сила? Соч., т. XIII, стр. 342—343.*

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Что касается введения в русскую речь иностранных слов, то Владимир Ильич Ленин прав: не нужно от них открещиваться, не нужно ими и злоупотреблять. Известный процент иностранных слов возрастает в язык. И в каждом случае инстинкт художника должен определить эту меру иностранных слов, их необходимость. Лучше говорить «лифт», чем «самоподымальщик», «телефон», чем «дальнеразговорня», «пролетарии», чем «голодранцы», но там, где можно найти коренное русское слово — нужно его находить.

1924. *Чистота русского языка. Соч., т. XIII, стр. 291.*

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Иван Грозный <...> пишет свои письма на живом языке. Но Курбский, принадлежавший к княжеской оппозиции, человек по тому времени высокообразованный и изысканный, отвечает царю «высоким стилем». Строй его речи церковно-книжный, уснащенный греческими, латинскими, польскими словами <...>

Переворот Петра I сломал лишь внешние формы письменной литературы, но дух ее остался, — она продолжала развиваться вне широких масс, в сторону от них, в пустоту. За весь XVIII век литературный язык переваривает хаос иностранных слов, внесенных в начале века, и вырождается в служебно-придворное славословие <...> Пушкин первый производит революцию словесности: Он ломает четыре столетия и врывается своим гением в стихию народного языка <...>

Литература XX-го века в лице символистов открыто, канонически утверждает французский строй речи. Перед войной происходит бурное гниение литературного языка. На этом дымящемся навозе возникают литературные секты, вплоть до «ничегозов».

Октябрьская революция до основания и навсегда разрушила те условия, в которых развивался условный литературный язык. Не напрасно за нынешние годы литература полным лицом повернулась к Пушкину. Это был революционный инстинкт. Ничто не порождается без преемственности. Преемственность послеоктябрьской литературы — Пушкин.

1924. *Чистота русского языка. Соч., т. XIII, стр. 289—291.*

Российская изящная словесность с начала возникновения (если не считать уникального изумительного памятника «Слово о полку») до конца XVII века пользовалась давно вымершими формами церковнославянского языка.⁹ Это была российская латынь. Народная, живая речь считалась «подлой». Любопытно, как бешеный темперамент Ивана Грозного в письмах к князю Курбскому прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни <...>

Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «житие» и «послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума, закончившего литературную деятельность страшными пытками и казнью в Пустозерске. Речь Аввакума — вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос. Он говорит на «мужицком», «подлом» языке.

1934. *О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 361—362.*

Литературным языком допетровской эпохи был церковно-славянский. На нем писали духовные писатели и небольшое количество светских. С Петра церковнославянский язык умирает, так как им нельзя было выразить все то новое, что пришло с новой эпохой: ни техники, ни науки, ни экономики и пр. Но откуда было взять новый литературный язык? И вот стали брать немецкие, голландские, французские слова и обороты речи. Стали переносить на русскую почву сложность придаточных предложений немецкого и французского языков.

1933. *Стенограмма беседы с коллективом редакции журнала «Смена».*¹⁰
Соч., т. XIII, стр. 499—500.

О ЯЗЫКЕ КЛАССИКОВ

Молодой Пушкин черпает золотым ковшом народную речь, еще не остывшую от пугачевского пожара.

1934. *О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 363.*

Пушкин учился языку у просвирен. Лев Толстой — складу речи — у деревенских мужиков.

1934. *Ответ Ильенкову. Соч., т. XIII, стр. 345.*

...Для меня Лев Толстой — один из четырех главных и любимых: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Л. Толстой <...> Он разрушил плавную, красивую фразу, назначение которой было ласкать слух, ввел во фразу индивидуальный эпитет; выдвинул на главное место существительное и вернул слову пластическую силу. Недаром его упрекали за «тяжелый язык». Он сделал язык орудием изображения.

1927. *Из анкеты для журнала «Огонек». Соч., т. XIII, стр. 300.*

Толстой — гениальный писатель. Он достигает такой высоты своим языком, что глазам больно, до чего вы ясно видите <...> Он до галлюцинации видит движение, жесты и находит соответствующие слова.

1933. Стенограмма беседы с коллективом журнала «Смена».
Соч., т. XIII, стр. 501.

Я перечитывал Чехова. В чем был секрет его живых слов? За каждой фразой — живой человек, мало того, — тип, мало того — эпоха... Меня всегда потрясала последняя фраза доктора Астрова: «А должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело...» Откуда могла появиться эта Африка, будто приоткрытое окошечко в глубь человека? <...> Я изучал классиков, но у меня не было ключа к тайнам языка Пушкина, Гоголя, Шедрина, Толстого и т. д.

1934. О драматургии. Соч., т. XIII, стр. 358—359.

Я упоминаю в моем слове Лермонтова-прозаика, не касаясь Лермонтова-поэта, потому что, отдавая все должное Лермонтову-поэту, его прозрачному, совершенному стиху, как бы вырезанному на меди, более холодному, чем стих Пушкина, но не менее совершенному, — считаю, все же, что Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться, должны изучать лермонтовскую прозу, должны воспринимать ее как истоки великой русской прозаической литературы <...>

Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника...

1939. Из речи на торжественном заседании памяти
М. Ю. Лермонтова. Соч., т. XIII, стр. 427—428.

В траурный день пятилетия смерти Максима Горького я хочу напомнить всем, кому дорого художественное слово, литературные заветы Алексея Максимовича о том, как необходимо знать, любить и честно обращаться со словом, этим могучим оружием идеологической борьбы <...>

Горький воспитывал мастеров литературы, призывал учиться «делу живописи словами у старых мастеров», призывал освоить приемы работы, «секреты» мастерства <...> У классиков Алексей Максимович советовал учиться языку. Язык — один из основных элементов литературы, и умение пользоваться им, отбирать точные, меткие, отвечающие смыслу определяемого ими понятия слова — вот задача писателя. Так и только так нужно понимать то, что Пушкин учился у московских просвирен, у своей няни Родионовны. Таким именно языком писали классики, тщательно работая над ним, откидывая, как говорит Алексей Максимович, все «случайное, временное и непрочное, капризное и

фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», то есть строем общеплеменного языка».

Алексей Максимович так формулировал значение языка в классовой борьбе: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры...»

1941. Могучее оружие. Соч., т. XIII, стр. 433—434.

Русский язык — это прежде всего Пушкин — нерушимый причал русского языка. Это Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький.

1934. Книга для детей. Соч., т. XIV, стр. 353.

О ЯЗЫКЕ ДЕТСКИХ КНИГ

На каком языке написаны многие из книг, которые предлагаются детям для чтения? Разве у детей, читающих такие книги, захватит дух от радости познания русского языка? Разве дети разглядят что-нибудь сквозь фразы, находящиеся в длительном и каждодневном употреблении? Нельзя употреблять такие словечки, как «зачитать», «захоронить» или слово «пара» по отношению к непарным предметам: например, «пара книг», «пара дней», «пара лет».

1943. Книга для детей. Соч., т. XIV, стр. 354.

О ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ ¹¹

Язык готовых выражений, штампов, каким пользуются нетворческие писатели, тем плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа. Фразы такого языка скользят по воображению, не затрагивая сложнейшей клавиатуры нашего мозга. «Буйная рожь» — это образ. «Буйный рост наших заводов» — это зрительная метафора. «Буйный рост нашей кинематографии» — здесь уже полная потеря зрительного образа, бессмыслица..

1934. О драматургии Соч., т. XIII, стр. 360.

Передовые статьи, фельетоны, отчеты, заметки и т. д. пишутся в ряде случаев банальным, штампованным языком, приглаженным под средний уровень, скользким как давно знакомое и слышанное по сознанию читателя..

Почему наша кипучая, молодая, творческая, громадная, своеобразная жизнь теряет на страницах некоторых газет свои краски, приобретает скучное, заштампованное лицо?

Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, гибкого, роскошного языка, более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?

Почему мы должны скучно скрипеть перьями, когда наши идеи, мысли, образы должны греметь, как золотая труба нового мира?

1938. Читатель о газете. Соч., т. XIII, стр. 399.

Может быть, мы не забыли наш язык, но говорим-то мы и часто пишем не на русском языке.

Наши газеты, а порой и беллетристика употребляют слово только как понятие, но если слово — только понятие, то язык можно свести к пятистам фразам и на них объясняться, как на эсперанто.

1943. Книга для детей. Соч., т. XIV, стр. 352—353.

В. В. Маяковский

ЯЗЫК КАК ОРУДИЕ БОРЬБЫ¹

Слово —

полководец

человечьей силы.

1926. Сергею Есенину. Соч., т. 8, стр. 20 *

Я знаю силу слов,

я знаю слов набат.

Они не те,

которым рукоплещут ложи.

От слов таких

срываются гроба

шагать

четверкою

своих дубовых ножек.

Бывает —

выбросят,

не напечатав,

не издав.

Но слово мчится,

подтянув подпруги,

звенят века,

и подползают поезда

лизать

поэзии

мозолистые руки.

Неоконченное. Соч., т. 10, стр. 136.

Огромный труд — гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.

* Ссылки даются по Полному собранию сочинений в 12 томах. ГИХЛ, М., 1939—1949.

Изводишь
                        единого слова ради,
тысячи тонн
                        словесной руды.
Но как
                        испепеляюще
                                слов этих жжение
рядом
                        с тлением
                                слова-сырца.
Эти слова
                        приводят в движение
тысячи лет
                        миллионов сердца <...>
Пуд,
                        как говорится,
                                соли столовой
съешь
                        и сотней папирос клуби,
чтобы
                        добыть драгоценное слово
из артезианских
                                людских глубин.

*1926. Разговор с фининспектором о поэзии.
Соч., т. 8, стр. 28—31.*

Какие же данные необходимы для начала поэтической работы?

Первое. Наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением <...>

Второе. Точное знание или, вернее, ощущение желаний вашего класса (или группы, которую вы представляете), в этом вопросе, т. е. целевая установка.

Третье. Материал. Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа, нужными, выразительными, редкими, избранными, обновленными, произведенными и всякими другими словами <...>

Пятое. Навыки и приемы обработки слов, бесконечно индивидуальные, приходящие лишь с годами ежедневной работы <...>

Например: социальное задание — дать слова для песен идущим на питерский фронт красноармейцам. Целевая установка — разбить Юденича. Материал — слова солдатского лексикона. Орудие производства — огрызок карандаша. Прием — рифмованная частушка. Результат:

Милкой мне в подарок бурка
и носки подарены.
Мчит Юденич с Петербурга,
как наскипидаренный.

Новизна четверостишия, оправдывающая производство этой частушки, — в рифме «носки подарены» и «наскипидаренный». Эта новизна делает вещь нужной, поэтической, типовой.

Для действия частушек необходим прием неожиданной рифмовки при полном несоответствии первого двухстрочья со вторым. Причем первое двухстрочье может быть названо вспомогательным <...>

Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтобы не мешать мычанию, то помывчивая быстрее в такт шагам.

Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, приходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова.

Некоторые слова просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, переворачиваются и выворачиваются по несколько десятков раз, пока не чувствуешь, что слово стало на место (это чувство, развиваемое вместе с опытом, и называется талантом). Первым чаще всего выявляется главное слово — главное слово, характеризующее смысл стиха, или слово подлежащее рифмовке. Остальные слова приходят и вставляются в зависимости от главного. Когда уже основное готово, вдруг выступает ощущение, что ритм рвется — нехватает какого-то сложка, звучика. Начинаешь снова перекраивать все слова, и работа доводит до исступления. <...>

Размер получается у меня в результате покрытия этого ритмического гула словами, словами, выдвигаемыми целевой установкой (все время спрашиваешь себя: А то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется? и т. д.), словами, контролируемыми высшим тактом, способностями, талантом. <...>

Начинаю подбирать слова.

Вы ушли, Сережа, в мир иной...
Вы ушли бесповоротно в мир иной.
Вы ушли, Есенин, в мир иной.

Какая из этих строчек лучше?

Все дрянь! Почему?

Первая строка фальшива из-за слова «Сережа». Я никогда так амигошонски не обращался к Есенину, и это слово недопустимо и сейчас, так как оно поведет за собой массу других не свойственных мне и нашим отношениям словечек: «ты», «милый», «брат» и т. д.

Вторая строка плоха потому, что слово «бесповоротно» в ней необязательно, случайно, оставлено только для размера; оно не только не помогает, ничего не объясняет, оно просто мешает. Действительно, что это за «бесповоротно»? Разве кто-нибудь умирал поворотом? Разве есть смерть со срочным возвратом?

Третья строка не годится своей полной серьезностью (целевая установка постепенно вбивает в голову, что это недостаток всех

трех строк). Почему эта серьезность недопустима? Потому, что она дает повод приписать мне веру в существование загробной жизни в евангельских тонах, чего у меня нет, — это раз, а во-вторых, эта серьезность делает стих просто погребальным, а не тенденциозным — затемняет целевую установку. Поэтому я ввожу слова «как говорится».

Вы ушли, как говорится, в мир иной.

Строка сделана: «как говорится», не будучи прямой насмешкой, тонко снижает патетику стиха и одновременно устраняет всяческие подозрения по поводу веры автора во все загробные ахинеи. Строка сделана и сразу становится основной, определяющей все четверостишие, его нужно сделать двойственным, не приплясывать по поводу горя, а с другой стороны, не распускать слезоточивой нуди. Надо сразу четверостишие перервать пополам: две торжественные строки, две разговорные, бытовые, контрастом оттеняющие друг друга. Поэтому сразу согласно с моим убеждением, что для строк повеселей надо пообрезать слоги. Я взялся за конец четверостишия:

Ни аванса вам, ни бабы, ни пивной
ра ра ра ра ра ра ра трезвость.

Что с этими строками делать? Как их урезать? Урезать надо «ни бабы». Почему? Потому что эти «бабы» живы. Называть их так, когда с большой нежностью им посвящено большинство есенинской лирики, — бестактно. Поэтому и фальшиво, поэтому и не звучит. Осталось:

Ни аванса вам, ни пивной.

Пробую пробормотать про себя — не получается. Эти строки до того отличны от первых, что ритм не меняется, а просто ломается, рвется. Перерезал. Что же делать? Недостаёт какого-то сложка. Эта строка, выбившись из ритма, стала фальшивой и с другой стороны — со смысловой, она недостаточно контрастна и затем взваливает все «авансы и пивные» на одного Есенина, в то время как они одинаково относятся ко всем нам.

Как же сделать эти строки еще более контрастными и вместе с тем обобщенными?

Беру самое простонародное:

Нет тебе ни дна, ни покрышки,
Нет тебе ни аванса, ни пивной.

В самой разговорной, в самой вульгарной форме говорится:

Ни тебе дна, ни покрышки,
ни тебе аванса, ни пивной.

Строка стала на место и размером и смыслом.

«Ни тебе» еще более контрастировало с первыми строками, а обращение в первой строке «Вы ушли», а в третьей «ни тебе» —

сразу показало, что авансы и пивные вставлены не для унижения есенинской памяти, а как общее явление. Эта строка явилась хорошим разбегом для того, чтобы выкинуть все слога перед «резвость», и эта трезвость явилась как бы решением задачи. Поэтому четверостишие располагает к себе даже ярых приверженцев Есенина, оставаясь по существу почти издевательским.

Четверостишие в основном готово, остается только одна строка, незаполненная рифмой.

Вы ушли, как говорится, в мир иной,
может быть летите ра-ра-ра-ра,
Ни тебе аванса, ни пивной —
Трезвость.

Может быть, можно оставить незарифмованной? Нельзя. Почему? Потому что без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется.

Рифма возвращает нас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль держаться вместе<...>

В моем стихе необходимо зарифмовать слово «резвость». Первыми, пришедшими в голову, будут слова вроде «резвость», например:

Вы ушли, как говорится, в мир иной,
может быть, летите... знаю вашу резвость!
Ни тебе аванса, ни пивной —
резвость.

Можно эту рифму оставить? Нет. Почему? Во-первых, потому, что эта рифма чересчур полная, чересчур прозрачная. Когда вы говорите «резвость», то рифма «резвость» напрашивается сама собою и, будучи произнесенной, не удивляет, не останавливает вашего внимания<...> Слово «резвость» плохо еще и тем, что оно вносит элемент насмешки уже в первые строки, ослабляя таким образом всю дальнейшую контрастность. Может быть, можно облегчить себе работу, заменив слово «резвость» каким-нибудь легче рифмуемым или не ставить «резвость» в конец строки, а дополнить строку несколькими слогами, например: «резвость, тишь»? По-моему, этого делать нельзя, — я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась, и в словаре рифм ее нет<...>

Взяв самые характерные звуки рифмуемого слова, «резв», повторяю множество раз про себя, прислушиваясь ко всем ассоциациям: «рез», «резв», «резерв», «влез», «врез», «врезв», «врезываюсь». Счастливая рифма найдена. Глагол — да еще торжественный!

1927 Как делать стихи? Соч., т. 19, стр. 217—218, 230—235.

БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ
СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ⁴

Я
поэзии
одну разрешаю форму:
краткость,
точность математических формул.

1922. Пятый Интернационал. Соч., т. 2, стр. 96.

Посудите:
сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть).
А он
вытягивает,
как булавку из ила,
пустяк,
который полегше зарифмоплесть.
А много ль в языке такой чуши,
чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!
Выберет ..
и опять отчесывает вычески,
чтоб образ был «классический»,
«поэтический».
Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора лающиеся.
А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое-нибудь слово;
например, «млекопитающее».
Потеют как следует
над большим листом.
А только сбоку
на узеньком клочочке
коротенькие строчки растянулись глистом.
А остальные —
одни запятые да точки.
Хороший язык; взял да и искрошил
зря только на обучение тратились гроши.

1923. О поэтах. ⁵ Соч., т. 2, стр. 192—193.

Нами
лирика
в штыки

неоднократно атакована, ⁶

ищем речи
                  точной
                          и нагой.
                                  1924. Юбилейное. Соч., т. 2, стр. 334.

Чем нам
                  делить
                          поэтическую власть,
сгрудим
                  нежность слов
                          и слова-бичи,
и давайте
                  без завистей
                          и без фамилий
  клясть
в коммунову стройку
                          слова-кирпичи.

1926. Послание пролетарским поэтам. Соч., т. 18, стр. 79.

Довольно
                  сонной,
                          расслабленной праздности!
Довольно
                  kozyрянья
                          в тысячи рук!
Республика искусства
                          в смертельной опасности —
в опасности краска,
                          слово,
                                  звук.

Громы
                  зажаты
                          у слова в кулаке, —
а слово
                  зовется
                          только с тем,
чтоб кланялось
                          событию
  слово-лакей,
чтоб слово плелось
                          у статей в хвосте
Брось дрожать
                          за шкуры скряжи!
Вперед забегайте,
                          не боясь суда!
Зовите рукой
                          с грядущих кряжей:
«Пролетарий,
                          сюда!» <...>

Разнообразны
   души наши.
 Для боя гром,
   , для кровати —
   шопот.
 А у нас
   для любви и для боя —
   марши.
 Извольте
   под марш
   к любимой шлепать!
 Почему
   теперь
   про чужое поем,
 изъясняемся
   ариями
   Альфреда и Травнаты?
 И любви
   придумаем
   слово свое,
 из сердца сделанное,
   а не из ваты.

1926. Передовая передового. Соч., т. 8, стр. 41—43.

Надо точно учитывать среду, в которой развивается поэтическое произведение, чтобы чуждое этой среде слово не попало случайно.

Например, у меня была строка:

Вы такое, милый мой, умели.

«Милый мой» — фальшиво, во-первых, потому, что оно идет вразрез с суровой обличительной обработкою стиха; во-вторых, этим словом никогда не пользовались мы в нашей поэтической среде. В-третьих, это — мелкое слово, употребляемое обычно в незначительных разговорах, применяемое скорее для затушовки чувства, чем для оттенения его; в-четвертых — человеку, действительно размягшему от горести, свойственно прикрываться словом поглубже. Кроме того, это слово не определяет, что человек умел — что умели?

1927. Как делать стихи? Соч., т. 10, стр. 240—241.

Вот русский язычок одного из стихотворений в сегодняшнем номере «Красной нивы»: «От радости сердце разбилось вдвое». «Вдвое» — это определение количественного увеличения.

Выступление на диспуте «Упадочное настроение среди молодежи» 13 февраля 1927 г. Соч., т. 10, стр. 336.

Взять дальше, скажем, этого самого Анатолия Кудрейко. Я не знаю, у какого еще конструктивиста могли бы быть мыслимы эти строчки:

В ночи скрипит сухая ель
И вот (уж сколько лет!)
Как вторит мне виолончель
Тромбон и флажелет.

Это — пастушески-пасторальная оснастка поэтического произведения <...> Флажелет — это в нашем употреблении не музыкальный инструмент, — это способ игры на скрипке, и смешивать его с разного рода музыкальными инструментами нельзя.

*Выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 г.
Соч., т. 10, стр. 359.*

О ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ 7

О новом надо говорить и новыми словами. Нужна новая форма искусства.

*Выступление на митинге «Пролетариат и искусство»
22 декабря 1918 г. Соч., т. 2, стр. 518.*

Возьмите настоящего поэта — это не диктовщик морали, поэт уже не в этом смысле слова, но среди разноголосицы и шума и слов он берет самое существенное — как видоизменялись слова, какие новые лозунги и построения речи нашла революция.

*Выступление на диспуте «Художник в театре» 3 января 1921 г.
Соч., т. 3, стр. 391.*

Слово за словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слова мастерская!
Подходящее
откуда взять?
1924. Владимир Ильич Ленин. Соч., т. 6, стр. 140.
Слова
у нас,
до важного самого,
в привычку входят,
ветшают как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово —
п а р т и я.

Там же, стр. 176—177.

Мне б хотелось
 про Октябрь сказать,
 не в колокол названивая,
 не словами,
 украшающими
 тепленький уют, —
 дать бы
 революции
 такие же названия,
 как любимым
 в первый день дают!
 1926. Не юбилейте! Соч., т. 8, стр. 156.

Я хочу писать о своем деле не как начетчик, а как практик. Никакого научного значения моя статья не имеет. Я пишу о своей работе, которая, по моим наблюдениям и по убеждению, в основном мало чем отличается от работы других профессионалов-поэтов.

Еще раз очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила...

Положения, требующие формулирования, требующие правил, — выдвигает жизнь. Способы формулировки, цель правил, определяется классом, требованиями нашей борьбы.

Например, революция выбросила на улицу корявый говор миллионов, жаргон окраины полился через центральные проспекты, расслабленный интеллигентский язычишко с его выхолащенными словами: «идеал», «принципы справедливости», «божественное начало», «трансцендентальный лик Христа и Антихриста», — все эти речи, шопотком произнесенные в ресторанах, — смяты. Это — новая стихия языка. Как его сделать поэтическим? Старые правила с «грезами, розами» и александринским стихом не годятся. Как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров? Плюнуть на революцию во имя ямбов?

Мы стали злыми и покорными.
 Нам не уйти.
 Уже развел руками черными
 Викжель пути.

(З. Гиппиус)

Нет! Безнадёжно складывать в 4-стопный амфибрахий, придуманный для шопотка, распирающий грохот революции!

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
 Застольные гости громовых пиров.
 Орлиное племя, матросы, матросы,
 Вам песнь огневая рубиновых слов.

(Кириллов)

Нет!

Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни.

Революционный держите шаг!
(Блок)

Разворачивайтесь в марше!...
(Маяковский)

Мало того, чтоб давались образцы нового стиха, правила действия словом на толпы революции, — надо, чтобы расчет этого действия строился на максимальную помощь своему классу.<...>

Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающихся поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный лом, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала. От количества и качества этого нового будет зависеть — годен ли будет такой сплав в употребление.

Новизна, конечно, не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, внедрением, распространением.

1927. *Как делать стихи? Соч., т. 10, стр. 211—216.*

Для меня эта книга большого словесного значения, работа, очищающая наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия.

1930. *Прошу слова. Соч., т. 10; стр. 321.*

ОБ АРХАИЗМАХ

Если ж,
телом и духом слит,
прет
на нас непохожий,
шпилим —
«царственный вид»,
удивляемся —
«дар божий».
Скажут так, —
и вышло
ни умно, ни глупо.
Повисят слова
и уплывут, как дымы.
Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.
Ни рукам,
ни голове не ошутимы.

1924. *Владимир Ильич Ленин. Соч., т. 6, стр. 141—142.*

Этого
не объяснишь
церковными
славянскими
крюками,
и не бог
ему
велел. —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственной головой
пошел он
этот путь.

1924. Владимир Ильич Ленин. Соч., т. 6, стр. 167—168.

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

На съезде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте, —
как понимается описываемое в газете.

Акулровкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско».
Задумались
Что это за «фиаска» за такая?
Из-за этой «фиаски»
грамотей Ванюха
чуть не разодрался:
— Слушай, Петь,
с «фиаской» остро держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи,
даже Стиннеса —
и то! —
прогнал из Рура.
А этого терпит.

Значит — богаче.
Американец, должно.
Понимаешь, дура?! —

С тех пор,
когда самогонщик,
местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,
в уважение к богатству,
скидыва́я картуз,
его называли:
— Господином Фиаской.

Последние известия получили красноармейцы.
Сели.

Читают, газетиной вея.

— О французском наступлении в Руре имеется?

— Да, вот написано:

«Дошли до своего апогея».

— Товарищ Иванов!

ты ближе.

Эй!

На карту глянь!

Что за место такое:

А-п-о-о-г-е-й? —

Иванов ищет.

Дело дрянь.

У парня

аж скулу от напряжения свело.

Каждый город просмотрел,

каждое село.

«Эссен есть, —

Апогея нету!

Деревушка махонькая должно быть это.

Верчусь, —

аж дыру провертел в сапоге я, —

не могу найти никакого Апогея».

Казарма

малость

посовещалась.

Наконец

товарищ Петров взял слово:

— Сказано: до своего дошли —

ведь не до чужого.

Пусть рассеется сомнений дым.

Будь он селом или градом.

Своего «апогея» никому не отдадим.

а чужих «апогеев» нам не надо. —

Чтоб мне не писать, впустую оря,
мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря,
газете — не гоже.

1923. О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах.
Соч., т. 2, стр. 196—198.

Еще в восемнадцатом году т. Ленин указывал в «Правде» на необходимость выработки для статей краткого «телеграфного» языка.

В речи т. Калинина на 4-м съезде работников печати тот же призыв — упрощать «стиль» — внешность, форму наших статей. Еще бы!

Во всех газетах до сих пор мелькают привычные, но никому не понятные, ничего не выражающие уже фразы: «проходит красной нитью», «достигло апогея», «дошло до кульминационного пункта», «потерпела фиаско» и т. д. и т. д., до бесконечности.

Этими образами пишущий хочет достигнуть высшей образности — достигается только непонятность.

На одной московской лестнице я видел надпись одного такого писателя: «Воспрещается не выпускать собак».

Для усиления впечатления «писатель» поставил рядом с «воспрещается» еще и «не выпускать», получилось не усиление впечатления, а наоборот: по точному смыслу этого приказа, каждый должен был бы бешено гнать собак на лестницу.

Точно так же «форма» часто выворачивает «содержание» статей.

Конечно, трудно рабочему, в первый раз берущему в руку перо, думать еще и о своей форме. Он только старается верно описать факт, верно изложить мысль, пользуясь для этого «литературным» языком, т. е. тем словесным материалом, который ему дают сегодняшние публицисты, писатели, поэты <...>

Иностранщина из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того, чтоб руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки», и «хитоны», и «Парфенон», и «грезы», и чорт его знает, чего тут только нет.

Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю.

Ты хвастаешься, что ты хорошо владеешь словом, — будь добр, напиши образцовое «постановление месткома об уборке мусора со двора». Не хочешь? Ты говоришь, что у тебя более возвышенный стиль? Тогда напиши образцовую передовицу, обращенную к народам мира, — разве может быть более возвышенная задача? Только тогда мы поверим, что твои упражнения в области поэзии имеют действительный смысл, что твоя возвышенная работа может быть использована для улучшения жизни

людей. Тогда никто не будет возражать и против твоих туманных, непонятных стихов.

А то у нас в области словесного искусства одни инженеры и ни одного рабочего, ни одного мастера.

А какой тогда смысл в возвышенных планах?

1923. *С неба на землю. Соч., т. 2, стр. 510—512.*

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Вот Анатолий Васильевич упрекает в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать «Евгения Онегина», которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

Я знаю: жребий мой * измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям, и даже в тот момент, когда смерть будет накладывать нам петлю на шею, тысячи раз учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, днптуемой, чувствуемой мысли.

*Выступление на диспуте о задачах литературы и драматургии
26 мая 1924 г. Соч., т. 2, стр. 523.*

...Мы говорим: когда ты даешь революционную боевую песню, то помни, что мало в этой песне дать случайное выражение, которое подвернется под руку, а подбирай слова, которые выработали до тебя поколения предыдущей литературы, чтобы два раза не делать одной и той же работы.

*Выступление на I конференции пролетарских писателей
9 января 1925 г. Соч., т. 2, стр. 526.*

---

* Маяковский цитирует неточно. У Пушкина: Я знаю: век уж мой измерен...

Д. А. Фурманов

ЕДИНСТВО ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

На литературу мы привыкли смотреть как на отражение жизни, в литературных произведениях за словами и образами мы привыкли видеть идеи и настроения, которые волновали творцов, а вместе с ними и общество, их породившее, воспитавшее и питающее своими соками.

1922. Завядший букет. Соч., т. 3, стр. 244.*

Следите за словом, за стилем изложения, за каждым выражением. Все должно быть на своем месте, все должно быть обосновано, все должно быть там дано, где это требуется развитием сюжета, и так дано, чтобы ничем уже заменить было невозможно, без ущерба для цельности и красоты всей вещи.

1924. Письма авторам. Соч., т. 3, стр. 242.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ

Уж если в области практической повседневной жизни мы то и дело творим новые слова, какие-нибудь «Главтекстили», «Упвасо», «Чусоснабармы», слова, порожденные исключительно новыми условиями и новыми потребностями, — как же оставаться с одними старыми словами в поэзии, рождающейся из глубины современного, нового человека, отражающего в своем творчестве не только эту конкретную действительность, которой живем, но и ту нсвую, прозревшую жизнь, за которую боремся, за которую стоит перенести новые страдания, вести любую самую тяжелую борьбу? Истинный поэт должен найти эти новые слова.

1924. Из дневника писателя, изд. «Молодая гвардия», стр. 68.

---

* Д. А. Фурманов. Сочинения в трех томах. ГИХЛ, М., 1952. Ссылки по этому изданию, кроме особо оговоренных.

ПРОТИВ ПСЕВДОНОВАТОРСТВА И ПСЕВДОНАРОДНОСТИ

Погоня за новыми словами, оригинальным выражением, охота до пафсса и причудливых поз является отличительной чертой большинства этих разрозненных группочек... Некоторые группочки насчитывают своих членов и последователей единицами и уповают, что «все великое начиналось с малого». Это стремление к дроблению и самостийности также является характерным для скептически настроенных мелкобуржуазных идеологов обывателя. Общее впечатление — словно они аккорды расстроенной гитары. Тошно и безнадежно. И это теперь, когда так много мыслей, красок, образов.

1922. Завядший букет. Соч., т. 3, стр. 246.

Вы ошибочно взяли псевдонародный язык, выдавая его за подлинный рабочий. «Чаво», «ведмедь», «када», «тада» и т. д. — вовсе не являются типичной рабочей речью. Отдельные рабочие, конечно, могли так говорить, но нельзя это обобщать и распространять на всех рабочих, как правило. Это неверно, а потому «художественно фальшиво».

1924. Из дневника писателя, стр. 101.

РАБОТА НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Первым требованием предъвляется: усиленная и плодотворная работа над словом, над его обновлением, оживлением, ма-стерским объединением его с другими — старыми и новыми словами.

1924. Из дневника писателя, стр. 68.

Как писать? Вопрос удивительный, непонятный, почти целиком обреченный на безответственность. Крошечку завесы можно, впрочем, поднять.

Так, чтобы это действовало в отношении художественном: подымало, будило, родило новое. Драма, повесть, стихотворенье — все равно. Только не упивайся одной техникой, она вещь формальная, чудо может быть и без нее, а с другой стороны, она, как тина болотная, втягивает и губит подчас с головкой, остается голая любовь к форме — это нечто враждебное, совсем чуждое поэзии. Пиши, чтоб понимали.

Об искусстве, о литературе. Соч., т. 3, стр. 207.

За последние годы работа над совершенством художественного слова шагнула далеко вперед... Избитые, привычные слова и их сочетания уже бессильны выразить богатейшую гармонию новых мыслей и чувств.

1924. Из дневника писателя, стр. 67.

1. Очень серьезно, тщательно изучи материал, прежде чем писать.

2. Десять корректур, обработай каждое слово.

Советы начинающему. Соч., т. 3, стр. 240.

Основной недостаток ее — в вашей литературной неопытности, в технической неумелости, безоружности. Эти недостатки устраняются длительной и упорной работой над языком, над слогом, над образами.

1924. Из дневника писателя, стр. 99.

...нельзя отбрасывать те завоевания художественной техники, которых мы достигли, ими пренебрегать — это значит быть рутинером. Но радеть только над рифмами — бесполезное занятие.

Там же, стр. 71.

О ЯЗЫКЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

У вас на протяжении трех действий только разговаривают два-три человека, и все время на одном месте. Потом, разговоры эти слишком однообразны, бедны, не выражают живого человека со всеми его повседневными интересами. Обилие революционной фразы, естественно, вызывает подозрения читателя, сколько-нибудь понимающего в литературе. Кто, например, может поверить тому, что какой-то солдат на фронте обещает победить капитал так скоро, «что не успеет трижды пропеть петух»?

Явно-фальшивая и пустая фраза... И в области овладения материалом, и в области технической обработки слова вам следует еще очень много поработать.

1924. Из дневника писателя, стр. 98.

У каждого действующего лица должен быть заранее определен основной характер, и факты — слова, поступки, форма реагирования, реплики, смена настроения и т. д. — должны быть только естественным проявлением определенной сущности характера, которому ничто не должно противоречить, даже самый неестественный по первому взгляду факт <...>

Коллизия. Интересная неожиданность, событие: надо помнить в этот момент всех присутствующих и по характеру дать каждому свое необходимое действие, положение, слово <...>

С чрезвычайной тщательностью отделять характерные диалоги, где ни одного слова не должно быть лишнего <...>

Разговор как разговор, — живой, натуральный, без пояснительных местоимений.

1923. Вопросы композиции. Соч., т. 3, стр. 212—214.

О ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ¹

Мастерство писательское образуется не от одного природного дарования — его надо еще развить, совершенствовать, пополнять свои знания, много читать, особенно высочайших мастеров слова,

больших художников — вдумываться в манеру и в характер их творчества, усваивать (на первое время) от них некоторые бесспорные навыки, приемы и прочее и прочее.

1924. Письма авторам. Соч., т. 3, стр. 242.

Надо любить и хранить те образцы русского языка, которые унаследовали мы от первоклассных мастеров.

Мысли об искусстве. Соч., т. 3, стр. 216.

О ЯЗЫКЕ НЕКОТОРЫХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Толстой — хранитель русского классического языка.

По манере он — наследник наших классиков.

Дм. Фурманов «Архив». Цит. по книге Е. Наумов «Д. А. Фурманов». ГИХЛ, 1951, стр. 158.

Серафимовичу, прекрасно знающему украинско-казачий быт, нравы, язык, не раз побывавшему и в тех местах, где проходила Таманская армия, лично и неоднократно бестодевавшему с живыми участниками этого героического похода, Серафимовичу, обстоятельно и добросовестно изучившему весь материал о походе, удалось в своей повести сочетать мастерство художника с богатой эрудицией этнографа, добросовестную и широкую компетентность историка с мудрым, серьезным и трезвым умом социолога ученого. ...Художник-социолог превосходно знает, с каким материалом он имеет дело. Когда этот вопрос ясен, тогда сами собой слагаются формы, появляется живой язык, развертывается широкое полотно разнообразной колоритной жизни.

1924. О «Железном потоке» А. Серафимовича. Соч., т. 3, стр. 248—250.

Серафимович хорошо знает материал, положенный в основу произведения. Он прекрасно чувствует среду, в которой разворачиваются события, знает ее быт и нравы, знает язык, знает всю эту гамму движения мысли и чувств человеческих, поэтому с легкостью и уверенностью художника он обращается с материалом своей замечательной повести и дает образцы непревзойденного мастерства.

Там же, стр. 261.

Н. А. Островский

ПИСАТЕЛЬ В БОРЬБЕ ЗА ЧИСТОТУ, ЯСНОСТЬ
И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗА ИСКУССТВО ВЫСОКОЙ
ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ¹

Проблема языка нашей художественной литературы, с такой силой и непримиримостью поставленная Алексеем Максимовичем Горьким, уже давно требовала тревожных сигналов, предупреждающих об опасности.

Засорение нашего прекрасного русского языка всякого рода искажением уже существующих слов или «созданием» новых, в большинстве случаев несуразных, бессмысленных, лишенных какой-либо образности, просто непонятных слов не может быть долее терпимо <...>

Язык литературы — важное орудие производства для писателя, и о нем надо говорить. Для нас, литературной молодежи, только вчера вступившей в литературу, проблема языка, сюжета, композиции является основной проблемой, требующей развернутой самокритики и учебы.

Откуда у нас в молодежных книгах такие слова, как: шамать, топать, мура, буза, шпалер, похрял, сбондил и т. д. и т. п.? Все это не создано авторами, а взято напрокат из воровского жаргона. Преступный мир — уголовщина — в целях некоторой конспирации десятилетиями создавал свой жаргон, совершенно непонятный неискушенному слуху. И вот это чуждое пролетариату просочилось сначала отдельными словечками, а затем в большом количестве в обиход и отсюда в литературу. Как видим, язык тоже стал объектом борьбы, и в него заползли благодаря нашему попустительству словесные паразиты <...>

Могут сказать, что писатель должен говорить подлинным языком своих героев, а если эти герои говорят, допустим, на воровском жаргоне, то это не его, автора, вина, — писать иначе — значит, искажать правду. Я думаю, что мы не можем вступать на путь фотографирования.

Истинный художник может найти неисчерпаемый источник правдивых, волнующих, незабываемых образов и картин, отображающих нашу действительность и прошлое во всей их многогранности, без того, чтобы уродовать полнозвучный, красочный, богатый русский язык. Что может быть отвратительнее изощренной до предела ругани? <...>

Л. Толстой в романе «Воскресение» рисует царскую тюрьму со всей ее беспросветностью и жутью, рисует проституток, воров — без матерщины, а между тем, как ярко; с какой страшной убедительностью описаны все эти люди. Дело, значит, не в словах, а в мастерстве <...>

Талантливо написанная книга, насыщенная художественной правдой, обычно живет дольше своего автора. Об этом мечтает каждый писатель. И можем ли мы, непосредственные участники и свидетели величайшей в мире пролетарской революции, оставлять в наследство, наряду с хорошими художественными ценностями, всю эту словесную бытовую накипь будущему поколению, рожденному в социалистическом обществе, освобожденному от всей грязи старого мира? Мы, литературная молодежь, учимся у мастеров, и часто их ошибки становятся нашими ошибками.

Критика — это правильное кровообращение, без нее неизбежны застои и болезненные явления. Я вспоминаю, с каким волнением читал первую критическую статью о своей повести в журнале «Книга молодежи» (орган ЦК ВЛКСМ, № 12, 1932 г.). В этой статье под заголовком «В активе комсомольской литературы» автор подверг критическому разбору первую книгу моей повести «Как закалялась сталь» <...> Наряду с ценными указаниями на недостатки книги, с конкретным разбором неудач сюжета автор статьи пишет: «...В книжке имеются кое-какие и словесные шероховатости, недоработанность языка, избитые описания».

Ответа, в чем заключается эта недоработанность, в своей статье автор не дал, а это мне больше всего нужно <...>

О языке книги только два слова — «недоработанность языка». Я этим примером хочу сказать товарищам, работающим на критическом фронте: выбросьте из своих статей общие фразы, объявите им войну, как объявлена война всем извращениям языка. Пусть каждая фраза будет конкретна, а не «вообще». Вы первые должны атаковать все словесные фиглярства, и при совместной работе писателей и критиков мы достигнем желанных результатов, очистим язык художественных произведений от всей накипи, снижающей ценность и качество труда работников литературы.

Борьба за чистоту языка в художественной литературе должна быть направлена не только против искажения слов, — это лишь часть проблемы, главное же — это умение построить фразу,

дать яркий образ, чтобы из грамотно написанных слов не получилась безграмотная путаница.

Архитектор, прежде чем построить изумляющее своей красотой и стилем здание, кроме любви к своему искусству и таланта, годами учится технике строительства, азбуке архитектуры. Думаю, не ошибусь, если выскажу предположение, что многие из нас, молодых писателей, не овладели азбукой литературы. В нашей стране, исключительной по своему строю, самой свободной стране в мире, выходят из печати десятки и сотни произведений, которые нужно назвать «первой пробой руки». Это работа учеников — подмастерьев художественной литературы. Только у нас возможно это. Но, получив право еще в ученическом периоде печататься, неизбежно внося в литературу сырой полуфабрикат, молодой писатель не имеет права забывать, что страна дает ему аванс за счет его таланта, искорки которого вспыхивают в его произведениях среди беспомощных, детских нагромождений, и что этот аванс он должен вернуть. Оплатить этот счет можно лишь одним — ростом на основе большой и упорной учебы, овладением техникой, а для этого нужна учеба, учеба и еще раз учеба<...>

Только так мы должны подходить к своим ошибкам, не зазнаваться, написав неплохую книгу, помня, что писатель выдвинут на передовую линию огня, и наша партия требует, чтобы каждое слово его било в цель, чтобы его образы зажигали сердца, а для этого надо знать свое оружие и уметь им владеть.

Я открываю первую книгу своей повести, вновь читаю, вернее, слушаю знакомые строки, и статьи великого мастера открывают мне глаза, я вижу, где написано плохо, и ряд слов, ненужных и нарочитых, безжалостно зачеркивается. И если повести суждено снова выйти в свет, то их уже в ней не будет<...>

Статьи Горького — это освежающая струя, это призыв к честному, ответственному труду. Великий мастер не очень ласков, когда говорит о людях, «оседлавших» славу. Но чем страстнее его удары, тем скорее будет сделан поворот.

Критика А. М. Горького глубоко принципиальная, он не убивает, он только возвращает к действительности тех, кто забыл меру.

*Николай Островский. Сочинения, т. 2. Изд-во ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», М., 1953, стр. 189—194.*

А. А. Фадеев

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ КАК ФОРМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Что значит национальная форма в искусстве? Это значит прежде всего родной язык. Это значит-таки своеобразный для каждого народа дух и строй речи, вобравшей в себя в течение столетий народный фольклор.¹

Литература и жизнь. «Советский писатель», 1939, стр. 51.

О ЯЗЫКЕ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Не случайно наши русские классики, и особенно Горький, рекомендовали читать сказки, прислушиваться к народной речи, изучать пословицы, читать писателей, которые обладают всем богатством русской речи.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

А. М. Горький всегда рекомендовал начинающим писателям читать русские сказки, знать пословицы своего народа.

Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951, № 22 (2740).

РАБОТА ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ²

Какими основными принципами в работе я руководствовался? Прежде всего, в отличие от вычурности языка первого произведения «Разлив», я старался писать как можно проще, выражать мысль наиболее ясно. Вся работа я подчинял задаче: написать так, чтобы яснее и убедительнее передать все то, что я вижу, что я себе представляю, и передать все это наиболее точно. Навыки прежней работы сказывались в особенности в первых

главах: я тогда не научился еще пренебрегать внешней словесной красотой. В процессе работы я стал все более и более от этого освобождаться. Чтобы точно изложить все то, что ты себе представляешь, что живет в твоём сознании, в твоём мозгу, для этого надо много работать над словом: русский язык очень богат, и для выражения тех или иных понятий существует много слов. Надо уметь употреблять слова, которые наиболее точно и наиболее тонко выражали бы мысли, волнующие художника. Это не так просто, и это требует большой, настойчивой работы над словом. Я много работал над романом, много раз переписывал отдельные главы. Есть главы, которые я переписывал свыше двадцати раз (например, главы «Пути-дороги» и «Груз»). Глав, переписанных мною менее четырех-пяти раз, в романе нет.

Литература и жизнь. «Советский писатель», 1939, стр. 155.

...Собрание показало, что мы еще очень мало подготовлены в области филологии. Это наша беда. Но есть области, в которых наше незнание является нашей большой виной. Мы отвыкли анализировать художественную форму литературного произведения. Мы почти не занимались тем материалом, который является главным материалом литературы — языком художественного произведения. <...>

...нужно отметить и просто отсутствие у многих писателей навыков литературного труда, навыков работы над словом. А ведь литература — это труд, причем труд сложный. Он требует опыта и накопления мастерства. Эта работа над словом начинается раньше, чем он начал писать свое произведение. <...>

Когда я написал «Разгром» и принес его в том виде, как написал, в нем было много грубого натурализма. Редактор снял этот натурализм и был прав. В работе над «Молодой гвардией» я принял около трехсот стилистических поправок, которые мне предложили редакторы С. Разумовская, А. Тарасенков, а потом Ю. Лукин и не жалею об этом.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

Крепотливого труда требует работа над языком — стремление наиболее точно выразить то, что ты видишь, что выкристаллизовалось в твоём сознании. Перед писателем огромное море слов, понятий; для выражения любой мысли, образа напрашиваются десять, пятнадцать, двадцать слов. Но как отобрать именно те, которые с предельной правдивостью выразили бы именно то, что ты видишь, что ты хочешь сказать? Многие забывают, что даже и разговорная, диалогическая фраза в художественном произведении есть не просто сама собой пришедшая в голову фраза, подобная той, какие произносятся в обычном житейском разговоре. Эта фраза тоже построена. Процесс построения ее сложный, не механический.

Написав несколько фраз, художник вдруг испытывает разочарование. Получилось не так, как хотелось: хочется одну фразу выкинуть, в другой слова переставить, а иные заменить. Одни писатели проделывают эту работу после того, как произведение написано все от начала до конца, а очень многие начинают эту работу тут же: напишет фразу и сразу принимается ее шлифовать. Они не могут двигаться вперед, если не чувствуют, что позади остается что-то уже мало-мальски отшлифованное. Первый метод дает большую экономию времени. Но не всякому удастся преодолеть чувство неудовлетворенности только что написанным. Когда я был помоложе, я не мог написать насквозь ни одной главы. Я тут же начинал переписывать, гладить и только потом двигаться дальше. Потом нередко выяснялось, что те абзацы, которые стоили самого большого труда, вообще не нужны. Поэтому став постарше, я стал себя переламаывать, писать большими кусками и лишь потом начинал оттачивать написанное. Тут уже виднее, что можно совсем отбросить.

Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951, № 22 (2740).

...надобно понимать, что художественное творчество — это есть один из видов человеческого труда — специфический вид труда, но все же один из видов труда. А значит, писателю, так же как и тем, кто работает во всех других областях труда, необходимо постоянно и настойчиво овладевать мастерством своего дела, начиная от основ техники (а литературное мастерство, как и любое другое, тоже имеет свою технику) и кончая самыми сложными вопросами формы.

Там же.

БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ

...нужно учиться, чтобы прийти к ясности и простоте в области нашего искусства, особенно в сфере языка. Но ясность и простота отнюдь не снимают индивидуальности речи каждого из нас. <...>

Не нужно спорить из-за отдельных словечек, можно их употреблять или нельзя. Ведь перед нами огромный океан <...> огромный океан старого и нового, но при отборе из этого океана слов должно быть чувство меры, необходим вкус. Все к месту хорошо, но найти это место — вот в чем труд, а чтобы найти, нужно не забывать, что наша речь — речь отборная, организованная.

Фразу нужно строить. Фраза, написанная слету, редко удается, а надо перестраивать, искать слова, искать им место, чтобы фраза получилась. Это и есть труд.

Надо заботиться о том, чтобы нас прочли и поняли миллионы.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

Построить в произведении фразу, в которой есть несколько придаточных предложений, не так трудно. Труднее не повторяться в построении последующих фраз. Одна такая фраза, другая, третья — и сам того не заметив, сползаешь к недопустимому однообразию: начинаешь своего читателя, как на качелях, качать.

В произведении образуется однообразный ритм, лишенный необходимых внутренних пружин. А между тем фраза должна иметь мускулатуру. В этом смысле произведение можно сравнить с телом хорошо развитого физкультурника: многообразны мышцы в теле человека, различные приемы требуются для их упражнения, но в целом они представляют собой нечто органически слитное. Такой же мускулатурой должен обладать стиль художника. Для того, чтобы развить эту мускулатуру, художник должен постоянно заниматься своеобразной «гимнастикой», упражняясь в искусстве разнообразного построения фразы.

Только работа над языком способна вызвать у читателя цельное впечатление о поэтичности созданной писателем вещи. Вспомните собственные ощущения. Вот вы читаете какое-нибудь произведение. Идут страницы, которые вы воспринимаете лишь рассудком: эмоцию вашу они не затрагивают. Но вдруг, точно художник тронул какую-то струну, все начинает звенеть, появляется внутренняя поэтичность; художник втягивает читателя в переживания своего героя настолько, что читатель начинает переживать вместе с героем, у читателя появляются чувства гнева, слезы на глазах, пафос, смех. Передача настроения — одно из наиболее магических средств искусства. Но и к обладанию этим свойством писатель также приходит в результате труда. Нужно воспитывать в себе умение находить такой ритм, такой словарь, такое сочетание слов, которые вызывали бы у читателя нужные эмоции, нужное настроение.

В поэзии это видно с особенной наглядностью. Не всякие стихи поэтичны. Одних только рифм, будь они даже очень совершенны технически, мало для того, чтобы написанные строки стали поэзией. В стихах непременно должна быть эмоциональность. Это как бы подводное течение, которое непреодолимо тащит читателя за собой. Волна этого течения появляется в стихе как бы внезапно, захлестывает вас и овладевает вами.

*Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951,
№ 22 (2740).*

О ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ

Естественно, что революция колоссально обогатила язык. Было бы непозволительно писателю отвергнуть это огромное богатство, не стремиться вводить его в литературу. Но при этом необходимо печется о том, чтобы не засорять язык ненужными словообразованиями, терминами, диалектизмами, словами, кото-

рые имеют лишь временное значение. Обогащая словарный фонд, необходимо беречь основу русской речи, не нарушать ее грамматического строя.

Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951, № 22 (2740).

ПРОТИВ ПСЕВДОНОВАТОРСТВА

В литературе имело место тогда сильное влияние школы «имажинистов». Важнейшей задачей художественного творчества «имажинисты» считали изобретение необыкновенных сравнений, употребление необыкновенных эпитетов, метафор. Под их влиянием и я старался выдумать что-нибудь такое «сверхъестественное». В первой повести * и получилось много ложных образов, фальшивых, таких, о которых мне стыдно сейчас вспомнить.

Литература и жизнь. «Советский писатель», 1939, стр. 150.

ОБ АРХАИЗМАХ

Много споров здесь вызвал вопрос об архаизмах. В их употреблении прежде всего нужно чувство меры. Если мы критикуем исторические романы за излишнюю архаизацию языка, если мы критикуем с этой точки зрения большой и ценный труд В. Язвицкого «Иван III Государь всея Руси» или роман М. Марич «Северное сияние», то это критика правильная.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2725).

О ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

Самый близкий для нас пример требовательной и неустанной работы над своими произведениями — это пример А. М. Горького. Все его рукописи говорят о колоссальном труде, об исполинской духовной мощи Алексея Максимовича.

Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951, № 22 (2740).

...Толстой всегда пленял меня живостью и правдивостью своих художественных образов, большой конкретностью, чувственной осязаемостью изображаемого и очень большой простотой. Работая над произведением «Разгром», я в иных местах в ритме фразы, в построении ее невольно воспринял некоторые характерные черты языка Толстого. Меня это обстоятельство не особенно волнует: любой художник, начинающий работать, опирается всегда на опыт прошлого.³

Литература и жизнь. «Советский писатель», 1939, стр. 156.

* Разлив (1923 год).

Я хочу показать на нескольких примерах, как трудился над выработкой своей художественной речи Лев Николаевич Толстой. Он брал слова из книги протопопа Аввакума, из Даля и пытался найти возможности нового употребления данного слова в ином смысле. Он записывал те поговорки, которые удавалось ему услышать. Он упражнялся в сложных грамматических формах, в частности в деепричастных и причастных, которые при сложном плетении его фразы были ему необходимы. Эти упражнения он делал на протяжении между 1858 и 1879 г. Учтите, сколько лет и сколько времени он потратил на этот труд. Вот несколько примеров из его записей 1879 года. Л. Н. Толстой записывает поговорки, характерные обороты, поговорки: «произвел сына в грамоту», «в дуростях спускать не обык», «идучи за солому цепляется», «одна свеча другие зажжет — сама в своем свете не умалится» и т. д. и т. д. А вот как он упражнялся в грамматических формах: он записывает предлоги приставные (т. е. приставки) на, при, за, у, с, под, от, раз, об, яз, до, в, из, вы, пере, про, по — и пробует, какие глаголы к ним подходят, а потом делает вывод, что глагол «вести» можно употребить со всеми этими приставками... Можете себе представить, какую он работу проделал со всеми глаголами, чтобы найти именно тот глагол, к которому подходят все приставки!

Далее Толстой начинает интересоваться сложными временными формами в русской речи. Он записывает упражнения: «А высоко бывало было, подставляя лестницу» и т. д.

А вот его упражнения с деепричастными оборотами: «Купивши ружье, рассмотрев, бросил». «Рассмотревши, купив, не бросил». «Бросивши, не купив, не рассмотрел» и т. д.

А вот упражнения в том, как по-разному можно использовать слово: «Я к седлу привык, приобик. Я учению навик. Я спать обык после обеда» и т. д. Вот упражнения Толстого в цвете. Он записывает: алый, красный, червлёный, малиновый, брусничный, вишневый, голубой, лазоревый, дымчатый, карий, бурый, желтый, песочный, рудожелтый и т. д. А вот запись, озаглавленная «эпитеты»: «Бело тело, белы груди, руки. Мать сыра земля. Ясны очи. Красно солнце. Сине море. Белый камень. Ярый воск, ярая пчела. Серый заяц, волк. Черный ворон» и т. д.

Вот, товарищи, упражнения Льва Николаевича в русском языке, опирающиеся на исключительное знание русской народной речи. Конечно, когда человек обладает таким богатством, он может употреблять редкие грамматические формы.

Этой любви к слову мы вправе требовать от наших писателей.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

По записным книжкам Толстого видно, какую гигантскую предварительную работу проделывал он, приступая к работе над

новой книгой<...> Вот, например, записные книжки 1879 года. Идут бесконечные упражнения в языке. То Лев Николаевич берет какое-нибудь слово и начинает упражняться в возможности его использования: «обесхлебил, обезлошадил, обезлесил, обессилел, обездомил ты меня...» Он записывает фразу и ставит вопрос: можно ли так сказать?

Тут же он записывает пословицы. «На руку ерзок был», «Ты хочешь вперед податься, а нога назад отдает» и т. д. Дальше Л. Н. Толстой пишет: «Она ему не верста, не в иванову версту, кого сверстал, никого себе в версту не ставит — безмерный человек... Каяться — не закаялся, пора покаяться, накаешься; докаялась до того, что еду в грех ставит...»

Изучая эти записные книжки, вы видите, какое гигантское количество слов он поднял, независимо от работы над каким-либо определенным произведением, просто ради учебы — «для себя»<...>

Вспомнив работы товарища Сталина по языкознанию, вы прекрасно поймете сущность и значение этой стороны писательского труда. Для того, чтобы чувствовать себя могучим в своем родном языке, Л. Н. Толстой прежде всего занимался тщательным изучением основного, живущего веками словарного фонда русского языка, а с другой стороны — историческим развитием языка. Он изучал все источники, по которым можно судить, как этот фонд обогащался и продолжает обогащаться.

В последние годы своей жизни Толстой стремился к фразе, предельно простой и ясной. Все его притчи и многие рассказы поздних лет написаны совершенно иным языком, чем «Война и мир», «Анна Каренина». Над рассказом «Кавказский пленник» он работал, поставив перед собой целью предельное упрощение фразы, и он достиг этого. Рассказ «Кавказский пленник» может понять даже малый ребенок.

Такого рода работу над языком, конечно, проделывали многие художники, хотя и не в таком, может быть, объеме, как Толстой.

*Труд писателя. «Литературная газета», 22 февраля 1951,
№ 22 (2740).*

Он (А. М. Горький) также рекомендовал читать писателей-словолюбов. Он говорил, что нужно читать Лескова, нужно читать «В лесах», «На горах» Мельникова-Печерского, так как словарный фонд, которым располагали эти писатели, огромен.

Там же.

Ошибка вульгаризаторов рапповского толка, в частности, и состояла в том, что они недооценивали всего значения для нас языка классической литературы, по которому нужно учиться.

Там же.

О ВКЛАДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВ ДРУГИХ НАРОДОВ

...советская литература, взятая в целом, особенно в лице ее лучших представителей, обогатила наш русский язык и языки других народов. Нам необходимо создать серьезные научные работы, которые покажут, что нового, свежего внесла советская литература в целом.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

О НЕДОСТАТКАХ ЯЗЫКА НЕКОТОРЫХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В своих произведениях мы слишком многословны, и действующие лица многих наших книг отличаются неимоверной болтливостью. Вместо того, чтобы сказать одну меткую фразу, герои по две страницы толкут воду в ступе.

Наши молодые авторы думают часто, что от одного мотива к другому мотиву произведения обязательно должен быть переход. И это так засоряет произведение, что его можно сокращать абзацами.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

В тот период развития литературы (1922—1923 гг.) была в моде так называемая «рубленая проза». Многие пишущие люди говорили: «произведение будет динамическим, если писать короткими фразами, в 3—4 слова». Но такое формальное понимание динамичности создавало искусственный язык, и читатели спотыкались на точках; свободно текущей речи не получалось при таком неестественном построении речи.

Литература и жизнь. «Советский писатель», 1939, стр. 150.

Бурный рост молодежи характеризует нашу литературу. Но вместе с тем мы ощущаем, что главным недостатком является недостаток художественного мастерства. При всей талантливости нашей литературы, наших писателей, при всем том, что из года в год создается все больше талантливых произведений, — только единицами насчитываются книги безупречные с точки зрения языка.

Даже если взять лучшее, с моей точки зрения, произведение 1950 года, и вообще один из лучших романов о колхозной жизни, книгу глубоко новаторскую — «Жатву» Г. Николаевой, то и

в этом прекрасном произведении, которое поражает богатством народного языка, встречаются небрежности, идущие от штампованной газетной речи.

1951. Из заключительного слова на открытом партийном собрании московских писателей. «Литературная газета», 20 января 1951, № 8 (2726).

Что порождает недостатки языка нашей художественной литературы? Первая причина — это недостатки в преподавании языка во многих наших школах. У нас есть в литературе поколение, прошедшее школу, где господствовали неправильные методы преподавания. Кое-кто вышел из школы даже с плохим знанием русской грамматики...

Вторая причина недостатков литературного языка — злоупотребление местными речениями. Мы все пришли в литературу из областей, в которых выросли, привыкли к областному говору. И в наших первых произведениях было много слов, не являющихся общенародными. Мы правильно говорим о языке Шолохова, как о хорошем русском языке, но ведь и он в свое время допустил в «Тихом Доне» некоторые областнические излишества. Все наши писатели пришли в литературу от различного рода практической деятельности, многие — из газет.

И они принесли с собой в литературу «газетный язык», язык, перегруженный терминами, иностранными словами, словами, лишёнными образной выразительности.

Мы слишком мало и редко употребляем слово, за которым стоит образ, такой образ, который можно видеть воочию.

Немало засорили язык нашей прозы, а особенно поэзии, эстеты и формалисты, которые для некоторых писателей в тайне души и сейчас еще служат образцом

Там же.

К. А. Федин

ЕДИНСТВО ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Точность слова является не только требованием стиля, требованием здорового вкуса, но прежде всего — требованием смысла. Где слишком много слов, где они вялы, там дряблая мысль. Путаница не поддается изъяснению простым точным словом. Когда у прозаика исчерпано содержание, возникают длинны.

Первый великий учитель русской литературы — Михайло Ломоносов сказал: «Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Это было истиной в XVIII веке, остается истиной и в XX и останется ею навсегда.

Для чего надо приобрести высокую литературную технику? Не для того ли, чтобы лучше задрапировать немощь мысли, бедность познаний, как это делается в ремесленной литературе Запада? Разумеется, нет.

Богатство мысли и познаний для наилучшего выражения своего нуждается в богатстве формы, то-есть в мастерстве.

Мастерство — это искусство передать большую правду жизни. Нельзя думать, что если писатель обладает высокой техникой, то описанное им ложное положение станет правдивым. Ложь остается ложью и у мастера и у подмастерья.

Там, где мастерство не служит большому содержанию, оно — обман. Это и называется формализмом: оболочка, не содержащая внутреннего смысла, техника во имя техники.

Высокое мастерство дает возможность более проникновенно и многосторонне изобразить душевную жизнь героя. Правда и красота слова, стройность всех элементов, составляющих форму, сильно и глубоко воздействует на воображение и душу читателя. Но одна ловкость слова, одна его внешняя виртуозность оставляют душу мертвой.

Слово-самоцель, в конце концов, бессмысленно, как бессмысленно всякое орудие, если оно не производит пользы.

Цель, ради которой мы совершаем работу, руководит применением орудия. Мысль ведет за собой слово, дабы оно выразило ее и передало людям.

Подлинное мастерство не загуманивает сущность мысли, а проявляет ее, как химический реактив — светочувствительную пластинку.

Отсюда возникает для мастера рабочий, технический способ проверки ценности произведения. Если ты видишь ошибки формы, ищи ошибки содержания...

Познание правды действительности толкает художника к поискам правды изображения и обуславливает гармонию между ними. И мастер способен остро проверить на этой гармонии ценность произведения. В такой проверке участвует не только талант, но еще больше таланта — культура, знания, опыт. А эти качества приобретаются непрерывным трудом.

Мастерство писателя «Литературная газета», 25 марта 1951, № 36 (2754).

Как же можно поставить вопрос о языке в художественной литературе? Установить правильное отношение к вопросу о языке — значит установить правильное отношение к вопросу о форме произведения.

Мне кажется, нашей литературе свойственно понимание формы художественного произведения как метода разрешения идейной задачи. Язык есть одно из главных слагаемых формы и, значит, вместе с нею служит средством к цели. В этом, на мой взгляд, и должна состоять основа нашего отношения к вопросу о языке в художественной литературе. Это, по-моему, и отличает нас от литературных морфологов, для которых слово — самостоятельный материал, и словесные задачи могут быть самоцелью.

Язык литературы. Журн. «Литературная учеба», № 3—4, 1933, стр. 111.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О РАБОТЕ ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

...первое, с чего начинается путь писателя и с чем сталкивается читатель — это слово, речь, язык. На протяжении всей своей жизни писатель не перестает работать над словом и самая большая радость в этой жизни — верно найденное слово.

Фельетон о языке и критике. Журн. «Звезда». № 9, 1929, стр. 148.

Самое трудное для меня — работа над словом. Чем руководюсь я, предпочитая одно слово другому? Во-первых, слово должно с наибольшей точностью определять мысль. Во-вторых, оно должно быть музыкально-выразительно. В-третьих, должно иметь размер, требуемый ритмической конструкцией фразы. Трудность работы состоит в одновременном учете этих трех основных требований. К ним надо прибавить два других, не менее

сложных: в авторской речи надо избегать частых повторений одного и того же слова и нельзя употреблять изношенных, вульгарных, мнимо-красивых слов. У меня существует неписанный словарь негодных для работы, запрещенных слов (например, такой категории, как «нега», «сладострастие», «лира») <...>

Необыкновенно трудна борьба со всякого рода словесной красотью. За время своей литературной работы я наделал множество ошибок и думаю, что наделаю их еще немало. Замечательно, что начинающих литераторов больше всего привлекают словесные побрякушки... Мы должны мужественно признать свои неудачи и открыто смеяться над чудачками, которые пропагандируют их как перлы создания. Плодом увлечения моего словесными аллитерациями были две-три фразы в романе «Города и годы» (между прочим: «Петербург шелушился железной шелухой...»). Это дало повод нескольким критикам подсчитывать одинаковые согласные в десяти абзацах романа и делать поощряющие выводы о стиле романа на основании своей статистики. Допускаю, что такой метод исследования имеет известное значение (хотя, признаться, он напомнил мне Великих Академиков из свифтовской Лапуты). Но если на секунду предположить, что вся писательская работа делается сознательно, то в абзацах, послуживших объектом статистического обследования, я не погрешил никакими аллитеративными намерениями. И было бы лучше, если бы, натолкнувшись на явную аллитерацию, критика сказала: вот здесь писатель обнаружил свою стилистическую неустойчивость, здесь он поддался обольщению книжной красоты, здесь ему изменил вкус.

«...работа над словесной тканью этого романа («Города и годы» — Ред.) протекала в условиях тех основных требований, которые я ставлю себе сейчас, с акцентом на первом из них — слово должно точно выражать мысль — и с постоянным учетом всех других. Роль слова в художественном произведении, как я понимаю ее теперь, становилась мне ясной понемногу <...>

Как я работаю над языком героев? Сложнее всего обстоит дело с языком людей интеллигентского круга, ограниченными условностями книжной речи. Легче улавливать особенности языка крестьянина, ремесленника, торговца, игру и оттенки уличного слова. Часто случайная фраза, к месту сказанная поговорка вызывают в представлении законченный человеческий характер <...>

Я записываю счастливое слово на клочке бумаги, две, три родственных записи дают возможность, по аналогии, составить известный фразеологический набор, который и служит затем основой речевых оборотов какого-нибудь персонажа <...>

Я читаю молча, но мысленно произношу каждое слово точно так, как произносил бы его, читая вслух. При этом я отчетливо слышу малейшую интонацию произносимой речи, как если бы слушал чтеца. То же самое происходит со мною во время письма: я прежде всего слышу что пишу. Поэтому я не в состоянии пе-

рейти к последующей фразе, не закончив предыдущей так, чтобы она не раздражала меня своей неслаженностью. Написав страницу, две, я перечитываю их заново, удаляю лишние фразы и слова, заменяю одни другими. Иногда это происходит десятки раз, так что, в конце концов, я запоминаю текст наизусть. Перед началом работы я читаю написанное ранее, ввожу себя в ритмический строй рассказа и послушно следую ему. По окончании работы или, если она обширна, — части ее, я всегда прочитываю написанное несколькими слушателям и делаю последние исправления. Тогда единственный экземпляр моего черновика готов. На переписанном экземпляре рукописи исправлений очень немного, а на гранках корректуры их почти нет.

Сб. «Как мы пишем». Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, стр. 170—174.

Мало говорить, что такой-то писатель небрежен к языку. Надо показать на опыте своего дела правильное обращение со словом. Напиши книгу безупречную по языку. Это будет действительным участием в борьбе за культуру художественной речи.

Не может быть двух культур слова: книжной и газетной. Работа писателя над речью не проходит мимо публициста. Влияние так называемой «большой литературы» на несметную армию фельетонистов, очеркистов, критиков, репортеров — несомненно. Наоборот: тысячекрат повторенная газетой речевая ошибка часто усваивается молодым писателем, а счастливо найденное газетчиком живое слово начинает бытовать в большой литературе. Поэтому нельзя недооценивать значения газетной практики в борьбе за здоровую языковую культуру, когда в Стране Советов не осталось значительно населенного городишки или хорошего завода без своей газеты.

1) Борьба за культуру языка есть составная часть борьбы за форму художественного произведения как средство верного разрешения идейной задачи.

2) Борьба за культуру языка должна вестись художественной литературой с помощью публицистики.

3) Научное освещение проблемы языка в художественной литературе должно быть сделано исследователями на основе материала советской литературы в столкновении его с материалом газеты и живой речи...

Слову свойственно выражать понятие. Но ему несвойственно выражать его наилучшим образом. Здесь все решается качеством. И писатель обязан помнить, что при одном и том же идейном уровне двух произведений, то из них имеет большую художественную ценность, в котором качество слова выше. Он обязан в своих произведениях стремиться к высшему качеству. Этого от него требует литература, читатель, эпоха.

Язык литературы. Журн. «Литературная учеба», № 3—4, 1933, стр. 110—115.

Разговор о мастерстве писателя следует начинать с языка.

Язык всегда останется основным материалом произведения. Художественная литература — это искусство слова. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя.

Мы знаем хорошие произведения литературы с несовершенной композицией. Но хорошего произведения с плохим языком быть не может. Из негодного леса нельзя выстроить хорошего дома, хотя хороший дом не всегда бывает вполне удобным: это зависит от плана, а не от добротности леса. Однако, что толку в удобном плане, если гнилые стены не держат тепла.

...для писателя никакие достижения немислимы без постоянной, я сказал бы без пожизненной работы над словом.

Мастерство писателя. «Литературная газета», 25 марта 1951, № 36 (2754).

Я убежден, что молодому писателю очень полезна работа в газете. Это школа, заменить которую в литературе нечем.

Что дает школа газеты?

Она вырабатывает самые дорогие качества, необходимые художественной прозе: краткую форму, точность выражения, ясность мысли.

Недостаток многих наших романов последнего времени — расплывчатость, многословие, то, что Лев Толстой называл «жиром» в отличие от «мускулов».

Газета развивает у прозаика мускулы. Она не позволяет прозе растекаться, ползти. Если газета печатает безмускульную прозу, то это вина газеты. По своей природе газета требует от литератора, так сказать, спортивной формы.

Многословие — враг газеты, потому что лишние слова занимают лишнее место и потому что они затуманивают мысль, а газета должна выступать только с ясными мыслями <...>

Писатель должен раз и на всю жизнь запретить себе писать кое-как...

Почему же в искусстве множество молодых литераторов пренебрегает, например, языком, выступая в газете? Когда же учиться мастерству? Только тогда, когда сядешь за эссею?

На этом элементарном требовании к писателю должна быть построена его позиция в работе для газеты.

Нет «низких жанров», но существует низкое отношение к жанрам. Оно возникает по вине литераторов, которые считают ниже своего достоинства всегда трудиться с одинаковой страстью, с одинаковым напряжением.

Надо писать для газеты во всю силу своих способностей, по призванию литератора. И надо помнить, что из требовательных к себе газетчиков выходили превосходные писатели именно благодаря высокой требовательности к себе.

Нередко говорится о порче языка газетой, о плохом и даже «разрушающем» влиянии газеты на писателя.

Почему, однако, писатель должен повторять слабости и недостатки газетной речи, газетной формы? Кем это предписано? Я говорю о пользе газетной работы вовсе не ради побуждения писателя к тому, чтобы он учился шаблону. Развивать свою индивидуальность художника, особенно в области слова, — значит избегать в языке коверкания и ошибок, допускаемых газетой, и, стало быть, поднимать общий уровень газетной речи.

Писатель повторяет ошибки газетного языка и говорит: Ах, на меня разлагающе влияет работа в газете! Но надо писать так, чтобы твой язык влиял на газеты, а не так, чтобы плохой газетчик мог оправдаться: чем, мол, язык мой плох, когда он освещен художественной литературой?.. А у нас нередко пишут таким языком, что не знаешь, где кончается репортаж, где начинается повесть.

Газета не всегда может пользоваться живой образной речью. Термины канцелярий, ведомостей переходят в газету, воспроизводятся ею, становятся ее языком.

Интересно, например, как постепенно газета подчинилась неправильному употреблению множественного числа в тех случаях, когда это противно русскому языку.

Пишут: «Подсудимым предоставлены последние слова». Но какой суд допустит, чтобы перед его лицом подсудимые выражались «последними словами»? Им дано право последнего слова, и только.

Пишут: «В приказе объявлены благодарности». Но «благодарности» и «благодарность» — разные вещи. Мы говорим, что угодливый подчиненный «рассыпался в благодарностях» перед начальником. И мы говорим, что десять сотрудникам начальник «объявил в приказе благодарность».

Возможно газета, следуя иногда ведомственному языку, выразится так: «Завод обладает малыми производственными площадями». Но подобной надобности нет у писателя....

Бытование языковых ошибок в печати покоится на обобщенном отпущении грехов: писатель смотрит сквозь пальцы на ошибки газеты, она — на ошибки писателя.

Наша требовательность к слову должна быть очень большой, и нельзя прощать себе ошибок, кивая на слабости газетного языка.

Там же.

О ЯЗЫКОВОМ НОВАТОРСТВЕ

Новшество сторониться, конечно, не следует, но хорошо бы почаще срамить грамотеев, выдающих косноязычие за новаторство.

Фельетон о языке и критике. Журн. «Звезда», № 9, 1929, стр. 141.

Процесс роста заключается в обогащении старого языка словесными новообразованиями и в вытеснении старых форм новыми... Выступить против искажения старого языка — значит выступить в защиту существующего растущего живого языка.

*Фельетон о языке и критике. Журн. «Звезда»,
№ 9, 1929, стр. 148.*

В работе своей я не преследую целей «словотворчества» в том смысле, какой придан этому выражению футуризмом. Борьба за новое слово для меня заключается в постоянном обновлении фразы путем бесчисленных сочетаний тех самых «обыкновенных», «некрасивых» слов, которые усвоены нашей живой речью и литературой.

*Сб. «Как мы пишем». Изд-во писателей в Ленинграде.
1930, стр. 170.*

Надо уметь выражать мысль точно и ясно. Неумение сделать это иной раз прикрывается умышленно осложненной, запутанной речью. Сторонники ясности мысли и языка стоят за новаторство в области понятного и отвергают новаторство в области путаницы <...>

Сама по себе борьба за чистоту речи не означает борьбы против словесных новообразований, против новых слов. В наше время слова, образованные по принципу терминов, составленные из частичек нескольких слов, — возьмите хотя бы «комсомол», — стали органической частью живой и литературной речи, привились, видоизменяются по всем традиционным формам и не требуют особого юридического признания блюстителей языковой чистоты.

Гоголь в свое время ввел не мало в литературу неологизмов, и новаторская роль его в языковом отношении была не меньше, чем в совершенном обновлении тематики.

*Язык литературы. Журн. «Литературная учеба», № 3—4,
1933, стр. 113—114.*

О ДИАЛЕКТИЗМАХ

В нашей критике последнее время все чаще отмечается засоренность художественных произведений областными словами и оборотами. Требования от писателя чистоты русского языка справедливы. Здесь только надо избегать педантизма.

Я вспоминаю один из самых первых разговоров Алексея Максимовича Горького тридцать лет тому назад. Перед ним

лежали только что прочитанные рассказы молодых писателей, и, перебирая рукописи, он раскрыл одну, спросил:

— Зачем писать непонятным языком? Что такое «скляный»? Или — «ширкунок»? То ли это инструмент, то ли птица. Не язык, а звукоподражание. Перевести это, к примеру, на иностранный язык невозможно. Никакому переводчику не под силу.

Хорошо известна записка Ленина «Об очистке русского языка», где он восстает против употребления иностранных слов без надобности. Но ведь иные областные речения для слуха русского читателя звучат не менее странно, чем чужеземные слова, и столь же непонятны.

Горький в статьях о языке ясно высказал свое отношение к непонятым областным словам, и его взгляды разделяет вся советская литература.

Критикуя излишества в употреблении местных слов, нельзя, конечно, вдаваться в крайность, требовать от художника какого-то стерильного литературного языка.

В сущности, слово первоначально обязано своим образованием всегда определенной какой-нибудь местности, определенному краю исторически слагавшейся родины нашей речи. И в период уже богато развитого литературного языка, скажем в XIX веке, после Пушкина, общерусский словарь обильно пополнялся областным. Удачно произведенное где-нибудь в глубине России меткое слово распространялось, завоевывало всеобщее признание, становилось общеупотребительным, теряло свою местную примету<...>

У слова, имеющего хождение в ограниченном крае страны, будет достаточное основание приобрести всеобщность, перестав быть только местным, если понятие, им обозначаемое, не располагает в языке более метким и определительным словом, если оно широко доступно для понимания и не противно слуху.

Бороться с «областничеством» в литературе означает требование к писателю не засорять языка излишними диковинными словами, ради чего бы это ни делалось. Но это требование не исключает употребление областного слова, когда его трудно или нельзя заменить известным общепринятым словом, когда оно метко и служит обогащению языка.

По-моему у писателя нет надобности заменять в авторской речи, например, общерусское слово «сосед» нижеволжским, юго-восточным словом «шабер». Но некогда областное слово «бурлак» давно приобрело гражданство в повсеместной живой речи и в литературе, и ему нет никакой замены.

Значит, пополнение словаря писателя областными выражениями может вполне себя оправдать, когда отбор слов из местных запасов для общенациональной русской литературы одновременно необходим и удачен.

*Мастерство писателя. «Литературная газета»,
25 марта 1951, № 36 (2754).*

О ЯЗЫКЕ КРИТИКА

И если критик хочет, чтобы его мысль воздействовала на писателя, он должен заботиться о языке не меньше, а может быть больше писателя. Он должен заботиться о языке писателя, стало-быть — прежде всего — о своем языке, ибо невозможно косноязычием убедить кого-нибудь даже в самой общедоступной истине. Поучениям критика, не владеющего русской речью, грош цена, и напрасно будет он негодовать на литературу за невнимание к нему: писатель пройдет мимо него, в поисках критика, который не только хочет, но и может поучать.

*Фельетон о языке и критике. Журн. «Звезда»,
№ 9, 1929, стр. 148.*

ПРИМЕЧАНИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВ

1. Настоящая выдержка взята из «Российской грамматики». Великий русский писатель, ученый-энциклопедист, Ломоносов не ставит и не разрешает вопросов грамматики узко-специфически. Он пишет о том значении, которое имеет слово, речь в развитии человеческого познания вообще, в развитии процесса мышления, в общении людей друг с другом, т. е. он ставит и разрешает вопрос о значении слова для жизни человеческого общества.

2. Если учесть неустановленность русского литературного языка в то время, когда Ломоносов писал свое предисловие к «Российской грамматике», то станет ясным, как велика его заслуга перед русской культурой. Приведенные в данном разделе материалы свидетельствуют об облике Ломоносова как страстного патриота, решительно выступившего в защиту русского языка как языка литературы, против космополитической устремленности дворянского общества.

3. Для своего времени рассуждения Ломоносова по вопросам истории языка, приводимые нами, являлись большим шагом вперед в науке, направляя внимание дальнейших исследователей, вместо перелетов западноевропейских теорий, на путь конкретного исторического изучения славянских языков.

4. Взгляды Ломоносова на соотношение церковнославянского языка с живым русским разговорным языком менялись. В «Письме о правилах российского стихотворства» он считал эти языки как бы двумя периодами развития одного языка, но впоследствии изменил свой взгляд и предполагал специально разобраться и «писать о разности славянского языка с российским». В статье «О пользе книг церковных в российском языке» (1757 г.) он подходит к разрешению этой задачи в рассуждениях о трех штилях. «Три штиля» не были открытием Ломоносова. Еще Феофан Прокопович в 700-х годах, в своих лекциях по риторике в Киевской духовной академии говорил о трех слогах в ораторской речи: высоком, среднем и низком. Новое, внесенное Ломоносовым, состоит в следующем: 1) представление во всех штилях преимуществва живому русскому разговорному языку; 2) требование систематического очищения русского литературного языка от устаревших церковнославянских слов; 3) удержание и освоение русским языком только особенно близкого и нужного из церковнославянского языка. Важно отметить, что Ломоносов заботится об очищении русского литературного языка, да и русского языка вообще, от чрезмерного количества иногда самых не подходящих русскому языку западноевропейских варваризмов.

5. В настоящем издании, по условиям ограниченности места, нет возможности привести полностью все высказывания Ломоносова.

Для образца даем лишь отдельные отрывки, которые не теряют своего смысла от обособления из общего текста «Российской грамматики».

6. В вопросе о возможности употребления мужских рифм Ломоносов полемизирует с Тредиаковским. Тредиаковский, признавая только женскую рифму, полагает, что сочетание мужских и женских рифм противоречит самой природе русского стихосложения.

7. В «Риторике» Ломоносов неоднократно предостерегал писателей от чрезмерного увлечения «острыми мыслями», «умножительными распространениями», «витиеватыми речами», что может привести к искажению подлинных мыслей, к «детскому, пустым шумом наполненному многословию». Это говорит о серьезном внимании Ломоносова к содержанию речи.

8. Настоящая выдержка интересна решительным утверждением, что «не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий», — т. е. нужно в работе над языком отправляться от постижения свойственных ему самому закономерностей, а не приносить их извне.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

1. В «Разговоре о правописании» Тредиаковский высказывает безоговорочное требование: писать так, «как звон требует», делая произношение абсолютным критерием правописания.

Тредиаковский переоценивал возможности фонетического принципа, и его высказывание интересно лишь для истории вопроса.

В современной науке нет ориентации на один только критерий произношения. В основу правописания положены морфологический, фонетический и исторический принципы. Тредиаковский пришел к грубо ошибочным выводам, чей же практики следует придерживаться, он пишет: «лучше полагаться... на знающих и обходительством вывеченных людей, нежели на нестройную и безрассудную чернь», не на «пахотников», т. е. крестьян, а на «учтивых граждан». Ориентацию на «мужицкий» язык он объявляет «заблуждением, которому родной отец есть незнание».

Стихотворение Горация дается только в переводе Тредиаковского, опуская латинский текст.

2. «Слово о витийстве» представляет собой выступление Тредиаковского в защиту родного языка. Полный текст заглавия: «Слово о богатом, различном, искусном и несотственном витийстве. Говорено почтеннейшим, благороднейшим, учнейшим профессором в Императорской Академии Наук Санкт-петербургской чрез Ваоилия Тредиаковского профессора публичного ординатного эдоквенции Российския и Латинския Л. Г. 1745, августа 12 дня. Переведено чрез него ж с Латинского его сочинения».

Уже из этого видно, какую борьбу за родной язык приходилось вести в то время писателям и ученым: даже «Слово о русском красноречии» приходилось сначала писать на латинском языке.

3. С современной точки зрения рассуждения Тредиаковского, как и приводимое им утверждение немецкого ученого-филолога, историка и педагога Христофора Целлария об истории языков не научны. Приводятся они как еще одно подтверждение борьбы Тредиаковского в деле отстаивания в науке русских национальных начал.

4. На самом деле такого свободного расположения слов в русском предложении нет. Решительное применение этого замечания Тредиаковского в его стихах ослабило их художественную и языковую выразительность.

А. П. СУМАРОКОВ

1. Под «разумной грамотой» понимается Сумароковым овладение слогом, речью, ясностью изложения.

2. Рассуждения А. П. Сумарокова по вопросам истории русского языка и других языков во многих случаях не научны. Но приводимый материал показывает постоянное стремление Сумарокова возвысить русскую культуру, русский язык, поставить их на свое по праву почетное место в жизни русского народа и народов Западной Европы, защитить родной язык от того, что ему может вредить, что его может портить.

Характерно и внимание Сумарокова к выразительности речи.

3. В цитируемом отрывке Сумароков доходит до отрицания всякой возможности обогащения своего родного языка за счет других языков. Следовательно, позиция его в этом вопросе ошибочна, ненаучна.

4. В первых строках «Эпистолы» Сумароков ведет полемику с Ломоносовым. Следует подчеркнуть, что он дает совершенно неверную общую характеристику поэзии Ломоносова, упрекая последнего за то, что он «влечет в Германию Российскую Палладу». Затем ясны не лишённые оснований выпады против Тредиаковского, который «слово в слово он в слог Русской переводит». Далее Сумароков излагает свои положительные взгляды, предостерегая писателей от возможных ошибок. Среди интересных правильных мыслей Сумароков высказывает общую для писателей-классиков объективно ошибочную мысль, что слова, «которые перед обществом бывают», «гораздо должны быть пышнее сложены». По поводу такого рода взглядов Сумарокова Ломоносов замечал, что Сумарокова интересует одно только «жалкое рифмачество».

5. «Взошло невежество на самый Геликон», т. е. невежество, безграмотность появились даже среди писателей.

6. Рассуждая о словах, взятых в русский язык из других языков, Сумароков стремится, за немногими исключениями, очистить от них русский язык.

Высказывание Сумарокова интересно самой его постоянной, настойчивой заботой о сохранении и возвеличении родного языка и затем интересно приводимым Сумароковым словарем живой, современной ему речи как с достижениями ее, так и с нелепостями, отпавшими в самом скором времени. Относительно большинства приводимых им слов он прав, и они исчезли из русского языка. Но в то же время целый ряд слов, вызвавших его гонение, прочно вошел в русскую речь.

7. «Челобитная Российской Мельпомены» напечатана впервые в 1760 г. Один из ярких исторических документов борьбы Сумарокова за русскую культуру и русский язык.

Н. И. НОВИКОВ

1. Помешаемые ниже отрывки из высказываний русских писателей о языке отличаются от высказываний Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова меньшей систематичностью в постановке и разрешении вопросов языка.

Писатели второй половины XVIII века (Новиков, Фонвизин, Крылов), не будучи учеными-филологами, в отличие от Ломоносова, Тредиаковского, затрагивали языковые проблемы в выступлениях по отдельным вопросам или группе вопросов, возникавших у них в связи с их художественной практикой или общественной деятельностью. Но даже и эпизодические высказывания их имеют большое значение для понимания языка, как средства художественной выразительности.

2. Борьба с «чужебесием», как говорили в XVIII веке, с рабским пристрастием ко всему иностранному, соединенным с пренебрежением к своему родному, русскому, — одна из основных и постоянных тем творчества Новикова. Борясь с языковым «чужебесием», Новиков возмущается и протестует не против «обогащения» русского языка заимствованиями из иностранных языков, а против модного тогда смешения двух языков, в котором собеседники даже отдельные предложения составляли частью из русских, частью из французских слов.

3. Изображение традиционного в то время отношения к литературному русскому языку в столичных дворянских кругах.

4. «Чужебесие» создавая пренебрежительное отношение к родному русскому языку, порождало безграмотность и невежество, что отмечает и с чем борется в своей сатире Новиков.

5. Настоящий отрывок представляет собой одно из полемических выступлений Новикова против императрицы Екатерины II. Ее он имеет в виду, говоря о «Всякой всячине».

6. «Письмо» к издателю «Кошелька», откуда взят приведенный отрывок, напечатано в 1774 г. С 1772 г. печаталась «Древняя Российская Вивлиофика или собрание разных древних сочинений, яко-то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев, издаваемых ежемесячно Николаем Новиковым», так что писатель, вводящий слово «Вивлиофика» — сам Новиков. «Les oeuvres de M^r. Lomonosoff» — Сочинения г-на Ломоносова (фр.).

Речь идет от лица отрицательного персонажа, таким образом для Новикова положительным является то, что порицается.

7. Сатирические образцы дворянского жаргона второй половины XVIII века, жаргона шеголей и шеголих.

8. Сатирический образец жаргона духовенства того времени.

9. «Л» — В. И. Лукин. Говоря о «предисловии», Новиков имеет в виду предисловия Лукина к его печатавшимся пьесам.

10. Сравни со «Словом о Ломоносове» в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Как для Новикова, так после для Радищева Ломоносов — предмет законной большой национальной гордости.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

1. Ср. с Предисловием к «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (наст. изд., стр. 14—15).

2. Державин так же, как и Ломоносов, переводил великих поэтов других стран, чтобы доказать, что на русском языке они ничего не теряют в звучности и выразительности своих стихов.

Богатейшие возможности русского поэтического языка он доказывал, переводя свои стихотворения.

3. Ср. с высказываниями Ломоносова (наст. изд., стр. 28).

4. «Комический оперист» — автор литературного текста комической оперы.

5. Державин превосходно владел народной речью и пользовался ею в своем творчестве. В то же время, не сознавая как следует силы своего народного языка, он стремился в какой-то мере поставить свою поэзию и свою речь в рамки теории трех штилей, правда, реформированной им, и тем ослаблял выразительность своего языка и поэзии.

Оды самого Державина как раз там особенно и сильны, где он обходится «без славянского языка извитий и глубокомыслия».

6. Превосходный, практически, знаток народного языка, Державин делает правильные наблюдения над устной народной поэзией.

7. Звукоподражательность, музыкальность поэтической речи Державина, — одна из сильнейших сторон его творчества. В этом направлении складываются и его теоретические интересы.

Н. М. КАРАМЗИН

1. Н. М. Карамзин, как и многие из его предшественников, ведет упорную борьбу за родной язык, нападает на «чужебесие», но в его высказываниях нет последовательного, принципиального обличения дворянского космополитизма, дворянского пренебрежения русским языком и русской культурой.

2. Карамзин, тонкий знаток и русского языка и его грамматики, высказывает правильные суждения об обогащении словарного состава русского языка. В определении роли и значения грамматических правил он исходит из учения Ломоносова, полагая, что правила языка не изобретаются, а существуют уже в нем.

Приводимые отрывки интересны в этом отношении.

3. Карамзин советует писателю для усовершенствования, для обогащения своего языка «совершенно узнать» родной язык, слушать разговоры «вокруг себя», «выдумывать, сочинять выражения».

Но что это значит: «вокруг себя»? — «В лучших домах», чтобы и писать затем так, чтобы светские женщины имели терпение их читать. Борьба Карамзина за точность словесного выражения является у него одновременно борьбой дворянина-крепостника против демократизации речи. Поэтому он протестует против таких слов как «пот», «погупленная» голова и т. д. Особенно характерны в этом отношении его возражения против слова «парень» и любование словом «пичужечка». Действительно, слово «пичужечка» в устах крестьянина того времени передает «покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу». Дворянскому сердцу Карамзина дорог именно «покойный» крестьянин, удовлетворенный своим крепостным положением. Слово же «парень» говорит Карамзину другое.

4. Comment vous portez-vous? — Как вы поживаете?

5. Pour un étranger, Monsieur, n'écrit pas mal! — Для иностранца господин пишет неплохо! (Прим. Карамзина.)

А. Н. РАДИЩЕВ

1. Первые три отрывка высказываний А. Н. Радищева о языке взяты из его философского трактата «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном в 1792—96 гг. Эти мысли просветителя-материалиста глубоко содержательны и интересны. Высоко оценивая силу воздействия литературы, силу воздействия революционных идей, Радищев перенес эти взгляды и в разрешение вопросов языка.

2. Радищев имеет в виду язык народный.

3. В цитируемом отрывке Радищев высказывает правильное суждение о форме русского стихосложения в 30—40-е годы XVIII века. Он полагает, что реформа была вызвана тем, что старое стихосложение было «несредно благогласию и важности языка нового».

4. Высказывание о «безрифмии», о засилии ямбов даны Радищевым от лица «пирного товарища», собеседника путешественника. Но от его лица Радищевым даётся и ода «Вольность» и «Слово о Ломоносове», так что его взгляды — это взгляды самого автора.

5. Глава «Слово о Ломоносове» завершает «Путешествие из Петербурга в Москву». Данные в ней высказывания особенно значительны. Радищев правильно называет Ломоносова первым «в стезе российской словесности», насадителем русского слова.

Высказывания Радищева как бы предохраняют от переоценки дворянских, в первую очередь, карамзинских теоретических суждений, от переоценки значения для русской литературы XIX века.

А. С. ГРИБОЕДОВ

1. В Уставе декабристской организации Союза Благочестия рекомендовалось при сочинениях и переводах «обращать особое внимание на обогащение и очищение языка». Все писатели-декабристы в своей деятельности настойчиво осуществляли это положение. Так, один из представителей декабристской литературы, член Коренной думы Союза Благочестия Ф. Глинка требовал «освобождать язык наш, столь же сильный и величественный, как и самый народ русский, от нашествия иноплеменных наречий». Ибо «Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия галлов и двенадцати языков; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых наречий в священных пределах словесности своей... Где во всей вселенной не говорят теперь о России? И где говорят языком ее?.. Имя Отечества нашего сияет славою немерцающею, а язык его безмолвствует!»

Стремление вывести «отечественный слог» на путь, соответствующий национальному сознанию, окрепшему в годы Отечественной войны 1812 г., призывы к фашизации народно-национальных основ родного языка определяли языковую политику и практику декабристов и Грибоедова.

2. Статья Грибоедова «О разборе вольного перевода Бюргеровской баллады «Ленора» была вызвана выступлением в печати Н. И. Гнедича со статьей «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора», направленной против П. Н. Катенина, напечатавшего перевод «Леноры» под заглавием «Ольга». Смысл катенинского перевода заключается в дискредитации принципов карамзинистов, жанра романтической баллады Жуковского, в попытках создания русской национально-самобытной баллады, в борьбе за народность в языке и стиле. Грибоедов стоит на той же позиции, что и Катенин.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

1. Из показаний Кюхельбекера по делу о декабристах. Одна из причин, по которой он вступил на путь борьбы с самодержавием и крепостничеством.

2. Поэзия Жуковского, как правило, ограничивается миром субъективных переживаний. Со второй половины 10-х годов XIX века он даже издает малыми тиражами для очень ограниченного круга читателей сборник: «Für venig» («Для немногих»), а элементы субъективного романтизма не только усиливаются, но и приобретают отчетливо выраженную религиозную окраску. Декабристская критика и Кюхельбекер решительно выступают против литературной позиции и художественной практики Жуковского и его подражателей за создание «для славы России поэзии истинно народной», поэзии высокого общественного содержания, за поэта-пророка, за борца за право и свободу человека.

3. После печатания в альманахе «Русская Галлия» на 1825 г. отрывков из «Горе от ума» реакционный критик М. А. Дмитриев выступил и против идейного содержания комедии и против языка «жесткого, неровного, неправильного». (См. Вестник Европы, 1825 г., ч. CX, № 6, стр. 111—115). С восторгом приветствовали комедию А. Бестужев и Вл. Одоевский. Известен отзыв Пушкина в письме к А. Бестужеву в конце января 1825 г. Кюхельбекер полностью солидаризируется с А. Бестужевым, Пушкиным и Одоевским.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

1. Бестужев выступает против Катенина, оказавшегося союзником Греча. Еще в 1819 г. в «Сыне Отечества» № 3, разбирая катенинский перевод трагедии Расина «Эсфирь», он осуждал Катенина за чрезмерную архаику, за смешение неупотребительной «заржавелой славящины», с простыми русскими словами. «Замечания на критику», — ответ Бестужева на статью Катенина об «Опыте краткой истории русской литературы» Греча, где Катенин заявил, что «Слово» написано белорусским наречием, а летописи «варварским языком». В ответе Бестужев категорически отвергает неверные заявления Катенина и считает, что собственно русский язык существовал «гораздо прежде XII века» и в летописях уже нужно искать «выражений слов и прихотей, родного языка».

2. В 1821 г. в «Соревнователе просвещения и благотворения» Бестужев напечатал статью о публичном чтении в Российской Академии наук, в которой, между прочим, очень сдержанно отозвался о речи А. Шишкова на тему «О древности и превосходстве русского языка перед другими в звуко-подражательном и логическом отношениях», а в «Сыне Отечества» сделал ряд критических замечаний и серьезных возражений. В борьбе за развитие современного литературного языка на всенародной основе писатели-декабристы, в том числе и Бестужев, высказали свой взгляд и на язык древней Руси. Шишков ответил Бестужеву «Письмом к издателю», на что Бестужев, в свою очередь, написал «Ответ на письмо к издателю». Писатель-декабрист решительно выступил против реакционной теории Шишкова, отказываясь видеть в старославянском наречии источник русского языка. Он с особой силой подчеркнул, что проблему литературного языка нельзя решать изолированно от языка эпохи, что русский язык в настоящее время ждет своего реформа-

тора и таковым будет великий писатель Пушкин. Бестужев, в противовес Шишкову, указывал на громадную роль писателей в развитии языка. «Писатели суть творцы языка (без коего нельзя и сочинять), а язык доставляет бессмертие времени и народу».

3. «Возражатель» — А. С. Шишков. В ссылке на историографа Бестужев имеет в виду речь Н. М. Карамзина, произнесенную им в собрании Российской Академии наук 5 декабря 1818 г.

4. Статья была напечатана в альманахе «Полярная Звезда» за 1823 г. Суждения, высказанные в ней Бестужевым о развитии русского языка, слишком общи и поверхностны. Цитата приводится потому, что основной пафос статьи — вера писателя в силу и сопротивляемость родного языка как языка литературы. В ней есть также верные наблюдения по вопросу о засорении русского языка иноязычными элементами.

5. Он — «Возражатель» — это А. Шишков.

7. Бестужев дает декабристское обоснование, почему нужно обращаться в современной поэтической практике к отдельным славянским словам. Из старославянского языка нужно, как из арсенала, брать только звучные слова, способные придать поэтической речи возвышенность и «громкость». В декабристской поэзии элементы старославянской лексики — одно из средств борьбы с салонным «языком» карамзинистов и одна из возможностей выражения свободолюбия.

6, 8. В обоих случаях Бестужев полемизирует с Шишковым. В цитируемых отрывках Бестужев ставит вопрос о необходимости создания отечественного философского языка, языка «ученой номенклатуры».

9. Под школами Бестужев имеет в виду «Беседу» Шишкова и «Арзамас» карамзинистов. По правильному утверждению Бестужева, язык надо обогащать, очищать, но не возвращать его к языку церковных книг, не превращать в жаргон, в «язык дворянского салона». Писателям в языковой практике нужно опираться на язык народа.

10. В творчестве Востокова довольно отчетливо проявились новаторские тенденции. Он стремится привить русскому поэтическому языку «национальный дух», «свободный и независимый». Реформа стиха шла по линии разработки неравномерных размеров, сложных строфических конструкций, особенно же в литературной обработке стиховых форм народной поэзии.

В «Опыте о русском стихосложении», высоко оцененном Пушкиным, Востоков дал и теоретическое обоснование русского народного стиха. Весь «механизм стиха» (тематика, образы, строфика, размеры) был направлен против лёгкой, жеманной поэзии карамзинистов, а равно и против стиховых штампов и строгой регламентации поэзии классицистов.

А. С. ПУШКИН

1. Черновики статьи «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанной в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. (вышел в свет 22 декабря 1827 г.), не вошли в ее беловой текст. Пушкин цитирует статью Вземского «Сочинения в прозе В. Жуковского», напечатанную в «Московском Телеграфе», 1826 г., № 5.

2. «Заметки и афоризмы разных годов» написаны в конце 20-х — начале 30-х годов. Приведенное высказывание относится к 1833 году. При жизни Пушкина большая часть не была напечатана.

3. В «Атенее» за 1828 г. № 4 был помещен разбор двух глав «Евгения Онегина». Пушкин написал возражение, но не напечатал, а отдельные замечания поместил в качестве примечаний при издании «Евгения Онегина».

4. «Метафизический язык... — язык философии, политики Пушкин, как явствует из высказывания, ставил и разрешал задачу создания единого, общенационального языка для всех отраслей науки и культуры. Неустанно совершенствуя поэтический язык, он дал и образцы языка прозы в широком смысле: рассказа, повести, исторического романа, рецензии, полемической

статьи, исторического исследования и т. д. вплоть до изумительного эпистолярного русского стиля.

5. Речь идет о статье Вяземского «О разборе трех статей, помещенных в записках, написанных Денисом Давыдовым» («Московский телеграф», 1825, № 12). В «Евгении Онегине» в гл. 3-й, строфе XXIX сказано: «Мне галлицизмы будут милы...» — смысл замечания см. примеч. 8.

6. В письме Пушкин имеет в виду И. В. Киреевского и его журнал «Европеец».

7. «Разбойники» — первый замысел поэмы, от которой остался отрывок («Братья разбойники»).

8. «Без грамматической ошибки... Пушкин восстает против «мертвой правильности», внешней безупречности, прилаженности языка эпигонской литературы 20—30-х годов. Но его заявление вовсе не обозначает пренебрежения к правильности в языке. Пушкин всегда настойчиво звал современных писателей учиться хорошо, правильно русскому языку, но для него истинная правильность, грамматические нормы определяются свойствами, духом родного языка.

9. В письме Пушкин говорит о трагедии Погодина «Марфа посадница». О языковой позиции Пушкина, выраженной здесь, см. примеч. 8.

10. Материал, приводимый в этом разделе, превосходно определяет позицию Пушкина в той борьбе, которая развернулась в первой четверти XIX века по вопросу о путях развития русского литературного языка. Пушкин — основоположник современного литературного языка. Он разработал и закрепил в литературе общенациональные нормы русского языка, обогатил и значительно приумножил достижения своих предшественников — выдающихся русских писателей — сокровищами живой разговорной речи народа. Он обогатил язык литературы огромным количеством слов, взятых из народной речи, сообщил нашему литературному языку дух народности. В последовательной и глубоко принципиальной борьбе по основным проблемам языка Пушкин считал родной язык, с его богатейшими возможностями, основой литературного языка, всегда защищал язык народа, как определяющий материал общенациональной, общелитературной нормы. Резко выступая против господствовавшего тогда в дворянской среде французского языка, он не менее решительно боролся и против пуризма «шишковистов», националистическая устремленность которых вывлялась в защите ими книжного, церковнославянского языка, как языка литературы.

Пушкин за то, чтобы не «мешать свободе богатого и прекрасного языка», он за обогащение языка, за расширение «иноплеменными словами» книжной и разговорной речи, в тех случаях, когда для обозначения некоторых предметов нет слов в коренном русском языке. Пушкин за свободу, за творческое дерзание, за смелость в языке; в лексике, в словообразовании, в сочетаниях, но он за свободу, оправданную природой и духом языка. Реформа же и нововведения, не соответствующие духу языка, по его мнению, столь же бесплодны, как и попытки удержать язык в каких-то определенных границах.

11. Здесь, как и в следующих двух отрывках, речь идет о поэме «Кавказский пленник», которая вышла в 1822 году.

В анонимной рецензии «Вестник Европы» (1823, СХХVIII, № 1) по поводу стихов:

Под влажной буркой, в саkle дымной
Вкушает путник мирный сон —

говорилось: «Ему бы легче скинуть влажную бурку и осушиться». Пушкин в антикритике, отвечая на это замечание, отстаивает правильность сказанного им. Он здесь, как и во всех приведенных нами отрывках, борется за ясность и точность словесного выражения.

12. Водопад — стихотворение Вяземского «Нарвский водопад».

13. Речь идет о комедии «Шекспировы духи». Письмо до Кюхельбекера не дошло в связи с событиями 14 декабря 1825 года.

14. Речь идет об ошибке Рылеева, допущенной им в думе «Олег Вещий». Об этом же писал Пушкин своему брату Ляву от 1 января 1826 года. Он

требовал, чтобы в произведении на историческую тему был воскрешен минувший век во всей его истине.

15. Пушкин имеет в виду отказ Карамзина от усложненных синтаксических конструкций, от архаической лексики и фразеологии шишковистов, стремление Карамзина к простоте и естественности в построении фразы и что последний, особенно в «Истории Государства Российского» часто пользовался простонародными элементами в языке. Но Пушкин не только не являлся сторонником теоретических принципов и языковой практики Карамзина, а, наоборот, в решительной борьбе с ними разрабатывал принципы реалистической стилистики.

Н. В. ГОГОЛЬ

1. Из цитируемых отрывков нетрудно убедиться, что Гоголь вслед за Пушкиным считал творцом и носителем языка народ. С благоговением, восторгом и любовью относился Гоголь к родному языку, с восхищением говорил о величии и мощи, красочности и многогранности, меткости русского слова, призывал собирать и изучать его сокровища.

Гоголь боролся за национально-самобытные основы литературного языка, за его демократизацию, за творческое обогащение и развитие лучших достижений речевой культуры народа, за использование всех богатств общенародного языка, его ярких самобытных средств и приемов выражения. Глубоко осознав роль писателя в развитии и совершенствовании языка, он неустанно напоминал об особой ответственности писателя при выборе и употреблении слов, требовал упорной работы над языком произведений и сам явил нам ее образцы.

А. И. ГЕРЦЕН

1. В этом и в ряде других высказываний Герцен протестует против схоластического языка, к которому прибегала наука, чтобы отгородиться от реальной жизни, и требует обращения к простому и точному языку.

2. Герцен говорит о том отрицательном влиянии, которое имела на него школа Юго с ее вычурным, перегруженным метафорами, изысканными сравнениями, усложненным синтаксисом языком.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

1. В этой статье, наряду с правильными суждениями В. Г. Белинского о связи языка и мышления, о том, что происхождение, развитие языка связано с процессом развития человеческого общества, с жизненной практикой людей, находим ошибочные положения, порою идеалистическую фразеологию («язык ...откровение»).

2. Здесь печатается отрывок из первой редакции статьи. Датируется предположительно.

3. Статья, из которой извлечен печатаемый нами отрывок, является ответом на статью Д. П. Голохвостова «Голос в защиту русского языка» («Москвитянин», 1845 г.), направленную против статьи В. Г. Белинского «Грамматические разыскания В. А. Васильева» (см. Собр. соч., т. 9, стр. 475).

4. Статья впервые опубликована К. Богаевской в «Литературном наследстве», т. 55, изд. Ак. Наук СССР, М., 1948. В т. 57 «Литературного наследства» принадлежность статьи этой В. Г. Белинскому оспаривается В. С. Спиридоновым (стр. 43—45).

5. Те же мысли высказаны В. Г. Белинским в статье «Николай Алексеевич Полевой» (т. 10, стр. 313), в статье «Сочинения Державина» (т. 8, стр. 78—79).

6. Те же мысли высказывает В. Г. Белинский в рец. «Сочинения Константина Масальского» (т. 9, стр. 288—289).

7 То же см. в статье первой «Сочинения Александра Пушкина» (т. 2, стр. 208).

8. То же в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (т. 10, стр. 391) и в статье четвертой «Сочинения Александра Пушкина» (т. 11, стр. 33).

9. См. примеч. 2.

10. Те же мысли высказаны В. Г. Белинским в статье «Русский театр в Петербурге» (т. 9, стр. 36) и в статье восьмой «Сочинения Александра Пушкина» (т. 12, стр. 83—84).

11. См. конкретизацию этого положения в анализе стихотворения А. С. Пушкина «Ненастный день потух» (т. II, стр. 385).

12. См. также анализ (в единстве содержания и формы) стихотворений М. Ю. Лермонтова: «Ребенку» (т. 6, стр. 47—48), «Казачья колыбельная песня» (т. 6, стр. 52—53) и поэмы «Мцыри» (т. 6, стр. 54—59).

13. То же см. в статье «Журнальные и литературные заметки» (т. 7, стр. 275—276).

14. Журнал «Библиотека для чтения». Издатель Сенковский.

15. Неправильный в синтаксическом отношении оборот речи.

16. Белинский, разумеется, был далек от отрицания пользы грамматики вообще. В своих работах он уделял много внимания не только словарному составу русского языка, но и его грамматическому строю. Белинский написал грамматику, выдвинув принципы упрощенной русской орфографии. Решительно выступая с критикой современных ему, но уже устаревших грамматик Васильева, Калайдовича, Греча и других, он утверждал, что судьба языка не может зависеть от произвола того или иного лица, что стражем, хранителем чистоты языка, является его создатель — народ.

Белинский считал также, что грамматика не есть нечто застывшее, что она должна корректироваться самой жизнью языка и в первую очередь языка великих писателей.

17. Аналогичные высказывания В. Г. Белинского в защиту Гоголя от нападок Сенковского, Булгарина и других см. в ст. «Журнальные и литературные заметки» (т. 7, стр. 274), «Александринский театр» (т. 9, стр. 278).

18. Об употреблении Пушкиным «прослых житейских слов» говорит В. Г. Белинский также в статье пятой «Сочинения Александра Пушкина» (т. 11, стр. 392—393).

19. Имеется в виду псевдоним критика журн. «Вестник Европы» — «Житель Бутырской слободы», написавшего резко отрицательный отзыв о поэме «Руслан и Людмила».

20. Во второй строчке В. Г. Белинский цитирует неточно; следовало: «Мы не слышали».

21. Речь идет о фельетоне, напечатанном в «Северной пчеле» Булгариным, которого высмеял П. А. Вяземский в басне «Хавронья».

22. Та же мысль высказана В. Г. Белинским в статье «Современные заметки» (т. 13, стр. 215).

23. Та же мысль высказана В. Г. Белинским в статье «Русская литература в 1840 году» (т. 5, стр. 491—492).

24. Та же мысль высказана В. Г. Белинским в статье «Русская литература в 1840 году» (т. 5, стр. 491—492).

25. В вопросе об архаизмах В. Г. Белинский так же не был педантом, как и в решении вопроса об употреблении иностранных слов. Он выступал против пуристического изгнания всех архаических слов из языка и против излишеств в их употреблении. В художественных произведениях он допускал архаизмы в том случае, если они имели определенную стилистическую функцию.

26. В. Г. Белинский говорит здесь о злоупотреблении, допускаемом некоторыми журналистами в написании заглавных букв в тех словах, которые этого же требовали грамматически.

27. Те же мысли высказаны В. Г. Белинским в статье «Литературная тяжба о сих и этих» (т. 3, стр. 303—304), в рец. «Сочинения Николая Греча» (т. 3, стр. 478).

28. А. С. Пушкин.
 29. То же см. в статье седьмой «Сочинения Александра Пушкина» (т. 12, стр. 39—41).
 30. Речь идет о повестях Н. Ф. Павлова.
 31. Здесь идет речь о повести Н. В. Гоголя «Нос».
 32. Хлестаков.
 33. Речь идет о повести Марлинского «Испытание».
 34. Речь идет о драме Н. Полевого «Елена Глинская».
 35. Критика. Имеется в виду критик типа Бранта, которого В. Г. Белинский неоднократно высмеивал.
 36. Нагромождение в литературном произведении излишних фраз и выражений.
 37. Белинский стремился к преобразованию схоластического в его время предмета — риторики — в живую науку о языке художественных произведений — стилистику.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

1. См. также рецензию «Графиня Полина», повесть Авдотья Глинки (т. 3, стр. 502—506).
 2. В дальнейшем Н. Г. Чернышевский отзывался о Григоровиче более отрицательно, особенно при сравнении его произведений с произведениями о народе писателей-демократов 60-х гг. См., например, статью «Не начало ли перемены?» (т. 7, стр. 855).
 3. Об архаизмах см. также в статье «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения» (т. 3, стр. 323) и в статье «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (т. 4, стр. 56).
 4. См. также рецензию: «Полное собрание русских авторов». Сочинение Василия Львовича Пушкина и Д. В. Веневитинова (т. 2, стр. 776—779).
 5. Это высказывание, хотя и ошибочное по существу, интересно как свидетельство внимания молодого Чернышевского к форме, языку художественного произведения.
 6. Первая редакция студенческой работы Н. Г. Чернышевского «О «Бригадире» Фонвизина» была впервые опубликована в собрании сочинений Н. Г. Чернышевского 1906 г., т. X.
 7. Вторая редакция студенческой работы Н. Г. Чернышевского «О «Бригадире» Фонвизина» была впервые опубликована в сборнике «Шестидесятые годы». Изд. АН СССР, 1940.
 8. Речь идет о пьесе А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье», опубликованной в журн. «Русский вестник», 1856, № 2.
 9. Речь идет о пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва», опубликованной в журн. «Отечественные записки», 1878, № 1.
 10. Речь идет о Н. А. Некрасове.
 11. См. также рецензию: «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований». Соч. Ор. Новицкого (т. 7, стр. 431); письмо О. С. Чернышевской 31-марта, 1878, т. 14, стр. 239.
 12. Перевод: «О, как я люблю!» «Увы!» «Ах!» «О, нет!»
 13. Эта глава (четвертая) настоящей статьи, запрещенная при жизни Н. Г. Чернышевского цензурой, была опубликована лишь в 1905—1906 гг. в собр. соч., т. 10, ч. 2.
 14. О переводах см. также письмо А. В. Захарьину, 15 января 1885 г. (т. 15, стр. 502), И. И. Барышеву, 28 апреля 1889 г. (т. 15, стр. 844—845), А. Н. и Ю. Н. Пыпиным, 29 марта 1884 г. (т. 15, стр. 455—458), Ю. Н. Пыпиной, 25 февраля 1884 г. (т. 15, стр. 452—453).
 15. См. также письмо М. Н. Чернышевскому, 7 марта 1881 г., т. 15, стр. 323.
 16. См. также рецензию: «Русская грамматика В. Классовского» (т. 3, стр. 588—589).
 17. Речь идет об учебнике В. Классовского «Грамматические заметки», который Н. Г. Чернышевский рецензировал в том же 1855 г. (т. 2, стр. 680).

17. Чернышевский отделяет филологию, как науку, от русского языка, как учебного предмета. Не снижая значения филологии — специальной области знания, он не считает необходимым делать ее предметом общего образования.

О предмете и методе филологического исследования см. в статьях Чернышевского: «Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских» (т. 2, стр. 324—325); «О средстве языка славянского с санскритским. Составил А. Гильфердинг». «Об отношении языка славянского к языкам родственным. Исследование А. Гильфердинга» (т. 2, стр. 412—419); «В воспоминание 12-го января 1855 г.» (т. 2, стр. 753—754); «История балтийских славян» А. Гильфердинга» (т. 3, стр. 543—545); в письмах: И. И. Срезневскому, 1851 г. (т. 14, стр. 219—220), А. Н. и М. Н. Чернышевским; 21 апреля 1871 г., 8 марта 1878 г. (т. 15, стр. 36; 193); М. Н. Чернышевскому, 1 апреля 1881 г. (т. 15, стр. 325); Ю. Н. Пыпиной, 21 января 1884 г. (т. 15, стр. 446—447).

Д. И. ПИСАРЕВ

1. Вопросы языка, его происхождения и истории, вопросы формы художественного произведения занимают большое место в статьях Д. И. Писарева. Он подчеркивает, что язык служит «средством для передачи мысли». В своих статьях он говорит о необходимости писать просто и ясно, не затемняя свою мысль витиеватыми выражениями, пышными фразами, запутанными оборотами речи. «Красота языка, — пишет он, — заключается единственно в его ясности и выразительности, то есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя («Реалисты»).

Большую силу писателя он видит в его умении проникнуть в «дух выводящего народа», «слиться с народом», «опереться на народ», говорить «устаами народа» («Мысли по поводу сочинений М. Вовчка»). С другой стороны, Писарев резко осуждает писателей, которые «характеризуют русского мужика, что он... говорит эфтог вместо эгот и коверкает иностранные слова», писателей, принимающих «тривиальность за народность» и «букет народности» видящих в искореняемых русских словах.

Писарев не раз говорил о необходимости овладения «всеми богатствами русского языка», для чего нужно тщательно изучать его с детства в «гимназиях и пансионах».

2. Основная цель языкознания, по мнению Писарева, «заключается в том, чтобы «представить ясное и верное понятие о слове, т. е. о способности человека выражать свои мысли и ощущения членораздельными звуками». Он считает необходимым глубокое проникновение ученым в начальный период создания языка, «сравнительное и историческое» изучение языков не только развитых, но и «самых нелепых и неразвитых».

3. Писарев осуждает в этой статье историков и филологов, изучающих «каждый факт отдельно», вне связи друг с другом и не пытающихся сделать обобщений.

4. Писарев придает огромное значение силе слова. Особенно он ценит писателей, сказавших новое слово, способное «двигать людей взгляд». Однако он недооценивает в этом отношении роли А. С. Пушкина, о котором он говорит, что «Пушкин — просто великий стилист и что усовершенствование русского стиха составляет его единственную заслугу перед лицом русского общества и русской литературы».

5. А. Т. Болотов (1738—1833) — ученый, писатель, мемуарист, один из основоположников русской агрономической науки. Широкою популярностью приобрели его автобиографические записи «Жизнь и приключения А. Болотова», описанные самим им для своих потомков».

6. Марко Вовчок — псевдоним писательницы М. А. Маркович (1834—1907). Писарев считает главным достоинством ее рассказов умение «придать... изложению наивность и прелесть народной речи».

7. Статья «Несоразмерные претензии» является рецензией на псевдо-народные рассказы А. Голицынского «Уличные типы».

8. Здесь Писарев имеет в виду выписку из сочинения «киевского мыслителя» Юркевича «Из науки о человеческом духе», перепечатанную в критическом отделе апрельской книжки журнала «Русский вестник» за 1861 г. из «Трудов киевской духовной академии». Сочинение это было направлено против статьи Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии».

Н. А. НЕКРАСОВ

1. В творческом наследии Некрасова нет прямых высказываний о языке. Но вопросы языка, формы художественных произведений постоянно волновали его, и суждения на эти темы разбросаны во многих произведениях, критических статьях и письмах Некрасова.

Некрасов продолжил великое дело, начатое А. С. Пушкиным, — дело приближения литературного языка к общенародному русскому языку. Он еще шире раздвинул границы литературного языка, пополнив его словарный состав из живого источника народной речи, введя в литературный обиход и слова деловой, газетной речи.

2. Некрасов был в дружеской переписке с Л. Н. Толстым. Он первый оценил по достоинству его талант и привлек к сотрудничеству в журнале «Современник». В письмах Толстому Некрасов останавливался и на вопросах формы художественных произведений.

3. Обличая писателей-реалистов, писателей-барышников, приносящих «истину в жертву корысти и самолюбию», Некрасов доказывает, что не будет забыта та деятельность, которая отмечена «стремлением к добру и правде, любовью к отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению».

4. В этой статье Некрасов дает тонкий анализ ряда стихотворений «второстепенных» поэтов и особенное внимание обращает на язык, на «напряженность тона и странную смесь простонародных выражений с книжными». Творчеству этих поэтов противопоставляет Тютчева, стихи которого «написаны были чистым и прекрасным языком, и многие носили на себе живой отпечаток русского ума, русской души... Каждое слово метко, полномерно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее».

5. Замечание Некрасова относится к комедии «Ольга» (писательница С. В. Энгельгардт 1824—1894), написанной на сюжет пословицы «Не так живи, как хочется, а так, как бог велит», опубликованной в декабрьском номере «Современника» 1854 г.

6. Некрасов высоко ценил талант А. Н. Островского, которого он считал «нашим, бесспорно, первым драматическим писателем». Вместе с Чернышевским он боролся против влияния на Островского славянофильской группы редакции журнала «Москвитянин»; позднее Островский порвал с группой «Москвитянина» и стал сотрудником «Современника» и «Отечественных записок».

7. В дневнике Л. Н. Толстой записал 25 октября 1853 г.: «Я начинаю жалеть, что слишком поспешно послал «зап. мар.». По содержанию едва ли я много бы нашел изменить или прибавить в них. Но форма не совсем тщательно отделана».

Позднее Некрасов изменил свое отношение к рассказу «Записки маркера»: «...в 1-м чтении он мне не понравился, о чем я и вам писал, но прочитав его недавно, спустя почти год, я нашел, что он очень хорош...» (Письмо Некрасова Л. Н. Толстому от 17 января 1855 г., т. X, стр. 217).

8. А. Ф. Писемский (1820—1881) — романист и драматург. В пятидесятые годы он примыкал к критическому «обличительному» направлению, в шестидесятые — перешел на реакционные позиции. Некрасов в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» отмечает, как большое достоинство, в рассказах из народного быта умение Писемского пользоваться народной

речью Так о рассказе «Плотничья артель» читаем: «...народный язык в этом рассказе удивительно верен». (Соч., т. IX, стр. 314.)

9. Ф. Ф. Корф (1803—1853) — второстепенный литератор, дипломат.

10. Н. И. Надеждин (1804—1856) — критик, издатель журнала «Телескоп». В рецензии Некрасова речь идет о его повести «Сила воли», опубликованной во втором томе «Ста русских литераторов».

11. К. П. Павлова (1810—1894) — поэтесса и переводчица, представительница «чистого искусства», «мотыльковой поэзии», по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рецензируемая Некрасовым поэма «Рассказ Лизы» есть часть ее большой поэмы «Кадриль».

12. Замечание Некрасова относится к стихам Волковой, напечатанным в журнале «Отечественные записки», 1855, № 7:

Когда среди толпы веселой и беспечной,
Вам тайну высказав души чистосердечной...

13. В. Г. Бенедиктов (1807—1873) — модный в 30-х годах поэт, представитель эпигонского романтизма. Бессодержательность, пошлость и стремление к внешним эффектам характерны для его произведений.

14. П. А. Каратыгин (1805—1879) — популярный в сороковые годы актер и водевилист. Некрасов имеет здесь в виду его водевил «Булочная, или петербургский немец» (1843).

15. Роман Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» остался неоконченным. Первые четыре главы были опубликованы в журнале «Современник», 1855, № 1. Рукопись части произведения, не опубликованная при жизни Некрасова, была найдена позднее и опубликована в 1928 г. сначала отдельными отрывками в периодической печати, а затем с первыми четырьмя главами в книге: Н. Некрасов «Тонкий человек» и другие неизданные произведения, М., «Федерация», 1928.

16. Некрасов всегда проявлял живой интерес к меткому народному слову. Однако местные, областные слова, диалектизмы очень редки в его произведениях. Так, полюбоившееся ему слово Новгородской губернии «паморха» в стихах не использовано. Поэт писал общенародным русским языком, неизменно очищая его от диалектизмов.

17. Письмо явилось ответом на просьбу директора Киевской военной гимназии П. Н. Юшенова разъяснить смысл стихов:

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы.

(Некрасов «Несжатая полоса»).

18. Автор рецензируемой Некрасовым книжки «Воскресные посиделки» — В. П. Бурнашев, реакционный журналист и беллетрист сороковых годов, составитель ряда книг для детского и «народного» чтения. Крепостник и монархист, он писал тяжелым, псевдонародным языком, обнаружив полное незнание народной жизни. Его книжки резко критиковал В. Г. Белинский. Некрасов посвятил разбор «Воскресных посиделок», вышедших отдельными выпусками, три рецензии («Литературная газета», 1844, № 8, № 18 и № 26).

19. Фельетон Некрасова полемически направлен против письма-рецензии на «Воскресные посиделки» В. Бурнашева, напечатанного в журнале «Эконом» (1844, т. VII) от имени помещика «Тихвинянина». Некрасов считал автором этого письма самого Бурнашева, беззастенчиво рекламирующего таким образом свою книжку. Фельетон Некрасова совпадает по содержанию с его рецензией, напечатанной в «Литературной газете», 1844, № 26. Подробный разбор и критику «Воскресных посиделок» дал в журнале «Отечественные записки» (1844, № 4) В. Г. Белинский.

Поэта глубоко возмущали так называемые книги для народа, — «серобумажная макулатура», — не только убожеством содержания, но и надуман-

ностью, искусственностью языка, засорением произведений, предназначенных для народа, псевдонародными словечками, искажением великого, могучего русского языка.

20. И. Г. Зыков (1827—1889) вместе с Некрасовым организовал школу для крестьянских детей в селе Абакумцево Ярославской губернии. Был долгие годы учителем в этой школе. Некрасов состоял с ним в переписке, помогая ему в работе деньгами и советами.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1. Основой литературного языка Салтыков считал народную речь, общенародный русский язык. Он сам чутко прислушивался к живой речи русского народа и вводил ее в свои художественные произведения. Писатель высмеивал составителей псевдонародных книжек, которые «сюсюкают и приседают», выдают за народный язык неправильные обороты речи, испорченные и областные слова.

С негодованием отмечал он способность реакционных писателей «испоганить» чудесное, живое русское слово, покрыть его «слизью», превратить его в орудие грязных целей.

Считая, что «литература и пропаганда — одно и то же», Салтыков всегда говорил об огромном воспитательном значении литературы. Резко обрушивался он на «мотыльковую», «чижиковую» поэзию представителей «чистого искусства», уводящих литературу от насущных задач действительности, от жизни народа в «высоты надзвездные».

2. Повесть «Тихое пристанище» осталась незаконченной и при жизни Салтыкова не печаталась. Писатель работал над этой повестью в 1862 г. По письмам его видно, что в 1865 г. он снова вернулся к этой работе. Впервые повесть была опубликована только в 1910 г. в «Вестнике Европы», №№ 3 и 4.

3. Д. Д. Минаев (1835—1889) — поэт, активный сотрудник сатирического журнала «Искра», близкого по идейным позициям к «Современнику».

4. «Клейменым словарем» (т. е. признанным официально) Салтыков называет обычный для либеральной и консервативной публицистики различных оттенков набор красивых слов, маскирующих гнусный смысл обозначаемых ими понятий. Этому «клеяменому» словарю Салтыков противопоставляет «неклеяменный», «подоплечный», демократический словарь, задача которого — вскрыть истинную суть, подоплеку «клеяменого» словаря.

5. Я. П. Полонский (1820—1898) — поэт. Разбору его сочинений Салтыков посвятил несколько рецензий. Он называл Полонского писателем «второстепенным и несамостоятельным», эклектиком, который «берет дань со всех литературных школ, не увлекаясь их действительно характеристическими сторонами, а ограничиваясь сферами средними, в которых всякое направление утрачивает свои резкие особенности». (Соч., т. VIII, стр. 373.)

6. Благородные мысли писателей революционно-демократического лагеря Салтыков противопоставляет здесь «паскудным» мыслям реакционеров.

7. Салтыкову пришлось жить и творить во времена злейшей реакции и цензурного террора. Подобно другим революционным демократам (Чернышевскому, Добролюбову, Некрасову), ему приходилось маскировать свои мысли и доносить их до читателя, прикрывая их «хитрым покровом» аллегорий. С глубокой горечью писал о себе великий сатирик: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный». («Мелочи жизни», введение.)

Сатирику приходилось говорить с читателем эзоповым, то есть иносказательным языком, который он называл «рабым». Читатель того времени был воспитан на чтении «между строк» и хорошо понимал язык намеков, иносказаний и многозначительных умолчаний.

8. Очерк «Литераторы-обыватели», вошедший в «Сатиры в прозе», раскрывает истинную суть либеральной «обличительной» литературы, направившей свой удар против отдельных частных недостатков, а не против самых существенных зол общественной жизни — устоев самодержавно-бюрократического государства.

9. Салтыков постоянно разоблачал истинный смысл «идеалов» реакционеров и либералов. В ряде произведений сатирик показал, что «патриотизм» господствующих классов означает лишь желание урвать кусок побольше от общественного «пирога» и переводится девизом «жрррать!!»; охрана «священного» права собственности выражает намерение отнять у «ближнего» «целковый»; либеральное стремление к «постепенному прогрессу» является действием «применительно к подлости», в результате которого от «идеалов» одна «мразь» остается.

Острым оружием сатиры Салтыкова в этой борьбе было раскрытие истинного смысла либеральной и консервативной фразеологии, прикрывавшей красивыми словами гнусную сущность «идеалов». В этом разделе собран ряд высказываний сатирика на эту тему.

10. Андрей Печерский — псевдоним писателя-этнографа П. И. Мельникова (1819—1863). Псевдонародным языком в особенности отличаются его ранние рассказы: «Дедушка Поликарп», «Старые годы», «Медвежий угосл».

11. Полное название брошюры: «О русской правде и польской кривде. Писано ко всем православным христианам из царствующего града Москвы, в лето от сотворения мира 7371, от рождества же бога слова 1863, нулия в 15 день, на память святого равноапостольнаго князя Владимира, в святом граде Киеве народ русский святым крещением просветившего. Москва, 1863».

Автор брошюры не установлен. Резкая рецензия Салтыкова на эту брошюру была запрещена цензурой и при жизни сатирика не печаталась. Впервые опубликована в советское время.

Рецензия совпадает по содержанию и основным мыслям с рецензией Салтыкова на подобную же псевдонародную брошюру кн. В. В. Львова (1804—1856) «Сказание о том, что есть, и что была Россия, кто в ней царствовал, и что она происходила». Спб., 1863. В этой рецензии Салтыков писал: «Уже одно то, что все эти «сочинители» прискивают какую-то особенную манеру, чтоб разговаривать с народом, что они, нисколько не церемонясь, говорят своим читателям: «посмотрите, как я искусно притворяюсь!» — избличает в них людей, худо понимающих ту личность, к которой они обращаются, и притом совсем не таких глубоких хитрецов, какими они себя почитают».

И. А. ГОНЧАРОВ

1. Это высказывание Гончарова обращает на себя внимание тем, что в нем очень ярко подчеркнуто огромное значение языка в формировании наций, в народной жизни вообще, наконец, в построении будущего общества.

2. С. А. Толстая — жена писателя-драматурга А. К. Толстого.

3. Е. А. Нарышкина — светская поэтесса и писательница.

Гончаров по просьбе С. А. Толстой познакомился с романом, написанным Е. А. Нарышкиной. Свой отзыв о нем он изложил в письме к автору, которое было утеряно, и в письме к С. А. Толстой, цитируемое Нарышкиной в своих «Воспоминаниях».

4. Статья «Миллион терзаний» — одна из лучших критических статей Гончарова, раскрывающая оригинальность и глубину его критических взглядов. Объяснение заглавия дает сам Гончаров: «Я только привожу в заглавии его (т. е. Чацкого) слова, как мотив, как главный звук, выражение его горя, составляющего содержание пьесы» (Гончаров — М. М. Стасюлевичу 1 марта 1872 г.).

5. Гончаров, высоко оценивая трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов», одновременно указывает на ее несценичность. Он не сумел вскрыть

наличествующего в трагедии истинного «единства действия», как единства события и не понял новаторства Пушкина в вопросах драматургии.

6. П. А. Валуев — автор великосветского романа «Лорин». В своих письмах к Валуеву Гончаров подробно разбирает его роман, показывая, как он далек от реализма и является лишь типичным великосветским романом, содержание которого не отражает подлинной действительности.

И. С. ТУРГЕНЕВ

1. См. И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Орел, 1940, стр. 155.

2. А. Фет. Мои воспоминания, ч. 2, стр. 237.

Л. Толстой высказывал мысль о том, что для выражения сложных и тончайших душевных переживаний человека, «диалектики» его души, нужен какой-то особый язык.

Против искусственного создания такого особого стиля и возражает Тургенев.

3. «Новый мир», 1930, № 2, стр. 215. Письмо к А. Топорову написано по поводу книги С. Венгерова «И. С. Тургенев», изданной в 1875 г.

4. Там же.

5. Там же.

6. «Русская мысль», 1886, № 12, стр. 77.

7. «Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 474.

8. Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1885, стр. 261. Речь идет о стихотворении Я. Полонского «Вакханка и сатир».

9. Там же, стр. 141—142. Речь идет о стихотворении «Миазм», которое первоначально было напечатано в «Вестнике Европы» под заглавием «Покинутый дом». Советы Тургенева Полонский выполнил.

10. Там же, стр. 160—161. Речь идет о стихотворении «Полярные льды». Впервые опубликовано в сб. «Снопы». Полонский изменений не внес.

11. Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1885, стр. 227.

12. См. примеч. 1.

13. Первое собрание писем И. С. Тургенева — стр. 261.

14. В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. «Academia», 1930, стр. 165. Речь идет о драме А. Н. Островского «К. З. Минин», см. также интересный отзыв Тургенева в письме к Ф. М. Достоевскому от 2/14 марта («История одной вражды». Переписка Достоевского с Тургеневым. Изд. «Academia», 1928, стр. 32—33).

15. Шукинский сборник, вып. 8, стр. 368.

16. «Русское обозрение», 1894, № 4, стр. 518.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Замечательный художник слова, А. Н. Островский почти не оставил теоретических высказываний о своем мастерстве в области языка, об использовании им народной речи, но он проявил глубочайшее понимание и знание русского языка, широко используя в своем творчестве накопленный им богатейший запас слов и выражений.

Об интересе Островского к языку народа свидетельствует его работа по созданию волжского словаря.

1. Мысовская, А. Д. — поэтесса, жившая в Нижнем Новгороде. Переписка Мысовской с Островским возникла в связи с ее желанием переделать в оперное либретто «Снегурочку» для нижегородского композитора К. Д. Клочкова, на что она просила разрешение автора.

2. Е. Тур — писательница (псевдоним Е. В. Салиас). В статье об ее повести «Ошибка» Островский, развивая взгляды Белинского, пишет об обличительном характере передовой русской литературы.

3. Бурдин Ф. А., артист Александринского театра, друг Островского, с которым он был в постоянной переписке.

4. Письмо написано по поводу пьесы Островского «Не все коту масленица».

5. «Застольное слово о Пушкине» было произнесено Островским 7 июня 1880 г. на обеде Московского общества любителей российской словесности во время торжества по случаю открытия памятника Пушкина в Москве.

6. Дамич А. Ф. закончил начатое Н. В. Гербелем издание сочинений Шекспира в переводе русских писателей.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1. Имеются в виду известные труды И. М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». «Новый сборник русских пословиц».

2. В предисловии к роману А. П. Эртеля «Гарденины...» Л. Н. Толстой, отмечая умение писателя использовать народный язык, несомненно преувеличивает его языковое мастерство. Однако в предисловии дана блестящая оценка свойств народного языка. К этой теме Толстой возвращается неоднократно (сравни письмо к Н. Н. Страхову).

3. Волапук — искусственный международный язык, изобретенный в 1881 году и не нашедший применения; употребляется для обозначения набора пустых, бессодержательных фраз.

4. Толстой резко выступал против декадентов, критикуя бессодержательность их произведений, погоню за внешней красотостью и вычурностью языка.

5. Цитируя Ламартина, французского поэта-романтика, Толстой протестует против условного языка романтической поэзии.

А. П. ЧЕХОВ

1. Приводимые здесь высказывания А. П. Чехова дают возможность понять позицию писателя-реалиста, борющегося на два фронта: против натурализма в языке и против изысканности. Они проясняют также требования Чехова-художника к языку художественного произведения, как к элементу формы.

2. Это высказывание А. П. Чехова, на первый взгляд не имеющее прямого отношения к языку, однако, интересно тем, что здесь писатель выступает, как и в других случаях, за четкость терминологии, точность понятий, выраженных в слове.

3. Один из примеров борьбы Чехова-реалиста с декадентами.

4. См. также письма Е. М. Шавровой 17 мая 1895 г. (т. 16, стр. 247), 20 ноября 1896 г. (т. 16, стр. 395).

5. «Мушки» — мелькание в глазах.

6. Речь идет о повести А. С. Суворина «В конце века».

7. См. также письмо А. С. Суворина 23 декабря 1888 г. (т. 14, стр. 257—258).

8. Речь идет о пьесе А. П. Чехова «Леший», над которой первоначально Чехов работал с Сувориным.

9. То же см. в письме А. С. Суворину 15 ноября 1888 г. (т. 14, стр. 234).

10. См. также письма А. С. Лазареву-Грузинскому 1 ноября 1889 г. (т. 15, стр. 424—425), А. С. Суворину 7 декабря 1889 г. (т. 14, стр. 448).

11. См. также письмо А. Н. Плещееву 13 ноября 1888 г. (т. 14, стр. 232).

12. См. также письма Ал. Чехову 6 апреля 1886 г. (т. 13, стр. 203), А. С. Суворину 18—23 декабря 1889 г. (т. 14, стр. 454—455), А. Н. Плещееву 23 января 1888 г. (т. 14, стр. 23).

В. Г. КОРОЛЕНКО

1. Дневник, т. I, ГИЗ Украины, 1925, стр. 128.

Короленко выступает против «теорий» русских последователей буржуазного ученого «позитивиста» И. Тэна, объяснявших развитие искусства расово-этнографическими, географическими, климатическими и социальными условиями, понимаемыми в духе вульгарного материализма. В своей кри-

тике «объективизма» И. Тэна и его учеников Короленко показал, что их взгляды фактически вели к отрицанию активной общественной роли литературы и языка в борьбе и развитии человечества.

2. Избранные письма, т. 3. М., ГИХЛ, 1936, стр. 168—169. То же самое Короленко почти дословно повторяет в письме к А. К. Лозина-Лозинскому от 16 января 1916 г., опубликованном в книге Е. Балабановича «В. Г. Короленко». М., Гослитмузей, 1947, стр. 143—149.

3. Цитируемый отрывок из неизданного дневника 1904 г. опубликован в 3-м т. Избранных писем В. Г. Короленко. М., ГИХЛ, 1936, стр. 169—170.

4. Дневник (1881—1893), т. 1. ГИЗ Украины, 1925, стр. 249.

5. Избранные письма, т. 1. М., изд. «Мир», 1932, стр. 79. В сознании Короленко любовь к родине была неразрывно связана с горячей любовью к русской литературе, любовью к родному языку, который он высоко ценил.

6. Из статьи «О патриотизме». См. примеч. 1, т. 4, стр. 335.

7. Полное посмертное собрание сочинений, т. L. Письма, т. I. ГИЗ Украины, 1925, стр. 195. Речь идет о драматических сценах «Денежки не родня» Северной.

8. См. примеч. 7 т. LI. Письма, т. II, стр. 28.

9. См. примеч. 8, стр. 47. Речь идет о рукописи рассказа Н. Хохлова «Куда деваться?»

10. См. примеч. 8, стр. 60. Речь идет о произведении М. Е. Селенкиной.

11. А. Б. Дерман. «Писатели из народа и В. Г. Короленко». По материалам архива В. Г. Короленко. Харьков, Книгосплка, 1924, стр. 119.

12. «Русское богатство», 1900, № 5. Отдел «Новые книги», стр. 28—29.

13. См. примеч. 1, стр. 81—82.

14. См. примеч. 2, стр. 75. Речь идет о рассказе С. Н. Мидовского «На поповом дворе».

15. См. примеч. 11.

16. См. примеч. 2, стр. 161. Очерки С. П. Подъячева «По этапу» напечатаны в 5-й книге «Русского Богатства» за 1903 г.

17. См. примеч. 2, стр. 189. В начинающем авторе Короленко видел эпигона Л. Андреева (см. запись в редакторской книге, опубликов. там же, стр. 190).

18, 19, 20. См. примеч. 2, стр. 210—211, 221, 62.

21. Там же, стр. 141. Рассказ Д. Я. Айзмана «Алтып» был затем по указаниям Короленко переработан и появился в 7-й кн. «Русского Богатства» за 1902 г. под названием «Приятели».

Короленко всегда решительно выступал против языкового натурализма, засорения литературной речи диалектизмами и культивируемыми некоторыми декадентскими группками жаргонами. Его советы и указания сыграли положительную роль в деле преодоления натуралистических излишеств в языке с некоторыми писателями — «знаньевцами» (напр. Д. Я. Айзманом и С. Юшкевичем).

22. «Русское Богатство», 1904, № 4. Отдел «Новые книги», стр. 53. В. Г. Короленко выступает против модернистских извращений литературного языка.

23. Полное собрание сочинений, т. V. Изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1914, стр. 378—379. Речь идет об «Отрывках из повести» С. Юшкевича «Еврей».

24. «Русское Богатство», 1904, № 9. Отдел «Новые книги», стр. 91. Резкая оценка Короленко романа немецко-польского писателя-декадента С. Пшибышевского направлена и против его русских эпигонов и реакционной критики, поднявшей на щит этого типичного представителя «модернизма». В русском переводе «Ното sariens» Короленко отметил черты космополитического пренебрежения к родному языку, вызывавшие всегда его возмущение. В своих воспоминаниях «Время Короленко» А. М. Горький приводит запомнившийся ему совет Короленко: «Иностранные слова надо употреблять только в случаях совершенной неизбежности, вообще же лучше избегать их. Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли» (М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 15, М., ГИХЛ, 1951, стр. 14).

25. См. примеч. 13, стр. 14. Короленко подверг критике черты натурализма и декадентских влияний в произведениях А. Гольдубаева.

26. «Каторга и ссылка». 1929, кн. 12(61), стр. 125—126: Речь идет о повести В. В. Муйжеля «На краю жизни».

27. См. примеч. 2, стр. 198—199, 26.

28. См. примеч. 2, стр. 4.

29. Письма 1888—1921, изд. «Время», 1922, стр. 162.

30. См. примеч. 2, стр. 158.

31. См. примеч. 2, стр. 26.

32. «Русское Богатство», 1901, № 6. Отдел «Новые книги», стр. 86.

33. См. примеч. 23, стр. 382.

34. См. примеч. 16, стр. 27—28.

35. См. примеч. 2, стр. 72, 148.

36. См. примеч. 24, стр. 94.

М. ГОРЬКИЙ

1. «служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого» — речь идет о письме И. С. Тургенева от 27/28 июня 1883 г., в котором он просил Л. Толстого вернуться к литературной деятельности. Тургенев писал: «великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе!» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1885, стр. 537.)

2. В 1932—1934 гг. М. Горький выступил с рядом статей, направленных против натурализма в литературном языке, против засорения речи диалектными, жаргонными и маловыразительными словами. Горький утверждал, что целый ряд писателей неправильно понимает работу над словом, и в качестве иллюстраций указывал на небрежность языка в произведениях известных советских литераторов. Высказывания Горького вызвали в писательской среде оживленную дискуссию. В ней приняли участие М. Шолохов, А. Толстой, А. Серафимович, Л. Леонов и другие. Выступления Горького были поддержаны партией. Статья «О языке» была впервые опубликована в газете «Правда», 18 марта 1934 г., № 76, с большим послесловием «От редакции», в котором подчеркивалось огромное социальное значение борьбы за чистоту и ясность языка; за высокое художественное мастерство советской литературы. «Правда» отмечала большую заслугу Горького в этой борьбе «за очищение языка», за хороший, чистый, доступный миллионам, действительно *народный* язык литературных произведений.

3. М. Горький вспоминает «Русский язык» И. С. Тургенева.

4. В цикле лекций о русской литературе XVIII—XX вв., прочитанном в 1909 г. на Капръ для русских рабочих, Горький уделил значительное внимание характеристике языка классических произведений.

5. В 20-е годы М. Горький резко выступал против нигилистического отношения к классическому наследию, проявленного рапповцами, левовцами и формалистами. Борьба Горького за специфику литературы, требование освоить основные законы художественного мастерства и многообразие художественных приемов, выработанных старыми мастерами слова, опирались на выступления В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам культурного наследия, на политику партии в области литературы и искусства. Горьковский призыв учиться у писателей-классиков художественному мастерству сыграл большую роль в деле воспитания молодых советских литераторов. Горький постоянно обращал внимание писателей на единство формы и содержания, на тесную связь слова с мыслью, идей произведения. Освоение литературной техники мыслилось им как вдумчивое изучение этого единства.

6. Письмо к А. Серафимовичу написано в связи с обсуждением вопросов языка в 1934 году, которое было вызвано появлением статьи М. Горького «По поводу одной дискуссии». В этой статье писатель выступил против засорения литературы провинциализмами и, в частности, против неправильного отношения Ф. Панферова к языку. Серафимович взял под свою защиту

творческую практику Панферова. Статья Серафимовича «О писателях «оближенных» и «неоближенных» («Литературная газета», 6 февраля 1934 г., № 13) вызвала приводимый ответ Горького. Выступление Горького против Серафимовича было поддержано М. Шолоховым и А. Толстым (см. также примечание 2-е).

7. Статья М. Горького «О бойкости», также написанная в связи с дискуссией о языке, была впервые опубликована в газете «Правда», 28 февраля 1934 г., № 58.

8. «Чтобы словам было тесно, мыслям — просторно» — слова Н. Некрасова («Подражание Шиллеру») часто приводятся в статьях Горького, посвященных вопросам художественного мастерства.

9. Поль Фор и Поль Клодель — французские поэты-символисты. В своих статьях Горький горячо боролся с отношением к языку писателей-декадентов. Так, в годы реакции он писал в статье «Разрушение личности» о буржуазной литературе: «Все тоньше и острее форма, все холоднее слово и беднее содержание, угасает искреннее чувство, нет пафоса». (Собрание сочинений, т. 24, стр. 68). Также горячо боролся Горький с проявлениями эстетского и формалистического отношения к слову и после 1917 года.

10. В. С. Курочкин и Д. Д. Минаев — поэты сатирического журнала «Искра» (1859—1873), мастерски владевшие пародийным жанром.

11. Статья «О том, как я учился писать» написана в ответ на многочисленные обращения молодых писателей к Горькому с вопросами о его литературной учебе.

12. М. Горький упоминает книгу А. Меромского «Язык селькора», М., 1930. Автор этой книги — сотрудник «Крестьянской газеты» — выступил с обобщением своих наблюдений над языком селькоровских заметок. Им было выдвинуто следующее положение: «селькоровский язык обладает такими ценностями, которые в состоянии освежить языковую систему нашей литературы». Горький подверг критике книгу Меромского, так как высказанные им взгляды разделялись многими литераторами той поры. Усвоив марровское учение о классовости языка, они выступали в защиту диалектизмов и просторечий, как средства обновить литературный язык, созданный в прошлом, по их утверждению, «привилегированным меньшинством», «дворянской интеллигенцией». Борясь с марровцами, Горький не раз указывал в своих выступлениях на тесную связь литературного языка с языком общенациональным.

13. М. Горький упоминает книгу Д. Лаврухина «По следам героя». Л., 1930.

14. Цитата из романа Ф. Достоевского «Подросток», часть первая, глава 2.

15. К. И. Чуковский рекомендовал переводчикам читать для обогащения своего словаря Даля, Лескова, Мельникова-Печерского, Г. Успенского.

16. М. Горький цитирует по памяти отрывок из «Степи» А. Чехова почти дословно.

А. Н. ТОЛСТОЙ

1. Доклад «О драматургии» А. Н. Толстого был сделан им на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 27 августа 1934 г., 8 сентября прочитан на ленинградской конференции писателей, в том же году опубликован отдельным изданием.

2. Статья «Нужна ли мужицкая речь?» — отклик А. Н. Толстого на дискуссию о языке, развернувшуюся на страницах газет в 1934 году в связи с обвинениями А. М. Горьким Ф. И. Панферова в засорении русского литературного языка диалектизмами. А. Н. Толстой полностью разделял взгляды А. М. Горького. Статья напечатана в «Литературной газете» с подзаголовком «Продолжаем обсуждение вопросов, выдвинутых А. М. Горьким в письме А. С. Серафимовичу» (16 марта 1934 г., № 27).

3. Статья «Родина» была откликом писателя на приговор Военной коллегии по делу агентов троцкистско-бухаринской банды. Впервые напечатана в газете «Известия», 14 июня 1937 года.

4. «Родина» — одна из лучших военно-публицистических статей А. Н. Толстого, написанных в годы Великой Отечественной войны. Глубокая идейность и высокий патриотизм соединяются в ней с мастерством языка. Впервые опубликована в газете «Правда» и «Красная звезда», 7 ноября 1941 года.

5. Речь идет о дьяках XVII в., которые записывали показания обвиняемых в государственных преступлениях во время допроса и пыток.

6. Статья «Ответ Ильенкову» характеризует позицию А. Н. Толстого во время дискуссии о языке 1934 г. (см. примеч. 2). В. Ильенков выступил со своей статьей «Откровения А. Н. Толстого», напечатанной в «Литературной газете» (28 марта 1934 г., № 38). А. Н. Толстой призывал советских писателей к борьбе за чистоту, выразительность и правильность литературного языка.

7. Бодуэн де Куртене И. А. — лингвист, автор многих работ по языкознанию и славянской филологии. Редактировал новое издание «Толкового словаря» Даля.

8. Архивы Тайной Канцелярии и Преображенского приказа, раскрытые перед А. Н. Толстым «сокровища русского языка», были напечатаны в «Известиях Императорского Томского университета» (книга XXXVI) в 1910 г. под заглавием «Слово и дело государевы» (процессы до издания «Уложения Алексея Михайловича 1649 г.»).

Не оспаривая утверждения писателя о значении материалов, собранных в указанной книге, нельзя не отметить положительного влияния на язык Толстого и других литературных памятников («Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума», произведений народной словесности).

9. Нельзя согласиться с А. Н. Толстым, полагавшим, что русская литература до конца XVII века пользовалась давно умершими формами церковнославянского языка. Сатирические и бытовые повести XVII века, а также «Житие» и «Послания» протопопа Аввакума опровергают точку зрения писателя.

10. Заявление А. Н. Толстого, противоречащее предыдущему, будто уже в эпоху Петра I церковнославянский язык умирает, неточно. Язык церковнославянский не преобладает, а сохраняется еще во многих литературных памятниках XVIII в.

Ошибочно и другое высказывание А. Н. Толстого о том, что литературный язык XVII века «был в значительной степени тепличным».

11. Уделяя большое внимание борьбе за чистоту, ясность, точность литературно-художественного и газетного языка, А. Н. Толстой так же, как М. Горький, М. Шолохов, К. Федин, выполнял важнейшую директиву партии, проявлявшей большую заботу о языке советской печати и художественной литературы. (Заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка», 1924 г., письмо И. В. Сталина, В. М. Молотова и А. А. Андреева «Всем членам редакции «Комсомольская правда» 1925 г., речь М. И. Калинина, обращенная к деревенским корреспондентам, 1925 г., редакционная статья ЦО «Правда» во время дискуссии о языке в 1934 г. и др.).

В. В. МАЯКОВСКИЙ

1. Цитируемые отрывки свидетельствуют о глубоком понимании Маяковским активной роли художественного слова, его мощного воздействия на жизнь. Особо подчеркивает он свойство художественного слова переживать свою эпоху, существовать века. Позиция Маяковского противостояла антинаучным вульгаризаторским теориям о необходимости создания особого «пролетарского» языка советской литературы и нигилистическому отношению к языку классиков.

2. В отрывках, органически связанных друг с другом (раздел: «О величии и богатстве русского языка»), Маяковский решает вопрос о роли и значении русского языка для других народов. Он высоко ценил красоту, богатство, выразительность русского языка. Относясь с уважением к языкам различных народов, указывая, что Великая Октябрьская социалистическая ре-

волюция создала все условия для развития и расцвета национальных языков, поэт вместе с тем обращается к юношеству с призывом овладеть тем языком, которым разговаривал Ленин.

Маяковский понимал, какое огромное международное значение приобрел русский язык, язык самой передовой страны мира. Он страстно протестовал против низкопоклонства перед буржуазной культурой, против увлечения иностранными языками, которое было характерно для некоторых кругов советской интеллигенции.

3. Маяковскому всегда была чужда антимарксистская теория классового происхождения языка. Он считал, что язык создается народом, а не отдельными классами. В языке народа поэт видел основу литературного языка и решительно осуждал все попытки оторвать язык литературы от живого разговорного языка народа.

4. Маяковский посвящает борьбу за точный, гибкий, выразительный язык наибольшее количество высказываний по вопросам языка. Он протестует против засорения поэтического языка туманными или мистическими выражениями.

5. Поэт протестует против легкомысленного отношения к работе над языком (брать те слова, которые сами лезут в уши), с гневом обрушивается на все случаи небрежной работы над словом, борется против попыток ограничить язык поэзии узким кругом особых «поэтических формул» и выражений. Он за более широкое, но и умелое использование в языке литературы тех слов, которые бытуют в народной среде.

6. Выражение «нами лирика в штйки неоднократно атакована» содержит протест поэта против чуждой народу безидейной эстетской лирики.

7. Маяковский понимал, что общенациональный язык непрестанно развивается и совершенствуется и язык литературы не может не отразить этого. Он утверждал, что имеют право на существование те слова, которые служат для выражения нового содержания или новых оттенков старого содержания. Маяковский обосновывал право художника на создание новых слов. Однако, его позиция противостоит вульгаризаторским требованиям произвести революцию и в языке, выработать новые языковые нормы.

8. Высказывания Маяковского о языке классиков относятся к тому времени, когда в литературе были сильны порочные теории о необходимости осуществления революции в языке и создании особого пролетарского языка. Маяковский вместе с Горьким наносил сокрушающие удары по нигилистическому отношению к языку классиков. Подчеркивая, что советская литература принимает как свое законное наследие языковое богатство классической литературы, он призывал писателей к вдумчивому и упорному его изучению и освоению.

Д. А. ФУРМАНОВ

Высказывания Д. А. Фурманова относятся к тому времени, когда были сильны вульгаризаторские теории и псевдоноваторские попытки создать особый язык пролетарской литературы.

Фурманов категорически протестует против формалистических теорий «самовитого» слова и эстетского отношения к языку, против тех, кто пытается искусственно, в стороне от развития общенародного языка выработать новые языковые нормы. С другой стороны, он борется и против порочного понимания народности языка.

1. Высокая оценка языка писателей-классиков и настойчивый призыв учиться у них методам работы над словом приобретали особое значение в обстановке начала 20-х годов (см. примечание к главе В. В. Маяковский, наст. изд., стр. 451).

Н. А. ОСТРОВСКИЙ

1. Статья Н. Островского «За чистоту языка» явилась откликом писателя на дискуссию о языке художественных произведений, начатую А. М. Горьким.

Заслуга Н. Островского заключалась в том, что он одним из первых оценил огромное значение борьбы за чистоту, богатство и выразительность литературного языка, которые последовательно велись А. М. Горьким. В своей статье писатель затрагивает значительные проблемы языка художественной литературы и решает их с горьковских позиций.

А. А. ФАДЕЕВ

1. Фадеев четко сформулировал один из основных критериев оценки языка художественных произведений — критерий его народности, сказал о необходимости борьбы за яркую индивидуальность языка каждого художника.

2. Фадеев очень широко ставит вопрос о принципах работы писателя над языком художественного произведения и развивает мысль, что, даже не создавая новых слов, художник, умело используя богатства общенационального языка, может создать новаторское, в языковом отношении, произведение.

3. Высказывание о Толстом показывает, что советским писателям было чуждо нигилистическое отношение к языку классической литературы. Вместе с тем, оно же и помогает нам оценить значение Толстого в творческом формировании А. Фадеева.

К. А. ФЕДИН

1. В высказываниях К. Федина обобщены результаты его многолетнего и вдумчивого изучения языка разных социальных групп, языка классической и советской литературы, а также опыт его писательской работы. Со своими статьями по вопросам языка он выступил в эпоху засилья в советском языкознании порочных языковых теорий. В решении ряда языковедческих проблем он уже тогда стоял на правильных позициях и продолжал ту борьбу за чистоту и богатство языка советской литературы, которую вел М. Горький.

2. Подчеркивая единство формы и содержания в художественном произведении, Федин отвергает технику во имя техники и доказывает, что подлинное мастерство в искусстве связано с большим идейным содержанием. Особенно ценны высказывания писателя о формализме, в которых раскрываются идейные основы этого направления и характеризуется тот вред, который оно может принести литераторам.

3. Писатель, учитывая огромную роль газеты в жизни нашей страны, доказывал необходимость повышения требований к языку газеты на многомиллионные читательские массы и одновременно подчеркивал, что газета может явиться школой политического воспитания и совершенствования мастерства писателя.

По вопросу о сущности языкового новаторства в художественной литературе особенно ценно замечание о том, что языковое новаторство нельзя отождествлять с обязательным внесением в литературу новых слов и выражений. И что новаторским по языку может быть произведение, в котором писатель, не обогащая литературу новыми словами, в то же время умело использует богатство общенационального языка.

Федин на протяжении всей своей литературной деятельности выступал против поэтической стилистики и принципов языковой практики различных декадентских группировок. Особое значение в литературной обстановке 30-х годов имела его глубокая и всесторонняя критика языковых принципов футуризма.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

М. В. ЛОМОНОСОВ

Язык как средство общения	13
Богатство и выразительность русского языка	14
Вопросы истории русского языка	15
Изменяемость языка	—
Значение церковнославянского языка в развитии русского лите- ратурного языка	16
Вопросы грамматики	19
О знаменательных частях человеческого слова	—
Правописание и произношение	21
Язык и литература	22
Неисчерпаемые возможности русского языка в поэзии	—
Роль писателя в борьбе за изучение словесных наук	28
За высокую культуру речи	29
О путях проникновения иноязычных слов в русский язык	—
Против засорения русского языка иностранными словами	30

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Язык как средство общения	31
Решающее значение живой речи и роль традиций в развитии литературного языка	—
О любви к родному языку	32
Вопросы истории русского языка	36
О происхождении русского языка	—
Вопросы грамматики	—
Порядок слов в предложении русского языка	—
Правописание и произношение	—
Обучение юношества грамматике и риторике	37
Язык и литература	38
Борьба за усовершенствование и чистоту родного языка	—
Неисчерпаемые возможности русского языка в поэзии	39
Об изучении иностранных языков	40
О переводах	—

А. П. СУМАРОКОВ

Язык как средство общения	42
Богатство русского языка	—
Вопросы истории русского языка	43
Изменяемость языка	—

Консерватизм Сумарокова в вопросе обогащения словарного состава языка	43
Вопросы грамматики	—
Язык и литература	44
Борьба за чистоту и национальную самобытность русского языка .	—
За краткость — против „красивой“, пустой фразы	47
Против засорения русского языка иностранными словами	48
О переводах	52

Н. И. НОВИКОВ

Язык и литература	53
За родной язык, как язык литературы	—
Борьба за грамотность, за изучение родного языка	55
Против языкового „чужебесия“	56
Против языкового „лженоваторства“	59
Новиков о слоге Ломоносова	60

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Язык как средство общения	61
О богатстве и выразительности русского языка	—
Язык и литература	62
За краткость — против „красивой“, пустой фразы	—
О языке гимна, оды, комических опер, песен	63
О языке и стиле старинных народных русских песен	—
Работа писателя над языком и стилем	64
О переводах на русский язык	64

Д. И. ФОНВИЗИН

Язык и литература	65
Об обогащении русского языка	—
Об ораторском искусстве в России	66
Против пышных фраз	—
Сатира на дворян, которые, „говоря по-русски, заикаются по-французски“	68

И. А. КРЫЛОВ

Язык и литература	69
Народное слово — меткое; выразительное слово	—
Борьба за „низкий“ слог	—
О языке сценических произведений второй половины XVIII века	70
Против „красивой“, бессодержательной фразы	—
Против языкового „чужебесия“	71

Н. М. КАРАМЗИН

Язык как средство общения	72
Богатство и выразительность русского языка	73
Вопросы грамматики	74
О словарном составе и грамматике русского языка	—
Язык и литература	77
О русском языке как языке литературы	—
Против языкового „чужебесия“	79
О переводах с иностранных языков и языковом новаторстве . .	80

А. И. РАДИЩЕВ

Язык как средство общения	81
Роль языка в развитии человечества	—
О богатстве русского языка	83
Преподавание на родном языке обогащает национальную культуру	—
Язык и литература	—
За общенародный язык как язык литературы	—
О разных стихах российскому языку свойственных	84
О новом значении слов	—
О значении изучения иностранных языков	—
О грамматике М. В. Ломоносова	86
О языке произведений М. В. Ломоносова	87
О значении наследия М. В. Ломоносова для развития русской литературы	—

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

А. С. ГРИБОЕДОВ

Язык и литература	91
За национальный язык, за самобытную национальную культуру	—

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Язык — средство общения	99
Богатство и выразительность русского языка	—
Вопросы истории русского языка	—
Язык и литература	103
За развитие родного языка как языка литературы	—

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Вопросы истории и развития русского языка	106
О богатстве и выразительности русского языка	108
Язык и литература	109
Борьба за создание единого национального языка литературы и науки	—
Роль писателя в совершенствовании русского литературного языка	110

А. С. ПУШКИН

О богатстве и выразительности русского языка	113
Вопросы истории русского языка	—
Об устойчивости русского языка	—
О словарном составе языка	114
Вопросы грамматики	115
Язык и литература	116
Народный язык — основа и источник языка литературного	—
Соотношение разговорного и литературного языков	117
За самобытные, национальные основы литературного языка	118
О творческой смелости и новаторстве художника	120
Борьба против „салонного языка“ карамзинистов, против „славянощины“ шишковистов	123
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	124
О языке и слоге некоторых писателей	131

Н. В. ГОГОЛЬ

О богатстве и выразительности русского языка	133
Язык и литература	135
Об ответственности писателя в обращении со словом	135
За самобытные, национальные основы литературного языка	—
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	136
Против „языкового жаргона“	137
О языке и слоге некоторых писателей	138

А. И. ГЕРЦЕН

О богатстве и выразительности русского языка	140
Язык и литература	—
За точность и ясность словесного выражения	—
О языке народа	142
Об „эзоповом“ языке	—

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Язык как орудие мышления	143
О языке — национальном, общенародном достоянии	144
Богатство и выразительность русского языка	—
Развитие русского литературного языка	145
Роль Ломоносова в развитии русского литературного языка	146
О языке современников Ломоносова	147
Роль Карамзина в развитии русского литературного языка	—
О языке современников Карамзина	150
Роль Пушкина в развитии русского литературного языка	153
О языке современников Пушкина	155
Развитие русского литературного языка после Пушкина	156
О языке художественных произведений	157
О единстве содержания и формы	—
О языке и слоге	159
Против лженародности и „салонного“ жаргона	162
За правильное использование иностранных слов в русском языке	166
Об архаизмах и архаическом слоге	172
О введении новых слов, новых оттенков слов	175
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	176
О речи персонажей, о языке рассказчика, о языке драматических произведений	182
О языке критических работ	191
О принципах перевода с иностранного языка	192
О грамматике русского языка и о принципах обучения грамматике и стилистике	194

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

О языке — национальном, общенародном достоянии	201
Богатство и выразительность русского языка	—
О языке художественных произведений	203
Против лженародности и „салонного“ жаргона	204
Об архаизмах	208
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	210
О речи персонажей и языке рассказчика в художественном произведении	213
О необходимости соответствия системы стихосложения особенностям национального языка	216
О работе писателя над художественным произведением	217
О языке и слоге некоторых писателей	219
О языке литературы для детей	221

О языке критических работ	221
О языке научных трудов	223
О языке переводов	—
Об изучении родного и иностранного языков	225
О научном и учебном курсе русской грамматики	226

Н. А. ДОБРЮЛОВ

О богатстве и выразительности русского языка	230
Язык устного народного творчества	—
Язык и литература	232
Об общенародных основах языка писателей-реалистов	—
За простоту и ясность поэтического языка	—
Против аристократического жаргона	236
О речевой характеристике героя	—
О языке литературы для детей	237
О требованиях к языку перевода	—
Против схоластики и рутинности в преподавании и учебных пособиях	238

Д. И. ПИСАРЕВ

Язык как средство общения	240
Язык и литература	241
О языке произведений некоторых писателей	242
О языке научно-популярных работ	244
Об изучении родного русского языка в учебных заведениях	246
О необходимости изучения живых иностранных языков	247
О работе над переводом	—

Н. А. НЕКРАСОВ

Язык как средство общения	248
Язык и литература	—
Вопросы формы художественного произведения	—
О языке художественных произведений	250
Меткость и образность народной речи	253
О языке книг для народа	254
О необходимости изучения русского языка в школе для крестьянских детей	255
О работе над переводом	256

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Язык и литература	257
Народный язык — основа языка литературного	—
Вопросы формы художественных произведений	258
Об „эзоповом“ языке	259
О лицемерной фразеологии, маскирующей реакционные мысли	261
О языке книг для народа	265
О языке перевода	267
О светском жаргоне	269

И. А. ГОНЧАРОВ

О значении национального языка в жизни народа	270
Язык и литература	271
О языке и слоге некоторых писателей	—
О речи персонажей в художественном произведении	274

И. С. ТУРГЕНЕВ

О богатстве и выразительности русского языка	275
Язык и литература	276
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	276
О языке и слоге некоторых писателей	280

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Язык и литература	282
Истинная художественность языка произведения в верности действительности	—
О силе, красоте, яркости народного языка	—
О языковом мастерстве	283

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Язык как средство общения	285
Язык и литература	286
За самобытные, национальные основы литературного языка	—
За чистоту языка, за ясность, точность выражения	287
О мастерстве писателя	288
Против злоупотребления иностранными словами	289

А. П. ЧЕХОВ

Язык как орудие мышления	291
Язык и литература	—
За чистоту языка, за ясность и точность выражения	—
О краткости	294
О вульгаризмах	—
Против лженародности	295
О провинциализмах, диалектизмах	—
О канцеляризмах	296
Об употреблении иностранных и редких слов	297
Против шаблонных слов, однообразных и искусственных оборотов	—
О музыкальности слова, фразы	298
О языковых особенностях различных жанров	299
О языке драматических произведений	301
О работе писателя над языком художественного произведения	304
О внимании к устной речи. Об искусстве слова	306
О языке критических работ	307
О языке научных трудов	308
Об упрощении русской орфографии	—
Об изучении иностранных языков	—

В. Г. КОРОЛЕНКО

Язык как средство общения	309
Неразрывная связь слова и мысли	310
О любви к родному языку	—
Язык и литература	311
Художественное слово как средство выражения сущности явления	—
Народный язык — основа языка литературного. Против злоупотребления диалектизмами и жаргонами	—
За краткость и выразительность художественного слова	312
Против натурализма и декадентских извращений слова	314
Работа писателя над языком художественного произведения	316
О языке и слоге некоторых писателей	317
О языке переводов	318

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

М. ГОРЬКИЙ

Язык как общественное явление	321
О богатстве и выразительности русского языка	325
Язык и литература	326
Язык — инструмент писателя	—
Связь слова с мыслью, идеей произведения	327
Народный язык — основа и источник языка литературного	330
Роль фольклора в развитии литературного языка	332
Борьба за ясность и чистоту русского языка	334
За простоту и точность выражения	336
Музыкальность. Благозвучие	343
О подлинном и ложном новаторстве в области языка	346
Борьба с натурализмом в языке. Диалекты и жаргоны.	
Арханзмы	352
О иноязычных словах	354
Авторская речь	356
Речь персонажей	357
Язык драмы	359
Язык как средство типизации	361
Язык детской литературы	362
Язык переводов	363
О языке писателей-классиков	—
Мастера литературного языка	365

А. Н. ТОЛСТОЙ

Язык — орудие мышления	371
Богатство русского языка	—
Народ — творец языка	372
Язык и литература	—
Народный язык — основа литературного языка	—
За простоту, точность и ясность языка	373
Работа писателя над языком художественного произведения	375
Борьба с формализмом и натурализмом	377
Против засорения русского языка иностранными словами	379
Из истории русского литературного языка	—
О языке классиков	380
О языке детских книг	382
О языке газет	—

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Язык как орудие борьбы	384
О величии и богатстве русского языка	385
Язык и литература	387
Народный язык — основа и источник языка литературного	—
Работа над языком художественных произведений	—
Борьба за чистоту языка, за ясность и точность словесного выражения	392
О языковом новаторстве	395
Об архаизмах	397
Против засорения русского языка иностранными словами	398
О языке произведений классической литературы	401

Д. А. ФУРМАНОВ

Единство языка и мышления	402
Язык и литература	—
О языковом новаторстве	—
Против псевдоноваторства и псевдонародности	403
Работа над языком художественного произведения	—
О языке персонажей художественного произведения	404
О языке писателей-классиков	—
О языке некоторых советских писателей	405

Н. А. ОСТРОВСКИЙ

Писатель в борьбе за чистоту, ясность и выразительность языка художественных произведений, за искусство высокой эстетической значимости	406
---	-----

А. А. ФАДЕЕВ

Язык и литература	409
О национальном языке как форме национальной литературы	—
О языке народной поэзии	—
Работа писателя над языком художественных произведений	—
Борьба за чистоту языка, за ясность и точность словесного выражения	411
О языковом новаторстве	412
Против псевдоноваторства	413
Об архаизмах	—
О языке писателей-классиков	—
О вкладе советских писателей в развитие русского языка и языков других народов	416
О недостатках языка некоторых советских писателей	—

К. А. ФЕДИН

Единство языка и мышления	418
Язык и литература	419
О работе писателя над языком художественных произведений	—
О языковом новаторстве	423
О диалектизмах	424
О языке критика	426
Примечания	427

Русские писатели о языке.

Редактор *И. А. Кряжмилская*. Художник *М. И. Разулевич*
Художеств. редактор *В. Б. Михневич*. Технич. редактор *В. А. Макрушин*
Корректоры *Р. К. Павле* и *М. Г. Дешалин*.

Подписано к печати 30/VII 1955 г. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 28,75.
Уч.-изд. л. 26,03. Тираж 100 тысяч. М-42369. Цена 9 р. 05 к. Заказ № 548.

Ленинградское отделение Учпедгиза. Ленинград, Невский пр., 28.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
4-я тип. им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.